

**ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИСТОРИЯ
НАРОДОВ РОССИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
И ДОКУМЕНТАХ**

Выпуск 7

**Москва
2016**

Б 042(02)1

В седьмом выпуске продолжающегося издания Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН публикуются материалы, которые выполнены в ходе работы над исследовательским проектом «Этнические элиты в национальной политике России» по гранту РГНФ. В центре внимания авторов находятся этническая политика и положение этнических сообществ в России и СССР: трансформация традиционных элит в Российской империи XVII – начала XX в.; участие этнических элит в политической и общественной жизни России, их идейные искания; формирование новой, советской элиты в национальных регионах (союзных республиках) СССР. Кроме того, специальному изучению подвергнуты вопросы религиозной политики и идеологической ситуации в империи.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук В.В. Трепавлов (*отв. ред.*),
канд. ист. наук К.С. Дроздов, канд. ист. наук Дж.Я. Рахаев

Рецензенты:

д-р ист. наук И.В. Зайцев,
д-р ист. наук Н.М. Рогожин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Седьмой выпуск сборника включает статьи, подготовленные в основном сотрудниками Центра истории народов России и межнациональных отношений Института российской истории РАН. Большинство статей написано в ходе работы над исследовательским проектом «Этнические элиты в национальной политике России» по гранту Российского гуманитарного научного фонда, в рамках целевого конкурса РГНФ «Государственная национальная политика и межнациональные отношения». Результат проекта предполагается в виде коллективной монографии, а пока его участники представляют в настоящем сборнике некоторые предварительные результаты исследований этнических элит России.

Выстраивание отношений центральной власти с политическими и интеллектуальными элитами народов, входящих в состав государства, всегда было и остается одним из важнейших принципов внутренней политики России. Формирование многонациональной державы на протяжении нескольких столетий осуществлялось именно посредством разнообразного сотрудничества и кооперации русских и неславянских элитных социальных страт.

В работах, представленных в сборнике, исследуются различные аспекты этой обширной темы:

– трансформация традиционных элит в Российской империи XVII – начала XX в.: статьи Н.Е. Бекмахановой (Казахстан), А.В. Белякова (сибирские татары), Л.С. Гагаевой (Северный Кавказ), Дж.Я. Рахаева (Грузия);

– участие этнических элит в политической и общественной жизни России, их идейные искания: статьи В.Я. Гросула (Молдавия), А.В. Марчукова (Украина), Э.П. Федосовой (Прибалтика), документальная публикация А.А. Ганич и Дж.Я. Рахаева (Грузия);

– формирование новой, советской элиты в национальных регионах (союзных республиках) СССР: статьи Д.А. Аманжоловой (Казахстан), К.С. Дроздова (Украина, Белоруссия).

Статьи А.Е. Локшина, В.В. Трепавлова и Т.А. Филипповой посвящены вопросам религиозной политики и идеологической ситуации в империи, что также косвенно связано с основной темой сборника.

Д.А. Аманжолова

**ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
УПРАВЛЕНЦЕВ КАЗАХСТАНА В 1920–1930-е ГОДЫ:
ДИНАМИКА И КОНТЕКСТ***

Автор анализирует динамику численности и структуры управленческого класса Казахской АССР в 1920–1930-е годы. Становление советской государственности на примере этнического оформления и реструктуризации правящего класса КАССР, становящегося органической частью номенклатуры СССР, отражает динамику политической культуры и амбивалентный характер советской этнополитики. Показаны особенности и значение политики большевизации и коренизации. Обсуждается степень и масштабы ее унификации или модификации под воздействием этносоциальных факторов и особенностей, новационных и инерционных черт политической культуры казахской бюрократии.

***Ключевые слова:** Казахская АССР; этнополитическая элита; советские управленцы; коренизация; большевизация; национальная политика.*

D.A. Amanzholova

**ETHNOSOCIAL DATA MANAGEMENT
KAZAKHSTAN IN 1920–1930^S:
DYNAMICS AND CONTEXT**

The author analyzes the dynamics of the size and structure of the administrative class of the Kazakh Autonomous Soviet Socialist Republic in 1920–1930^S. Formation of the Soviet state an example of ethnic design and restructuring of the ruling class KASSR becoming an integral part of the nomenclature of the USSR, reflects the dynamics of the political culture and the ambivalent nature of Soviet ethnic policy. The author consid-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-14001а(ц).

ers the features and the importance of policy bolshevization and indigenization. Discusses the extent and scope of its unification or modification under the influence of ethno-social factors and features, novation and inertial features of the political culture of the Kazakh bureaucracy.

Key words: *Kazakh Autonomous Soviet Socialist Republic; ethno-political elite; Soviet managers; Bolshevization; Indigenization; national policy.*

Динамика численности и структуры

В рамках советской системы впервые в новейшей истории все крупные народы, получившие национально-государственные образования, институционализировали этничность в политическом и административно-территориальном пространстве страны. Принципиальное значение имела радикальная смена критериев формирования этнополитических элит и чиновничества в целом. В то же время решительно возросла его роль в силу революционных преобразований всей социальной реальности¹.

Сама система органов власти и управления, в отличие от дореволюционной, становилась намного более сложной и разветвленной. Все звенья необходимо было наполнить количественно, обеспечить преобладание в них представителей самоопределившегося этноса и одновременно мало-мальский профессионализм, совместив с преобладанием рабочих и крестьян в составе управленцев, преимущественно коммунистов. При этом острая нехватка образованных кадров, особенно национальных, была объективно обусловлена².

К 1917 г. в корпусе управленцев Казахстана представители коренного населения были сосредоточены на должностях волостных управителей, младших чиновников особых поручений областных управлений, толмачей, письмоводителей областных и уездных управлений и др. Умение читать и правильно растолковать соплеменникам русскоязычные официальные документы было важным компонентом профессиональной компетентности должностных лиц местного управления и высоко

ценилось в обществе³. Часть старого чиновничества привлекалась большевиками к управлению⁴. В социальном плане главным ресурсом формирования властной элиты поначалу стала интеллигенция, прежде всего представители движения Алаш. Однако сведения о численности и составе интеллигенции и уровне образования казахов на начало XX в. не полны⁵. Высшее и незаконченное высшее образование имели около 100 казахов, около 700 окончили гимназии, прогимназии, училища и учительские семинарии. По переписи 1926 г. грамотность казахов составляла 6,9%⁶.

Численный состав управленцев определялся, прежде всего, совокупностью органов власти. Они строились по всему СССР единообразно: региональные и местные съезды советов избирали руководство, которое входило в исполкомы (губернские и областные, уездные и районные, волостные и сельские-аульные). Постепенно их состав разрастался в соответствии с народнохозяйственными секторами и социальной инфраструктурой места. Роль посредников-аткаминеров* и переводчиков стали играть активисты общественных организаций, санкционированных властью. Выборные органы профсоюзов, комсомола, Кошчи**, общества «Долой неграмотность» и т.д. строились аналогично советским. Наиболее важными были профсоюзы (в т.ч. советских работников) и комсомол, аппараты которых возглавляли коммунисты – избранные лидеры организаций, штатные сотрудники, входившие в состав партийной номенклатуры.

В республиканской парторганизации, как основе управленческого класса, в 1920–1921 гг. было 7 руководителей губкомов, секретари 44 уездных, 23 районных, 10 подрайонных городских и 50 волостных комитетов РКП (б) – 134 чел. К 1925 г. после территориальных изменений и определенного упорядочения структуры региональное и местное партруководство

* Аткаминеры (букв. «на коне») – волостные и аульные должностные лица, в советское время так называли местных активистов.

** Кошчи (букв. «пахарь») – союзы сельской бедноты, действовавшие в республиках Средней Азии и Казахстане в 1921 – начале 1930-х годов.

объединяло 214 чел. (8 секретарей губкомов и глава Каракалпакского обкома, 36 уездных, 16 районных, 153 волостных комитетов). Состав обкома партии с 1921 по 1925 г. вырос с 14 до 28 чел. Кроме секретарей (первый и второй – в 1923 г. не избирался), 4 функциональных отдела имели 6 подотделов и 5 секторов, штат их вырос от 30 до 50 чел. Соответствующие отделы создавались в парткомах всех уровней, при отделах работали разные коллегии и комиссии, с 1922 г. – инструкторы. Важную роль играли контрольные комиссии – республиканская, областные и губернские (1921–1934 гг.), причем республиканская выросла с 5 чел. до 53 в 1925 г. и 75 в начале 1930-х годов⁷.

На 3-й партконференции в 1922 г. в состав обкома были избраны 11 членов, в ОблКК вошли 3 члена и 2 кандидата, в ревкомиссию – то же. В республике было 6 губкомов, 27 укомов и 15 райкомов партии. При этом в составе управленцев было «из ученых 662 работников 217 киргиз, из них 15 краевого, 67 губ., 135 уездного, из них часть на губернской работе. 20% из учетных киргиз занято в партаппарате, 11% в органах Наркомпроса, 17 в губ. и уездных исполкомах, 14% в отделениях управления, 10% в органах юстиции». Большевизация и коренизация проводились одновременно. Более 1200 депутатов 3-й партконференции составляли казахи⁸.

Назначение партийцев на государственные и общественные должности, как система, утверждается в 1923 г., когда Оргбюро ЦК приняло постановление «О назначениях», где определялся строгий порядок учета и распределения коммунистов, управленцев высшего и среднего звена, назначаемых сверху по согласованию с секретариатом ЦК партии и ОГПУ. В октябре 1923 г. ЦК определил основные задачи учетно-распределительной работы⁹. 16 ноября 1925 г. Оргбюро приняло новое положение о порядке подбора и назначения работников и переработанные номенклатуры должностей¹⁰. В целом в 1920-е годы произошла унификация партийных структур, они были построены по функциональному признаку и составили ядро управленческого класса. Он включал в себя и руководство хо-

зяйственных органов. В 1920–1925 гг. в КАССР работали 11 наркоматов, СНХ, Управление почтой и телеграфом, ЧК. При правительстве были Центральное статуправление (1925 г.), Промышленное бюро, Госплан, Экоосо, СТО и т.д. – по аналогии с общероссийскими и союзными. В 1926 г. вместе с СНК и КазЦИК наркоматов и управлений было 23, в 1932 г. – 15 наркоматов и основных краевых органов. При наркоматах создавались всевозможные ведомства¹¹.

Административно-территориальные трансформации сопровождались реорганизацией всех управленческих звеньев и конфликтами, в основе которых были не только притязания местных руководителей на овладение пространством, но и объективные проблемы – смешанный состав населения, сложные межрегиональные хозяйственные взаимосвязи, традиционное разделение труда и ресурсов и т.д. Создание округов вместо областей, затем районирование с ликвидацией системы область-уезд-волость приводило к новым трудностям и даже дезорганизации. В конце XIX в. на территории Казахстана было 6 областей и губерний с 29 уездами и 1 отделом¹². За 1924 г. после неоднократных реформ в КАССР вместо 46 уездов осталось 35, вместо 1127 волостей – 552, число служащих сократилось на 45%. В Актюбинской губернии «в результате районирования получилось не приближение, а значительное отдаление от населения соваппарата»¹³. В 1924 г. Учраспред ЦК РКП (б) учитывал 325 губернских ответработников в КАССР¹⁴. Посредством мобилизаций, перебросок и внутренних перемещений, как правило, оперативно ликвидировался дефицит кадров управленцев на конкретных участках преобразований, ротация помогала поддерживать на местах некий баланс национального состава, образовательного уровня и опыта работы. Официальные данные Казкрайкома были аккумулированы к 10-летию революции (см. *табл.*).

**Численный и этнический состав
ответственных работников КАССР в 1927 г.¹⁵**

Учреждение	Итого	Казахи	Русские	Каракалпаки	Узбеки	Таранчинцы	Прочие
Президиум КазЦИК	21	12	6	1	1	1	—
Пленум КЦИК	151	81	70	—	—	—	—
СНК	17	11	6	—	—	—	—
Краевые учреждения	16	8	8	—	—	—	—
Руководители банков	8	1	7	—	—	—	—
Краевые кооп. органы	2	2	—	—	—	—	—
Председатели губиспол- комов	9	8	1	—	—	—	—
Зав. ГЗУ	9	8	—	1	—	—	—
Зав. Губоно	9	9	—	—	—	—	—
Председатели губсуда	9	8	—	1	—	—	—
Зав. губ. торгоделами	9	5	4	—	—	—	—
Губ. прокуроры	9	8	1	—	—	—	—
Председатели уиков	32	19	7*	—	—	—	6**
Народные судьи	236	153	—	6	3	2	72
Народные следователи	146	92	—	2	—	1	51
Всего	683	425 (62,23%)	238	11	4	4	129

Составлено по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 7. Л. 64.

* Европейцы.

** Восточных национальностей.

Член КрайКК И.Н. Морозов заявил на VI партконференции в 1927 г., что в госаппарате «много хлама», хотя он и был велик – «всего 47 130 единиц». 53% составлял административно-управленческий аппарат (25 147 чел.). Огромная территория, многонациональность населения, множественность административно-территориальных частей (7 губерний, автономная область, 2 округа, уезды, волости, сельсоветы, аулсоветы) объясняли рост численности («можно и больше», – считал докладчик). При этом штат управленцев разбухал в той же пропорции, что и в других республиках СССР, практически копируя их. Наркоматы и другие учреждения занимались «выдумыванием» работы, в т.ч. для нижестоящих инстанций. Чиновный люд оказался «дороговат», «система его построения насквозь бюрократичная и работа насквозь бюрократичная... этот аппарат далек от населения, от народных масс (с места – степь далека)», – фиксирует стенограмма¹⁶.

В апреле 1928 г. по аналогии с общесоюзными изменениями вместо 6 губерний и 42 уездов создаются 12 округов и 189 районов. Считалось, что это ускорит выдвижение представителей титульного этноса и развитие двуязычия, поможет преодолеть родоплеменные скрепы между территориями, с учетом экономической и географической целесообразности. Но уже в августе округа были упразднены, вместо 189 районов образованы 123. «По существу Казкрайком партии утерять живую организационную связь с рядом райкомов», – за этой констатацией партийного издания 1990 г. стоит признание фактической деградации и хаотизации системы управления и ее кадрового состава¹⁷.

В 1930 г. вместо округов создаются области и районы, что означало еще одну перестройку органов власти, пересмотр бюджетных планов, проведение новых избирательных кампаний, перераспределение ресурсов, имущества и полномочий, умножая неразбериху на местах. Это дискредитировало власть, сеяло пессимизм среди чиновников. Руководство на местах стремилось использовать конъюнктурные обстоятельства для получения более выгодных условий финансирования и разви-

тия через переход на более высокую ступень административно-территориальной пирамиды.

Уже в начале февраля 1931 г. на объединенном пленуме Казкрайкома и Краевой КК глава парторганизации республики Ф.И. Голощекин заявил, что «ликвидация округов, несомненно, дала огромные плюсы», но приведенные им факты указывали на обратное: «началась дезорганизация: окружные учреждения перестали работать». Трудности районирования объяснялись прежде всего объективными причинами: за 4 тыс. км от краевого центра находились 17 районов, на расстоянии 3–4 тыс. км – 26, от 2 до 3 тыс. км – 54 района, от 1 до 2 тыс. км – 44 и от 1 тыс. км – 41 район. Проблем добавляло отсутствие железных дорог и телеграфа. Прямую связь с краем имели 13 райцентров, через технические узлы – 87, не имели никакой связи 82. В 34 районах председатели райисполкомов менялись 3 раза, в трех районах – 4, в одном – 5. Из аппаратных работников к посылке в районы округами было намечено 4158 чел., фактически же направлены 3980. Дезертировали – 112, «задержались в округах» – 553. В Алма-Ате, признал глава парторганизации, «с милицией искали аппаратных работников». Бездушные краевых работников, плохая почтово-телеграфная связь и пр. усугублялись «оппортунизмом»: «А так как у нас 182 района, а оппортунистов не 182, а больше (смех), с ними вы боретесь и боретесь совершенно правильно», это привело к тому, что «местами» районной власти просто не было. Одновременно обнаружился перерасход средств на содержание аппарата. В борьбе с оппортунизмом 68 райкомов получили предупреждения, 45 – выговоры, 3 были распущены, 30 дел передано в контрольную комиссию. По 59 районам привлечено к партийной ответственности 775 чел., отдано под суд и исключено из партии 82. Секретари райкомов жаловались на катастрофический дефицит кадров управленцев и специалистов после районирования. К тому же многие новые районы оказались без административного центра: в Жарминском бывший округ рассматривал вопрос о центре 7 раз и на февраль 1931 г. так и не решил его (создание округов и районов должно было завершиться к 1 сентября 1928 г.), при этом райисполком находился «на рас-

стоянии 40 верст, кооперация – 80 верст, Союзмясо – 60». Краевые ведомства не могли согласовать позицию по месту расположения райцентра¹⁸.

В таких условиях осуществлять «глобальный контроль всей территории, слежение за регионами», как считает И. Огайон¹⁹, руководству республики и уж тем более Москвы на деле вряд ли удавалось. Огромные расстояния при отсутствии телеграфной и телефонной связи, сосредоточенности бюджетных средств в городах делали планы центра заведомо лишенными практической пользы и невыполнимыми²⁰. Разбухавшая структура управления в бесконечно дробившихся и объединявшихся территориях тормозила развитие экономических взаимосвязей и хозяйственную интеграцию республик. Бесконечные изменения границ территорий приводили к дезорганизации общества и самого управления.

Проблемы большевизации

Коммунисты-казахи были крайне малочисленны. Планировалось создать работающие под руководством Облбюро РКП (б) национальные секции «при всех комитетах, находящихся на территории, населенной киргизами»; в парторганизациях с преобладанием казахов – аналогичные секции для русских. Дабы избежать кооперации коммунистов с нелояльными активистами, предлагалось, «чтобы работники эти вели партийную и советскую работу вне места своей родины...»²¹. Уже в октябре 1919 г. С.С. Пестковский, говоря о трудностях противостояния казахским группам в КирВРК, просил у В.И. Ленина и ЦК в личное распоряжение 1 млн. руб. для организации «если не коммунистической, то советской киргизской группы, которые должны существовать неофициально»²². КирВРК объявил мобилизацию всех интеллигентных сил²³, при этом признавалось необходимым использовать интеллигенцию и других «бывших», «лишь как техническую силу»²⁴. Наиболее важными требованиями к ним были: так или иначе подтвержденная политическая лояльность, определенный образовательный

уровень, некий административный опыт. Учитывались убедительный авторитет в этносообществе и его региональных пластах и не в последнюю очередь – ресурс неформальных личных связей и контактов с политиками и чиновниками разного уровня и масштаба. В советах создавались специальные «мусульманские» или киргизские (казахские) отделы для работы с коренным населением и представительства его интересов на классовой основе: «исключительно... из мусульманских пролетариев-большевиков...»²⁵.

В начале 1920-х годов бывшие алашординцы обсуждали идею коллективного вступления в партию для «завоевания веса в политической жизни» и «без различия, разделяют ли они в принципе программу ВКП (б)». В конце концов решили «предоставить каждому право вступления, согласно его убеждений»²⁶. В РКП (б) вступили А. Байтурсынов, А. Алибеков, А. Кенжин, Н. Байдильдин, М. Саматов и др. Привлечение большевиками на свою сторону национальной элиты не означало полного взаимного доверия²⁷ и порождало серьезные коллизии в отношениях власти и интеллигенции, самой элиты и масс, внутри малочисленной когорты националов во власти. Руководители КирВРК Пестковский и Байтурсынов отмечали «то странное явление, какое наблюдается у интеллигентов киргизов, сидящих дома, предпочитая свои личные занятия всяким общественным или государственным. Даже многие выбранные населением или назначенные властью в советские учреждения лица не идут или идут неохотно»²⁸.

На 1-й облпартконференции (июнь 1921 г.) из 162 делегатов казахов было 19, высшее образование имели 12 чел., среднее – 41²⁹. Положение на местах было сложным. В Семипалатинской губернии 80% коммунистов неграмотны, партиячейки разбросаны на 500–800 верст, литература и материалы ЦК доходили в ничтожных количествах, газета в 0,5 писчего листа выходила 2–3 раза в неделю, не было бумаги, чернилниц и ручек³⁰. В 1922 г. удельный вес казахов в парторганизации КАССР не превышал 20%, стаж до 1917 г. имели 0,3–0,4%³¹.

Наряду с повышением удельного веса казахов-коммунистов в составе бюрократии требовалось на деле обеспечить

усвоение ею основ большевизма, прежде всего признание неоспоримой прогрессивности социализма, классовой сущности власти и приоритета интересов рабочих и крестьян, интернационализма и равенства народов. Примерка советских стандартов лояльности для алашординцев оказалась неудачной. На III съезде советов КАССР (1922 г.) они были повержены, и все руководящие посты заняли не замеченные в связях с ними опытные и молодые националы³².

Между тем уже в январе–мае 1924 г. комиссия ЦК РКП (б) по проверке выполнения советскими, кооперативными и хозяйственными органами директив XII съезда РКП (б) и IV совещания по национальному вопросу постановила провести изучение руководства нацреспублик и областей, учет всех партийцев-националов и лояльной беспартийной интеллигенции, обновление низового советского аппарата, привлечение коренного населения и знатоков местных языков, обучение кадров управленцев на местных языках³³. 14 апреля 1924 г. Оргбюро ЦК РКП (б) рассмотрело положение в Казахстане. Наряду с установками по привлечению представителей интеллигенции в центре и особенно на местах, усилению борьбы с колонизаторским уклоном, повышению политической культуры партийцев, развитию национальной печати и общественных организаций, предлагалось действительно изжить разногласия среди «кирработников», «ранее принадлежавших к “левой” и “правой” группировкам». Киробком должен был использовать их «независимо от их принадлежности к тем или иным группировкам в прошлом на основе партийных решений» и одновременно усилить выдвижение молодых³⁴. Тогда же началось соединение органов партконтроля и НК РКИ, дабы силами коммунистов преодолеть проблемы в работе госаппарата и укрепить его состав, повысить работоспособность, ответственность госслужащих за результаты своей работы³⁵. Одновременно IV областная конференция РКП (б) предписала «взять решительный курс на освещение, усиление, насыщение всех аппаратов действительными пролетарскими и батрацкими элементами»³⁶. Действительно, часть волкомов подменяла волисполкомы, иногда последние действовали самостоятельно. Процент

технически неграмотных коммунистов был очень высок. Так, в Семипалатинской губернии в Досовской ячейке было всего 2 члена и 14 кандидатов, из них грамотных 2–3, в Мендешевском волкоме из 12 коммунистов – советских работников – шестеро были неграмотны. Из 67 губернских прокуроров и их помощников казахов было 26, сохранялись «аксакальские суды в глухих степях»³⁷.

Общая характеристика партийно-советского руководства республики была дана к XIII съезду партии (май 1924 г.). Из 190 лидеров КАССР к работникам всероссийского и областного уровня относились 7, губернского – 148, уездного – 25. При этом рабочих и крестьян было по 39 чел. 113 из 190 имели возраст 34–35 лет, партстаж до 1917 г. – 4, в 1917 г. с марта до октября большевиками стали 25, в 1917–1919 гг. – 93, в 1920–1922 гг. – 59. Не состояли в других партиях 179; 8 прежде были меньшевиками, 1 – анархистом, 2 отнесены к прочим. Высшее образование имели лишь 6, среднее – 70, 112 – низшее, у двух человек оно не указано. 70 чел. имели стаж практической работы в данной области от 1 до 2 лет³⁸.

Ответсекретарь Каркаралинского укома партии Таттибаев в мае 1924 г. писал секретарю заворготделом Киробкома РКП (б) Ежову, что «партработа вообще, в смысле идейного руководства всеми отраслями нашей жизни стоит на точке замерзания. ...Хозяйственники-коммунисты чувствуют слишком самостоятельность. ...мы имеем недоговоренность между ответработниками-коммунистами и не умеем использовать киргизской интеллигенции, например: члены президиума УИК не договорившись на своем заседании, приходят в уком, дают заявления о снятии с них ответственности и т.п.». К тому же, «...заявлений о поступлении в партию очень много. Если начнем всех принимать, то впоследствии очень плохо будет, ибо им никакой работы мы не сумеем дать. Налицо имеется значительная цифра безработных-коммунаров, но где их устроить. Если очистить всех беспартийных, например, от милиции и т.д., то впоследствии также в качественном составе организации будет отражаться. В партию будут лезть все безработные батраки, некоторые может быть не по своей воле, а в силу экономиче-

ских интересов». На основе рекомендаций ЦК бюро укома решило «...считать недопустимым увольнение тех работников, которые знают казахский язык и которые не игнорируют проведение национальной политики». Предлагалось организовать изучение казахского языка русскими, усилить привлечение к ответственности работников, которые используют материальные выгоды не только в свою пользу, но и в интересах своего рода и в ущерб остальным родам (раскладка сельхозналога, распределение семян, кредитов и пр.), провести показательный процесс и добиться участия в качестве обвинителей представителей того рода, откуда происходят привлеченные к ответственности³⁹.

Численность советских служащих в составе парторганизации КАССР с 1 января 1924 г. по 1 января 1925 г. выросла с 1933 до 3735 чел., что составляло 14,5% коммунистов и кандидатов в члены РКП (б) (число казахов-коммунистов и кандидатов в члены партии за то же время выросло с 1708 до 3159 чел. – более 16%). В границах республики до размежевания представительство коммунистов и кандидатов в члены партии в управленческих структурах на 1925 г. было таково: партийные учреждения – 993, пропагандистско-воспитательные – 572, профсоюзные – 687, советские и административные – 1410, судебно-карательные – 1182, промышленные и производственные – 382, финансово-кредитные – 438, кооперативные и торговые – 1092, плано-регулирующие – 64, земельные – 218, транспорта и связи – 495, прочие – 373. 5404 коммуниста и 2502 кандидата в члены партии составляли ядро бюрократии. Ответработники составили 3075 членов партии (30,9%) и 712 кандидатов (7,4%). С учетом числа казахов-партийцев они вряд ли составляли значимую часть в рядах бюрократии⁴⁰.

Качество чиновничьего «класса» далеко не отвечало принципам «социалистической чистоты». Один из руководителей республики признавал, что из 16 низовых работников 14 – взяточники⁴¹. Краевая РКИ обнаружила, что т.н. болезненным явлениям с июля 1925 г. по июль 1926 г. оказались подвержены именно служащие, причем чаще всего это пьянство (36% служащих) и уголовные преступления (4,3%)⁴². В 1927 г. среди

партийцев КАССР такого рода проблемами было охвачено 8,2%, тогда как по всему СССР – 7,6%. Самыми распространенными были пьянство, растраты, взятки, превышение власти – по этим вопросам в краевой контрольной комиссии рассматривалось в 1926 г. 208 дел коммунистов, причем ответработники чаще всего привлекались за пьянство. Как заметил Морозов, «ответственные работники в КССР нуждаются в серьезном партвоспитании». Число жалоб по поводу бюрократизма от V до VI партконференции выросло на 296%⁴³.

Вскоре основное значение приобрело выдвиженчество. 16 июня 1926 г. бюро Казкрайкома партии отметило, что «оформление ... в советскую национально-государственную единицу произошло раньше, чем экономическое складывание разобщенных его частей в одно целое». Поэтому центральные органы партии и госаппарата окрепли значительно раньше, чем на местах, а верхушка партийно-советского актива выросла больше, чем его основная масса, произошел отрыв аппарата от масс и пр. Бюро предложило «напирать на индивидуальную вербовку выдвиженцев и их практическую работу в первичных ячейках партии», учитывать наклонности и уровень их подготовки, обеспечить их длительное пребывание на порученной работе, оказывать всемерную помощь в повышении уровня, проявлять товарищеское отношение и доверие, улучшать материальное положение и т.д.; через неделю – «работу по выдвижению практически увязать с задачей функциональной казакизации госаппарата»⁴⁴.

Голощекин на VI партконференции привел данные по выдвижению: в Кара-Калпакской области, по 6 губерниям и Кустанайскому округу за 1926 г. выдвинуто 412 чел., из них на областную, губернскую и окружную работу – 112, уездную – 149, волостную и районную – 185, казахов из числа выдвиженцев было 152, остальные – русские. На партработу было выдвинуто 59 чел., профсоюзную – 22, советскую – 72, хозяйственно-кооперативную – 27. На краевую работу попали 147 чел., губернскую – 11, уездную – 22. В связи с районированием он предложил основную работу по выдвижению возложить на губкомы, хорошим работникам пообещав: после наблюдения

«возьмем себе, а плохое пошлем вам перерабатывать (смех)»⁴⁵.

При среднем росте ВКП (б) с 1 января 1925 г. по 1 июля 1927 г. в 55,4% в Казахстане темп роста был наиболее низким – 11,1% (на Украине – 73,9%, в Узбекистане – 64,3%, Азербайджане – 35,6%, Татарии – 34,7%). Число коммунистов из представителей титульного этноса также выглядит показательно: с 1 января 1925 г. по конец 1926 г. в КАССР оно выросло с 23,9% до 34,1%, на Украине – с 36,9% до 51,6%; в Татарии – с 28,6% до 32,2%, Узбекистане – 43,8%. При этом в составе рабочих троек национальных ЦК и обкомов партии в 1927 г. в Казахстане националов было 44,9%, Узбекистане – 41,5%, Азербайджане – 68,7%, Татарии – 50%, Украине – 41,6%. Неграмотных партийцев в Казахстане было 21,1%, Азербайджане – 14,5%. В выборных уездных и областных парторганах казахи в 1925 г. составляли 33,3%, в 1926 г. – 36,8%. Пленумы деревенских и городских райкомов насчитывали в 1925 г. 37,7% казахов, в 1926 г. – 44%⁴⁶.

«Партийно ассимилировать в партии казакскую массу, казакскую руководящую часть – это большой и трудный процесс», – заметил в 1927 г. Голощекин⁴⁷. В октябре 1928 г. секретариат Казкрайкома партии утвердил принципы выдвижения новых кадров и список краевых органов и должностей, в которые они могли направляться. Окружкомы партии учитывали их не только в номенклатуре ответработников, но и в течение 3 лет непрерывной работы в органе, куда те направлялись, как специальную категорию, и затем снимали с особого учета. В случае карьерного роста в этот период выдвиженец подлежал учету еще первые два года на новом месте работы. Выдвиженцы дифференцировались по социально-классовому критерию: а) рабочие от станка, б) крестьяне от плуга и скотоводы, в) служащие и пр., г) женщины. Их анкета учитывала социальное происхождение и положение на момент выдвижения, партийность и партстаж; участие в других партиях; является ли членом профсоюза и других общественных организаций; основная профессия и производственный стаж; занимаемые ответственные должности не менее 6 месяцев до и после 1917 г.;

откуда был выдвинут; семейное положение; служба в белой и царской армии, в Красной армии; когда, кем выдвинут на какую работу; основные доводы при выдвижении; авторитетность перед трудящимися, в чем конкретно она выражается и пр.⁴⁸

Массовый призыв во власть представителей социальных низов, наряду с кампанией по оживлению советов, должен был укрепить базу советской системы. Однако минимальная общая и политическая культура, искусственность навязываемых стандартов гражданственности порождали цинизм *бельсенды* (активистов), иждивенческое отношение к власти, различные способы социальной мимикрии и латентное доминирование индивидуальных интересов над общественными. Это определяло низкое качество управленческой культуры и самой номенклатуры. «Рекруты» из народа, в отличие от алашевцев и представителей центра, имели недостаточное образование, минимальный опыт публичной общественной практики, знаний, умений и навыков решения социально-экономических, культурных и прочих вопросов; поверхностное освоение большевизма, принципов функционирования власти. Устоявшиеся формы регулирования социальных притязаний, компромисса групповых интересов, позиционирования и статуса в системе властных отношений на основе взаимодействия кочевых общин, отсутствие представлений и опыта в процедурах создания советов приводили к встраиванию традиционных норм организации управления в новый формат. Одновременно дали о себе знать живучие мотивы престижного потребления и корыстного использования административного ресурса.

Важной частью институциональной и кадровой практики стала система чисток, проверок, обмена партбилетов. В 1919 и 1920 гг. прошла перерегистрация коммунистов, с августа 1921 г. по февраль 1922 г. в КАССР было исключено, выбыло или переведено в кандидаты 19,5% состава. Весной началась Всероссийская партперепись с обменом документов, в 1922–1924 гг. контрольные комиссии парткомов КАССР вынесли решения об очищении от 1512 чел., «не оправдавших доверия»⁴⁹. В 1925 г. состоялась проверка непроизводственных партячек, в 1925–1926 гг. – выборочная проверка аульно-

сельских, в 1927 г. – Всесоюзная партперепись с обменом документов, причем число коммунистов и кандидатов в республике снизилось почти на 2 тыс. чел. (702 отказались проходить перепись, 1234 выбыли главным образом за неуплату членских взносов). Служащие в рядах парторганизации составили 21,2%, высшее образование имели 55 чел. из 33 163, среднее – 964. Казахи составили 35,3% коммунистов республики⁵⁰.

Летом 1929 г. по решению ноябрьского 1928 г. пленума ЦК и XVI конференции ВКП (б) началась генеральная чистка среди служащих советских учреждений. Она проходила до мая 1930 г. и охватила все слои управленцев: от аппаратов Казкрайкома партии и СНК КАССР, других краевых учреждений и ведомств до нижестоящих в округах, районах и на местах. 5800 чел., или 15,2%, были исключены из партии, «механически» выбыли 750 чел., в т.ч. из учреждений исключено 839, выбыло добровольно – 5, механически – 38, выговор был объявлен 876. За бюрократизм было исключено 3% от общего числа исключенных, по мотивам, которые могли касаться чиновников (должностные и уголовные преступления) – 22%, за принадлежность к антипартийным группировкам или группировочной борьбе – 2%⁵¹. В 1938 г. служащих-коммунистов насчитывалось 5726 чел. (11,8%)⁵².

Коренизация

Коренизация стала главным средством превращения советской власти во власть для каждого народа огромной страны. Именно представители титульных этносов в республиках должны были постепенно составить значимую и затем наиболее значительную часть специалистов всех профилей и, конечно, в органах власти и управления. При обсуждении положения дел в Секретариате ЦК РКП (б) Пестковский заметил, что «советская работа обстоит довольно плохо из-за недостатка работников. ... Необходимо в Киргизии создать честную советскую бюрократию»⁵³. Ответсекретарь Киробкома РКП (б) Г.А. Коростелев писал Сталину в октябре 1921 г.: «Съезд,

нужно сказать, работников не дал. На поверхности все время крутится киргизская интеллигенция, да и та все одна и та же. Насколько трудно привлечь киргизскую бедноту, видно из того, что в краевую киргизскую партшколу не можем набрать полный комплект курсантов». Получив пост «киргизского наркома, – рассказывал он, – таковой отправлялся в степь и там сидел 5–6 месяцев, не заглядывая в свой наркомат»⁵⁴.

Целью коренизации было «...помочь трудовым массам великорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на национальном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения»⁵⁵. Для этого вводились ускоренная подготовка представителей социальных низов на всевозможных курсах и в школах политпросвещения; вовлечение казахского населения в общественные организации для скорейшего отбора активистов и выдвижения их на советскую и партийную работу; прикрепление выдвиженцев практикантами в наркоматы, советские и другие органы; направление казахских кадров в европейскую часть СССР и наоборот – «европейских» работников в Казахстан; создание сети средних и высших партийных учебных заведений в республике и направление лучших в Москву и Ленинград. Постепенно складывалась система пропорционального представительства национальностей в органах власти, управления, общественных организациях в соответствии с этническим составом населения КАССР⁵⁶. Но из-за объективного дефицита образованных кадров наибольшее число казахов оказывалось среди технического и подсобного персонала, тогда как руководящие и сколько-нибудь значимые управленческие должности занимали «европейцы».

Как констатировал КазЦИК, «первые опыты коренизации» госаппарата КССР имели место в 1921 г. Значительных результатов они не достигли ввиду отсутствия плана и определенных методов подхода к осуществлению этой работы. «...Выявилась

необходимость... введения кирязыка в делопроизводство в целом и укомплектование госаппарата кирработниками для основной работы, а не в качестве подсобного института переводчиков»⁵⁷. 2 февраля 1921 г. декрет СНК КАССР «Об употреблении киргизского и русского языков в государственных учреждениях республики» предписал: все центральные, губернские и уездные учреждения должны вести делопроизводство и взаимодействовать на русском языке, во всех остальных случаях – «одинаково и на киргизском и на русском языках, причем выбор языка в каждом отдельном случае диктуется соображениями целесообразности и практической пользы»⁵⁸. Новый декрет КазЦИК 1923 г. о введении казахского делопроизводства к 1 января 1925 г. не выполнялся: лишь в исполкомах волсоветов, где проживало казахское население, оно велось на родном языке, в волостях со смешанным населением – на казахском и русском⁵⁹. Аналогичная работа проводилась в судебных инстанциях. Это было особенно важно именно для низовых органов власти, напрямую связанных с непосредственными работами и нуждами населения.

В мае 1924 г. в составе Киробкома партии было 10 казахов и 9 русских (2 секретаря – русский и казах), из них 12 с мест, в т.ч. секретари всех губкомов. Из 10 членов первого состава Президиума КазЦИК казахов было 6, из 14 наркомов – 5. Из 190 лидеров КАССР насчитывалось «туземцев 38, нетуземцев, говорящих на туземном языке, – 6»⁶⁰. Казахи составляли 38% работников уездных парторганов⁶¹. Для увеличения числа знающих язык использовались практиканство и организация курсов при КазЦИК и ведомствах для националов, групп «европейцев» для изучения казахского языка, однако в краевых учреждениях знающих его было лишь 5%. В мае 1926 г. ответственность за коренизацию была возложена на НК РКИ, сама она теперь преследовала цель не просто механического «процентного замещения должностей», а становилась функциональной. Коренизации за период от полугода до 2 лет подлежали кадры по 42 должностям среднетехнического персонала номенклатуры административных и хозяйственных учреждений⁶².

Голощекин признавал: мотивом к отказу от т.н. процентной коренизации было то, «что на основе политики прошлого периода мы выбрали в партийный, советский, профессиональный и хозяйственный аппараты все грамотное и полуграмотное, что было и есть среди казаков (киргиз)»⁶³. Информотдел ЦК партии и Киробком РКП (б) считали: «особенно мало киргиз в губернском и уездном масштабе». Констатировалась отчужденность между русскими и казахскими работниками вследствие «лучшей марксистской подготовки» русских, а также «1) недоговоренность между работниками киргизами и русскими, 2) некоторая тяга отошедших от работы киргизских работников к работе, 3) недостаток спайки и связанности между русскими и киргизскими партработниками». Осложняющими факторами были «а) стремление (в большинстве случаев на почве личных недовольств) отделаться от целого ряда русских товарищей, б) стремление киргизской молодежи к захвату ответственных краевых постов и вытеснению старых работников киргиз с руководящей работы»⁶⁴.

В начале 1926 г. удельный вес служащих-казахов оставался неоднородным: Наркомпрос – 50%; Казотделение Верховного суда и Казторг – 48%; Наркомюст – 39%; Наркомсобес – 36,5%; Упсырзаг (Управление сырьевых заготовок) – 36%; Наркомвнудел – 34%; Казкрайсоюз – 29%; Казсельхозбанк – 28%; Казхлебторг и Казмясопродукт – 27%; Наркомтруд – 21%; Крайсоцстрахкасса – 20%; Наркомзем – 16,9%; КЦИК, СНК, Госплан – 15%; Текстсиндикат и Кожсиндикат – 13%; Наркомвнуторг – 9,5%; Казгосторг – 8%; Хлебопродукт – 7%; Управление округа связи – 3,3%; Наркомвнешторг – 0%⁶⁵. Уровень укомплектованности национальными кадрами управленческих структур был обусловлен их ролью в непосредственной работе с населением, а также в немалой степени наличием специалистов в конкретных отраслях хозяйствования. Орграспредотдел ЦК ВКП (б) отмечал: к 1926 г. коренизация партаппарата в КАССР проведена, но повсеместно фиксировались «перегиб к местному национализму, формальное и механическое отношение к выращиванию кадров», сохранение

партячек по родовому признаку, когда в аулах секретарями становились беспартийные, муллы⁶⁶.

В хозяйственных организациях число казахских работников возросло с 3,8% в 1925 г. до 20,0% в 1927 г. Бюро Казкрайкома ВКП (б) 8 мая 1926 г. призвало преодолеть пессимизм части «европейцев», которые иронически или прямо отрицательно отнеслись к коренизации, «рассматривая ее как дань моде и неминуемую уступку», угрозу потери работы. Между тем казахские работники иногда «превышали темп», заданный директивно. Бюро подчеркивало: «...если в учреждении 50% казахов, но с просителем-казахом говорят и пишут по-русски, то называть это коренизацией никак нельзя».

Наряду с практикантством, признавалось целесообразным введение обязательного преподавания казахского языка в школах 2-й ступени для детей «европейцев», для взрослых, в т.ч. партработников, – сети вечерних курсов, а также системы стимулов. Предстояло также разработать вопрос об официальной казахской терминологии, изготовлении пишущих машинок на казахском языке и т.д. Важный аспект был связан с гармонизацией межэтнических отношений: «Работник-казак, работающий в аппарате, обслуживающем смешанное население, должен помнить, что он поставлен для обслуживания всего населения, а не только казахского. Он должен работать над собой, чтобы превратиться в советского деятеля, внимательно учитывающего интересы всех национальностей обслуживаемой территории... чтобы у русского населения не создалось такого настроения, что они в Казахской Республике чужие...». Номенклатура рассматривалась «как обязательный минимум для коренизации гос. аппарата» и утверждалась специальной комиссией под руководством РКИ⁶⁷.

Президиум КазЦИК в июле 1926 г. утвердил свой план коренизации госаппарата на 1926–1927 гг. В нем предусматривалась, в частности, работа школ и курсов по подготовке работников из казахов и обучение «европейцев» казахскому языку. Затем эти кадры должны были распределять Наркомтруд по заявкам ведомств и учреждений. Наркомат РКИ и его губернские органы должны были «выяснить методы выполнения функций,

подлежащих коренизации лицами, владеющими казахским языком». В каждом учреждении устанавливался срок коренизации каждой должности с учетом степени ее важности для перехода учреждения на казахский язык, сложности «операции ее и роли данной должности в межнациональных отношениях». Наблюдение за распределением работников, владеющих языком, касалось ведущих ведомств – КазЦИК, наркоматов внутренних дел, юстиции, земледелия, финансов, Госсельсклада, Казводхоза, Казторга и некоторых других, а также их местных органов. Было предложено внести в Уголовный кодекс наказание за нарушение законов о равноправии государственных языков. Отказ от принятия и рассмотрения заявлений на каждом из них или иное стеснение прав граждан в пользовании ими, препятствование преподаванию на каждом из них и другие нарушения законов предлагалось карать заключением на срок от 1 до 6 месяцев⁶⁸.

КазЦИК обращал внимание на риск возникновения безработицы среди части служащих, создание необходимых условий и обстановки для нормальной работы казахских кадров. В то же время отмечалось: «...с европейцами как бы заключается условие, что, если ты хочешь в дальнейшем оставаться на работе в советском учреждении Казакстана, долженствующем с определенного времени во всех своих функциях перейти на казахский язык, ты должен к этому сроку научиться вести присвоенную твоей должности работу на этом языке. В противном случае ты должен будешь уступить свое место другому в целях коренизации его. При этом правительство Казакстана, предупреждая тебя, в то же время всемерно облегчает всем европейцам возможность научиться казахскому языку, организуя за свой счет для них школы и курсы»⁶⁹.

Общий показатель коренизации в 1925–1927 гг. вырос с 35,2% до 39,2%⁷⁰. Среди ответсекретарей губкомов партии казахов было 33,3%, заворграспредами – 55,5%, секретарей укомов – 54,8%, пленума крайкома – 53,8%, бюро крайкома – 63,6%, или 7 из 11. В составе пленумов губкомов казахи составляли 44,1%, бюро губкомов – 50%, пленума КрайКК – 59,3%, или 16 из 27 чел., среди инструкторов укомов и горрай-

комов – 40%, или 22 из 55. В краевых учреждениях из 162 человек было 63 казаха, или 39%, в губернских и окружных учреждениях из 476 работников казахов насчитывалось 246, или 51%⁷¹. Это показывало уровень фактического внедрения казахского делопроизводства там, где связи чиновничества с массами были наиболее тесными и непосредственными. Секретарь КазЦИК Д. Садвокасов отметил на VI республиканской партконференции: «Никому не секрет, что в Казакстане на руководящих постах сейчас, в основном, сидят коммунисты националы-казаки». Но теперь, в отличие от 1920 г., «нужно самих себя перевоспитать в интернациональном духе»⁷².

Показателен вопрос, заданный 2-му секретарю Казкрайкома партии У. Исаеву на 2-й Сыр-Дарьинской губпартконференции в декабре 1926 г.: «Почему нет казахов в госполитуправлениях и в Красной армии?». Как ответил Исаев, «казахи есть, но недостаточно, мало подготовленных работников, в Красной Армии тоже есть каз. работники». Другой вопрос высветил одну из главных болячек бюрократии: «Почему группировщиков больших работников держат на большой работе?». Ответ Исаева был смелым с учетом развернувшихся вскоре репрессий: «Правда, есть ошибки некоторых товарищей, отражающих интересы байства, исправляются, и карать их и снимать сразу нет надобности. Не будем же мы снимать портреты Зиновьева, Каменева за то, что они ошибаются. Правда, есть байское отражение среди некоторых товарищей. Плеханов – выходец из помещичьей семьи, тоже в свое время отражал интересы рабочего класса. Представителей в центре Алаш-Орды нет»⁷³.

На VI партконференции указывалось, что коренизации подлежат 11 874 должности по всем губерниям и центральным аппаратам, из них уже замещено казахами и европейцами, владеющими языком и письменностью – 2683, или 23%, в т.ч. европейцев 46 чел. В центральных аппаратах казахов и владеющих казахским языком насчитывалось 202 из 878 чел., или 23%⁷⁴. Голощекин назвал корпус активистов, из которых рекрутировались чиновники: низовой актив – члены аулсоветов, ревкомиссий, профсоюза сельхозрабочих, союза Кошки,

ККОВ, ВЛКСМ, делегаты съездов профсоюзов, потребкооперация, сельхозкооперация, члены горсоветов объединяли 127 184 чел. В верхушку массовых организаций были избраны 30 341; уездный актив (профсоюзы, укомы, Кошчи, ВЛКСМ, вики и ячейки) – 2916, губернский – 1725 чел. При этом казахский актив был ограничен: «Мы все вертимся вокруг одних и тех же лиц»⁷⁵.

В январе 1928 г. сессия ЦИК КАССР признала необходимым передать обязанности по переводу делопроизводства и коренизации от НК РКИ президиумам исполкомов. Ответственность за коренизацию возлагалась на их руководителей⁷⁶. В 1928–1929 гг. из 1116 выдвиженцев, работавших в краевых учреждениях, казахи составляли 60%, в окружных – 53%⁷⁷. В декабре 1929 г. объединенный пленум Казкрайкома и краевой контрольной комиссии принял резолюцию «О коренизации», где одним из основных факторов торможения определялась т.н. садвокасовщина «в виде враждебности к европейскому языку, европейским кадрам, перенесения ненависти к угнетательской нации в прошлом на пролетариат, на европейские кадры». Осуждалось и «индифферентное отношение казахских националистов к задачам коренизации по отношению к другим нациям». Одновременно признавалась равная опасность великодержавного шовинизма, этого узаконенного официальными решениями «врага» социалистического преобразования этничности. В частности, отмечалось, что коренизация представителями данного уклона воспринимается как нагрузка, требующая существенных материальных затрат, вследствие чего мотивировка «стоит денег» и довод, что «ухудшается аппарат», являются формами сопротивления, причем управленцы в ячейках и месткомах, наряду с работниками высшего звена, таким образом игнорируют «национальную вражду»⁷⁸.

Открытые в республике техникумы, вузы, курсы не заполнялись «из-за недостатка грамотных». На V пленуме Крайкома партии в 1929 г. Ф.И. Голощекин заявил: «Во всем, абсолютно во всем, по всем линиям – разрешать вопросы коренизации без кадров нельзя. Все упирается сюда. ... Совнарком и все мы должны ... идти в этом отношении на огромные жертвы, но

идти быстрыми решительными темпами». При этом подчеркивалось: «...особо остро должен быть поставлен вопрос о классовом подборе и идеологии»⁷⁹. После этого пленума коренизация охватила не только работников среднего и младшего уровня, но и специалистов с высшим и средним специальным образованием, выпускников вузов и техникумов.

В учреждениях наркомата почт и телеграфов к сентябрю 1930 г. 25,4% штатных сотрудников говорили на казахском языке (казахи составляли 76,6% населения)⁸⁰. К 1932 г. коренизация достигла 31% в среднем: от 8,4% в Уральском до 82% в Каркаралинском округе, что соответствовало национальному составу населения⁸¹. С 1927 г. по 1933 г. численность казахов в государственном и административно-хозяйственном аппарате выросла с 8585 до 39 268 чел. (30% всей численности)⁸².

Голощекин признал в феврале 1931 г.: «...мы слабо знали районные кадры». Так, за два месяца в 34 районах председатели райисполкомов сменились трижды, в трех районах – 4 и в одном – 5 раз. К тому же проявилось глухое и даже открытое сопротивление выдвиженцев и командированных, которые старались под любыми предлогами не покидать насиженные места, чтобы из-за провала на конкретной работе не оказаться в числе провинившихся и попадающих под прицел репрессий. «Мы посылали специальные экспедиции, чтобы выгнать работников в районы. В Алма-Ата мы пришли к такому положению, что с милицией искали аппаратных работников (смех), при этом товарищи, нам удалось 3980 человек в районы послать»⁸³. Круг замыкался на происках «классовых врагов» – оппортунистов: они дезорганизовывали работу, а борьба с ними якобы умножала их же попытки вредить делу социализма снова и снова.

1 ноября 1932 г. Президиум ВЦИК в постановлении «О состоянии и очередных задачах коренизации советского аппарата в автономных республиках и областях и в районах национальных меньшинств РСФСР» указал, что в Казахстане (а также Киргизии, Каракалпакии, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Чечне) в технический аппарат националы вовлекаются гораздо меньше, чем в выборные органы, а устное употребление на-

циональных языков отстает от их использования в делопроизводстве. Непосредственная ответственность за эту работу возлагалась на одного из членов президиума ЦИК автономии⁸⁴. Однако многие учреждения, прямо связанные с обслуживанием населения (почта и другие учреждения связи и транспорта), испытывали острый дефицит кадров, владеющих казахским языком.

4 апреля 1933 г. бюро Казкрайкома ВКП (б) всю вину за проблемы с коренизацией возложило на «великодержавные, националистические и чиновно-бюрократические элементы». В течение года в основном на казахское делопроизводство и язык должны были перейти вплоть до областных и районных звеньев КазЦИК, Наркомпрос, Наркомздрав, Наркомюст (Верховный суд и прокуратура), Наркомсобез, милиция, за исключением тех, где большинство составляли не казахи. В центральных аппаратах НКЗема и НК РКИ из-за недостатка кадров в делопроизводстве и переписке временно сохранялось двуязычие. Аппарат СНК переводился на казахский язык в общении с вышеуказанными учреждениями, в других случаях – на двух языках. Остальные наркоматы и краевые учреждения обязывались вести переписку с «коренизированными» учреждениями на двух языках, но при поступлении корреспонденции на казахском языке отвечать также на нем. Не позже 1 августа предстояло внедрить прием почтовой корреспонденции, на основных железнодорожных станциях обеспечить общение с населением на родном языке билетных кассиров, весовщиков, дежурных по станциям, помощников начальников станций, проводников вагонов. Все студенты заведений Наркомпроса и Наркомзема должны были изучать казахский язык. 17 мая Президиум КазЦИК принял постановление «О коренизации аппарата», 18 октября – «О коренизации районного советского, хозяйственного, кооперативного и профсоюзного аппаратов» до 1 января 1934 г. с указанием конкретных районов в каждой области, где требовалось ввести казахский язык или двуязычие⁸⁵.

В итоге к концу 1933 г. на казахское делопроизводство перешли КазЦИК, СНК, Наркомюст и Верховный суд, советы и исполкомы казахских районов. В ряде районов велся прием

телеграмм на казахском языке. В аппаратах, включая областные и районные, число казахов составило 37 263 (29,8%), в 15 основных наркоматах и краевых органах их число за год выросло с 227 (18,5%) до 390 (25,5%), причем в некоторых – в 2–3 раза. Снижение обнаружилось в НКЗеме, НКСнабе, Крайзаготзерне, Казпромстрое. Авральные методы коренизации вызывали попытки добиться увеличения штатов и обеспечения дополнительных инструментов проведения партийных директив. Все проблемы с коренизацией бюро Казкрайкома партии связывало с происками «классовых врагов» – шовинистов и националистов⁸⁶. В 1935 г. аппарат ЦК ВКП (б) в форме учета кадров впервые стал фиксировать национальность. Вскоре был введен учет этнической принадлежности работников всех государственных учреждений. Впрочем, большевизация кадров и советское строительство в национальных республиках изначально заставляли власть достаточно тщательно отслеживать этнический состав практически всех социальных групп. В 1936 г. в составе руководящих работников КазЦИКа казахи составляли 66,6%, среди руководителей наркоматов – 64%, руководства облисполкомов – 53%, председателей облисполкомов – 55,5%. Из 786 руководителей райисполкомов казахов было 546 (68,4%), среди председателей советских районных органов – 68%. Из 2554 глав аульных и сельсоветов 1678, или 65,7%, представляли коренное население⁸⁷.

Управленцы КАССР в условиях репрессий

1920–1930-е годы стали решающими в формировании класса управленцев в национальных республиках. Но индустриализация и коллективизация превратили бюрократию в цель для участников активного сопротивления власти. Так, в 1929–1931 гг. было убито 460 партийных и советских работников⁸⁸. Бюро Казкрайкома партии в январе 1932 г. констатировало массовое бегство из Каратасского района руководящих партийных, советских и колхозных работников, а также членов партии и комсомольцев. Бежавших председателей аулсоветов,

председателей колхозсоюзов, бригадиров надлежало выявить, исключить из ВКП (б) и комсомола, срочно закончить следствие и устроить судебный процесс на месте совершения преступления⁸⁹.

С 1933 г. до конца 1934 г. по решению ЦК и ЦКК ВКП (б) проходила чистка, причем перечень требований к облику чиновника был чрезвычайно широким, а их выполнение должно было сформировать безграничную преданность директивам партии и соответствующий деловой стиль. После XVII съезда ВКП (б) снова проходили проверка и обмен партдокументов. Замена старых кадров функционеров новыми в том числе помогала избавляться от обюрократившейся номенклатуры, обросшей связями, использующей клановость и борьбу группировок, предпочитавшей обеспеченную жизнь⁹⁰. По итогам проверки партдокументов в 1935 г. в КАССР из партии было исключено 303 руководящих партработника вплоть до районного звена; снято с работы 322 чел., или 20% партийных чиновников. Классово враждебными и чуждыми были признаны 73% исключенных из партии (222 чел.), 1 оказался шпионом, 109 – бывшими белогвардейцами и кулаками, 19 – троцкистами-зиновьевцами, 33 – аферистами и жуликами, прочими – 60. На начало 1937 г. из 51 881 коммунистов республики казахи составляли 48,8% (русские – 32,9%)⁹¹. 2 апреля 1936 г. постановлением ЦК ВКП (б) «Об итогах проверки партийных документов в Казахской краевой партийной организации» эта работа была подвергнута критике из-за «механического отсеивания» коммунистов и подмены воспитания администрированием. Почти 3 тыс. чел. были восстановлены в партии⁹². На 2-м этапе проверки и обмена партдокументов с 1 июля 1935 г. по 1 января 1937 г. как троцкисты, правые и алашординцы исключены 294 чел., «враги партии, классово чуждые и разложившиеся элементы» (самая большая категория) – 7444. Всего было исключено 13 928 чел.⁹³

Только в Аулие-Атинском районе проверку прошли 529 чел., 4 члена партии и 5 кандидатов скрылись от проверки, сбежав с документами. 98 были исключены, в т.ч. среди исключенных и «механически выбывших» – 2 партработника,

11 руководящих районных работников, столько же хозяйственных и торгово-кооперативных, 12 председателей аулсоветов и колхозов, 41 служащий, 17 колхозников, 8 рабочих. Были «разоблачены» двое, «обманном путем получивших партбилеты», двое выдававших себя за коммунистов (те, кто состоял на учете, но не имел партбилетов). Среди «разоблаченных» оказались также 2 троцкиста, 1 алашординец, 22 белогвардейца, кулака и бая, 43 жулика, афериста и уголовных элемента. За многоженство исключены двое, как скрывшиеся от проверки – 9 и 12 – «за другие партийные преступления»⁹⁴. За 1935–1937 гг. по политическим мотивам из составов бюро райкомов партии было исключено 72,7% общей численности, бюро обкомов партии – 88,9%⁹⁵. 1 ноября 1936 г. бюро Крайкома отметило, что за 3 месяца «разоблачено и изгнано из партии 43 контрреволюционера троцкиста-зиновьевца и их пособников».

В октябре, ноябре и декабре 1937 г. бюро ЦК КП (б) КССР обсуждало вопросы о снятии с работы и исключении из партии как «врагов народа» директоров МТС, начальников политотделов МТС, секретарей райкомов и других – по 10–15 чел. на каждом заседании. С I до II съезда КП (б) Казахстана (июнь 1937 г. – июль 1938 г.), по неполным данным, из 85 членов ЦК КП (б), избранных на I съезде, оказались арестованы и репрессированы 55; из 35 кандидатов в члены ЦК КП (б) Казахстана арестованы 16; из 11 членов ревкомиссии – 4. Тогда же были арестованы все секретари и члены бюро, все завотделами ЦК, все секретари обкомов, горкомов и почти все секретари райкомов партии. Арестованы председатель СНК КССР и его заместители, все наркомы и председатели облисполкомов, большинство председателей райисполкомов и директоров МТС, совхозов, начальников политотделов МТС и совхозов⁹⁶.

За 1936–1937 гг. в Казахстане из партии была исключена половина ее состава, из них 8,5 тыс. чел. (17%) – как «враги народа». Из 126 наркомов, назначенных в 1920–1938 гг. (кроме 6 умерших), были репрессированы 74, в 1937–1938 гг. арестованы 72. Из них расстреляны 51, приговорены к различным срокам заключения 21, двое покончили жизнь самоубийством⁹⁷. Доля репрессированных среди коммунистов была выше,

чем среди беспартийных⁹⁸. «Кадровая революция» привела к физическому уничтожению и выводу из рядов управленческого класса тысяч опытных, вынесших основную тяжесть социально-экономической модернизации республики организаторов и активистов. Аппарат парторганизаций, советских и хозяйственных органов практически полностью обновился.

По переписи 1939 г. казахов среди руководящих кадров госучреждений КССР было 22,4%⁹⁹. Составляя, согласно переписи 1937 г., 38,8% населения республики, казахи имели большой удельный вес в партийных органах. На учете в парторганизации стояло 47,3% казахов, русских – 33,7 %, украинцев – 10,2%, татар – 2,1%. Среди членов ЦК казахи составляли 47%, а из членов Бюро ЦК КП (б) КССР – 63,7%¹⁰⁰. По удельному весу служащих (17,7%) Казахстан в 1939 г. занимал второе место после РСФСР (18,6%). При этом служащих в госучреждениях, партийных и общественных организациях было 78,3%, в просвещении, науке, искусстве и печати – 68,7%, торговле и общественном питании – 47,0%, жилищном и коммунальном хозяйстве – 32,1%¹⁰¹.

В результате политизации этничности была выстроена и реализовалась практика идейно-политической подготовки и карьерного роста управленца, когда на каждом этапе и в каждом звене при их неразрывной взаимной увязке он систематически проходил серьезную проверку на идеологическую «чистоту», ответственность, умение подчинять личные цели интересам дела, партии, организаторские навыки и т.д. Взамен выросших в начале 1920-х годов проявлений мздоимства, «комчванства», гонки за престижным потреблением власть организовала продуманную иерархическую систему мер материальной и социальной поддержки чиновников, которая служила важным стимулом к строгому соблюдению корпоративной дисциплины, безусловному исполнению служебных обязанностей, преданности официальной идеологии. Общекультурная подготовка новой бюрократии была гораздо слабее уже в силу ее экстремальной краткосрочности.

Укрепление позиций местных элит определялось их значением в конструировании «позитивной этничности» в регионах,

которая выражалась в поддержке власти при сохранении собственной культуры и местных традиций. Новые управленцы не отказались от возможности совместить административный ресурс с капиталом прежних социальных сетей. Этнобюрократия активно использовала дисциплину обычного права (делегирование полномочий по представительству и защите интересов по традиционной социальной иерархии), партийную борьбу против оппозиций во внутриэтническом соперничестве, обеспечивала этносоциальную перекодировку символов и атрибутов власти, форм и инструментов управления¹⁰². Вместо прежних *жаксылар* (главы родов, бии, батыры) правили новые – советские чиновники. Социальные дистанции приобретали новое качество.

Бюрократия, где *бастык* (начальник) априори выступал в качестве особо уважаемого человека и носителя высшей мудрости, быстро превращалась из инструмента власти в само ее воплощение. Официальная коммунистическая идеология воспринималась на поверхностном уровне и нередко носила маскировочный характер, хотя были и национальные кадры – убежденные коммунисты. Архетипы этносоциальной иерархии и традиционные способы коммуникаций между социальными группами встраивались в советскую схему. В итоге произошла как бы реинкарнация байства, когда начальник рассматривался и утверждался в роли «патриарха», уважаемого главы учреждения-семьи. Длительная традиция многоуровневого характера социальной интеграции в казахском обществе породила многослойность идентичности. Советская элита Казахстана оказалась тоже мозаичной по составу, выросшей совсем не только из самых низов. Государство в лице назначенцев и новой этнобюрократии, действуя совместно или параллельно, не отменило культурные особенности и смыслы, вносимые в предлагаемые обстоятельства социалистического строительства. Развитие советской системы в оригинальном этносоциальном пространстве было динамичным и многовекторным, образуя сложный баланс политических и культурных практик, иерархий, символов и моделей поведения.

-
- ¹ Как указывает О.В. Хлевнюк, «одним из важных факторов, определявших развитие советской и постсоветской истории, было формирование влиятельных региональных элит, трансформация чиновников, перемещения которых в советское время регулировались при помощи политико-бюрократической системы “номенклатуры”, в самостоятельную политическую силу» (Хлевнюк О.В. Система Центр – регионы в 1930–1950-е годы // Cahiers du monde russe. 2003. N 44, 2–3. С. 253).
- ² В октябре 1920 г. И.В. Сталин писал по этому поводу: «Одной из серьезных преград по пути к осуществлению советской автономии является большой недостаток интеллигентных сил местного происхождения на окраинах, недостаток инструкторов по всем без исключения отраслям советской и партийной работы. ...Но именно поэтому было бы неразумно, вредно для дела отталкивать от себя эти и так малочисленные группы местных интеллигентов...» (Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 360–361).
- ³ Подробнее см.: Казахские чиновники на службе Российской империи: сб. документов и материалов / отв. ред. Г.С. Султангалиева; сост. Г.С. Султангалиева, Т.Т. Далаева, С.К. Удербаяева. Алматы, 2014.
- ⁴ См.: Советы и ревкомы в Казахстане (октябрь 1917–1920 гг.): документы и материалы. Алма-Ата, 1971.
- ⁵ Всего казахов в России на 1897 г. было 4 091 746 чел. 96,01% проживали на территории современного Казахстана, их образовательный уровень достиг 2,7%. Казахи составляли 82% населения, среди горожан – 41 тыс. из 265,4 тыс., или 15,4% (Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980). Алма-Ата, 1991. С. 42, 55, 58; Жаркенова А.М. Население Казахстана по первой всеобщей переписи 1897 г. (демографический анализ): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2002. С. 23; Народное хозяйство СССР в цифрах. М., 1924. С. 145; Труды ЦСУ СССР. Т. 26, вып. 1–2. М., 1926. С. 80).
- ⁶ Игибаев С.К. Казахстан в источниках и материалах [Электронный ресурс]. Усть-Каменогорск, 2010. 394 б. URL:<http://refefat.ru/docs/5/index-171026.html?page=17#107963> (дата обращения: 13.02.2015); Ахметова Л.С., Григорьев В.К., Шойкин Г.Н. Алихан Букейханов. Поиск ориентиров. Ахмет Байтурсынов. Главное – обретение государственности. Турар Рыскулов. Яркий политик советского Востока. Астана, 2008. С. 43; Исмагамбетов Т. Развитие казахского истеблишмента в конце XIX – середине XX веков [Электронный ресурс] // Центральная Азия. 1997. № 11. URL:

- <http://turkolog.narod.ru>; *Асылбек М.Х., Асылбекова Ж.М.* Население Казахстана между Всесоюзными переписями населения 1926 г. и 1939 г. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.iie.kz/?p=4615> (дата обращения: 16.09.2015).
- ⁷ См.: *Яковенко О.А.* История административно-территориального деления Центрального Казахстана в XX веке // Вестник КарГУ. 2005. № 2 (38). С. 48.
- ⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 67. Д. 83. Л. 43–44, 56.
- ⁹ Цит. по: Рождение партийной номенклатуры [Электронный ресурс] / публ. М.В. Зеленова // Вопросы истории. 2005. № 2. С. 3–24; № 3. С. 3–16. URL:http://www.knowbysight.info/5_DOC/06662.asp (дата обращения: 17.12.2014). О механизме перебросок см., например: *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы. 20-е годы (руководящие кадры государственного аппарата СССР). М., 2001.
- ¹⁰ По номенклатуре 1-го списка чиновники назначались решением ЦК партии, по 2-му списку – с согласия Орграспредотдела ЦК. В дополнение к категории по 1-му списку были добавлены т.н. выборные должности. Назначение по ним производилось утверждением через специальные комиссии, выделенные ЦК партии для проведения соответствующих съездов и собраний. Практически все сколько-нибудь значимые посты замещались после предварительного решения парторганов. Подбор и назначение на должности, не входившие в первые два списка, также осуществлялись по спискам каждого госучреждения при обязательном согласовании с Орграспредотделом ЦК (т.н. номенклатура № 3). С 1925 г. все губкомы и крайкомы партии устанавливали номенклатуру должностей местных органов, где назначения контролировались по аналогии с центром. В 1930-е годы Политбюро ЦК ВКП(б) утверждало всех местных партработников, вплоть до секретарей райкомов (*Коржухина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–39). К марту 1932 г. по решению ВЦСПС должно было завершиться формирование номенклатурного учета профсоюзных кадров, все активисты снизу доверху также брались на учет (Постановление всесоюзного совещания по подготовке и распределению профкадров по докладу «О работе по изучению и распределению профкадров» // За большевистскую подготовку профкадров. М., 1932. С. 29).
- ¹¹ Управление уполномоченного Наркомата внешней торговли насчитывало 11 чел., позднее 39; штат Киргосторга в 1922 г. составил 113 чел. На местах штат был различным – в Кустанайском

- агентстве он состоял из 30 чел., в Уральском – 22, Букеевском – 4 (Киргосторг. Обзор деятельности за первый год существования (с 1-го августа 1922 г. по 1-е октября 1923 г.) / сост. И.М. Расторгуев. Оренбург, 1923. С. 23–27, 34, 58, 60, 65, 77; Вехи консолидации: из опыта партийных организаций Казахстана в решении национального вопроса в 1917–1927 гг.: (к 70-летию Компартии Казахстана): сб. документов. Алма-Ата, 1990. С. 84–95).
- ¹² В 1920 г. в Семипалатинской губернии было 4 уезда и 135 волостей, в 1921 г. – 6 уездов и 177 волостей, в Акмолинской (1921 г.) – 4 уезда и 133 волости (Вестник КарГУ. 2005. № 2 (38). С. 48).
- ¹³ Повышение квалификации или мобилизация более или менее подготовленных кадров не означали их устойчивого закрепления на местах. Так, до кампании по мобилизации секретари райкомов партии получали 160 руб. в месяц, а после нее – 75, многие стремились вернуться в города к прежней работе и лучшему уровню жизни. Из направленных по разрядке центра 150 партработников, несмотря на директивы, в КАССР 41,3% оказались на советско-административной, кооперативной и другой работе, вплоть до бирж труда и инспекторов комхозов, вследствие стремления республиканских властей обеспечить кадрами самые слабые области управления. Это тоже усиливало текучесть кадров, решающую роль играли плохие материальные и бытовые условия (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 184. Л. 30–52; Д. 188. Л. 73, 69; V Всеказахский (Всекиргизский) съезд Советов // Власть Советов. 1925. № 23–24 (14 июня). С. 25–26).
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 2. Л. 148–149.
- ¹⁵ Соотношение численности населения и управленцев отличалось по автономиям (1927 г.): на 10 тыс. населения административно-управленческого персонала приходилось в КАССР – 36 чел., Татарской – 40, Крымской – 96, Башкирской – 24, Дагестанской – 37, Марийской АО – 36, Вотской АО – 32. В свою очередь, на 100 тыс. населения в КАССР приходилось 12,8 сотрудников центрального аппарата, в Татарской – 48,8, Крымской – 107 (Там же. Д. 6. Л. 139 об., 143 об., 144 об.–145; *Абоян А.Ф.* Деятельность КрайКК–РКИ Казахстана в области партийного строительства и совершенствования государственного аппарата в 1926–1933 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967. С. 21).
- ¹⁶ Сюда входили работники госаппарата и состоящие на государственном и местном бюджете, хозрасчетных, кредитных учреждений, не считая милиции и некоторых торгующих организаций. При этом учитывался управленческий и т.н. оперативный аппарат – учителя, агрономы, ветврачи и пр. Именно их в Казахстане

- не хватало (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 6. Л. 139 об., 143 об., 144 об.–145).
- ¹⁷ Коммунистическая партия Казахстана: организационно-политическое развитие: справочник. Алма-Ата, 1990. С. 63.
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 22. Л. 189; Д. 58. Л. 11–14, 17, 22, 34, 40, 45, 47.
- ¹⁹ И. Огайон считает, что административно-территориальные изменения 1920-х годов служили элиминации родовых отношений, поскольку клановая идентичность и межродовое соперничество в новой системе управления должны были сокращаться или вообще становились невозможными, а районирование 1928 г. способствовало разобщению казахов при их внешнем территориальном единстве. «...Новое административное деление позволяло осуществлять глобальный контроль всей территории, облегчало слежение за регионами, заселенными казахами, и их образом жизни и, как следствие, эффективно осуществлять репрессивные меры: конфискацию, а позже коллективизацию и седентаризацию» (*Огайон И. Седентаризация казахов в СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928–1945 гг.)*. Алматы, 2009. С. 46).
- ²⁰ ЦК РКП (б)-ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1. М., 2005. С. 644–647.
- ²¹ Вехи консолидации. С. 31.
- ²² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2916. Л. 11.
- ²³ Цит. по: *Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия: история движения* Алаш. М., 1994. С. 177; *Протоколы Революционного комитета по управлению Казахским краем (1919–1920 гг.)*. Алматы, 1993. С. 59–60.
- ²⁴ А. Ермеков возглавил представительство Киркряя в Москве, Х. Габбасов был уполномоченным КирВРК при Сибревкоме, Б. Сарсенев — сотрудником краевой комиссии по созыву учредительного всеказахского съезда, В. Таначев — завподотделом законодательных предположений КирВРК, А. Кенжин – заведующим внешкольным отделом КирВРК. В советских органах в начале 1920-х годов работали также Б. Каратаев (он не был членом Алаш), И. Омаров, К. Таттибаев, И. Терегулов, С. Дошанов, А. Козбагаров, С. Кадирбаев и др. Ж. Акпаев возглавлял ряд юридических учреждений Семипалатинской и Сырдарьинской губерний, служил инспектором народного образования и участвовал в этнографической работе. А. Беремжанов был завотделом судебного строительства Наркомюста. Непосредственное участие в подготовке учредительного съезда КАССР приняли Байтурсынов, Ермеков, Габбасов, Алибеков и др. (Вехи консолидации. С. 30;

- Султангазы Г.* Общественно-политическая деятельность Ахмеда Беремежанова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2002. С. 25–26.
- ²⁵ Советы и ревкомы в Казахстане (октябрь 1917–1920 гг.): документы и материалы. Алма-Ата, 1971. С. 68.
- ²⁶ Красный террор: политическая история Казахстана (сб. документальных материалов политических репрессий 20–50-х годов XX века). Алматы, 2008. С. 92.
- ²⁷ В июле 1919 г. Сталин писал секретарю ЦК РКП (б) Е.Д. Стасовой о А. Байтурсынове: «Я его не считал и не считаю революционером-коммунистом или сочувствующим, тем не менее, его присутствие в ревкоме необходимо». См.: *Аманжолова Д.А.* Казахское общество в 1-й четверти XX века: проблемы этноидентификации // *Россия и Казахстан: проблемы истории (XX – начало XXI вв.)*. М., 2006. С. 52.
- ²⁸ Цит. по: *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия. С. 177. «Безденежье наркоматов», бесчисленные трудности с советизацией на местах, непрекращающиеся «обостренные отношения между кирработниками» породили в 1922 г. у ответсекретаря КирОК партии А. Асылбекова предложение упразднить наркоматы, оставив вместо них уполномоченных от центральных ведомств. Зато С. Мендешев настойчиво предлагал оставить А. Букейханова в Оренбурге на работе в наркомземе или другом хозяйственном органе, дабы обеспечить благоприятное общественное мнение о казахских работниках, улучшить работу наркоматов с помощью знающих людей (Движение Алаш: сб. документов. Т. 3, кн. 1. Алматы, 2007. С. 137–138).
- ²⁹ Протоколы Первой Киргизской областной конференции РКП (б). Алма-Ата, 1935. С. 115.
- ³⁰ Государственный архив Семипалатинской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 27.
- ³¹ Вопросы истории Компартии Казахстана. Вып. 6. Алма-Ата: Казахстан, 1969. С. 113.
- ³² Алашская интеллигенция активно опиралась на неформальные иерархические сети, основанные на персональных, в т.ч. родственных отношениях, где сохраняли свою роль чувства уважения и солидарности. Устойчивая внутриэтническая иерархия служила естественным организационным механизмом, который в отношениях с новыми институтами власти оказался ценным теневым ресурсом. См.: *Новейшая история: сб. документов и материалов (1917–1939 гг.)*. Т. 1: Пособие для высших, средних учебных заве-

- дений и общеобразовательных школ / сост. К. Каражанов, А. Та-
кенов. Алматы, 1998. С. 117–122.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 189. Л. 35–42.
- ³⁴ КПСС и Советское правительство о Казахстане, 1917–1977 гг.: сб.
документов и материалов. Алма-Ата: Казахстан, 1978. С. 67–70.
- ³⁵ Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях
съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. Алма-Ата, 1981.
С. 128–133, 176.
- ³⁶ Там же. С. 136. Конференция проходила 11–16 мая 1924 г.
- ³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 83. Л. 98–99, 135.
- ³⁸ Там же. Оп. 68. Д. 186. Л. 57.
- ³⁹ Там же. Оп. 67. Д. 97. Л. 1–4, 19, 23–27.
- ⁴⁰ Резолюции 3-го пленума Казакского Краевого Комитета Россий-
ской Коммунистической партии (большевиков): с прил. 12-ти диа-
грамм. Кызыл-Орда, 1925. С. 34–35, 37–38.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 6. Л. 62 об.
- ⁴² Государственный архив Жамбылской области (ГАЗО). Ф. 10.
Оп. 1. Д. 345. Л. 26–27.
- ⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 6. Л. 139 об., 143 об., 144 об.–145.
- ⁴⁴ Там же. Д. 2. Л. 152, 155–156, 176.
- ⁴⁵ Там же. Д. 6. Л. 73 об.
- ⁴⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5451.
Оп. 9. Д. 114. Л. 11, 31–34, 36–41, 44.
- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 6. Л. 71 об.
- ⁴⁸ Там же. Д. 25. Л. 51, 54, 61.
- ⁴⁹ Коммунистическая партия Казахстана: организационно-полити-
ческое развитие. С. 37–38; Движение Алаш: сб. документов. Т. 3,
кн. 1. С. 115.
- ⁵⁰ Коммунистическая партия Казахстана: организационно-полити-
ческое развитие. С. 67.
- ⁵¹ Там же. С. 67–68, 90.
- ⁵² Там же. С. 94–95, 101.
- ⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 129. Л. 88.
- ⁵⁴ Имеется в виду 2 съезд советов КАССР. См.: Россия и Центральная
Азия, 1905–1925 гг.: сб. документов. Караганда, 2005. С. 331–333.
- ⁵⁵ Цит. по: *Кийкбаев Н.* Торжество ленинской национальной поли-
тики в Казахстане. Алма-Ата, 1968. С. 40–41.
- ⁵⁶ Этапы коренизации в КАССР: 1923–1926 гг. (метод процентной
нормы); 1927–1932 гг. (функциональная коренизация); 1932–
1936 гг. – завершение политики коренизации. См.: *Кучкин А.П.*
Советизация казахского аула (1926–1929 гг.). М., 1962; *Абоян А.Ф.*
Указ. соч.; *Кийкбаев Н.* Торжество ленинской национальной по-

- литики в Казахстане; *Его же*. Исторический опыт в разрешении национального вопроса в Казахстане (на примере казахского народа). Алма-Ата, 1969.
- ⁵⁷ Вехи консолидации. С. 82–83.
- ⁵⁸ Декрет СНК КАССР «Об употреблении казахского и русского языков в государственных учреждениях республики» от 2 февраля 1921 г. // Языковая политика в Казахстане (1921–1990 гг.): сб. документов. Алматы, 1997. С. 14–15.
- ⁵⁹ Пять лет Казахстана (1920–1925 гг.): юбилейный сборник. Кзыл-Орда, 1925. С. 18; Вехи консолидации. С. 69–75.
- ⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 189. Л. 35–42.
- ⁶¹ Там же. Д. 53. Л. 150; Д. 58. Л. 19, 26, 38.
- ⁶² Вехи консолидации. С. 82–95, 164–165; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 166. Л. 98 об.; Оп. 123. Д. 69. Л. 9–10; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1056. Л. 11.
- ⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 6. Л. 49.
- ⁶⁴ Там же. Оп. 67. Д. 83. Л. 8–9, 17–23.
- ⁶⁵ Вехи консолидации. С. 164–165; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 178. Л. 17.
- ⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 104. Л. 116–118.
- ⁶⁷ Там же. Оп. 25. Д. 2. Л. 91–97.
- ⁶⁸ Наркомат РКИ определял методы перехода учреждений на казахский язык, с определением сметы расходов, потребности в пишущих машинках, канцелярских принадлежностях и пр. Сроки перехода зависели от числа владеющих казахским языком в учреждении и выполняемых ими функций (ГАЖО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 527. Л. 34, 34 об.).
- ⁶⁹ *Беляков В.* Коренизация государственного аппарата в Казахстане и профессиональные союзы. Кзыл-Орда, 1927. С. 23–24.
- ⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 7. Л. 64.
- ⁷¹ Там же. Л. 158–159.
- ⁷² Там же. Д. 6. Л. 88.
- ⁷³ ГАЖО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 345. Л. 44, 45.
- ⁷⁴ Казахов и владеющих казахским языком в Кара-Калпакии было 162 из 560 аппаратчиков (29%), в Уральской губернии – 384 из 1123, или 34,2%, в Актюбинской – 180 из 801, или 22,3%, в Акмолинской – 519 из 1527, или 34%, в Семипалатинской – 310 из 2871, или 10,8%, в Джетысуйской – 367 из 1632, или 22,4%, в Сыр-Дарьинской – 325 из 1717, или 18%, в Кустанайской – 117 из 620, или 19%, в Адаевской – 117 из 145, или 80,7% (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 7. Л. 63).
- ⁷⁵ Там же. Д. 6. Л. 68, 73.

- ⁷⁶ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 123. Д. 69. Л. 10.
- ⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 25. Л. 51, 54, 61.
- ⁷⁸ Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т. 2. Алма-Ата, 1981. С. 63–64.
- ⁷⁹ Голощекин Ф.И. Казахстан на путях социалистического переустройства. М.; Алма-Ата, 1931. С. 231.
- ⁸⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 161. Л. 17.
- ⁸¹ ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. М., 2005. С. 595–596.
- ⁸² Абоян А.Ф. Указ. соч. С. 23–24.
- ⁸³ Ряднин М. За колхозные кадры // Большевик Казахстана. 1931. № 1. С. 20; Об итогах декабрьского Пленума ЦК ВКП (б) и очередных задачах Казахстанской парторганизации: доклад Ф.И. Голощекина на объединенном пленуме Крайкома и КрайКК ВКП (б) // Февральский объединенный пленум Крайкома и КрайКК ВКП (б). Доклад тов. Голощекина. Постановления и резолюции. Алма-Ата, 1931. С. 21, 24, 36, 45.
- ⁸⁴ О коренизации: сборник руководящих материалов / сост. Х.Ш. Амрин, Е.И. Князева. Алма-Ата; М., 1934. С. 20–21.
- ⁸⁵ Комитет по коренизации производства и аппарата по Положению от 1 июня 1933 г., утвержденному Президиумом КазЦИК, имел довольно широкие полномочия по организации, планированию и контролю деятельности наркоматов, ведомств, общественных организаций, вовлечению трудящихся в коренизацию и аппараты, руководству переводом делопроизводства на казахский язык, пропаганде национальной политики партии и интернациональному воспитанию трудящихся. Его решения были обязательны к исполнению для всех государственных, хозяйственных и общественных организаций, вплоть до предписаний, дисциплинарных взысканий и привлечения к судебной ответственности. На местах соответствующие структуры создавались при исполкомах и возглавлялись заместителями их председателей. См.: Там же. С. 21–30, 52–54.
- ⁸⁶ Там же. С. 40–43.
- ⁸⁷ Мирзоян Л.И. О проекте Конституции Казахской ССР // Антология социально-политической мысли Казахстана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1. Алматы, 2002. С. 450.
- ⁸⁸ Казахстанская правда. 1989. 14 янв. С декабря 1929 г. по 7 марта 1930 г. продолжалось восстание 700 чел. в с. Пихтовый Ключ Зырянского района Семипалатинского округа, где активную роль играли вышедшие из партии все 9 членов местной ячейки и председатель сельсовета. По неполным данным, к маю 1930 г. в

- 14 районах округа за репрессии и перегибы в ходе коллективизации привлечены к партийной и судебной ответственности 95 работников, сняты с работы 38, в т.ч. 2 секретаря райкомов партии, распущен 1 райком партии (всего по КАССР – 5), 4 сельсовета (Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 406. Л. 5, 6, 33–34; Д. 457. Л. 34, 39–40; Д. 405. Л. 70; Казахстанская правда. 1989. 14 янв.).
- ⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 66. Л. 132–133.
- ⁹⁰ См.: *Хлевнюк О.В.* Государственный террор в 1930-е гг. // Книга для учителя. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. М., 2002; *Его же.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.
- ⁹¹ *Нурпеисов С.* Итоги проверки партийных документов // Большевик Казахстана. 1936. № 2. С. 40–57; Коммунистическая партия Казахстана: организационно-политическое развитие. С. 68–69.
- ⁹² Коммунистическая партия Казахстана: организационно-политическое развитие. С. 68–69.
- ⁹³ Там же. С. 91.
- ⁹⁴ ГАЖО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–3.
- ⁹⁵ Коммунистическая партия Казахстана: организационно-политическое развитие. С. 74.
- ⁹⁶ *Савинский Ф.* О некоторых фактах нарушений социалистической законности и массовых репрессий в Казахстане в 1937–1938 годах [Электронный ресурс] // Фемида. 1998. № 8. С. 64–73. URL: <http://e-history.kz/media/upload/1486/2014/07/21/4c34117aedb242deb099ea04bd6d06b2.pdf> (дата обращения: 17.12.2014).
- ⁹⁷ Коммунистическая партия Казахстана: организационно-политическое развитие. С. 61; Первый нарком внутренних дел Казахстана [Электронный ресурс]. URL: <http://biografia.kz/famous/3918#ixzz336RDjgqL> (дата обращения: 29.05.2014).
- ⁹⁸ Как считает С.А. Красильников, охранительность как системный признак сталинского режима обусловила в 1920–1930-е годы не только перманентные «чистки» своих рядов, но и массовый внутриэлитный террор 1937–1938 гг. Массовое вовлечение рабочих в сферу управления, партийные структуры, профсоюзы и другие социальные институты превратили процесс социально-политической мобильности в защитный механизм для утверждения новых элитных групп, которые на деле консолидировались для сохранения своего доминирования в обществе (*Красильников С.А.* Охранительность как системная характеристика сталинского режима: к вопросу о роли и функциях репрессий в квазисудебной форме // Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в

- начале 20 – начале 50-х годов XX века: материалы междунар. науч.-практ. конф., 30–31 мая 2014 г. Усть-Каменогорск, 2014. С. 248–249; *Его же*. 1930-й год как пролог Большого террора // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 18–20 окт. 2012 г. М., 2013. С. 112–118.
- ⁹⁹ *Сахаров А.Н., Жиromская В.Б.* Облик народа к началу Великой Отечественной войны // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 37.
- ¹⁰⁰ *Орынбаева Д.Ш., Жакишева С.А.* Социальный портрет коммунистов и партийной номенклатуры Казахстана в период репрессий в 1937–1938 гг. // Казахстан-Спектр. 1999. № 1 (7). С. 135–136.
- ¹⁰¹ *Асылбек М.Х., Асылбекова Ж.М.* Население Казахстана между Всесоюзными переписями населения 1926 г. и 1939 г. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.iie.kz/?p=4615&lang=ru> (дата обращения: 30.01.2015).
- ¹⁰² Примеры Туркменистана и Узбекистана см.: *Edgar A.L.* Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan [Электронный ресурс]. URL: <http://press.princeton.edu/chapters/i7858.html> (дата обращения: 17.06.2014); *Абашиин С.Н.* Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М., 2015.

Литература

- Абашиин, С.Н.* Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией [Текст]. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 848 с.
- Абоян, А.Ф.* Деятельность КрайКК–РКИ Казахстана в области партийного строительства и совершенствования государственного аппарата в 1926–1933 гг. [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 – История КПСС. Алма-Ата, 1967. 28 с.
- Аманжолова, Д.А.* Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш [Текст]. М.: Россия молодая, 1994. 216 с.
- Аманжолова, Д.А.* Казахское общество в 1-й четверти XX века: проблемы этноидентификации [Текст] // Россия и Казахстан: проблемы истории (XX – начало XXI вв.). М., 2006. С. 14–83.
- Асылбек, М.Х.* Население Казахстана между Всесоюзными переписями населения 1926 г. и 1939 г. [Электронный ресурс] / Асылбек М.Х., Асылбекова Ж.М. URL: <http://www.iie.kz/?p=4615&lang=ru> (дата обращения: 30.01.2015).

- Асылбеков, М.Х.* Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980) [Текст] / М.Х. Асылбеков, А.Б. Галлиев. Алма-Ата: Гылым, 1991. 190 с.
- Ахметова, Л.С.* Алихан Букейханов. Поиск ориентиров. Ахмет Байтурсынов. Главное – обретение государственности. Турар Рыскулов. Яркий политик советского Востока [Текст] / Л.С. Ахметова, В.К. Григорьев, Г.Н. Шойкин. Астана: Б.и., 2008. 198 с.
- Беляков, В.* Коренизация государственного аппарата в Казакстане и профессиональные союзы [Текст]. Кызыл-Орда: Кагиз, 1927. 35 с.
- Веги консолидации [Текст]: из опыта парт. организаций Казахстана в решении национального вопроса в 1917–1927 гг.: (к 70-летию Компартии Казахстана): сб. документов. / отв. ред. Б.А. Тулепбаев. Алма-Ата: Казахстан, 1990. 232 с.
- Вопросы истории Компартии Казахстана [Текст]. Вып. 6. Алма-Ата: Казахстан, 1969. 317 с.
- Гимпельсон, Е.Г.* Советские управленцы, 20-е годы (руководящие кадры государственного аппарата СССР) [Текст]. М.: [ИРИ РАН], 2001. 225 с.
- Голощекин, Ф.И.* Казакстан на путях социалистического переустройства [Текст]. М.; Алма-Ата: Огиз, 1931. 240 с.
- Движение Алаш [Текст]: сб. документов. Т. 3, кн. 1 / сост. Джагфаров Н.Р., Грибанова Е.М. и др. Алматы: Ел-шежіре, 2007. 304 с.
- Жаркенова, А.М.* Население Казахстана по первой всеобщей переписи 1897 г. (демографический анализ) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Отеч. история. Алматы, 2002. 26 с.
- Игибаев, С.К.* Казахстан в источниках и материалах [Электронный ресурс]. Усть-Каменогорск, 2010. 394 б. URL: <http://rerefat.ru/docs/5/index-171026.html?page=17#107963> (дата обращения: 13.02.2015).
- Исмагамбетов, Т.* Развитие казахского истеблишмента в конце XIX – середине XX веков [Электронный ресурс] // Центральная Азия. 1997. № 11. URL: http://http://www.ca-c.org/journal/11-1997/st_02_ismagamb.shtml (дата обращения: 3.11.2016).
- Казахские чиновники на службе Российской империи [Текст]: сб. документов и материалов / сост. Г.С. Султангалиева, Т.Т. Далаева, С.К. Удербаева; отв. ред. Г.С. Султангалиева. Алматы: Қазақ-университеті, 2014. 418 с.
- Кийкбаев, Н.* Исторический опыт в разрешении национального вопроса в Казахстане (на примере казахского народа) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.01 – История КПСС. Алма-Ата, 1969. 68 с.

- Кийкбаев, Н.* Торжество ленинской национальной политики в Казахстане [Текст]: Алма-Ата: Казахстан, 1968. 342 с.
- Красильников, С.А.* Охранительность как системная характеристика сталинского режима: к вопросу о роли и функциях репрессий в квазисудебной форме [Текст] // Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в начале 20 – начале 50-х годов XX века: материалы междунар. науч.-практ. конф., 30–31 мая 2014 г. Усть-Каменогорск, 2014. С. 248–249.
- Красильников, С.А.* 1930-й год как пролог Большого террора [Текст] // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 18–20 окт. 2012 г. М., 2013. С. 112–118.
- Киргосторг. Обзор деятельности за первый год существования (с 1-го августа 1922 г. по 1-е октября 1923 г.) [Текст] / сост. И.М. Расторгуев. [Оренбург]: 5-я Гос. тип. Оренполиграф, [1923]. 76 с., 11 л. табл., диагр.
- Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов [Текст] / редкол.: Х.Ш. Абдрашитов (рук.). Т. 1. Алма-Ата: Казахстан, 1981. 275 с.
- Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов [Текст] / редкол.: Х.Ш. Абдрашитов (рук.). Т. 2. Алма-Ата: Казахстан, 1981. 382 с.
- Коммунистическая партия Казахстана: организационно-политическое развитие [Текст]: справочник / отв. ред. Б.А.Тулепбаев. Алма-Ата: Казахстан, 1990. 296 с.
- Коржихина Т.П.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия [Текст] / Т.П. Коржихина, Ю.Ю. Фигатнер. // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–39.
- КПСС и Советское правительство о Казахстане, 1917–1977 гг. [Текст]: сб. документов и материалов / редкол.: Бейсембаев С.Б. и др. Алма-Ата: Казахстан, 1978. 396 с.
- Красный террор [Текст]: политическая история Казахстана: (сб. документальных материалов политических репрессий 20–50-х годов XX века) / сост. М.К. Койгельдиев, В.И. Полулях, Ш.Б. Тлеубаев. Алматы: Типография оперативной печати, 2008. 308 с.
- Кучкин, А.П.* Советизация казахского аула (1926–1929 гг.) [Текст]. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 432 с.
- Мирзоян, Л.И.* О проекте Конституции Казахской ССР [Текст] // Антология социально-политической мысли Казахстана с древнейших времен до наших дней: (в 2 т.). Т. 1. Алматы: Ин-т развития Казахстана, 2002. С. 443–450.

- Новейшая история [Текст]: сб. документов и материалов (1917–1939 гг.): пособие для высш., сред. учеб. заведений и общеобразоват. школ. Т. 1 / сост. К. Каражанов, А. Такенов. Алматы: Санат, 1998. 302 с.
- Нурпеисов, С.* Итоги проверки партийных документов [Текст] // Большевик Казахстана. 1936. № 2. С. 40–57.
- О коренизации [Текст]: сб. руководящих материалов / сост. Х.Ш. Амрин, Е.И. Князева. Алма-Ата; М.: Казкрайиздат, 1934. 90 с.
- Об итогах декабрьского Пленума ЦК ВКП (б) и очередных задачах Казахстанской парторганизации. Доклад Ф.И. Голощекина на объединенном пленуме Крайкома и КрайКК ВКП (б) [Текст] // Февральский объединенный пленум Крайкома и КрайКК ВКП (б). Доклад тов. Голощекина. Постановления и резолюции. Алма-Ата: Огиз, 1931. 200 с.
- Огайон, И.* Седентаризация казахов в СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928–1945 гг.) [Текст]. Алматы: Санат, 2009. 365 с.
- Орынбаева Д.Ш.* Социальный портрет коммунистов и партийной номенклатуры Казахстана в период репрессий в 1937–1938 гг. [Текст] / Д.Ш. Орынбаева, С.А. Жакишева. // Казахстан-Спектр. 1999. № 1 (7). С. 131–139.
- Первый нарком внутренних дел Казахстана [Электронный ресурс]. URL: <http://biografia.kz/famous/3918#ixzz336RDjgqL> (дата обращения: 29.05.2014).
- Протоколы Первой Киргизской областной конференции РКП (б) [Текст] / под ред. У. Исаева. Алма-Ата: Казкрайогиз, 1935. 174 с.
- Протоколы Революционного комитета по управлению Казахским краем (1919–1920 гг.) [Текст] / сост. А.В. Бучнева. Алматы: Гылым, 1993. 277 с.
- Пять лет Казахстана (1920–1925 гг.) [Текст]: юбилейн. сб. Кзыл-Орда: ЦИК КАССР, 1925. 35с.
- V Всеказахский (Всекиргизский) съезд Советов [Текст] // Власть Советов. 1925. № 23–24 (14 июня). С. 25–26.
- Резолюции 3-го пленума Казакского Краевого Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков) [Текст]: с прил. 12 диаграмм. Кзыл-Орда: Казкрайком ВКП (б), 1925. 40 с.
- Рождение партийной номенклатуры [Электронный ресурс] / публ. М.В. Зеленова // Вопросы истории. 2005. № 2. С. 3–24; № 3. С. 3–16. URL: http://www.knowbysight.info/5_DOC/06662.asp (дата обращения: 17.12.2014).

- Россия и Центральная Азия, 1905–1925 гг. [Текст]: сб. документов / сост. Д.А. Аманжолова. Караганда: КарГУ, 2005. 495 с.
- Ряднин, М.* За колхозные кадры [Текст] // Большевик Казахстана. 1931. № 1. С. 19–22.
- Савинский, Ф.* О некоторых фактах нарушений социалистической законности и массовых репрессий в Казахстане в 1937–1938 годах [Электронный ресурс] // Фемида. 1998. № 8. С. 64–73. URL: <http://e-history.kz/media/upload/1486/2014/07/21/4c34117aedb242deb099ea04bd6d06b2.pdf> (дата обращения: 17.12.2014).
- Сахаров А.Н.* Облик народа к началу Великой Отечественной войны [Текст] / А.Н. Сахаров, В.Б. Жиромская // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 11–47.
- Советы и ревкомы в Казахстане (октябрь 1917–1920 гг.) [Текст]: документы и материалы. Алма-Ата: Казахстан, 1971. 224 с.
- Султангазы, Г.* Общественно-политическая деятельность Ахмеда Беремежанова [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Отеч. история. Алматы, 2002. 26 с.
- ЦК РКП (б)-ВКП (б) и национальный вопрос [Текст]. Кн. 1: 1918–1933 гг. / сост. Л.С. Гагагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.
- Хлевнюк, О.В.* Система Центр – регионы в 1930–1950-е годы [Текст] // Cahiers du monde russe. 2003. № 44, 2/3. С. 253–268.
- Хлевнюк, О.В.* Государственный террор в 1930-е гг. [Текст] // Книга для учителя. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. М.: Мосгосархив, 2002. С. 306–319.
- Хлевнюк, О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы [Текст]. М.: РОССПЭН, 1996. 304 с.
- Языковая политика в Казахстане (1921–1990 гг.) [Текст]: сб. документов. Алматы: Қазақуниверситеті, 1997. 325 с.
- Яковенко, О.А.* История административно-территориального деления Центрального Казахстана в XX веке [Текст] // Вестник КарГУ. 2005. № 2 (38). С. 47–53.
- Edgar, A.L.* Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan [Электронный ресурс]. URL: <http://press.princeton.edu/chapters/i7858.html> (дата обращения: 17.06.2014).

Н.Е. Бекмаханова

**КАЗАХСКИЕ ХАНЫ И СУЛТАНЫ
В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ XVIII–XIX ВВ.***

В статье рассматривается роль казахских ханов и султанов в административном управлении Российской империи XVIII–XIX вв. Институт султаната и ханская система управления в XVIII–XIX вв. играли важную роль в социально-экономической и политической жизни феодального Казахстана, как части Российской империи. Вопросы их структуры, развития, а также те коренные изменения, которые произошли в институте султаната и ханском управлении в связи с колонизацией Казахстана царским правительством, недостаточно освещены в исторической литературе.

Ключевые слова: казахские ханы; институт султаната; уставы 1822 и 1824 гг.

N.E. Bekmakhanova

**KAZAKH KHANS AND SULTANS
IN THE RUSSIAN EMPIRE GOVERNING SYSTEM
IN XVIII–XIX CENTURIES**

Sultans institution and khans governing system played an important role in the social, economic and political life of the feudal Kazakhstan in XVII–XIX centuries in the Russian empire. Historic literature does not cover the issues of their structure, development and radical changes in sultans and khans governing after Kazakhstan colonization by the Russian empire. The present article covers problems of the administrative khans and sultans governing in the Russian empire in XVIII–XIX centuries.

Key words: kazakh khans; Institute of the Sultanate; the statutes in 1822 and 1824.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-14001а(ц).

Институт султаната и ханская система управления в XVIII–XIX вв. играли важную роль в социально-экономической и политической жизни феодального Казахстана, как части Российской империи. Вопросы их структуры, развития, а также те коренные изменения, которые произошли в институте султаната и в ханском управлении в связи с колонизацией Казахстана царским правительством, недостаточно освещены в исторической литературе¹. В данной статье рассматривается роль казахских ханов и султанов в административном управлении Российской империи XVIII – XIX вв.

Исследование ограничивается Младшим и Средним казахскими жузами, подвергшимся колонизации в разные сроки. Средний жуз позднее Младшего был присоединен к России. Его отдаленность от центральных районов России и сложная политическая обстановка определили несколько иные методы колонизации и иную организацию управления.

Младший и Средний жузы были присоединены к России в XVIII в. Но укрепление вассальной зависимости Казахстана от России и перерастание ее в колониальную зависимость относится к концу XVIII – середине XIX в. В 50-х годах XVIII в. была построена линия военных укреплений на границе с Младшим и Средним жузами. С этих пограничных аванпостов царизм начал активное продвижение в глубь Казахстана.

Колонизация Казахстана повлекла за собой земельные захваты. Казахские роды были лишены лучших пастбищных угодий по Яику, Иртышу, Ишиму, Илеку и побережью Каспийского моря. Наряду с укреплением военных гарнизонов и захватом земель царизм уделяет внимание развитию торговли, так как Казахстан являлся потребителем русских товаров и был неисчерпаемым источником сырья. Такая политика вызвала отрицательную реакцию со стороны казахской аристократии. Поэтому царизм вынужден был искать союза с султанатом, особенно с его ханской верхушкой.

В российских архивных источниках и литературе XVIII–XIX вв. отмечены свободный характер взаимосвязей казахской аристократии – ханов и султанов с казахской родовой знатью – старшинами и батырами, что определяло согласованность при

решении вопросов войны и мира, соблюдении традиционных сезонных маршрутов кочевий и распределении стад различных жузов и родов на сезонных кочевых территориях. Учитывались сословные привилегии, что способствовало стабильности положения ханов и султанов.

Во время народных восстаний у казахов в XVIII–XIX вв. ханы и султаны занимали разные позиции, часто поддерживали повстанцев, разделяя их требования, оставались нейтральными или поддерживали требования российских императоров и администрации. Хань и султаны также поддерживали сопротивление сородичей – повстанцев, участвуя в переговорах и переписке с царским правительством и в сражениях повстанцев с царскими войсками (восстания под руководством Срыма Датова, Е.И. Пугачева и др.).

С началом присоединения казахских жузов к России, царское правительство стремилось отеснить казахскую аристократию от управления жузами, что удалось в XIX в. сделать в Младшем, Среднем и Старшем казахских жузах, в Букеевском ханстве ханы и султаны правили до конца XIX в.

В XIX в. казахские ханы и султаны поднимали феодально-монархические восстания, пытаясь сохранить и поднять ханский титул, отстоять привилегии казахской аристократии. Но эти восстания были подавлены как сепаратистские движения.

Большая часть казахского населения приняла российскую систему управления, учитывающую традиционную систему расселения казахов, возможность передвижения по всей империи с торговыми целями, для посещения Мекки и других святых для мусульман мест, свободно исповедовать ислам, строить мечети.

Казахи были освобождены от службы в царской армии; снабжали российскую кавалерию лошадьми. Особо отметим, что во время Отечественной войны 1812 г. добровольцы казахи участвовали в сражениях регулярной армии и в партизанском движении на территории Европейской части России и в зарубежных походах 1813–1814 гг. в Западную Европу. Сохранились французские гравюры о военных отрядах казахов в Германии и Франции.

В начале XIX в., когда экономическое и политическое влияние казахской аристократии было значительным, царское правительство, опасаясь волнений в казахской степи, привлекает ее на службу в военный и гражданский аппарат управления. Но так как колонизация Казахстана проходила быстрыми темпами, то вскоре обнаружилось, что «Устав для Сибирских казахов» 1822 г. и «Устав для Оренбургских казахов» 1824 г. не отвечают экономическим и политическим задачам самодержавия. Был принят целый ряд новых законов, в частности «Об отдельном управлении сибирскими киргизами» (т.е. казахами) 1838 г. Этими мерами правительство пыталось приспособить управление Средним и Младшим казахскими жузами в соответствии со своей земельной и торговой политикой. Отсюда его стремление добиться централизации власти и контроля русского чиновничества над местным управлением.

Дополнения, сделанные в 30–50-х годах XIX в. к Уставам 1822–1824 гг., были расширены в 1868 г. во «Временном положении об управлении Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями». Это положение явилось новым этапом социальной политики царизма. От ограничения привилегий ханов и султанов в системе управления, как местной социальной верхушки, царизм переходит к их полной отмене.

Успехи внешней политики царского самодержавия позволили в 1868 г. принять «Временное положение», а затем в 1891 г. – «Степное положение», в которых гарантировались интересы новой социальной казахской верхушки – байства. Царизм видел в ней зарождающуюся буржуазию.

В Среднем жузе до введения Уставов 1822 и 1824 гг. существовала ханская власть и султанско-бийское управление, хотя оба эти института начиная с XVIII в. претерпели значительные изменения.

Казахские ханы по традиции избирались из султанов, и их власть передавалась по наследству. Вопрос о том, к кому должна переходить власть, решало экономическое и политическое положение наследника.

С присоединением Казахстана к России и образованием в 1801 г. Букеевской орды, главные ханы стали российскими подданными. Царское правительство не сразу осмелилось нарушить традиционное управление в казахских жузах. Царизм, пытаясь превратить казахских ханов в российских государственных чиновников, столкнулся с большими трудностями. Казахские ханы, являясь его вассалами, упорно боролись за свои феодальные права, и до 20-х годов XIX в. сумели в той или иной мере сохранить их за собой, чему немало способствовала избранная ими политика лавирования. Хань служили одновременно царизму и феодальной верхушке Казахстана, выставляя себя защитниками интересов казахского народа.

Политика ослабления ханской власти наглядно проявилась в конце XVIII в. в двух крупнейших антиколониальных выступлениях казахов – крестьянской войне 1773–1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева и восстании Срыма Датова в 80-х годах XVIII в. Это дало понять российскому правительству, что экономическое и политическое влияние казахских ханов достаточно велико, чтобы не считаться с ним. И все же земельная и торговая политика царизма подорвала экономическое и политическое влияние ханов и султанов. Они не смогли противостоять земельным захватам российского самодержавия. К тому же в период антиколониальных выступлений в конце XVIII в. ханы и султаны подорвали свой авторитет тем, что выступали то на стороне народа, то на стороне царского правительства. Падение экономического и политического влияния казахских ханов имело следствием ликвидацию ханской власти в казахских жузах, за исключением Букеевской орды.

После ликвидации ханской власти в Младшем и Среднем жузах царизм решил опереться на султанат. В начале XIX в. он был наиболее сильной в экономическом отношении и организованной феодальной группой. В первой половине XIX в., опасаясь, что лишение феодальных прав и участия в управлении султаната может привести к волнениям, правительство передает султанам административную власть в среднем звене управления, оставив за собой высшую власть и управление в жузах, областях и губерниях.

Превращение вассальной зависимости в колониальную изменило характер экономических отношений и сделало султанов основными посредниками в экономических связях и торговле России с казахской степью в пограничной полосе. Они получали пошлины за охрану транзитных русских караванов, проходивших через Казахстан в Среднюю Азию и Сибирь.

В первой половине XIX в. торговля Казахстана с Россией расширяется, перестает носить пограничный характер, и вместе с тем роль султанов в ней падает. На смену им приходят торговцы – баи, которые заключали коммерческие сделки с российскими купцами и промышленниками.

В казахском обществе наряду с аристократической верхушкой *аксуек* («белая кость») существовала прослойка феодально-родовой знати *карасуек* («черная кость») – бии, старшины. Царизм, проводя политику на отстранение султанов от власти (они являлись наиболее консервативной, феодальной прослойкой), переносит опору на знать «черной кости», постепенно передавая ей также административную и судебную власть. Таким образом, к концу XIX в. выделилось байство нового типа – казахская торговая буржуазия.

После отмены Уставов 1822 и 1824 гг. начинает падать экономическое и политическое влияние султаната. Все устройство аппарата управления казахской степью было направлено на ограничение феодальных прав султанов, превращение их в служилых чиновников. Правда, в Уставах эта линия еще слабо проступает, за султанами формально еще сохраняются привилегии. Но в «Положении» 1868 г. ограничение прав отражено более четко и последовательно.

Уставом 1822 г. Средний жуз был разбит на округа, подчиненные Омскому областному управлению. Окружные приказы возглавлялись старшими султанами, в подчинении которых находились два русских чиновника-заседателя и два почетных казаха по выбору. Волость возглавлялась волостным султаном, аул – аульным старшиной².

Старший султан избирался султанами. Он имел чин майора российской службы и считался земским чиновником, поставленным правительством во главе местного управления. После

десятилетней службы старший султан получал дворянское звание. В случае отставки или срочной смены он оставался в числе почетнейших султанов. Старший султан по Уставу 1822 г. должен был заботиться о сохранении порядка в округе и благосостоянии местного населения.

Регламентируя обязанности старшего султана, правительство пыталось приблизить его власть к прежней ханской, но на деле существовала полная подконтрольность власти чиновников-султанов российской администрации. Сохраняя за собой почетный титул, султаны оставались ограниченными в правах и не избирались в местный аппарат управления.

Старшему султану подчинялись волостные султаны. Должность последних считалась наследственной, право на управление волостью передавалось им по первородству. Общество могло переизбрать султана, но с согласия Омского областного управления. Если султан не имел наследника, то его брат или родственник мог занять его место. Султаны, не управлявшие волостями, сохраняли звание, но не имели права вмешиваться в управление делами.

Волостные султаны имели звание чиновников 12 класса (согласно «Табели о рангах») и пользовались правами волостного головы. Они подчинялись, помимо старшего султана, окружному приказу, и их власть была исполнительной³.

Старшим и волостным султанам подчинялись аульные старшины, которые избирались обществом (султаны в выборах не участвовали) каждые три года и утверждались окружным приказом. Отменить выборы мог лишь начальник области.

Аульным старшинам чинов не полагалось, они были непосредственно связаны с волостными султанами, исполняли их приказания, информировали о положении дел в своем ауле⁴.

Устав 1822 г. ввел в степи выборную систему с целью дальнейшего ослабления власти феодалов и превращения их в чиновников. Выборная система нейтрализовала также сопротивление местной социальной верхушки, оказавшейся не избранной в местный аппарат управления.

Предоставляя право выбора старшего султана только султанам и сохраняя право наследственности, правительство опи-

ралось на местную аристократическую верхушку казахского населения. На протяжении первой половины XIX в. царизм все более урезал права султанов. Нередко нарушались правила о выборах старших и волостных султанов, и эти должности нередко занимали лица, не имевшие звания султана⁵.

Царизм всеми мерами стремился отказаться от посредничества казахских султанов в управлении жузами. Об этом говорит хотя бы тот факт, что по Уставу 1822 г. старшие султаны не приравнивались к российскому дворянству. Дворянским званием султан награждался только за длительную военную службу или в том случае, если он избирался обществом три раза подряд. И это не случайно. С конца XVIII в. в России усилился процесс консолидации дворянства, которое ограждало себя от всех сословий.

Законом 10 февраля 1832 г. было учреждено потомственное и личное дворянство для представителей буржуазии, разночинной интеллигенции и детей дворян. Законом 11 июля 1845 г. были повышены классы «Табели о рангах», дававшие потомственное и личное дворянство. Этими мерами царизм пытался оградить дворянство от инородцев, затормозить процесс распада сословий и рост разночинной интеллигенции, укрепить социальную опору самодержавия.

Такую же политику правительство проводило и в других колониальных окраинах России, например, в Башкирии, Калмыкии, где в XVIII в. правительство отстранило от власти местную аристократию. Опираясь на феодальную верхушку, связанную с земледелием и скотоводством и заинтересованную в поддержке сильной централизованной власти, царизм сначала ослабил, а затем полностью лишил феодальных прав местную знать⁶.

Какова же была политика правительства по отношению к ханам и султанам в период между утверждением Уставов 1822 и 1824 гг. и «Временным положением» 1868 г. Принятые в этот период на территории Казахстана законоположения (1838, 1854, 1855, 1861 гг.) внесли ряд новых статей, ограничивающих права ханов и султанов в области управления. Сложная внешнеполитическая обстановка и феодально-монархические

выступления в Казахстане в 20–40-х годах XIX в. способствовали радикальным изменениям в управлении Казахстаном.

В первой половине XIX в. усиливается кризис феодально-крепостнической системы в России, что вызывает установление своеобразной военно-полицейской системы с централизацией распорядительной и исполнительной власти. Сформировался так называемый «попечительный» абсолютизм, для которого характерно недоверие к массам, усиление надзора, стремление вмешиваться в детали управления.

В Среднем жузе система «попечительного» абсолютизма сказалась на регламентации вопросов управления казахской степью, в усилении контроля над местными (казахскими) чиновниками. Было отменено право выбора старшего султана только султанами, значительно расширен круг лиц, допущенных к выборам; старшие султаны, занимавшие должности в окружных приказах, заменялись русскими чиновниками. Царизм ликвидировал право наследственности при выборе волостных султанов, расширил круг лиц, имеющих право быть избранными на эти должности⁷.

Эти изменения в системе управления Казахстаном связаны с «Положением» 1868 г., разработка которого совпала с успехами внешней политики России в Средней Азии и на юге Казахстана, а также с отменой в 1861 г. крепостного права.

Развитие в России промышленности и товарно-капиталистического земледелия требовало сырья и рынков сбыта. Российский капитализм стал развиваться вширь и вглубь, что рельефно сказалось и продолжало сказываться и на восточных окраинах, колонизация которых получила ускоренное развитие в пореформенный, капиталистический период российской истории. Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия и Сибирь служили как бы колониями русского госкапитализма и обеспечивали ему громадное развитие⁸.

Россия была заинтересована в поставке на службу развивающейся экономике земельного фонда и сырьевых ресурсов Казахстана. Для этого нужно было перестроить систему политического и экономического управления степью, отказаться от

услуг феодальной знати, привлечь к участию в управлении нарождающуюся казахскую буржуазию (баев).

«Положением» 1868 г. султаны и знать «белой кости» лишались привилегий в системе административного управления, главные функции власти были сосредоточены в руках русских чиновников. Волостное и аульное управление по своим внутренним функциям напоминало самоуправление в русских селах и деревнях, где также созывались крестьянские волостные и сельские сходы. Этим самым правительство пыталось подчеркнуть сходство аппарата управления, в частности, в казахском ауле и русской деревне.

Волостные султаны и аульные старшины имели полицейские и распорядительные функции в пределах волости и аула, могли созывать и распускать волостные и аульные сходы, а также право наложения административных взысканий за неисполнение их распоряжений. Разница в полномочиях волостных управителей и аульных старшин состояла лишь в том, что волостные управители утверждались губернатором, а волостные старшины – уездными начальниками.

Лишая султанов феодальных прав, царское правительство стремилось слить их с основной массой казахских *шаруа* (зависимых скотоводов и земледельцев), а затем приблизить к категории российских государственных крестьян. Этим ограничивались претензии султанов на особые привилегии. Так, в Уставе 1822 г. подчеркивалось: «Султаны над подведомственными им киргизами (казахами. – *Н.Б.*) не имеют права ни владельца, ни помещика, но суть только волостные правители, от высшего начальства с соглашения народа поставленные»⁹. Правда, по Уставу 1822 г. султаны пользовались некоторыми земельными льготами. Старший султан, например, имел право на получение от 5 до 7 квадратных верст удобных для земледелия земель, волостные султаны – до 45 десятин, а аульные старшины – до 30 десятин. Они имели также право на общинные земли.

Но «Временным положением» 1868 г. все земли кочевников объявлялись государственными и предоставлялись казахам в общественное пользование. Собственниками земли считались

лица, «коим высочайше были пожалованы земли, и лица, имеющие на владение землей указанные акты»¹⁰.

Отказавшись от посредничества султанов в управлении, правительство лишило их и земельных льгот. «Положение» 1868 г. не подтвердило статей Устава 1822 г. о наделении султанов землей.

Объявив земли кочевого населения государственными, царское правительство тем самым практически превратило казахов в зависимых крестьян, пользующимися казенными землями на положении дореформенных государственных крестьян. За это они вносили государственную «кибиточную подать»¹¹. Но признав земли казахов государственными, правительство не смогло добиться превращения казахских шаруа в государственных крестьян. Столкнулись интересы военно-феодалного (помещичьего) и развивающегося капитализма. Казахи постепенно превращаются в колониальное крестьянство, которое эксплуатировалось и царизмом, и российским капитализмом.

В конце XIX в. султаны теряют все свои привилегии. Они переходят в разряд служилых людей, торговцев и шаруа. Аппарат управления краем взяли в руки баи. Институт султаната перестал существовать.

¹ См.: *Бекмаханова Н.Е.* Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв.: историко-географическое исследование. М.; СПб., 2015; *Бекмаханов Е.Б.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957; *Зиманов С.З.* Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX вв. Алма-Ата, 1960.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXXVIII. № 29126, § 12–15. Далее: ПСЗ.

³ Там же. § 15–16, 25–28, 30–34, 54, 96, 109–115.

⁴ Там же.

⁵ Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. С. 159 (док. 76).

⁶ *Демидова Н.Ф.* Управление Башкирией в первой трети XVIII в. // Исторические записки. 1961. [Т.] 68. С. 211–238.

- ⁷ ПСЗ. Собрание 2. Т. XIII. № 16, § 2, 3, 5, 8, 9–13, 19–20; Т. XXIX, отд-ние 1. № 28265, 28284.
- ⁸ История Казахстана в документах и материалах. Алматы, 2011. С. 239–247 (док. 8); Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. И-64. Оп. 1. Д. 4236. Л. 141 об. – 154 об.; *Бекмаханова Н.Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии, последняя четверть XVIII – 60-е гг. XIX в. М., 1980. С. 95–104; *Ее же.* Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). М., 1986. С. 66–89.
- ⁹ ПСЗ. Собрание 2. Т. XXXVIII. № 152912, § 274.
- ¹⁰ Российский государственный исторический архив. Ф. 1291. Оп. 82. 1868 г. Л. 10.
- ¹¹ ЦГА РК. Ф. 232. Оп. 1. Д. 505. Л. 5–7 об.; *Галузо П.Г.* Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата, 1960. С. 317–319.

Литература

- Бекмаханов, Е.Б.* Присоединение Казахстана к России [Текст]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 337 с.
- Бекмаханова, Н.Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии, последняя четверть XVIII – 60-е гг. XIX в. [Текст]. Москва: Наука, 1980. 280 с.
- Бекмаханова, Н.Е.* Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. – 1917 г.) [Текст]. М.: Наука. 1986. 280 с.
- Бекмаханова, Н.Е.* Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. [Текст]: историко-географическое исследование. М.; СПб.: ИРИ РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 240 с.
- Галузо, П.Г.* Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. [Текст]. Алма-Ата: Наука, 1965. 378 с.
- Демидова, Н.Ф.* Управление Башкирией в первой трети XVIII в. [Текст] // Исторические записки. 1961. [Т.] 68. С. 211–238.
- Зиманов, С.З.* Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX вв. [Текст]. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. 296 с.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. [Текст]. Собрание 1: в 45 т. Т. XXXVIII: 1822–1823. СПб.: в тип. II отд-ния С.Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1354 с.

Полное собрание законов Российской Империи [Текст]. Собрание 2, 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг.: в 55 т. Т. XIII, отд-ние 1: 1838. СПб.: тип. II Отд-ния С.Е.И.В. Канцелярии, 1839. 1072 с.

Полное собрание законов Российской Империи [Текст]. Собрание 2, 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг.: в 55 т. Т. XIII, отд-ние 2: 1838. СПб.: тип. II Отд-ния С.Е.И.В. Канцелярии, 1839. 917 с.

Полное собрание законов Российской Империи [Текст]. Собрание 2, 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг.: в 55 т. Т. XXIX, отд-ние 1: 1854 г. СПб.: тип. II Отд-ния С.Е.И.В. Канцелярии, 1855. 912 с.

А.В. Беляков

КУЧУМОВИЧИ В РОССИИ XVII В. ТРИ ПОКОЛЕНИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ*

В статье на примере трех поколений одной семьи показано как происходило падение значения плененных царевичей Кучумовичей для московских властей XVII в.

Ключевые слова: *Чингисиды; Кучумовичи; Русское государство XVII в.*

A.V. Belyakov

KOCHANOWICE IN RUSSIA OF THE XVII CENTURY. THREE GENERATIONS OF THE SAME FAMILY

In the article on the example of three generations of the same family are shown as there was a fall in the value of the captive princes of Kochanowice for the Moscow authorities of the seventeenth century.

Key words: *Genghis Khan descents; Kuchumovichi; Russian State of XVI–XVII centuries.*

Сибирские Шибаниды впервые попали на территорию Русского государства еще в начале XVI в.¹ Однако это были единичные случаи, не ставшие системой. В массовом порядке данный процесс пошел с конца XVI в., когда Россия начала захват и освоение территории Сибири. Тогда в Москву стали вывозить многочисленных потомков хана Кучума (Кучумовичей). В подавляющем большинстве это были пленные царевичи, царевны и царицы, захваченные русскими войсками. Однако фиксируются и немногочисленные добровольные выходы². На новом месте их довольно быстро встроили в хорошо разра-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-14001а(ц).

ботанную к тому времени систему служилых иноземцев. О Кучумовичах в России XVII в. писали уже неоднократно³. Однако здесь имеется много белых пятен. Нам по-прежнему тяжело создать биографии отдельных членов рода. Слишком незначительная информация сохранилась по большинству из них. Данное затруднение возможно решить, параллельно обнаруживая и вводя в научный оборот новые источники и используя возможности просопографии, позволяющей даже по обрывочным данным создать коллективную биографию рода. В свою очередь коллективная биография позволяет нам с высокой долей вероятности воссоздать биографию конкретного человека.

Здесь мы должны остановиться на особенностях документов о Кучумовичах в России XVII в. в собрании Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Оказавшиеся в России сибирские Шибаниды ведались либо в Посольском приказе, либо в приказе Казанского дворца. Причина подобного деления на настоящее время до конца не понятна. Архив приказа Казанского дворца не сохранился. Отдельные документы, выходившие из его канцелярии, известны по другим фондам. Поэтому в нашем распоряжении в большинстве случаев остаются документы только Посольского приказа. Но здесь также имеется своя специфика. Дело в том, что имеется, как правило, очень незначительное количество сведений о материальном содержании выехавших царевичей. Причина этого кроется не столько в массовой гибели документов, сколько в особенности приказного делопроизводства. В своей основе оно было прецедентное. Если на местах возникала новая, не встречавшаяся ранее ситуация с татарскими царями и царевичами, то в Москву посылалась челобитная грамота, по которой заводилось особое дело, подкрепляемое всевозможными справками. Подобные дела откладывались в центральных приказах⁴. В таком случае у исследователя появляется возможность достаточно подробно взглянуть на повседневную жизнь того или иного своего персонажа. Когда все наиболее типичные ситуации получали, таким образом, свое разрешение, документооборот между администрацией города, в котором проживал Чингисид, и центральными приказами резко сокращался. Интере-

сующие нас документы оседали в городских приказных избах. А сохранность архивов приказных изб, за редким исключением, более чем неудовлетворительна. Поэтому о Чингисидах, постоянно проживавших в Москве, мы, как правило, знаем несколько больше, нежели о тех, кого селили в том или ином уездном городе⁵. Имеются, правда, отдельные исключения. Так, благодаря неплохой сохранности документов Белозерской приказной избы у нас имеется возможность проследить жизнь в городе сибирского царевича Аблая б. Ишима.

В ряде случаев судьбой царевичей интересовались родственники, остававшиеся за пределами России. В XVII в. контакты с сибирскими царевичами осуществлялись через уфимских или сибирских (тобольских) воевод, но практически всегда в той или иной степени касались калмыков. Поэтому подобные документы откладывались в делах внешнеполитического ведомства по связям с калмыками (РГАДА, ф. 119) или же в делах Сибирского приказа (РГАДА, ф. 214).

Героями нашего исследования являются представители одной линии потомков Кучума: Ишим б. Кучум, его дети Аблай (Абла, Обла, Василий) и Тявка (Тауке), а также дети Аблая Василий Васильевич, Гордея Васильевна, Чючилей (Ачилей) и Хансюер (Кансуер). Но в истории этой семьи, как в зеркале, отразилась судьба всего рода. При этом как выехавших (вывезенных) в Россию царевичей, так и оставшихся кочевать на обширных просторах Зауралья. Все они в разное время попали в Европейскую часть России, и у каждого была своя судьба.

О Ишиме (Иш-Мухаммеде) нам известно немного. Осенью 1600 г. царевич Али б. Кучум направил его, своего младшего брата через Уфу в Москву⁶. О пребывании Ишима в Москве сохранился только один документ. Это выпись «на пример» в деле о назначении поденного корма сибирской царице⁷ с сыном и служанкой, в которой говорится, что царевичу Берди-Мурату (Кубей-Мурат)⁸ с пятью людьми давали по 4 алтына на день, а Ишиму с двумя людьми на корм и дрова по 3 алтына⁹. Сколько царевич прожил в России и когда вернулся в Сибирь, точно неизвестно. Но в мае 1607 г. он уже принимал участие в очередном набеге на земли ясачных татар Тюменского уезда¹⁰.

Можно предположить, что Чингисида отпустили вместе с несколькими женами Кучума, которые проживали еще в августе 1603 г. в Уфе «по старому»¹¹. Этим шагом Москва хотела продемонстрировать свое лояльное отношение к сибирским Шибанидам. Возвращенные за Урал члены ханской семьи должны были стать своеобразными агентами влияния. В столице надеялись на добровольный выход многих из «казачествующих» Кучумовичей. Но расчет не оправдался. Они очень неохотно меняли вольную жизнь на золотую клетку, пусть и просторную. Главное для нас во всей этой истории – то, что царевич в тот момент смог относительно свободно покинуть пределы Московского государства. Впоследствии сделать это будет более чем проблематично.

Вскоре Ишим занял главенствующее положение среди Кучумовичей. Во многом это произошло потому, что старшие братья сошли с политической арены. Старшие братья и многие племянники были пленены¹². По-видимому, он остался старшим в роде. Безусловно, благодаря своему путешествию в Европейскую Россию царевич имел более широкий кругозор и лучше понимал своих русских противников. Но в большей степени укреплению его позиций послужил его брак с одной из дочерей предводителя ойратского племени торгутов тайши Хо-Урлюка в 1619/20 г. С этого момента калмыцкий элемент стал преобладать в окружении Ишима¹³. Но это одновременно значительно сократило возможность проведения им полностью самостоятельных действий. Приходилось постоянно оглядываться на новых союзников. Это заставляло его время от времени вспоминать приглашения московского царя. Но на такой кардинальный шаг царевич все же не решился. Он умер в 1623/24 г.

Следующими на историческую авансцену вышли сыновья Ишима – Аблай (Аблайгирим, Аблагирей, Обла, Абулай-Гирей) и Тявка (Тауке, Таваккул). Их, вместе с отрядом из 54 калмыков, взяли в плен под Уфой во время неудачного набега в июне 1635 г. Сохранилось значительное количество документов, позволяющих детально проследить дальнейшую судьбу царевичей.

Вскоре после пленения братьев отправили в Казань. Слишком опасно было их содержать в Уфе. Но и казанские власти опасались, что родственники плененных царевичей попытаются силой освободить их. По крайней мере, именно эту причину указывают документы о переводе Кучумовичей вглубь территории России. Абляя решили перевести в Белоозеро. Для этого из Москвы было велено для царевича «зделати избу о двух мостах по тюремному, и окна перебить железом толстым, и огородить тыном в паз, и укрепить накрепко, и поверх тыну положить охлупки большого дерева, и прибить гвоздми, чтоб было крепко, и быти у него в приставех для береженья каким людем пригож, и беречи ево с великим береженьем, и чтоб никакие люди к нему не приходили, и чтоб тот царевич, Абла, не утек и дурна над собою никакова не учинил. А поденново корму указали мы тому царевичю Абле давать по два алтына на день»¹⁴. «А тюрьма крепостью изба в тыну трех сажен, а в ней четыре окна зделаны, по тюремному о дву мостах, и побиты окна железом толстым накрест, а с надворья запирают железною цепью, а тын вверх трех сажен, и на тын положен охлопок и прибит гвоздми. А до твоего, государева указу велели у того царевича для береженья быти посадцим двум человеком»¹⁵.

Здесь следует особо указать на тот факт, что грамота о строительстве тюрьмы пришла в город 1 февраля 1636 г. 23 февраля царевич в сопровождении казанца Василия Хохлова и десяти стрельцов уже прибыл в Белоозеро. Таким образом, дом для царевича вынуждены были строить в условиях зимнего времени. Это, конечно, вызвало определенные трудности. Копать глубоких фундаментов было ненужно. Но ямы для опорных столбов, в первую очередь для ограды, все же требовались. Поэтому мы вправе предположить, что уже весной требовалось проведение определенных ремонтных работ¹⁶.

Интересно, что царевич тут же стал жаловаться на свое содержание. В казанской тюрьме ему к двум алтынам полагалось четыре чарки вина. Здесь же вино не давалось. «Тем де ему сыту быть нечем». В Москве оперативно отреагировали на запрос и распорядились выдавать на день по пяти чарок вина и кружке меда. Помимо этого пришла дополнительная инструк-

ция по содержанию царевича: «И быти у него беражамым в избе скольким человеком пригоже. А ножей и никакова железа и деревья в те избы не носить и тому царевичю Абле не давати. А сторожам быть на дворе безпрестанно, чтоб ему никакие нужи не было и без людей бы тому царевичу Абле сидеть было не вскучно»¹⁷. Следует, однако, сказать, что на месте мед заменили двумя кружками пива¹⁸.

Для сравнения, его двоюродный брат, сибирский царевич Хансюер б. Али, сосланный в 1629 г. в Соликамск (позднее был переведен в Устюг Великий), получал поденный корм в 4 копейки¹⁹. Разница в содержании может быть объяснена разным статусом царевичей. Если Аблай являлся военнопленным, то Хансюер сбежал с государственной службы из действующей армии под Смоленском (около 1615 г.) сначала в Речь Посполитую, а затем в Крым, т.е. был изменником, которого пленили уже после нарушения шерти, данной московскому царю.

Полагалась царевичу и ежегодная дача на одежду. Еще в Казани Аблаю дали шубу баранью (1,8 руб.), шапку (1,5 руб.), сапоги (0,49 руб.), полукафтан (2 руб.), рубашку и порты (1,5 руб.), штаны (1,8 руб.), двое чулок (0,3 руб.). Всего на 9,4 руб. В Белозерске подобные дачи он получал ежегодно²⁰. В целом у нас вырисовывается картина вполне достойной жизни плененного Кучумовича. Хотя за рамками документов остались многие бытовые стороны: полагалась ли царевичу особая баня, где находился туалет, чем его кормили, и кто готовил еду. Не знаем мы ничего и о том, как проходили дни пленника. Мы можем только делать отдельные предположения. Так, у Аблая было много времени для того, чтобы хотя бы немного выучить русский язык. То, что к концу жизни он его знал, это однозначно. Быть может, царевич коротал время со своими охранниками за игрой. Но здесь у нас также очень мало знаний. Известно, что сибирские царевичи, плененные в 1598 г., по дороге в Москву играли с верхотурским воеводой И.В. Воейковым в зернь (кости)²¹.

Нельзя не сказать, что Белозерский край являлся постоянным местом ссылки опальных вельмож, военнопленных и заложников. Содержание ссыльных было повинностью местного

населения, замененной в XVII в. денежным сбором «закладным мурзам и языкам за корм»²². Город оказался местом ссылки и ряда Чингисидов в XVI–XVII вв. В 1502 г., после свержения с престола, сюда отправили казанского царя Абд ал-Латифа. Здесь он находился до февраля 1505 г., когда почетного пленника перевезли в Москву и поселили в Кремле на особом подворье²³. В 1533 г. в Белоозеро за тайные переговоры с Казанью сослали царя Шах-Али и его жену Фатиму. В городе они находились до декабря 1535 г. Их освободили по просьбе представителей казанской аристократии, желавших видеть в царе возможную альтернативу пришедшему в Казани к власти крымскому царевичу Сафа-Гирею²⁴. Поэтому в городе система содержания пленников была вполне разработана.

Дальнейшие события получили несколько неожиданное развитие. Уже летом Аблай бил челом, чтобы ему разрешили принять православие. Однако в Москве подобную просьбу оставили без внимания²⁵. Причина подобной реакции до конца не понятна. Логичнее всего предположить, что царевича надеялись использовать как дополнительный довод в переговорах с его родственниками. Однако дальнейшее развитие событий не подтверждает этого. По-видимому, московские власти осознавали явную вынужденность данного шага со стороны пленника. Правило о добровольном и осознанном крещении, которое постоянно постулировали светские власти²⁶, возобладало. Но для нас вызывает интерес и сам факт просьбы о принятии православия человеком, не знавшим русского языка и реалий жизни в Московском государстве, к тому же сильно ограниченным в круге общения. Скорее всего, здесь был замешан толмач новокрещен Савинька Козловский, которого придали двум целовальникам, неотлучно находящимся у царевича. Только он мог рассказать пленнику о преимуществах смены вероисповедания. По-видимому, он опирался в том числе и на свой опыт²⁷.

Весной 1637 г. в истории с Аблаем произошел новый поворот. Уфимский воевода кн. Петр Волконский послал в башкирские волости по Сибирской дороге сына боярского Федора Тарбеева с подьячим и толмачем. В Айской волости в деревне

Суня Озеро они встретили башкирку Елчибику Окзюрину, которая рассказала им, что она вышла из калмыцких улусов в 1637 г. «как снег пал». Послала ее княгиня Чагандара, жена царевича Аблая. Княгиня просила чтобы «де Обла царевич жив, и он бы к матери своей прислал весть. И она де, княгиня Чагандара²⁸, будет к нему, к Абле царевичю, з детми своими и с улусными людьми».

В Москве срочно приказали расспросить царевича о его родственниках и улусных людях. Из расспросных речей нам становится известно имя матери царевича, Хирилтя (Херелта, Корелтя), дочь Ханака Чшута, отца его жены, княгини Чагандары, – мурзы Уката (в другом документе он назван Чентуем Чечениным, это хошутский тайша Очерти Цэцэн²⁹), возраст его сыновей: «Кчук шести лет, другой, Белекей, четырех лет», а также количество его улусных подданных – 1300 служилых людей и 800 черных людей. При этом оказывается, что улусные люди его брата Тявки нераздельны с людьми царевича Девлет-Гирея б. Чувака б. Кучума (служилых людей полторы тысячи, а черных тысяча человек)³⁰.

Здесь следует отметить ряд странностей. Девлет-Гирей назван дядей Аблая и Тявки, хотя он являлся их двоюродным братом. Можно было бы предположить ошибку переводчика или же русского писца. Объяснили все расспросные речи царевича Тявки. Оказывается, после смерти Ишима Девлет-Гирей взял в жены вдову своего дяди³¹. В таком случае мы можем спорить о том, кто признавался после Ишима старшим среди Кучумовичей – Аблай или Девлет-Гирей. Это же объясняет, почему Тявка кочевал не со старшим братом, а со своим двоюродным братом/дядей. Аблай упоминает только двух своих сыновей, Кчуку и Ачелея (Белекей). Однако нам известно их как минимум четыре – Кчук, Ачелей (Чючелей), Хансюер и Хасан³². Можно, конечно предположить, что Хансюер и Хасан родились уже после пленения Аблая, или же у царевича имелась еще одна жена, проживавшая в это время в иных улусах. Разрешить эту загадку мы сможем, по-видимому, только при анализе всего сохранившегося комплекса документов по сибирским царевичам. Но это явно выходит за рамки нашего ис-

следования. Что касается численности людей в том или ином улусе сибирских царевичей, то оно не было постоянным. Так, летом 1638 г. русские посланники оценивали количество улусных людей царевича Девлет-Гирея в 200 человек. Это при том, что он должен был унаследовать людей Аблая. По крайней мере, княгиня Чагандара, судя по источникам, жила в улусе деверя³³.

Вместе с башкирской женой Елчибикой (Илчибикой) Окзюриной Чагандара прислала мужу свою косу. Однако Аблаю ее передали только в мае 1637 г. Уже после того, как получили расспросные речи царевича. Тогда же ему было предложено написать письмо своим родственникам³⁴. В нем царевич обращается к матери, жене, двум сыновьям, Кучуку и Чучелею, родному брату Сламе (Ислам) салтану, двоюродному брату Девлет-Гирею, а также к неким Дайгуше (тайша Дайчин (Тайчин)?) и Чеиту (тайша Чюрас?). При этом Аблай, обращаясь к Дайгушу и Девлет-Гирею (именно в таком порядке), просит их заключить вечный мир с Михаилом Федоровичем и прислать к московскому царю «в заклад» вместо Аблая одного из его сыновей, и кого-то вместо Тявки. Нам известно, что у Тявки не было детей. Документ же (копия или же черновик письма, оставленный в архиве белозерской приказной избы) имеет серьезные дефекты. Царевич также сообщает, что получил косу супруги, «к себе в пазуху положил» и послал в ответ свою косу («кекел»)³⁵. Сообщений об этом письме мы более не имеем. Вполне возможно, что его посчитали неуместно по каким-либо причинам использовать в переговорах с родственниками плененного царевича.

В калмыцкие улусы коса Аблая и его письмо попали почти через год. События развивались следующим образом. Через некоторое время после выхода из калмыцких улусов башкирки Илчибики Окзюриной с косой княгини Чагандар в Уфу пришли послы от Девлет-Гирея и Чагандары – Сара и Нурмаммет (Урмамет). Они хотели попасть в Москву и увидеть, живы ли Аблай и Тявка. С послами были грамота к русскому царю и платье для пленных царевичей. Но их туда не пустили. В это время в город прислали косу Аблая. О письме царевича документы молчат. Поэтому сибирских послов вместе с толмачом

Василием Киржацким и стрельцами Михаилом Касимовым сыном Жуковым послали восвояси. В улус Девлет-Гирея, находившийся «за Мунчаком озером во днище, на Сетяке озере», русские посланники пришли на первой неделе Петрова поста (июнь 1638 г.). Царевичу и княгине передали косу. «Аблаева жена, княгиня Чегандары, волосы мужа своего узнала и на них глядя плакала, и волосы мужа своего пришила к шапке». Девлет-Гирей объявил, что он посылает в Москву новых своих послов. Если они увидят Аблая и Тявку в живых, то он станет «государю бити челом, чтоб государь пожаловал, велел мне кочевати по Яику и по Тоболу, и по Ишилю рекам, где кочевали отцы наши и деды. А я де, княгиня Чагандары, тотчас поеду з детьми своими ко государю и к мужу своему, к Аблаю»³⁶.

В документах посольства отчетливо читается идеал взаимоотношений сибирских царевичей с московским государем. «Деды де наши и отцы государевы холопи, и братье де мои, Аблай и Тявка, ныне у государя». При этом царевич обижался на отсутствие ответных даров от московского царя: «Да с ними ж, послами, посылаем ко государю дары. А прежние де дары у послов у наших принял воевода на Уфе, и послал де их к Москве ко государю или нет, того мы не ведаем. И против де наших даров, государьской милости к нам нет, не прислана нам ничево».

Таким образом, Девлет-Гирей был готов признать себя «холопом» Михаила Федоровича, или даже на словах признавал себя таковым. Но взамен он хотел вернуть утерянные его предками земли и обмениваться с московским государем дарами. Последний пункт можно рассматривать как предложение установить крымскую модель взаимоотношений – получение богатых даров в ответ на воздержание от набегов. Здесь важно учитывать еще одно соображение. Как несколько позднее показали переговоры, Девлет-Гирей не очень-то и стремился к возвращению Аблая и Тявки. В условиях вакуума претендентов на верховенство, пусть и более чем эфемерное, его кандидатура никем не оспаривалась. Аблай же мог предъявить подобные претензии.

В Уфу посланники вернулись 23 сентября 1638 г. При этом их сопровождали послы от Девлет-Гирея и княгини Чагандары Купланка Дойбагин и Ишей Астаев. Судя по сохранившимся документам, послам были даны жесткие инструкции. По крайней мере, уфимскому воеводе пришлось поставить им прямой ультиматум. Либо они играют по московским правилам, либо же возвращаются назад, так и не выполнив возложенного на них поручения³⁷. В столице на ситуацию отреагировали оперативно. Отписка уфимского воеводы была получена 25 ноября. А разрешение на движение сибирских послов в Москву было послано в Уфу уже 3 декабря 1638 г.³⁸

Документы посольства царевича Девлет-Гирея 1639 г. были опубликованы В.В. Трепавловым³⁹. 16 января 1639 г. посольство двинулось в глубь России. В середине февраля оно уже было в Москве. Послов расспросили в Посольском приказе. Здесь они повторили прежние свои слова и слова царевича Девлет-Гирея. Однако были уже несколько осторожней в формулировках. К примеру, царевич готов был кочевать, «где он, великий государь, пожалует, велит ему кочевать». Главным требованием для приема подданства по-прежнему оставалось удостовериться, живы ли Аблай и Тявка. Было решено послать послов в Каргополь и в Белоозеро⁴⁰. Но здесь следует учитывать еще один факт. Дело в том, что мы имеем в нашем распоряжении исключительно однобокий взгляд на события. Для того, чтобы получить бóльшую награду, посланники в своих статейных списках могли несколько приукрасить общую картину⁴¹. В Москве также догадывались, по крайней мере служащие Посольского приказа, о возможных искажениях действительности: «...и те все речи, которые говорены и которые не говорены, пишут они в статейных своих списках не против того, как говорено, прекрасно и разумно, выставляючи свой разум на обманство, через чтоб доставить у царя себе честь и жалованье большое...»⁴².

В конце февраля – начале марта послы навестили Аблая. Они сообщили царевичу о здоровье близких и поднесли присланные с ними подарки: кизылбашский дорогильный (шелковый) кушак, рубашку безинную и шапку бархатную таусинную

(темно-синюю) с лисьим передом. В свою очередь Аблай подарил Копланде «зипун дорогильный ал», сняв его с себя. Царевич также написал своею рукою «пятно» со словами: «В нашей де земле это пятно во всем крепко, это де у нас слово тамга. И то б пятно государь пожаловал, велел отослать к матери моей да к Девлет-Гирею, да к жене моей». Также царевич жаловался на однообразие жизни и просил разрешения гулять⁴³.

24 апреля послов отпустили в Уфу. Это действие обставили довольно пышно. Послов пригласили на прием к царю. При этом придворные были одеты в золотное платье. Михаил Федорович благосклонно выслушал послов, звал их к руке «и клал на них свою царскую руку»⁴⁴. В Москве явно надеялись на замирение беспокойных Кучумовичей. Поняли ли это послы, мы не знаем. Поняли ли они, что и поездка к царевичам также была хорошо поставленным спектаклем. Элементы постановки легко читаются в подарках царевичей послу. Подарки явно заготовливались заранее. Возможно, были привезены из Москвы. Для того, чтобы узнать, удалось ли представление, оставалось только ждать. Но в Москве явно надеялись на успех и поспешили дать распоряжение уфимскому воеводе подготовить дворы для возможного приезда Девлет-Гирея и Чагандары⁴⁵.

14 июля 1639 г. послы прибыли в Уфу⁴⁶. 20 июля они в сопровождении русских посланников уфимского сына боярского Федора Тарбеева и толмача Васьки Киржатцкого отправились в калмыцкие улусы. 14 августа они достигли становища Девлет-Гирея, но его не застали. Царевич со своими людьми уехал «зверовать». 19 августа в улус Девлет-Гирея приехали Буянтайша «со многими калмыцкими людьми». Русские посланники скрылись «у Девлет-Гирея царевича в ызбе»⁴⁷, где их осадили калмыки. Через полтора дня тайша «взял их силою», после чего, ограбив, водил по степи три недели. Со слов посланников, их хотели убить. Но княгиня Кирелти (Корелтя), мать Аблая и Тявки и жена Девлет-Гирея, их «от смерти упросила». Посольство отпустили. Только 8 сентября они добрались до улуса Девлет-Гирея. Вернулся с охоты и Девлет-Гирей. Посланники передали царевичу грамоту Михаила Федоровича, косу Тявки и «пятно» Аблая. Девлет-Гирей сказал, «что де у

меня государевы грамоты прочесть некому ныне, абызов нет. И я де тое государеву грамоту повезу прочитати к большим тайшам, к Урлюку и сыну ево Дайчину». Посланники предложили царевичу дать шерть на Коране по специальной записи, подготовленной еще в Москве, после чего Девлет-Гирей и Чагандара должны были перекочевать под Уфу. Но царевич не встал при произнесении имени царя и не принял его грамоты. Отказался шертовать на Коране. И, сидя, сказал: «У государя де я в прямом холопстве быть не хочу. А хочу де быть з государем в миру и послами ссылатца. И пошлю де на весну послов своих к Москве бити челом государю, чтоб государь пожаловал меня, отдал бы мне Тявку царевича. И будет де государь меня пожалует, отдаст мне Тявку царевича, и я де выпущу ко государю Облаеву жену, княиню Чегандару, з детьми с ее, с тремя царевичи, с Кучюком, да с Куенсюерем, да с Чючелем, с Облаевыми детьми. Да пошлю де на весну послов к государю». При этом он ссылался на поддержку многих тайшей. В противном случае грозил большой калмыцкой войной в Сибири и Уфимском уезде. «И стану де ст[оять] [п]од Уфимским городом три года. И государь де мне Тявку царевича отдаст и от неволи». Но на этом представление не закончилось. Девлет-Гирей стал пенять Михаилу Федоровичу, что, предлагая ему идти «под государеву высокую руку в холопство», он полностью отринул прежнюю практику присылки богатых даров и платья. Здесь могли вспомниться рассказы его дяди Ишима, а, может быть, и иных Кучумовичей старшего поколения.

Другую позицию заняла княгиня Чагандара. По ее словам, она по-прежнему готова была ехать к мужу, но ее не пускает деверь. При этом главным аргументом Девлет-Гирея было то, что Аблай сидел в тюрьме. Куда в таком случае ехать жене и детям? Далее шла утечка информации. С одной стороны, это многое объясняет, но в то же время остается непонятным, было ли это спонтанно или же хорошо спланировано. Оказывается, царевич с калмыками в этом году ходил на Астрахань. При этом калмыки окрылились тем фактом, что «нам деи из Астрахан ничего не учинили, с нами не бились». При этом княгиня заявила, что они боятся башкир Уфимского уезда и хотят со-

слаться с ними по весне. 2 октября посланников отпустили. Однако Девлет-Гирей задержал у себя казанского жильца Микифорку Жилку и Курпентабынской волости башкира Исенейка Коксечева, сопровождавших посланников. С ними царевич весной хотел послать своих послов⁴⁸.

Таким образом, перед посланниками сыграли многоактную, заранее в деталях разработанную пьесу. Здесь, правда, хорошо читается и полная несамостоятельность Девлет-Гирея перед его калмыцкими родственниками и благодетелями. Идея с возможным выездом Девлет-Гирея, а затем и с повзрослевшими сыновьями Аблая всплывала еще неоднократно⁴⁹.

А что же Аблай? Нам неизвестно, дали ли царевичу возможность покинуть свою тюрьму. Но по-прежнему он проживал в Белоозере. Все поменялось в 1644 г. По-видимому, царевич вновь написал прошение о крещении. На этот раз его удовлетворили. Почему? Однозначно ответить на данный вопрос невозможно. Предположим, что здесь сыграл роль целый ряд факторов: 1) попытка с изменением статуса Аблая как заключенного улучшить свои позиции при дальнейших переговорах с его родственниками; 2) Москва убедилась в невозможности через пленника повлиять на оставшихся на свободе членов семьи; 3) возможно, в столице стали постепенно пересматривать отношение к крещению знатных татарских выходцев, в особенности когда они сами просили о смене веры; 4) к тому же вполне вероятно, что царевич получил несколько больший уровень свободы в пределах города и воочию смог познакомиться с реалиями жизни в России и основными сторонами православного культа.

Аблая перевели в Кирилло-Белозерский монастырь. В августе того же года монастырские власти заявили о готовности Чингисида к крещению. Но из Москвы приказали оставить его «под началом» еще на полгода. Аблая запрещено было крестить без указа из столицы⁵⁰. Царевича отдали «под начало» черному попу Ефимью. Монастырские власти также подолгу беседовали с Аблаем, убеждаясь в его искреннем желании принять крещение. Наконец 9 марта 1645 г. царевича крестили под именем Василий. Ради крещения царевичу на монастыр-

ские казенные деньги указали сделать «кафтан камчат, ферези тафтяные, однорядку малинов цвет сукна доброго аглинского з завяски и с плетенком золотным, шапку бархатную черную з душкою, штаны багрецовые, сапоги сафьянные да две рубашки шитые добрые, двои порты, два пояса шелковые». При этом Василия оставили жить в монастыре, обязав монастырские власти содержать и почитать новокрещена по его достоинству⁵¹. Ежегодно на монастырские же деньги Василию делалось светское платье на 30 рублей⁵². О наличных деньгах нам ничего неизвестно. Как проводил новокрещенный царевич свои дни в монастыре, мы можем только догадываться. Были ли это только постоянные молитвы или же допускались и отдельные светские развлечения, мы не знаем. Однозначно, что он на долгое время стал достопримечательностью для многочисленных паломников, в том числе и знатных.

Нужно сказать, что Аблай/Василий – не первый Чингисид, проживавший в этом монастыре. В Смутное время сюда сослали Симеона Бекбулатовича. 29 марта 1606 г. Лжедмитрий I специальной грамотой приказал игумену монастыря постричь бывшего царя Симеона. Это свершилось 3 апреля. Симеон превратился в инока Стефана. Его было велено «покоить ... против того, как старца Иону Мстиславского». Пострижение приняла и супруга Симеона, урожденная Анастасия Ивановна Мстиславская (инокиня Александра). По повелению Расстриги ее вместе с сестрой Ириной Мстиславской привезли в Горещкий девичий монастырь на Белоозере. Правда, известно, что после прихода к власти Василия Шуйского 24 мая 1606 г. инокиня Александра переехала в Москву. С приходом к власти Василия Шуйского опального инока отправили в Соловецкий монастырь. 25 июня 1612 г. по челобитью старца руководителя Второго ополчения в Ярославле дали указ о его освобождении из заточения и переводе в Кирилло-Белозерский монастырь. Скорее всего, именно здесь он и умер на рубеже 1615–1616 гг.⁵³

Но вернемся к Василию. О царевиче вспомнил новый царь из династии Романовых, Алексей Михайлович. 26 ноября 1647 г. сибирского царевича, а ныне князя Василия Ишимовича

приказали привести в Москву. Для этого ему дали из монастырских запасов корм на дорогу, а также провожатых⁵⁴. С этого времени у него началась совсем иная жизнь. В столице он стал стольником, а вскоре и кравчим⁵⁵. Последний факт, судя по всему, объясняется просто: в архиве нашли упоминание о подобном же пожаловании царевича Арслана б. Али. Государственная машина работала зачастую на прецедентной основе. В случаях с Чингисидами в XVII в. особое внимание обращали именно на такие примеры, хотя найти их после пожара 1626 г. в Московском Кремле было проблематично. Сохранился единственный документ, датированный 30 ноября 1612 г., в котором сибирский царевич, будущий последний касимовский царь Арслан назван кравчим⁵⁶. Известно, что руководители Второго ополчения стремились воссоздать у себя государственную структуру управления, с тем, чтобы управлять Россией до окончательного освобождения и избрания законного царя. Но чин кравчего считался придворным. Поэтому данное пожалование, скорее всего, было осуществлено при Лжедмитрии I или же, что тоже вероятно, Борисом Годуновым. Тем более, что при нем отмечены некоторые нововведения в отношении к касимовским Чингисидам. Это было связано с введением обряда провозглашения нового царя в Касимове.

Необходимо подробнее остановиться на сюжете с кравчим. Кравчий (крайчий) – придворный чин Московского государства, от «кроить», «рушать» – тот, кто рушит (разбирает) за столом жаркое, пироги для государя. Он служил московскому государю в торжественных случаях за обеденным столом; в его ведении были стольники, подававшие кушанья. Кроме надзора за питьями и яствами, на кравчего возлагалась рассылка в торжественные дни кушаний и напитков с царского стола на дом боярам и другим чинам. В кравчие назначались члены наиболее знатных фамилий, часто из шуринов или других родственников царя. В начале XVII в. известны два случая, когда кравчими при Михаиле Федоровиче были знатные крещеные татары – князя Василий Яншеевич Сулешев и Семен Андреевич Урусов⁵⁷. Их положение в придворной иерархии постоянно колебалось. То оно было ниже окольных, то выше окольных.

чих, но ниже бояр. Здесь следует сказать, что к середине XVI в. в Москве сложилось представление о том, кто мог считаться истинным государем. Таковым признавался только тот, на чье имя «выходили»/«выезжали» представители правящих родов сопредельных стран⁵⁸. Поэтому для каждого нового московского царя особенно ценными были иноземцы (в данном случае татарские царевичи), что выехали или же крестились в его правление.

Уже в Москве, после приема у царя, Василию дали за крещение серебряный ковш, камку адамашку, сукно лундыш добрый, 40 соболей в 40 рублей, 40 аршин сукна кармазин вишневого, 10 аршин камки зеленой травчатой и коня в 10 рублей. Однако здесь, по-видимому, оказались соединены две формы пожалования: за принятие православия и за выезд (пожалования на приезд, официальное поступление на службу)⁵⁹. В 1648 г. князю-царевичу назначили новичный поденный корм в 75 копеек⁶⁰. Для первой половины XVII в. это уникально большое пожалование. Ни у одного Чингисида больше этого не зафиксировано. Следует сказать, что «на пример» при назначении бралась дача князю стольнику Григорию Сунчалеевичу Черкасскому. На тот момент она была наиболее крупной. Поденный корм крещеных детей сибирского царевича Алтана б. Кучума, Петра и Алексея, в 1654–1659 гг. составлял 1 рубль⁶¹. Но здесь нужно помнить, что «новичный» оклад являлся отправной точкой и у знатных выходцев достаточно часто повышался. Причин для этого было много: свадьба, появление детей, рост количества слуг и т.д.

В 1649 г. за сибирским царевичем Василием Ишимовичем значится в поместье деревня, разоренная во время московского восстания⁶². По-видимому, он был испомещен за часть поденного корма. О положении Василия/Аблая в Москве многое говорит тот факт, что во время бунта 1648 г. он находился у государя «вверху»⁶³. Скорее всего, он сделал бы заметную карьеру, если бы не его ранняя смерть около 1650 г.

Василия женили на княгине Ефимье. Установить ее родителей на настоящий момент не представляется возможным⁶⁴. От этого брака известно двое детей: князь Василий и княжна

Гордея. За Василием по межевой книге 1699 г. значатся вотчины (приданные?) в Суходольском и Мерецком станах Кашинского уезда⁶⁵. В 1649 г. в Уфе велись переговоры о выезде сына Аблая, царевича Кучука. Но стало известно о смерти Аблая (к тому времени уже Василия), что послужило возобновлению военных действий Кучумовичей в Сибири против русских войск⁶⁶. Нужно отметить еще один интересный факт из биографии детей Аблая/Василия. Известно, что в 1685/86 г. в Тобольске у некоего «торгового бухаренина» объявилась дочь калмыцкого Акин-тайши Долаева сына, приходившаяся княжне Гордее племянницей. По челобитной княжны, эту калмычку следовало разыскать, и если она действительно окажется дочерью Акин-тайши, отдать ей⁶⁷.

В отличие от брата, информация о царевиче Тявке сохранилась в значительно меньшем объеме. Но недостающие данные легко заимствуются из биографии старшего брата. Нам известно, что Тявку посадили в тюрьму в Каргополе. Условия его содержания, по-видимому, были идентичны тем, в которых содержался брат. 8 марта 1639 г. там его навестили послы. Царевичу они также преподнесли подарки. Но в данном случае мы знаем, от кого и какие. Копланда, посол Девлет-Гирея, вручил ферязи червчатые «кутнятые» (сатиновые); Ишей, от княгини Чагандар, приподнес рубашку безинную, порты и шелковый кизылбашский кушак. От себя Тявка подарил послу Купланде кафтан зенденинный (разновидность хлопчатой ткани). Матери и двоюродному брату он передал свою косу. Также он передал и свое «пятно». Но оно не было отправлено родственникам, а сохранилось до наших дней среди документов Посольского приказа⁶⁸.

Умер он мусульманином. Могила находится в Касимове на старом посадском кладбище, в текие хивинского царевича Аваган-Мухаммеда. Там ему поставили богатое каменное надгробие, сохранившееся до наших дней. Текие было построено вдовой царевича, царицей Алтын-сач (Алтын-ханум). Ее родители – сибирский царевич Азим (Хадумм, Хаджим) б. Кучум и Карача (Карачаца), дочь абыза Ибердея. Дочь и мать были взяты в плен тюменским головой Н.М. Изъединовым в 1608 г.

Вскоре после смерти отца (около 1615 г.) ее мать вторым браком вышла за касимовского царя Арслана. Таким образом, Алтын-сач приходилась Тявке двоюродной сестрой⁶⁹.

Для нас данная информация является более чем важной. Дело в том, что она в очередной раз указывает на то, что все Кучумовичи в России, по крайней мере до середины XVII в., а если принять во внимание сообщение о княгине Гордее, то и позже, помнили о своем единстве. Вполне возможно, что Тявка и Аблай даже время от времени могли получать если не письменные известия, то какие-либо передачи вещами или же провизией. Ведь известно, что сибирский царевич Арслан посылал своим родственникам, жившим в Ярославле, целые обозы (до 50 подвод) съестных припасов из Касимова⁷⁰.

Во всей этой истории осталось много белых пятен. Одним из наиболее интересных следует признать обмен косами. В настоящее время мы не можем объяснить этот обычай. Однозначно можно утверждать только одно: он должен был появиться ранее описываемых событий. Ведь смысловой код передачи кос явно был хорошо знаком всем нашим героям. Возможно, смысл описываемого обряда будет расшифрован благодаря обращению к калмыцкой или же монгольской этнографии.

Прошли годы. И вновь мы встречаемся с потомками Ишима. На этот раз с его внуками. В Боярской книге 1658 г. отмечено, что стольнику Федору Ивановичу Сомову за уфимскую службу 169–172-го гг. (1660–1664 гг.), «что по ево посылке взяты сибирской Кан Сюю царевич з женою и з сыном, и с племянницею, да сибирского ж царевича Чичилея жена»⁷¹. Речь идет о правнуках Кучума, детях Аблая, царевичах Чигилее (Ачилей, Чучулей, Чичель) и Канзуяре (Кансуер, Калсуер, Кансурел, Хансюер?). Известно, что царевичи активно воевали против людей московского царя в 50-х – начале 60-х годов XVII в. В плену они оказались, судя по всему, не ранее 1661 г.⁷² Хансюер упоминается в документах посольства царевича Кучука б. Аблая 1668/69 г. Послы царевича просили проведать Хансюера, находящегося в русском плену⁷³. С 1662 по 1676 г. царевич с семьей проживал в Галиче. Здесь, по видимому, у него родилось не менее двух дочерей⁷⁴. Поэтому

мы можем говорить о несколько более свободных условиях жизни царевича по сравнению с его отцом. Место погребения этих Кучумовичей нам неизвестно.

История повторяется почти зеркально. Оставшиеся на воле царевичи хотят через своих послов осведомиться о жизни своих плененных родственников, обещая в будущем вступить в русское подданство. Нам неизвестно, видели ли царевича послы, но это, впрочем, и не столь важно. В Москве к подобным обещаниям стали относиться более чем прохладно. Ведь они каждый раз по тем или иным причинам не выполнялись. Однако в посольской практике мы видим и некоторую работу над ошибками. Русские посланники привезли царевичу сукна в качестве государева жалованья⁷⁵. Ведь одним из укоров Девлет-Гирея московскому царю было как раз отсутствие ответных даров. Но и на сей раз замирить царевичей не удалось.

Таким образом, на примере одной семьи, точнее, трех ее поколений, мы видим, как кардинально меняется статус Кучумовичей как в России, так и в Зауралье. Если первоначально они имели безусловный высокий статус, то со временем он начал снижаться. Причина этого заключалась не только в падении военных возможностей царевичей. В.В. Трепавлов наглядно показал, что собственных сил и постоянной поддержки среди народов Сибири у них никогда не было⁷⁶. Кучумовичи просто вынуждены были искать себе союзников. В конечном итоге ими стали калмыки. Подобные союзы подкреплялись браками. Но данное «оружие» имело и неприятные побочные последствия. Сибирские царевичи очень быстро из союзников превратились в марионеток в руках родственников своих жен. Они перестали быть самостоятельными фигурами. К тому же пытаясь набить себе цену в глазах белого царя, они зачастую явно перегибали палку. В Москве со временем осознали, что договориться с ними нельзя. Добровольно стать подданными великого государя они не хотели или не могли. А значит, замирить их и тем самым защитить границы России оказывалось невозможно. Походы на земли, прочно ставшие русскими, превратились для сибирских царевичей в своеобразный акт инициации в молодости и обернулись необходимостью совершать их всю

оставшуюся жизнь. Они тем самым постоянно доказывали свое право на статус Кучумовича, полученный ими при рождении. К тому же без постоянных набегов царевичи не могли аккумулировать вокруг себя хоть какое-то значимое число улусников. А без них они фактически теряли свой статус. Сибирь и башкиры при этом становились единственными направлениями для их набегов. Круг замкнулся.

Что же касается пленных Кучумовичей, то у них полностью исчезла какая-либо возможность покинуть пределы Московского государства. Им оставалось сделать выбор – принять «добровольное» крещение или же безвестно сгинуть в одной из северных тюрем.

¹ *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII в.: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 67.

² Там же. С. 68–71; *Беляков А.В.* Новый документ о ранней истории г. Самары // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2014. Т. 14, вып. 1. С. 82–85.

³ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1–3. М., 2000–2005; *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. II–IV. СПб., 1864–1887; *Любимов С.В.* Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915; *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012; *Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А.* Прибытие Кучумовичей в Россию осенью 1598 – зимой 1599 г. (особенности статуса и повседневной жизни пленных Чингисидов) // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 4. М., 2010. С. 81–102; *Беляков А.В.* Касимовский царь Араслан Алеевич и православное население его удела // Тюркологический сборник. 2002: Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 189–199; *Его же.* Царь Араслан Алеевич и посад Касимова в начале XVII в. // Рязанская старина. 2002, вып. 1. М., 2003. С. 56–64; *Его же.* Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях Смутного времени и его судьба // Мининские чтения, 2004. Н. Новгород, 2005. С. 21–35; *Его же.* Араслан Алеевич – последний царь касимовский // Рязанская старина. 2004–2005, вып. 2–3. Рязань, 2006. С. 8–30; *Его же.* Политика Москвы по заключению браков служилых Чингисидов // Тюркологический

- сборник, 2007–2008. М., 2009. С. 35–55; *Его же*. Касимовский царевич Яков (Иаков). Мифологизация образа // Пятые Яхонтовские чтения. Рязань, 2010. С. 89–94; *Его же*. Участие служилых татарских царей и царевичей в придворном церемониале (Московский Кремль и Коломенский дворец) // Коломенское: материалы и исследования. Вып. 13. М., 2011. С. 87–94; *Его же*. Новый документ о ранней истории г. Самары.
- ⁴ РГАДА. Ф. 131, 138, 141, 150, 158, 159 и др.
- ⁵ *Беляков А.В.* Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. // Тюркологический сборник, 2006. М., 2007. С. 95–112.
- ⁶ *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 66, 79; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. II. М., 2000. С. 193–194.
- ⁷ *Беляков А.В.* Новый документ о ранней истории г. Самары. С. 82–85.
- ⁸ Сын хана Кучума. Его в 1600 г. отправили в Тобольск старшие братья Али, Канай, Азим и, по-видимому, Ишим, чтобы договориться о «полоне» (размене, выкупе?). Однако воевода решил отправить его в Москву через Уфу (*Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. II. С. 196). Других сведений о царевиче нет.
- ⁹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1601г. Д. 2. Л. 3.
- ¹⁰ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. II. С. 231.
- ¹¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 1. М., 1936. № 35.
- ¹² *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII в. С. 67–71.
- ¹³ *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 66.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 722. Л. 1.
- ¹⁵ Там же. Л. 7.
- ¹⁶ В это же время в устюжской особой тюрьме содержали еще одного сибирского царевича, Хансюера б. Али б. Кучума. Документы донесли до нас описание тына и режима содержания царевича: «и тыном избу огородили, и меж тынин тесом обили накрепко, и сторожей к нему приставили шесть человек, и велели им бытия безотступно днем и ночью, и береженье держать великое, и никою к нему не припускать, и не разговаривать с ним ни о чем, и ножа и никакова железа ему давать не велели» (Там же. Ф. 131. Оп. 1. 1635 г. Д. 1; 1638 г. Д. 4). Таким образом, мы видим, что условия содержания знатных пленников были однотипными, хотя и имели в каждом случае некоторые особенности.
- ¹⁷ Там же. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 722. Л. 15–16.
- ¹⁸ Там же. Л. 12–12 об.
- ¹⁹ Там же. Ф. 131. Оп. 1. 1635 г. Д. 1; 1638 г. Д. 4.
- ²⁰ Там же. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 722. Л. 41 а, 41 б.

- ²¹ *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / сост. Н.Н. Оглоблин. Ч. 4. М., 1901. С. 135.
- ²² *Веселовский С.Б.* Белозерский край в первые годы после Смуты // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 277–278.
- ²³ *Кистерев С.Н.* Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси рубежа XV–XVI столетий // Звенигород за шесть столетий. М., 1998. С. 73.
- ²⁴ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. I. СПб., 1863. С. 297–299.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 722. Л. 26–27.
- ²⁶ *Беляков А.В., Морохин А.В.* Отношение центральной власти к насильственным крещениям на местах в первой половине XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 18. М.; СПб., 2015. С. 183–185.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 722. Л. 7.
- ²⁸ Следует отметить то, что именование жены царевича княгиней выглядит несколько странным. Дело в том, что в России XVI–XVII в. существовало устойчивое правило, по которому жена любого царевича-мусульманина называлась царицей. Точно так же все женщины из рода Чингисидов, сохранившие верность исламу, при выходе замуж также «писались» царицами, какой бы статус ни имел ее муж. Возможно, это косвенный факт общего падения значения «казакующих» Кучумовичей в глазах Москвы.
- ²⁹ *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 174, 215.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 722. Л. 35–38, 40.
- ³¹ *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 177.
- ³² Там же. С. 216.
- ³³ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1638 г. Д. 1. Л. 9.
- ³⁴ Там же. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 722. Л. 42–43.
- ³⁵ Там же. Л. 48–48 об.
- ³⁶ Там же. Ф. 119. Оп. 1. 1638 г. Д. 1. Л. 1–10.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. Л. 13–17.
- ³⁹ *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 158–206.
- ⁴⁰ Там же. С. 163.
- ⁴¹ *Прудовский П.И.* По поводу одного высказывания Г.К. Котошихина (IV, 24): к вопросу о достоверности дипломатических отчетов и профессионализации дипломатической службы в России середины XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. М., 2015. С. 196–199.
- ⁴² *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 52.
- ⁴³ *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 172–175.
- ⁴⁴ Там же. С. 187–189.

⁴⁵ Там же. С. 193–199, 200–201.

⁴⁶ Там же. С. 203.

⁴⁷ В данном случае послы, скорее всего, действительно спасались в некоей деревянной избе. Получается, что у сибирских царевичей могло быть построено в разных местах несколько стационарных жилищ, типа охотничьих заимок, которые они использовали во время своих перекочевок. В таком случае сведения посланников о том, где и в скольких днях пути находится тот или иной «улус», приобретают значительно большее значение. «А ехали мы от Девлет-Гирея царевича улусу до Уфы станишною ездою четыре недели, а только ехати полковым ходом, и ходу будет до ево улусу от Уфы недель шесть и больши» (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1638 г. Д. 1. Л. 10). А наши представления об их кочевом образе жизни следует несколько скорректировать. Хотя здесь нет ничего кардинально нового. Еще у половцев существовали стационарные зимовья.

⁴⁸ Там же. Оп. 1. 1639 г. Д. 1. Л. 3–11.

⁴⁹ *Васьков Д.А.* Отписка тобольских воевод о русских посольствах к сибирскому царевичу Девлет-Гирею в 1645–1646 годах // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: «История и филология». 2014. № 1. С. 158–166.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 196. Оп. 2. Д. 26. Л. 1–2. Здесь следует отметить, что это требование не является уникальным. По существующим тогда правилам, гражданским властям следовало сообщить в Москву о желании того или иного иноземца креститься. И только после соответствующего указа смена веры разрешалась. Однако церковные власти часто игнорировали данную правовую норму. Ведь для них за этот шаг наказания не следовало. Стоит также особо отметить, что иноземцами считалось все неправославное население, даже если оно проживало в Московском государстве уже не одну сотню лет (*Беляков А.В., Морохин А.В.* Указ. соч. С. 168–188; *Опарина Т.А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв. М., 2007. С. 5–8).

⁵¹ РГАДА. Ф. 196. Оп. 2. Д. 28.

⁵² Там же. Д. 31.

⁵³ *Беляков А.В.* Симеон Бекбулатович // Единорогъ: материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средневековья и Раннего Нового времени. М., 2011. С. 159–191; *Ульяновский В.И.* Россия в начале Смуты: очерки социально-политической истории и источниковедения. Ч. I. Киев, 1993. С. 275–299; *Его же.* Смутное время. М., 2006. С. 107–152.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 196. Оп. 2. Д. 32. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Ф. 131. Оп. 1. 1654 г. Д. 2. Л. 18.

- ⁵⁶ Там же. Ф. 1030. Оп. В (3). 1612 г. Д. 2; Описание документов архива бывших Большесольских посадских избы и ратуши, найденного в посаде Большая Соли, Костромского уезда XVI–XVII столетия. СПб., 1902. С. 173–174.
- ⁵⁷ *Миллер Г.Ф.* Сочинения по истории России: избранное. М., 1996. С. 208–209.
- ⁵⁸ Полное собрание русских летописей. Т. XXI: Книга Степенная царского родства. Ч. 1. СПб., 1908. С. 103, 572, 591, 650, 655 и др.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1654 г. Д. 2. Л. 18.
- ⁶⁰ Там же. 1648 г. Д. 11. Л. 10 об.
- ⁶¹ Там же. 1655 г. Д. 4. Л. 1; 1657 г. Д. 1; 1659 г. Д. 3.
- ⁶² Там же. 1648 г.; 1649 г. Д. 3.
- ⁶³ Там же. 1648 г. Д. 11. Л. 34.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 210. Д. 1022. Л. 18; *Любимов С.В.* Указ. соч. С. 65.
- ⁶⁵ *Любимов С.В.* Указ. соч. С. 69.
- ⁶⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1649 г. Д. 110.
- ⁶⁷ *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 3. М., 1900. С. 164.
- ⁶⁸ *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 175–177, 215.
- ⁶⁹ *Беляков А.В.* Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. С. 103; *Трутовский В.К.* Надгробные надписи из текие Афган Мохаммед-Султана в г. Касимове // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1890 г. Т. V, тетр. 9. Рязань, 1891. С. 149–153; *Селиванов А.В.* Раскопки в г. Касимове // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1887 г. Т. II, тетр. 2. Рязань, 1888. С. 28–30; *Кобеко Д.Ф.* Надгробные надписи в Касимове // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1891 г. Т. VI, тетр. 5. Рязань, 1892. С. 87–88.
- ⁷⁰ *Беляков А.В.* Араслан Алеевич – последний царь касимовский. С. 14–26.
- ⁷¹ Боярская книга 1658 г. М., 2004. С. 45.
- ⁷² *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. II. С. 635; Т. III. С. 34, 36, 438, 439.
- ⁷³ *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 118, 206–215.
- ⁷⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1, ч. 7. Д. 8219, 8557; Ч. 11. Д. 15669.
- ⁷⁵ *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 211.
- ⁷⁶ Там же.

Литература

- Беляков, А.В.* Касимовский царь Араслан Алеевич и православное население его удела [Текст] // Тюркологический сборник. 2002: Россия и тюркский мир / редкол.: С.Г. Кляшторный (пред.) и др. М.: Вост. лит., 2003. С. 189–199.
- Беляков, А.В.* Царь Араслан Алеевич и посад Касимова в начале XVII в. [Текст] // Рязанская старина. [Вып.] 1: 2002 / под ред. А.О. Никитина. М.: ЭПИцентр Интеграл-Информ, 2003. С. 56–64.
- Беляков, А.В.* Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях Смутного времени и его судьба [Текст] // Мининские чтения, 2004 / отв. ред. О.С. Аржанова. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2005. С. 21–35.
- Беляков, А.В.* Араслан Алеевич – последний царь касимовский [Текст] // Рязанская старина. [Вып.] 2/3: 2004–2005 / под ред. А.О. Никитина, П.А. Трибунского. Рязань: Край, 2006. С. 8–30.
- Беляков, А.В.* Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. [Текст] // Тюркологический сборник, 2006 / редкол.: С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. М.: Вост. лит., 2007. С. 95–112.
- Беляков, А.В.* Политика Москвы по заключению браков служилых Чингисидов [Текст] // Тюркологический сборник, 2007–2008 / редкол.: С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. М.: Вост. лит., 2009. С. 35–55.
- Беляков, А.В.* Касимовский царевич Яков (Иаков). Мифологизация образа [Текст] // Пятые Яхонтовские чтения / отв. ред. И.Г. Кусова. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2010. С. 89–94.
- Беляков, А.В.* Чингисиды в России XV–XVII вв.: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.
- Беляков, А.В.* Крещение Чингисидов [Текст] // Российская история. 2011. № 1. С. 107–115.
- Беляков, А.В.* Участие служилых татарских царей и царевичей в придворном церемониале (Московский Кремль и Коломенский дворец) [Текст] // Коломенское: материалы и исследования / под ред. Л.П. Колесниковой. Вып. 13. М., 2011. С. 87–94.
- Беляков, А.В.* Новый документ о ранней истории г. Самары [Текст] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2014. Т. 14, вып. 1. С. 82–85.
- Беляков, А.В.* Отношение центральной власти к насильственным крещениям на местах в первой половине XVII в. / А.В. Беляков,

- А.В. Морохин // Очерки феодальной России / ред. С.Н. Кистерев. Вып. 18. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. С. 168–188.
- Боярская книга 1658 г. / сост. В.А. Кадик; отв. ред. Н.М. Рогожин. М.: ИРИ РАН, 2004. 335 с.
- Васьков, Д.А.* Отписка тобольских воевод о русских посольствах к сибирскому царевичу Девлет-Гирею в 1645–1646 годах [Текст] // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История и филология». 2014. № 1. С. 158–166.
- Вельяминов-Зернов, В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах [Текст]. [Ч. II]. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1864. [6], XVI, 498 с.
- Вельяминов-Зернов, В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах [Текст]. [Ч. III]. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1866. XII, 502 с.
- Вельяминов-Зернов, В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах [Текст]. [Ч. IV, вып. 1]. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1887. [6], 178 с.
- Веселовский, С.Б.* Белозерский край в первые годы после Смуты [Текст] // Архив русской истории. Вып. 7. М.: Древлехранилище, 2002. С. 276–296.
- Кистерев, С.Н.* Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси рубежа XV–XVI столетий [Текст] // Звенигород за шесть столетий / под ред. В.А. Кондрашиной, Л.А. Тимошиной. М.: Едиториал УРСС, 1998. С. 65–88.
- Кобеко, Д.Ф.* Надгробные надписи в Касимове [Текст] // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1891 г. Рязань: тип. Губ. правления, 1892. Т. VI, тетр. 5. С. 87–88.
- Котошихин, Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича [Текст]. Изд. 4-е. СПб.: тип. Гл. Упр. Уделов, 1906. [8], XXXVI, 214, [2] с.
- Любимов, С.В.* Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы [Текст]. Пг.: [тип. Андерсона и Лойцянского], 1915. [6], 108 с.
- Маслюженко, Д.Н.* Прибытие Кучумовичей в Россию осенью 1598 – зимой 1599 г. (особенности статуса и повседневной жизни пленных Чингисидов) [Текст] / Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябина // История народов России в исследованиях и документах / отв. ред. В.В. Трепавлов. Вып. 4. М.: ИРИ РАН, 2010. С. 81–102.
- Материалы по истории Башкирской АССР [Текст]. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. 632 с.
- Миллер, Г.Ф.* Сочинения по истории России [Текст]: избранное / отв. ред. В.И. Буганов. М.: Наука, 1996. 448 с.

- Миллер, Г.Ф.* История Сибири [Текст]. Т. II. М.: Вост. лит., 2000. 796 с.
- Миллер, Г.Ф.* История Сибири [Текст]. Т. III. М.: Вост. лит. 2005. 598 с.
- Оглоблин, Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) [Текст] / сост. Н.Н. Оглоблин. Ч. 3. М.: Университет. тип., 1900. [2], IV, 394 с.
- Оглоблин, Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) [Текст] / сост. Н.Н. Оглоблин. Ч. 4. М.: Университет. тип., 1901. 288 с.
- Селифонтов, Н.Н.* Описи документам архива бывших Большесольских посадской избы и ратуши, найденного в посаде Большая Соли, Костромского уезда XVI–XVIII столетия [Текст] / сост. ... Селифонтовым ... [Изд. посмерт.]. СПб.: Костромская губ. учен. архивная комис., 1902. [2], VI, 190 с.
- Полное собрание русских летописей [Текст]. СПб: тип. М.А. Александрова, 1908. Т. XXI, половина 1: Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. VII, 342 с.
- Прудовский, П.И.* По поводу одного высказывания Г.К. Котошихина (IV, 24) [Текст]: к вопросу о достоверности дипломатических отчетов и профессионализации дипломатической службы в России середины XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время / под ред. В.Л. Янина (пред.) и др. Вып. 4. М.: МГУ, 2015. С. 196–199.
- Селиванов, А.В.* Раскопки в г. Касимове [Текст] // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1887 г. Рязань: тип. губ. правления, 1888. Т. II, тетр. 2. С. 28–30.
- Трепавлов, В.В.* Сибирский юрт после Ермака [Текст]: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост. лит., 2012. 231 с.
- Трутовский, В.К.* Надгробные надписи из текие Афган Мохаммед-Султана в г. Касимове [Текст] // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1890 г. Рязань: тип. губ. правления, 1891. Т. V, тетр. 9. С. 149–153.
- Ульяновский, В.И.* Россия в начале Смуты [Текст]: очерки соц.-полит. истории и источниковедения. Ч. I. Киев: УМК ВО, 1993. 368 с.
- Ульяновский, В.И.* Смутное время [Текст]. М.: Европа, 2006. 448 с.

А.А. Ганич, Дж.Я. Рахаев

**ПЕРВЫЙ ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН ТЕРГДАЛЕУЛЕБИ:
«ВЕСТНИК ГРУЗИИ» И.Г. ЧАВЧАВАДЗЕ***

В данной публикации раскрываются обстоятельства учреждения И.Г. Чавчавадзе нового грузино-язычного ежемесячного журнала «Вестник Грузии».

***Ключевые слова:** тергдалеулеби; грузинское общество; Россия; И.Г. Чавчавадзе; «Вестник Грузии».*

A.A. Ganich, J.Ya. Rakhaev

**FIRST ORGAN TERGDALEULEBI:
“BULLETIN OF GEORGIA” I.G. CHAVCHAVADZE**

In this publication the circumstances is disclosed institutions I.G. Chavchavadze new Georgian-lingual monthly magazine “Bulletin of Georgia”.

***Key words:** tergdaleulebi; Georgian society; Russia; I.G. Chavchavadze; “Bulletin of Georgia”.*

Тергдалеулеби («испивший воду Терека», т.е. побывавший в России) – патриотическо-демократическое направление грузинской просветительской мысли 1860–1870-х годов; т.н. грузинские шестидесятники. Название движению дал обычай: уезжая учиться на север и пересекая Кавказский хребет, студенты символически прощались с родиной – пили воду из Терека. Несомненным лидером тергдалеулеби был писатель, общественный и государственный деятель, князь Илья Григорье-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-14001а(ц).

вич Чавчавадзе (1837–1907). Идейное оформление тергдалеулеби сложилось в полемике с грузинскими либералами на страницах журнала «Цискари» («Заря») по вопросам грузинского языка и литературы и отношения к аграрной реформе.

В 1863 г. под началом И.Г. Чавчавадзе открылось новое грузино-язычное периодическое издание – ежемесячный журнал «Вестник Грузии» («Сакартвелос моамбе»), призванный стать идеологическим проводником и главным печатным органом грузинских шестидесятников. Эпиграфом к изданию была выбрана цитата из Евангелия: «От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето» (Мк 13. 28). На страницах журнала лидеры тергдалеулеби (Н. Николадзе, А. Казбеги, Важа Пшавела, А. Церетели, Д. Гогебашвили, С. Месхи и др.) выражали главным образом интересы грузинского крестьянства и городской мелкой буржуазии, выступали против крепостного права, за социальное и национальное освобождение грузинского народа.

В общей сложности вышло всего 12 номеров журнала, и в 1864 г. он по цензурным соображениям был закрыт. Преемником издания, продолжившем просветительно-демократические начала «Вестника Грузии», стал журнал «Иверия», издававшийся И.Г. Чавчавадзе в 1886–1902 гг.

Данная публикация расширяет наши представления об обстоятельствах учреждения первого печатного органа тергдалеулебии – журнала «Вестник Грузии».

№ 1

Об издании в Тифлисе грузинского журнала

Его Императорского Величества
Наместник Кавказский
По департаменту общих дел
28 февраля 1862 г.
№ 113
г. Тифлис

Господину члену Кавказского комитета, управляющему делами оно́го.

Князь Илья Чавчавадзе обратился с просьбою о дозволении ему издавать новый журнал на грузинском языке, под заглавием «Грузинский вестник».

Кавказский цензурный комитет, рассмотрев и одобрив представленную князем Чавчавадзе программу этого журнала, испрашивал разрешения на издание оно́го.

Вследствие сего и на основании 16 и 138 ст[атей] XIV т. св[ода] зак[онов] о ценз[уре], разрешив издание в Тифлисе означенного Грузинского журнала, по представленной издателем программе, с тем, чтобы в нем не помещалось никаких политических известий и рассуждений, я имею честь уведомить об этом Ваше Превосходительство, препровождая при сем и копию с программы.

Исправляющий должность Наместника Кавказского
Генерал-адъютант Орбелиани¹ (подпись)
Начальник Главного Управления
Статс-секретарь (подпись)
За директора (подпись)

ПРОГРАММА
предлагаемого к изданию «ГРУЗИНСКОГО ВЕСТНИКА»
состоит из семи отделов:

1. Чисто литературный: стихотворения, романы, повести, драматические пьесы и проч., оригинальные и переводные.
2. Исторический: статьи, относящиеся до всеобщей и в особенности Русской истории края – оригинальные и переводные.
3. Политико-экономический и сельско-хозяйственный.
4. Критика и библиография новых книг и замечательных журнальных статей.
5. Юмористический.
6. Смесь (преимущество извлечение из русских периодических изданий).
7. Приложения: Старинные грузинские книги, рукописи и проч.

«Грузинский вестник» будет выходить ежемесячно книжками от 10 до 15 печатных листов. Цена за годовое издание, пересылки и доставки на дома – десять руб[лей] сереб[ром], с пересылкой и доставкой – десять р[ублей] пятьдесят коп[еек] сер[ебром].

За Директора департамента общих дел (подпись)
Начальник отделения (подпись)

РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 69. Л. 1–2. Подлинник.

Кавказский комитет
в С.-Петербурге
20 марта 1862 г.
№ 347

Господину Управляющему Министерством Народного Просвещения.

Г-н исправляющий должность наместника Кавказского общает, что Князь Илья Чавчавадзе обратился с просьбою о дозволении ему издавать в Тифлисе новый журнал на грузинском языке, под заглавием «Грузинский вестник», и что Кавказский цензурный комитет одобрил представленную князем Чавчавадзе программу этого журнала. Вследствие сего и на основании ст[атей] 16 и 138 уст[ава] о ценз[уре] св[ода] зак[онов] т. XIV, генерал-адъютант князь Орбелиани разрешил издание означенного журнала, по представленной издателем программе, с тем чтобы в нем не помещалось никаких политических известий и рассуждений.

Об этом я имею честь уведомить Ваше Превосходительство, для сведения, препровождая и копию с доставленной князем Орбелиани программы.

Подписал: член Комитета, Управляющий делами,
статс-секретарь В. Бутков²
Верно: секретарь (подпись)

РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 69. Л. 3. Копия.

¹ Джембакуриан-Орбелиани Григорий Дмитриевич (Григол Зурабович) (1804–1883), генерал-лейтенант, Тифлисский генерал-губернатор, член Государственного совета.

² Бутков Владимир Петрович (1813–1881), статс-секретарь, действительный тайный советник, член Государственного совета.

Л.С. Гагагова

**ЭТНИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIX В.:
МЕХАНИЗМЫ КООПТАЦИИ ВО ВЛАСТЬ***

В данной статье на широком историческом материале показаны механизмы кооптации элит Северного Кавказа в номенклатуру правящего класса Российской империи в XIX столетии.

Ключевые слова: *Российская империя; Северный Кавказ; сословный вопрос; адыги; осетины; дагестанцы; ногайцы; балкарцы; ингуши.*

L.S. Gatagova

**ETHNIC ELITES
OF NORTH CAUCASUS IN THE XIX CENTURY: MECHANISMS OF
COOPTATION INTO THE POWER**

This article based on a broad historical material shows the mechanisms of cooptation of elites of the North Caucasus into the nomenclature of the ruling class of the Russian Empire during the XIX century.

Key words: *Russian Empire; North Caucasus; estate question; Circassians; Ossetians; Dagestan; Nogai; Balkars; Ingush.*

К началу XIX столетия Северный Кавказ представлял собой сложный конгломерат разнородных и разновеликих социумов, существенно различавшихся между собою уровнем полито- и социогенеза. Стадиальные различия детерминировали несхожие типы сословных структур, исторически сформировавшихся внутри кавказских этнических и субэтнических сообществ. Они же определяли сложившуюся внутри каждого народа сословную иерархию. На верхних степенях сословной

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-14001а(ц).

лестницы у восточных адыгов (бесленеевцы, бжедухи, мохосевцы, темиргоевцы, хатукаевцы и др.) находились князья-пши и дворяне-уорки. У западных адыгов (абадзехи, натухайцы, шапсуги, убыхи) также существовало княжеское сословие и дворяне (уорки). Они часто роднились с кабардинским высшим сословием тлекотлешей, тем самым подтверждая свой высокий социальный статус. Из-за ослабления княжеских родов в XVIII в. сословная структура постепенно размывалась. Поскольку «благородных» фамилий становилось – относительно низших слоев – слишком много (они составляли едва ли не четверть населения), внутри адыгских племенных групп шла нескончаемая конкурентная борьба за власть.

У других народов Кавказа соотношение между привилегированными и непривилегированными группами населения носило более сбалансированный характер. Так, среди кумыков Дагестана к разряду знати относились облаченные верховной властью шамхалы, уцмии, ханы, а также князья, именуемые биями, беками и чанка. Беки делились на потомственных и пожалованных. Они являлись земельными собственниками и получали с подвластных крестьян подати и повинности. К первой категории беков относились рожденные от равного брака, ко второй – рожденные, к примеру, от брака феодального владельца с «дворянкой»-узденкой или холопкой. Их называли чанка-беки¹. У лакцев сословие знати составляли ханы, беки, чанка и хаду, у лезгин – беки, у ногайцев – султаны, мурзы. Во главе карачаевских обществ стояли таубии (вместе с олием), у балкарцев – таубии. «Наименование это допущено правительством с 1852 г., т.е. со времени принятия императором Николаем I депутации от этих обществ; до того же времени лица, принадлежавшие к сословию таубий, во всех правительственных и административных сношениях с горцами всегда именовались горскими старшинами», – свидетельствует документ².

В 1844 г., в результате исследований, было признано наличие сословия владетелей и подвластного им народа в осетинских обществах³. В осетинскую знать включали сословия дигорских баделят, царгасат, гагуат, а также тагаурских алдаров и куртатинских таубиев. Иногда их именовали по названиям ро-

довых ущелий: тагиаты, куртаты. Если дигорскую знать российские военные и гражданские чиновники признали без оговорок, то тагаурским старшинам-владельцам пришлось бороться за признание их привилегированных прав. В 1847 г. решением кавказского наместника М.С. Воронцова они были признаны в звании алдар – «во внимание заслуг, а также и потому, что им обидно называться старшинами наравне с лицами простого сословия, занимающими в аулах должности старшин»⁴.

Наиболее сложная сословная структура существовала у кабардинцев: она включала 11 сословий во главе с пши-князьями и узденями нескольких степеней (тлекотлеши, деженуго, беслан-уорки, уорк-шаутлугусы и пшекеу). Сословная картина кабардинского нобилитета была бы неполной без упоминания института валиев и мехкеме. Валий чинил суд и расправу, управлял внешними и внутренними делами, а мехкеме узаконивал постановления валия об отмене старых и введении новых обычаев⁵.

В среде т.н. эгалитарных, или «демократических» племен Северо-Западного Кавказа и в т.н. «вольных» обществах Северо-Восточного Кавказа, территориальных общинах, объединявшихся в джамааты, а также у части этносов центральной части региона подобная иерархия отсутствовала. К примеру, у ингушей сохранялись глубокие пережитки родового быта в виде больших фамилий, патронимий (родственных общин). Особым почетом пользовались старейшины и баяччи (боевые предводители). Старшинами избирали «богачейших», и в народных собраниях господствовали те старшины, чьи фамилии были многочисленней и богаче других⁶.

У чеченцев при отсутствии сословного деления и наличии родовых групп в виде тейпов (состоявших из некое и объединявшихся в тухумы) в XIX в. все большим влиянием стали пользоваться кадии, а позднее – суфийские шейхи. Над всеми возвышались – по праву сильных – представители наиболее богатых родов, чье материальное благосостояние заменяло наличие потомственных прав. Определенными привилегиями пользовались и старейшины. В некоторых случаях, как, в част-

ности, у табасаранцев, роль правящих сословий исполняли представители мусульманского духовенства – кадии.

Несмотря на отсутствие привилегированных сословий, внутри «демократических» племен неизменно выделялись неформальные лидеры, «сильные» люди, накопившие богатство и диктовавшие условия всем тем, кто был заведомо слабее. У ингушей они именовались «хорошими фамилиями» – в противовес «подлым». Такие люди обычно брали на себя функции старшин. «Своих старшин они выбирали и те властвовали не потому, – писал П.И. Ковалевский, – что они *имели* право, а потому, что они *получили* право»⁷. В «вольных обществах» Дагестана большие и малые родственные группы (тухумы и жинсы) подчинялись старейшинам.

В общественной жизни некоторых кавказских народов значительную роль играло духовенство, сохранявшее за собой сильные позиции внутри наиболее исламизированных групп населения. Достаточно сказать, что, по некоторым данным, в начале XIX в. численность мулл на Кавказе достигала 2,5% от всего населения. Такой высокий процент во многом объясняется тем, что в регионе шел интенсивный процесс исламизации. Муллы, имамы (служители мечети), алимы, улемы (ученые-богословы) и мударрисы (наставники в религиозных школах – мектебах и медресе) составляли ядро последователей канонического или ортодоксального ислама. За пределами их круга действовали шейхи, возглавлявшие суфийские общины и выступавшие в роли духовной оппозиции. Еще на исходе XVIII в. духовенство в Чечне и Дагестане стало оформляться в феодальное сословие, которое оказывало серьезное влияние на умы горцев⁸.

В начале следующего столетия духовенство в Дагестане, по мнению исследователя, уже представляло собой интеллектуально-элитарную прослойку, поскольку в его руках находились все важнейшие сферы жизни общества: идеология, культура и быт⁹. Многочисленное аварское духовенство обладало огромным влиянием на население. Оно было сильно и экономически¹⁰. Основу материального благосостояния мусульманского

клира составлял регулярно выплачиваемый населением закят (10% от сбора зерновых).

У народов Северо-Западного Кавказа, поздно и относительно поверхностно воспринявших ислам, мусульманские духовные лица не обладали таким влиянием, как в Дагестане или в Чечне. Не столь влиятельным духовенство было и в остальных районах региона.

Сословия и группы, в разные времена доминировавшие в кавказских этнических и субэтнических сообществах, находились в непрерывном движении, выдвигая из своей среды то одних, то других лидеров. К примеру, Большой Кабардой на протяжении нескольких столетий управляли четыре сменявшие друг друга княжеских фамилии. В 1828 г. начальник Кавказской области, командующий войсками на Кавказской линии генерал Г.А. Эммануэль писал: «В то время, когда Кабардинские народы управлялись еще волею князей, князья, не имевшие над собою никакой власти, все тяжёбные дела между собою решали оружием. Малейшее неудовольствие влекло за собою кровопролитие, и сильнейший всегда оставался правым»¹¹. Кабардинские феодальные владетели были одними из первых, кто наладил не только дипломатические, но и династические связи с Российским государством, скрепив их в 1560 г. браком Марии Темрюковны, дочери кабардинского князя, с Иваном Грозным. С тех пор связи практически не прерывались. Князья Черкасские, как осевшие в России, так и вернувшиеся на родину, в Кабарду, были верной опорой трона и причислялись к высочайшей аристократии¹².

20 марта 1718 г. Петр I издал грамоту, адресованную «кабардинским князьям Атажукке Мисостову и др.» о направлении им жалованья и с обещанием помощи войсками в случае нападения врагов: «Тако же и во время нужное и войсками вам против набегов кубанских и иных татар вспомогать повелим»¹³. Поддержка, оказанная кабардинцами российским войскам во время Персидского похода Петра I, обернулась для них немалыми дивидендами. Но в первой половине XIX столетия сословный статус кабардинских князей заметно ослаб, что выразилось в утрате ими основной части своих социально-

экономических привилегий, в имущественном расслоении, в упадке общественного авторитета¹⁴.

С конца XVI в. налаживались контакты Российского государства с казикумухскими шамхалами, аварскими нуцалами и кайтагскими уцмиями. В течение XVII и XVIII вв. дагестанские правители (шамхалы, уцмии, нуцалы, майсумы и беки) неоднократно вступали в договорные отношения с российскими военными и дипломатическими посланниками, признававшими их в качестве верховных правителей. В 1700 г. по указанию Петра I астраханский воевода вошел в сношения с дербентским и шемаханским ханами. В 1720 г. кумыкский шамхал Адил-Гирей вступил в подданство России. В ходе военных походов 1722–1723 гг. шамхал Тарковский прислал императору гонцов с изъявлением покорности. В 1789 г. в подданнические отношения вступили уцмейство Кайтагское и Табасаранское майсумство. Несмотря на хрупкость и недолговечность всех этих союзов, они закладывали основы для будущего взаимодействия между политической элитой империи и кавказскими феодальными верхами.

Россия признала наследственные титулы дагестанских правителей, выделяя ханов, шамхалов, уцмиев, нуцалов, майсумов и беков из общей массы населения и делая на них ставку в многосложных политических играх. Договорные отношения строились на взаимовыгодной основе. В списке «дагестанских владельцев», принявших русское подданство, который составил офицер Бушен в декабре 1806 г., фигурировал Меди – шамхал Тарковский, которому был пожалован чин генерал-лейтенанта и предоставлено жалованье 6000 рублей в год. Там же упоминался и табасаранский Абдулла-бек, сын Рустем-кадия, пожалованного «в 4 класс» и получавшего 1500 рублей. самого высокого жалования в 5000 рублей удостоился аварский Ахмет-хан¹⁵.

В начале XIX столетия П.Д. Цицианов, главнокомандующий в Грузии и астраханский генерал-губернатор, оценивая перспективы полного замирения региона, пришел к заключению, что на это потребуется порядка тридцати лет. «В течение сего времени стараться вводить кротчайшие нравы и любовь к ближнему, а потому и к общему благу; но не иными какими

способами как щедрыми наградами тех, кои что-нибудь сделают к общей пользе», – рассуждал он¹⁶.

Российское правительство пыталось применить на Кавказе приемы, отработанные в ходе присоединения восточных территорий. В частности, делались попытки насадить аманатство¹⁷. В 1789 г. к светлейшему князю Г.А. Потемкину «препроводили» в качестве аманатов кабардинских, кумыкских и осетинских «владельцев»¹⁸. На рубеже XVIII–XIX столетий желающих отдавать своих детей в заложники было не слишком много, но отдельные случаи все же имели место. К примеру, будущий российский генерал Мусса Кундухов был взят аманатом в Петербург в возрасте 12 лет. Он стал воспитанником Павловского военного училища, откуда выпустился корнетом. Ему удалось выделиться из общей массы, и в 1837 г. молодого офицера включили в свиту императора Николая I, готовившего совершить поездку по Кавказу. В ходе путешествия Кундухов, обратив на себя внимание императора, получил «монارشее благословение».

С 1828 г., когда при активном участии генерала Г.А. Эммануэля был собран взвод из знатнейших горцев, составивших основу для формирования Лейб-гвардии Кавказского горского полуэскадрона (исполнявшего функции царского конвоя), отношение жителей Кавказа к идее аманатства изменилось: «...с особенным удовольствием и желанием начали они сами домогаться быть принятыми на службу, что дало впоследствии повод склонить знатнейшие фамилии отдавать охотно малолетних своих детей для отправления в учебные заведения и С.-Петербург. Таковых детей отправлено было в столицу шестьдесят»¹⁹. Впоследствии в конвое служили представители практически всех народов Северного Кавказа и Закавказья: кумыки, кабардинцы, осетины, абазинцы, ногайцы, чеченцы, грузины и др.

В лице аманатов имперские сановники видели будущих проводников российского влияния. Впрочем, по мнению исследователя, практика заложничества не принесла ощутимых результатов²⁰.

В 1827 г. в Петербурге был обнародован императорский указ, предписывавший внести грузинские княжеские и дворянские фамилии в родословные книги дворянства Российской империи. В 1846 г. этой привилегии удостоились армянские и азербайджанские феодалы. Что касалось северокавказских владетелей, то запутанность земельных и наследственных прав, отсутствие документальных подтверждений высокого сословного статуса, а также массовое сопротивление империи, проявленное многими представителями местных высших сословий в годы Кавказской войны, – все это было причиной и послужило основанием для российского правительства отложить решение этого вопроса в долгий ящик. Впрочем, в частном порядке любой местный владетель имел шанс получить дворянские права – по службе или по высочайшему соизволению²¹. Прецеденты, как правило, были связаны с проявлением политической лояльности, образцовой службой в армии и боевыми достижениями.

Представители кавказской знати, несмотря на множество объективных препятствий, имели возможность сделать карьеру в империи. Преимущества оставались за православными, но и иноверцам не возбранялось проявить себя на государственном или военном поприще. При этом этническое происхождение не имело значения. К примеру, сын дигорского владетеля из Осетии И.М. Туганов (мусульманского вероисповедания) начал службу в Кабардинском пехотном полку, затем участвовал в подавлении Польского восстания 1830–1831 гг. В 1844 г. в ранге полковника он был назначен командиром Кавказского горского полуэскадрона. В 1849 г. Туганов – уже бригадный командир Кавказского линейного казачьего войска. В 1851 г. он был произведен в генералы и причислен к Отдельному Кавказскому корпусу²². Казы-Гирей, выходец из закубанской знати, состоявший в 1859 г. в чине генерал-майора при Кавказской армии, не только удостоился подтверждения своих дворянских прав, но и получил в дар золотую саблю с надписью «за храбрость» (проявленную в действиях против Мухаммед-Амина в ходе войны на Северо-Западном Кавказе).

Наиболее ярким примером для подтверждения отсутствия непреодолимых конфессиональных преград, чтобы сделать успешную карьеру в империи, может послужить судьба Муссы Кундухова, тагаурского алдара и мусульманина. Его вероисповедание несколько не помешало карьерному взлету: помимо того, что он дослужился до звания генерала, он сделал также успешную военно-административную карьеру, став в 1860 г. начальником Военно-Осетинского округа. Ему не чинили препятствий, когда Кундухов выразил желание оставить службу, чтобы последовать в Турцию вместе с мухаджирами. Впрочем, по мнению исследователей, это был отнюдь не душевный порыв, а четко спланированная и согласованная с верховной властью тайная операция, в осуществлении которой были заинтересованы обе стороны²³.

По окончании Кавказской войны вопрос об упорядочении сословной структуры северокавказских народов и определении статуса привилегированных сословий выдвинулся на передний план. Впервые этот вопрос (в частности, о признании прав привилегированных сословий среди горского населения Владикавказского округа) был поднят в 1851 г. все тем же М. Кундуховым. Вскоре последовало распоряжение об учреждении временного комитета, призванного внести ясность в социальную иерархию местных народов. Комитет занимался разбирательством этой проблемы в течение четырех лет, но вперед особо не продвинулся.

В 1863 г. учреждается «Комиссия по разбору личных и земельных прав туземцев Терской области». Она приступила к весьма кропотливой работе по установлению сословных прав кавказского населения. По прошествии шести лет Комиссия подверглась реорганизации: она стала называться «Комиссией для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей». В 1873 г. ее сотрудники составили обстоятельную записку на основе расследования сословной структуры горцев. Записка была передана начальникам Терской и Кубанской областей. Получив от них в 1874 г. заключение, Комиссия передала материалы в Главное управление кавказского наместника.

К каким выводам пришла Комиссия? Она признала существование среди горского населения привилегированных сословий, определила приблизительное число семейств, подпадавших под эту категорию и даже разработала свой способ оценки доказательств, представляемых «лицами, отыскивающими права сословия»²⁴. И если начальник Терской области согласился с выводами комиссии о необходимости утверждения в потомственном дворянском достоинстве некоторых категорий горской знати, то его кубанский коллега выступил резко против: «Может ли иметь что-либо общее горский пши (по проекту комиссии будущий русский князь) – безграмотный, грубый фанатик, недавний враг России, а теперь тайный ее недоброжелатель, с князем русским – потомком царского рода, тесно связавшим свое славное имя с лучшими страницами русской истории? Дарование титулов, проектируемое комиссией, было бы величайшей политической ошибкой и унижением наших коренных русских князей и дворян... Горцы должны знать, что... только заслуги личные дают право на приобретение особых преимуществ»²⁵.

26 мая 1880 г. Департамент Главного управления кавказского наместника вынес на обсуждение Совета наместника записку, в которой говорилось о необходимости отнести «к разряду высшего сословия» все указанные в заключении Комиссии высшие сословия, «известные под разными наименованиями»²⁶. Наряду с кабардинскими, дагестанскими и прочими феодальными владетелями, признание высших сословных прав получили дигорские баделята, тагаурские алдары и куртатинские таубии. Комиссия планировала дифференцировать северокавказское «дворянство» на две категории: в первую должны были войти сословия «с титулом горских князей», а во вторую, гораздо более многочисленную, – «без титула». Однако выявить, кто конкретно подпадает под эти категории, оказалось делом крайне сложным. Комиссию буквально наводнили письма недовольных, требовавших признания их прав. К примеру, в мае 1881 г. Терско-Кубанской сословной комиссии пришлось направлять в департамент Главного управления наместника рапорт по поводу жалобы подполковника Цаликова.

По его мнению, Комиссия совершила ошибку, не признав «его принадлежности к привилегированному сословию в Куртатинском обществе». Членам Комиссии приходилось отстаивать каждое свое решение. В частности, к рапорту прилагались материалы, на основании которых Комиссия «вынесла свое убеждение о неимении между куртатинцами привилегированного сословия»²⁷.

5 июля 1886 г. начальник Терской области А.П. Свистунов уведомил начальника штаба Кавказского военного округа о необходимости скорейшего разрешения вопроса о высших сословиях в Осетии. «Обращает на себя внимание также и то, что появление стремления к достижению признания привилегированными замечается, – писал он, – только среди магометан и нет ни одного осетина-христианина, на которого указывали бы как на принадлежавшего к высшему сословию...»²⁸. Судя по замечанию, Свистунов был не слишком хорошо осведомлен о конфессиональной принадлежности как подавляющего большинства осетин, так и представителей знати, иначе он бы вряд ли задавался подобным вопросом.

Несмотря на многочисленные прошения, сословный вопрос в Осетии, как и в других районах Северного Кавказа, так и не был разрешен окончательно – ни к концу XIX в., ни в начале следующего. По этой причине возникало множество конфликтных ситуаций. Одна из подобных коллизий, берущая начало еще с середины столетия, связана с именем генерал-майора А. Туганова. На исходе Кавказской войны Туганов, офицер российской армии крупного ранга, направил главнокомандующему Кавказской армией А.И. Барятинскому письмо с жалобой на экзарха Грузии, требовавшего от генерала, чтобы тот принудил своих детей обратиться в христианство (и сам генерал, и его жена, как потомки баделят, исповедовали ислам).

Экзарх угрожал, что в противном случае дети генерала после его смерти не смогут пользоваться его именем и землями, дарованными императором. Генерал не пожелал принуждать своих детей, аргументируя отказ тем, что в случае перехода в христианство его дочерям не за кого будет выходить замуж, поскольку, как он выразился, «никто из дворян (имеются в ви-

ду осетинские дворяне. – Л.Г.) не исповедует христианскую веру». Туганов писал: «...Осмеливаюсь покорнейше просить защиты Вашей от гласного преследования меня духовенством, что, имея честь быть генералом русской армии, происходя из первых степеней горских дворян, всякое явное преследование духовенства в глазах народа подает повод к различным невыгодным толкам, что правительство принимает насильственные меры к обращению магометан в христианство, чего допустить можно только мерами кротости и уважения»²⁹.

В 1862 г. сменивший Барятинского на посту главнокомандующего Кавказской армией князь Г.Д. Орбелиани потребовал прекратить давление на Туганова со стороны грузинского эхзархата. Вскоре конфликт был исчерпан. Однако после смерти генерала началась затяжная имущественная тяжба между церковью и генеральской семьей. Церковь не желала признавать права генеральских детей на наследство, утверждая, что мусульманская форма брака недействительна с точки зрения христианских канонов.

История завершилась лишь к 1880 г., когда трое из пяти генеральских сыновей приняли крещение. О факте вынужденного крещения своих детей жена Туганова сообщила начальнику Терской области, заодно объяснив причины, по которым остальные ее дети уклонились от принятия христианства³⁰.

Контакты российских властей с кавказскими феодальными владетелями и представителями привилегированных сословий, как уже отмечалось выше, зародились задолго до окончательного присоединения региона к империи. Они носили эпизодический, несистемный характер, тем не менее, это сотрудничество на ранних этапах взаимодействия Российского государства с народами Северного Кавказа заложило фундамент для выстраивания будущих отношений и последующей деятельности по организации системы управления.

Когда на Кавказ прибыл А.П. Ермолов, все его действия, направленные на создание административной структуры, свидетельствовали о том, что ставка делается на привилегированные слои кавказского населения. В 1816 г. Ермолов, приняв решение об учреждении волостного управления в Осетии, рас-

порядился, чтобы старшины избирались из лиц «старейших и более уважаемых»³¹. Аналогичные рекомендации были даны им при организации так называемого чеченского народного суда с выборными членами: в его состав включались пять представителей от «сильных» фамилий и представители мусульманского духовенства. 29 августа 1822 г. в крепости Нальчик был учрежден Временный кабардинский суд, в который вошли представители князей, узденей и кадий³². Ермолов одним из первых стал привлекать представителей мусульманского духовенства к сотрудничеству в учреждаемых им институтах.

Стратегия привлечения местной знати к участию в органах власти особенно наглядно проявилась в годы управления Кавказским наместничеством М.С. Воронцова, сторонника политики т.н. регионализма. Суть этой политики заключалась в опоре на местную специфику, с учетом которой, по мысли наместника, должна была строиться и вся система управления. В русле этой политики целесообразным, с точки зрения Воронцова, было активное привлечение местных уроженцев к различным сферам управления краем. Первостепенным условием наместник считал внедрение русского языка: «всеобщее обучение русскому языку доставит нам хороших и способных чиновников из туземцев»³³. Любопытно, что и от российских чиновников, попадавших на службу на Кавказ, он требовал обязательного овладения местными языками.

Подобно своим предшественникам, Воронцов рассматривал в качестве социальной опоры империи, прежде всего, местную знать. Он, безусловно, понимал, что среди кавказских владельцев найдется не слишком много людей, подготовленных к роли руководителей общеимперского типа, поэтому озаботился проблемой организации системы подготовки своих будущих назначенцев. В январе 1850 г., составляя рапорт военному министру А.И. Чернышеву, кавказский наместник доказывал последнему, что «успехи водворения» на Кавказе и, в частности, в Дагестане, самым прямым образом связаны с «состоянием умов», заключая, что прежде всего «воспитание становится особенно сильным орудием в руках правительства»³⁴.

Случаи обучения уроженцев Кавказа в высших учебных заведениях империи или в кадетских корпусах в первой половине XIX столетия были не столь редкими, как могло бы показаться на первый взгляд. В 1832 г. М.Ю. Лермонтов учился в школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров в Петербурге. Вместе с ним обучались сыновья шамхала Тарковского, Шах-Вали и Мехти Гасан-хан, с которыми поэт поддерживал дружеские отношения.

Высшие и специальные учебные заведения предоставляли вакансии не только молодежи из внутренних губерний, но и кавказским юношам, преимущественно из родовитых семей. 11 января 1845 г. Николай I издал указ о «высылании в восточное отделение Санкт-Петербургского университета ежегодно по 5-ти юношей из закавказских уроженцев». Непременным условием являлось обязательство отработать затраченное государственной казной средства (молодые люди обучались, как правило, за казенный счет) на родине: «Все вообще кавказские воспитанники обязаны, по окончании курса наук, прослужить на Кавказе и за Кавказом не менее шести лет»³⁵.

С подачи Воронцова правительство стало предоставлять кавказской молодежи как можно больше льгот и уступок, способствуя «доставлению готовых деятелей по всем тем отраслям государственной и общественной жизни, в которых особенно ощущалась потребность в специально подготовленных людях»³⁶. 11 июня 1849 г. вышло в свет «Положение о воспитании кавказских и закавказских уроженцев на счет казны в высших и специальных учебных заведениях Империи», законодательно оформившее практику подготовки чиновников для государственной службы из кавказской среды³⁷.

Помимо организации подготовки кавказского чиновничества из среды т.н. кавказских воспитанников, важной составляющей регионалистского курса Воронцова была ставшая традиционной для российской политической культуры практика предоставления имущественных и социальных прав местной знати, в первую очередь, мусульманской.

Противники регионалистской стратегии считали нежелательным содействовать кавказским уроженцам в получении

высшего образования, полагая, что в столь взрывоопасном регионе функции управления должны быть сосредоточены исключительно в руках российских назначенцев. Принципиальный спор между сторонниками двух стратегических установок, по сути, не прекращался на протяжении всего XIX столетия.

Один из наиболее авторитетных знатоков Кавказа среди государственных деятелей, Д.А. Милютин, подобно князю Воронцову, также считал целесообразным привлекать к управлению регионом «влиятельных туземцев». Он стал инициатором комплектации «милиции» из местных кадров – для осуществления полицейской службы и содействия российским войскам на Кавказе³⁸. В этом начинании его поддерживал начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов, считавший формирование милиции из среды кавказских жителей наиболее действенным способом нейтрализации массовых недовольств.

В 1865 г. Кавказский комитет издал указ об учреждении в Терской области постоянной милиции³⁹. В нее набирались, прежде всего, выходцы из привилегированных слоев, хотя со временем в ряды милиции все чаще стали нанимать и представителей социальных низов.

В первой половине столетия практика поступления кавказцев на российскую военную службу носила несистемный характер, хотя была явлением относительно частым. К примеру, шапсуг П.Д. Могуков из Гривенско-Черкесского аула участвовал в войне против Наполеона в 1812–1813 гг., Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и в Кавказской войне, пройдя путь от рядового казака до генерал-майора. Он руководил Таманским округом Черноморского казачьего войска и неоднократно замещал атамана войска на его посту⁴⁰.

Тифлисский дворянин Леван Иванович Меликов начинал свою карьеру с мелкой должности в канцелярии главноуправляющего на Кавказе. Затем он поступил на военную службу в чине прапорщика. К 1861-му г. Меликову удалось дослужиться до звания генерал-адъютанта, и он был назначен командующим войсками и начальником Дагестанской области. За образцовую службу Меликов награждался орденами Александра

Невского, св. Владимира. В 1880 г. он стал помощником главнокомандующего Кавказской армией.

Последним командующим войсками Петербургского военного округа, назначенным практически в дни революции, в феврале 1917 г., стал известный теоретик военной науки, генерал С.С. Хабалов, выходец из Осетии, кавалер ордена Белого Орла, потомственный офицер, чей дед защищал империю в 1812 г. от наполеоновского нашествия.

Анализируя биографии отдельных офицеров, нетрудно убедиться, что диапазон возможностей, открывавших выходцам с Кавказа и Закавказья путь в регулярную армию Российской империи, был достаточно широк: от института аманатства, школ военных воспитанников до личной инициативы. И все же они носили несистемный, частный характер.

В начале 1860-х годов ситуация изменилась. Государственный совет дал согласие на разработку Кавказским комитетом указа, позволившего выходцам из привилегированных сословий Кавказа поступать в регулярные войска «на правах вольноопределяющихся 1-го разряда»⁴¹. Отныне перспективы поступления уроженцев Кавказа на службу в императорскую армию значительно расширились, как, впрочем, расширился и спектр выбора: служба в императорской армии, в воинских соединениях, формируемых по этническому принципу, служба в милиции или в казачьих войсках. Армейские ряды стали регулярно пополняться выходцами из кавказских народов. Среди них было особенно много осетин, традиционно предпочитавших военную карьеру гражданской службе: к концу XIX в. в одном из районов Осетии на 13 тысяч жителей насчитывалось 2580 офицеров⁴².

В стратегических установках, направленных на интеграцию Северного Кавказа в империю, важное место занимало взаимодействие с духовенством, в особенности в тех местностях, где оно имело значительное влияние. Проблем по части контроля над христианами у властей не возникало: в империи существовала отлаженная система подготовки православных служителей для инородцев. К 1888-му г. 12 из 26 приходов, согласно данным Общества восстановления православного христианства

на Кавказе, возглавляли священники-осетины, а в 11-ти они исполняли функции причетников⁴³.

Гораздо сложнее дело обстояло с инородцами-иноверцами. На начальном этапе освоения Кавказа большая часть мусульманского духовенства крайне враждебно относилась к российскому присутствию: сказывались страхи и опасения за сохранность своей веры под сенью христианской империи. Однако были и другие, менее глобальные причины. Священнослужители ислама не одобряли политику поощрения светских феодалов в ущерб богатому узденству, с которым большинство имамов, шейхов и мулл связывало общее происхождение. Они также выражали недовольство ограничением, введенным на совершение паломничества к святыням Мекки⁴⁴.

Российским властям пришлось приложить немало усилий, чтобы не только найти надежные каналы влияния, но и убедить мусульманских духовных лиц в выгодах сотрудничества. Основные приемы тактики сближения были заложены еще П.Д. Цициановым, который на опыте общения с кабардинцами убедился в том, что демонстрацией одной только силы добиться желаемых результатов невозможно (сочтя ошибочным, к примеру, поддерживать кабардинских узденей «против их князей во вражде»), и пришел к выводу о необходимости выработки более гибкой линии поведения. Он рекомендовал своим подчиненным вести себя с мусульманами благожелательно, «покровительствуя наружно их вере»⁴⁵. В январе 1805 г. Цицианов распорядился об открытии училищ для детей владельцев, об отмене ряда пошлин и строительстве двух мечетей. «Узнав о муллах и ахундах, или их духовных, кои больше против других имеют от народа доверенности и уважения, – назначал Цицианов нового начальника Кабардинской области, – стараться их привлечь на нашу сторону, обещая ежегодно производить тайно пенсии, доколе верными пребудут и из таких двух выбрать для сих мечетей»⁴⁶. Впоследствии рекомендации Цицианова в отношении кабардинцев были приняты на вооружение его преемниками применительно и к другим народам.

Поскольку судебные учреждения рассматривались правительством в качестве важнейшего института, призванного со-

действовать полному замирению горцев, кавказская администрация стала активно привлекать местных священнослужителей и богословов на должности кадиев в шариатских судах. Их сажали на казенное содержание с ежемесячными выплатами. Так, в начале 1860-х годов начальник Дагестанской области Л.И. Меликов пригласил занять место кадия в Дагестанском народном суде известного алима, историка и правоведа, бывшего личного секретаря имама Шамиля, Мухаммеда ал-Карахи. Признавая за ним глубокие познания в исламской теологии, власти предложили ал-Карахи исполнять также функции главного эксперта по выявлению соответствия других кадиев занимаемой ими должности⁴⁷. Власти пытались использовать представителей ортодоксального духовенства и в борьбе против растущего на всем протяжении столетия влияния суфийских шейхов (в Дагестане и в Чечне). Так, чеченский мулла Абдул-Кадыр, авторитетный богослов, пытался, при поддержке властей, противодействовать распространению зикризма и увещевал своих соплеменников не поддаваться «ложным» догматам неопитской секты. В 1877 г. значительная часть мусульманского духовенства противилась выступлению дагестанцев против могущественной имперской машины, сознавая всю гибельность этого предприятия.

Петербург еще с момента окончания Кавказской войны вынашивал планы по созданию особого духовного управления для кавказских мусульман, которое могло бы не только осуществлять функции контроля над исламским духовенством, но и стать проводником имперской идеи в среде мусульманской уммы. Однако вследствие отсутствия в исламе традиции церковной иерархии, а также по некоторым другим причинам, эта идея так и не была реализована, несмотря на то, что в 1880-х годах чиновники подготовили проект «Положения об управлении Магометанским духовенством суннитского толка в Кубанской и Терской областях», годами блуждавший по разным инстанциям⁴⁸.

Позиция российского правительства в отношении социальных верхов Кавказа всегда отличалась амбивалентностью. С одной стороны, оно постоянно опасалось фронды со стороны

местных владетелей, с другой – имперские сановники не видели в социальном пространстве Кавказа иной силы, на которую могли бы опереться в ходе интеграции региона в состав государства. Поэтому российские военные и администраторы, с одной стороны, поддерживали кавказскую знать, и в то же время пытались играть на противоречиях между различными сословными группами и кланами, по мере возможности обесиливая тех и других.

Социальная поддержка местных верхов подкреплялась материальной. К примеру, при П.Д. Цицианове на «пенсии кабардинским князьям» из казны отпускалась громадная по тем временам сумма в 21 тыс. рублей⁴⁹.

Расширяя сферы взаимодействия с местными верхами, российское правительство не скупилось на раздачу чинов, наград, званий, жалованья, подарков. Воинская служба в рядах российской армии, участие в органах власти разных уровней (судебные учреждения, сельские правления, участковые и окружные ведомства) давали местным владетелям, духовенству, старшинам подтверждение их привилегированного статуса, гарантии личной неприкосновенности и реальные социальные и экономические выгоды. Они приобретали титулы и потомственные права, крупные земельные участки в плодородных равнинных районах, различные льготы и послабления. Их дети могли получать образование за счет государственной казны в лучших военных учебных заведениях, гарантировавших им успешное продвижение по карьерной лестнице.

Постепенно в кавказской среде выделилась значительная прослойка людей, завоевавших доверие российских властей лояльностью и преданностью. Характерно, что многие из них не относились к высшему сословию: они разбогатели за счет пожалований со стороны правительства за оказываемые ему услуги. Главнокомандующий Кавказской армией упоминал об этой категории людей в докладе военному министру в 1861 г.: «...и в обществе аристократическом есть лица, которые, несмотря на происхождение не из высших слоев общества, своим усердием и преданностью принесли нам огромную пользу и в службе достигли тех чинов и наград, которые по законам им-

перии дают права дворянства. Эти лица полезно было бы также отличить назначением им в собственность поземельных участков, с целью поселить в народе убеждение, что верная и полезная служба в глазах правительства стоит не ниже прав рождения»⁵⁰. Таким образом, верховная власть, параллельно с поддержкой старой знати, пыталась сформировать новую, прикормленную и полностью подконтрольную себе кавказскую «элиту», или, по крайней мере, разбавить круг строптивых князей и ненадежных владельцев податливой массой своих ставленников. В 1895 г. около ста чеченских офицеров и чиновников получили в дар в качестве поощрения более 10 тысяч десятин земли в Терской области. Подобных примеров не счесть.

Кавказскую знать щедро осыпали наградами, в том числе и наполненными сакральным смыслом: атрибуты государственной символики, дарованные южным подданным, представляли собой своего рода прививку от сепаратистских устремлений, способствовали обретению имперского сознания. Так, в марте 1848 г. наместник М.С. Воронцов сообщал экзарху Грузии, архиепископу Исидору, что в 1845 г. осетинский алдар Дударов вместе с депутацией горцев принял в дар знамя, «заслуженное в постоянном действии против непокорных». За отличия его определили в Гвардейский эскадрон⁵¹.

Практика кооптации уроженцев Кавказа в номенклатуру правящего класса была заметно поколеблена в годы царствования Александра III. В 1880-х годах, в процессе очередной волны политико-административных реформ (в рамках отхода от регионализма) одной из принципиальных установок стала практика кадровых ограничений в отношении инородцев. Это касалось не только Кавказа, но и других периферийных территорий. Отныне верховная власть предпочла отказываться от их услуг, последовательно сокращая удельный вес местных кадров в органах управления.

¹ *Новрузалиев П.Т.* Сословно-поземельные отношения в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2007. С. 13.

- ² Цит. по: Очерки истории балкарского народа (с древнейших времен до 1917 года). Нальчик, 1961. С. 61.
- ³ См.: *Леонтович Ф.И.* Адамы кавказских горцев. Вып. II. Одесса, 1883.
- ⁴ *Кобахидзе Е.И.* Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи (последняя четверть XVIII – конец XIX в.): историко-этнологический анализ. Владикавказ, 2003. С. 86.
- ⁵ *Боцадзе Т.* Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX века. Тбилиси, 1965. С. 97, 101.
- ⁶ *Ахмадов Я.З.* О роли мусульманского духовенства в общественной жизни Чечни: (по материалам XVIII – первой половины XIX в.) // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX в.). Грозный, 1982. С. 57.
- ⁷ *Ковалевский П.И.* Восстание Чечни и Дагестана в 1877–1878 гг. СПб., 1912. С. 53; Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1981. С. 21.
- ⁸ *Овсянников Д.В.* Исламский фактор в борьбе за независимость горцев Северного Кавказа (конец XVIII – середина XIX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 20–21, 30.
- ⁹ *Мусаев М.А.* Дагестанское духовенство 60–70-х годов XIX века и восстание 1877 года: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2003. С. 17.
- ¹⁰ *Хашаев Х.М.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 157.
- ¹¹ Из документальной истории кабардино-русских отношений, вторая половина XVIII – первая половина XIX в. Нальчик, 2000. С. 376.
- ¹² *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 186.
- ¹³ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. II. М., 1957. С. 17–18.
- ¹⁴ *Нагоева Р.Р.* Трансформация сословной структуры кабардинцев в 20–60-е годы XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2009. С. 12.
- ¹⁵ Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века). Махачкала, 1940. С. 96, 97.
- ¹⁶ Исторический очерк владычества русских на Кавказе // *Блиева З.М.* Становление российского бюрократического аппарата на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. Владикавказ, 2001. С. 155.
- ¹⁷ *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 191.

- ¹⁸ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. II. СПб., 1869. С. 207.
- ¹⁹ Жизнеописание генерала от кавалерии Георгия Арсеньевича Эммануэля, сочиненное князем Н.Б. Голицыным. М., 2004. С. 254.
- ²⁰ Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 191.
- ²¹ Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина? СПб., 2002. С. 61.
- ²² Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией. Т. X. Тифлис, 1885. С. XXXI–XXXII. (Далее: АКАК).
- ²³ Ганич А.А. Алдар из Тагаурии // Дарьял. Владикавказ, 2003. № 4. С. 164–177.
- ²⁴ Материалы по истории Осетии: сб. документов, относящихся к периоду от 1868 до 1904 г. Т. III. Дзауджикау, 1950. С. 208.
- ²⁵ Цит. по: Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 169.
- ²⁶ Материалы по истории Осетии. Т. III. С. 218.
- ²⁷ Там же. С. 197.
- ²⁸ Там же. С. 206.
- ²⁹ Дзагурова Г.Т. Осетины в войнах России. Владикавказ, 1995. С. 149.
- ³⁰ Там же. С. 149–150.
- ³¹ АКАК. Т. VI, ч. 1. Тифлис, 1874. С. 685.
- ³² Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. II. С. 259–270.
- ³³ АКАК. Т. X. С. 126.
- ³⁴ Там же. С. 127.
- ³⁵ Журнал Министерства народного просвещения. 1860. Ч. 107. С. 26.
- ³⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268. Оп. 11. Д. 116. Л. 73.
- ³⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XXIV, отд-ние 1. № 23307. (Далее: ПСЗ РИ).
- ³⁸ Милютин Д.А. Воспоминания, 1856–1860. М., 2004. С. 53–54.
- ³⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 10. Д. 2. Л. 1–2.
- ⁴⁰ Брацун Е.В. Горцы Северо-Западного Кавказа на воинской службе России (конец XVIII – XIX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2014. С. 22–23.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 188. Л. 1–1 об.
- ⁴² Дзагурова Г.Т. Указ. соч. С. 3.
- ⁴³ Наскидаева Е.Х. Конфессиональная политика России в горских обществах Центрального Кавказа (середина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2011. С. 18.
- ⁴⁴ Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960. С. 306.
- ⁴⁵ Всеподданнейший рапорт генерала от инфантерии кн. Цицианова // Блиева З.М. Становление российского бюрократического аппара-

- та на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. Владикавказ, 2001. С. 152.
- ⁴⁶ Предписание Цицианова генерал-майору Дельпоцо от 29.01.1805 г. // Там же. С. 157.
- ⁴⁷ *Мухаммадтахир ал-Карахи*. Книга о значимости стремления улучшать свои деяния по мере сил. М., 1914. С. 14.
- ⁴⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 623 (56 Ч. III / 130). Л. 1–161.
- ⁴⁹ Всеподданнейший рапорт генерала от инфантерии кн. Цицианова // *Блиева З.М.* Становление российского бюрократического аппарата на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. Владикавказ, 2001. С. 153.
- ⁵⁰ Цит по: *Скитский Б.В.* Указ соч. С. 46.
- ⁵¹ АКАК. Т. X. С. 228.

Литература

- Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией [Текст]. Т. VI, ч. 1. Тифлис: тип. Гл. Упр. Наместника Кавк., 1874. 957 с.
- Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией [Текст]. Т. X. Тифлис: тип. Гл. Упр. Наместника Кавк., 1885. 982 с.
- Ахмадов, Я.З.* О роли мусульманского духовенства в общественной жизни Чечни (по материалам XVIII – первой половины XIX в. [Текст] // *Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX в.)*. Грозный: Чечено-Ингушский ин-т истории, социологии и филологии, 1982. С. 56–61.
- Блиева, З.М.* Становление российского бюрократического аппарата на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. [Текст]. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинск. гос. ун-та, 2001. 284 с.
- Боцвадзе, Т.* Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX века [Текст]. Тбилиси: Мецниереба, 1965. 123 с.
- Брацун, Е.В.* Горцы Северо-Западного Кавказа на воинской службе России (конец XVIII – XIX вв.) [Текст]: автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.02 – Отеч. история. Краснодар, 2014. 26 с.
- Бутков, П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год [Текст]. Ч. II. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1869. [4], 602 с.
- Ганич, А.А.* Алдар из Тагаурии [Текст] // *Дарьял: лит.-худ. и общ.-полит. журн.* Владикавказ, 2003. № 4. С. 164–177.

- Голицын, Н.Б.* Жизнеописание генерала от кавалерии Георгия Арсеньевича Эммануэля, сочиненное князем Н.Б. Голицыным [Текст]. М.: Собрание, 2004. 459 с.
- Дзагурова, Г.Т.* Осетины в войнах России [Текст]. Владикавказ: Алания, 1995. 237 с.
- Дякин, В.С.* Был ли шанс у Столыпина? [Текст]. СПб.: Лисс, 2002. 357 с.
- Из документальной истории кабардино-русских отношений, вторая половина XVIII – первая половина XIX в. [Текст]. Нальчик: Эльбрус, 2000. 465 с.
- Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. [Текст]: документы и материалы: в 2 т. Т. II. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 435 с.
- Кобахидзе, Е.И.* Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи (последняя четверть XVIII – конец XIX в.): историко-этнологический анализ [Текст]. Владикавказ: СОГУ, 2003. 236 с.
- Ковалевский, П.И.* Восстание Чечни и Дагестана в 1877–1878 гг. [Текст]. СПб.: тип. М.И. Акинфиева, 1912. 95 с.
- Леонтович, Ф.И.* Адаты кавказских горцев [Текст]: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. II. Одесса: тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1883. [2], VI, 396 с.
- Материалы по истории Дагестана и Чечни [Текст]. Т. III: Первая половина XIX века, ч. 1: 1801–1839 / подготовлен к печ. Г.Е. Грюнберг и С.К. Бушуевым; под ред. Р. Магомедова. Махачкала: Датгиз, 1940. 471 с.
- Материалы по истории Осетии [Текст]: сб. документов, относящихся к периоду от 1868 до 1904 г. Т. III. Дзауджикау: Гос. изд-во Северо-Осетинской АССР, 1950. 367 с.
- Милютин, Д.А.* Воспоминания, 1856–1860 [Текст] / под ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2004. 559 с.
- Мусаев, М.А.* Дагестанское духовенство 60–70-х годов XIX века и восстание 1877 года [Текст]: автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.02 – Отеч. история. Махачкала, 2003. 27 с.
- Мухаммадтахир ал-Карахи.* Книга о значимости стремления улучшать свои деяния по мере сил [Текст] / пер. с араб.. М: Наука – Вост. лит., 2014. 133 с.
- Нагоева, Р.Р.* Трансформация сословной структуры кабардинцев в 20–60-е годы XIX века [Текст]: автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.02 – Отеч. история. Нальчик, 2009. 21 с.
- Наскидаева, Е.Х.* Конфессиональная политика России в горских обществах Центрального Кавказа (середина XIX – начало XX вв.)

- [Текст]: автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.02 – Отеч. история. Владикавказ, 2011. 23 с.
- Новрузалиев, П.Т.* Сословно-поземельные отношения в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. [Текст]: автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.02 – Отеч. история. Махачкала, 2007. 22 с.
- Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. [Текст]: (сб. науч. ст.) / отв. ред. В.Г. Гаджиев. Махачкала: [Даг. филиал АН СССР], 1981. 168 с.
- Овсянников, Д.В.* Исламский фактор в борьбе за независимость горцев Северного Кавказа (конец XVIII – середина XIX вв.) [Текст]: автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.02 – Отеч. история. СПб., 2009. 32 с.
- Очерки истории балкарского народа (с древнейших времен до 1917 года) [Текст] / под ред. А.В. Фадеева. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1961. 218 с.
- Скитский, Б.В.* Очерки истории горских народов [Текст]. Орджоникидзе: Ин-т истории, экономики, яз. и лит. при Совете министров Северо-Осетинской АССР, 1972. 378 с.
- Трепавлов, В.В.* «Белый царь» [Текст]: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 256 с.
- Фадеев, А.В.* Россия и Кавказ первой трети XIX в. [Текст]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 397 с.
- Хашаев, Х.М.* Общественный строй Дагестана в XIX веке [Текст]. М.: Изд-во Акад. наук, 1961. 482 с.

В.Я. Гросул

ЛИБЕРАЛЬНОЕ И КОНСЕРВАТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ МОЛДАВИИ ПОСЛЕ 1861 Г.

В данной статье раскрывается процесс складывания и трансформации либерального и консервативного общественно-политических движений Молдавии в контексте социальных процессов в России в период поздней империи.

***Ключевые слова:** Российская империя; Молдавия; контрреформы Александра III; народничество; молдавское национальное движение.*

V.Ya. Grosul

LIDERAL AND CONSERVATIVE DIRECTIONS MOLDOVA IN PUBLIC LIFE AFTER 1861

This article deals with the process of the formation and transformation of liberal populism of Moldova in the context of socio-political processes in Russia during the late empire.

***Key words:** Russian Empire; Moldova; Alexander III of counter-reform; populism; the Moldovan national movement.*

С самого зарождения народнического движения в нем проявилось как революционное, так и либеральное течения. Существенные различия между ними во многом были заложены уже в творчестве одного из идеологов народничества А.И. Герцена, колебавшегося между революционностью и либерализмом. Но если у Герцена революционное начало брало верх, то у либеральных народников, бóльшая часть которых была народниками легальными, побеждала именно либеральная идеология.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-14001а(ц).

В первые пореформенные десятилетия революционное народничество было заметно сильнее народничества либерального и численно, и своей организованностью, и влиянием на широкие слои разночинцев, и количеством печатных органов и проч.

После убийства 1 марта 1881 г. Александра II, произведенного деятелями «Народной воли», наступает идейный кризис народничества. Революционная практика показала ошибочность тактики народovolьцев с использованием террористических методов. Она также поставила под сомнение правильность основных постулатов народничества, строившихся на теории минования Россией капиталистического пути развития. В 1880-х и особенно в 1890-х годах происходит значительное усиление либерального народничества, в лагерь которых перешли и некоторые бывшие активные участники революционного подполья. Это отнюдь не означало полного перехода всего народничества на либеральные позиции. В 1880-х и 1890-х годах действовали еще многие революционные организации и кружки народников как в центре, так и на окраине. В середине 1880-х годов создается Молодая партия «Народной воли», одним из руководителей которой был А.И. Ульянов – родной брат В.И. Ленина.

В 1890-х годах складывается партия «Народного права», «Группа старых народovolьцев», Южная партия социалистов-революционеров, Рабочая партия политического освобождения России, Русская социал-демократическая партия¹ и другие организации и кружки революционных народников. Однако параллельно, все усиливаясь, существовали круги народничества либерального, отказавшегося от революционной борьбы против самодержавия и проповедовавшие идеологию эволюционного пути развития, так называемую теорию «малых дел» и проч. Основными идеологическими центрами легального народничества стали газета «Неделя» и журнал «Русское богатство». Наиболее видными идеологами либерального народничества 80–90-х годов XIX в. были Н.К. Михайловский, С.Н. Южак, С.Н. Кривенко, В.П. Воронцов, Н.Ф. Даниельсон. Особую роль играл Н.К. Михайловский, оказывавший значительное влияние на довольно широкие круги русского общества².

Некоторые из лидеров либерального народничества были прежде участниками революционного движения и даже подвергались преследованиям царских властей (например, С.Н. Южиков, С.Н. Кривенко, И.И. Каблиц), другие были связаны с революционным подпольем (Н.К. Михайловский, Н.Ф. Даниельсон), но в 1880–1890-х годах именно они стали наиболее видными правонародническими публицистами, легально проповедовали свои взгляды, противопоставляя их не только марксистам, но и революционным народникам. Как отмечал В.И. Ленин, в результате эволюции народничества «из политической программы, рассчитанной на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества, – объективно выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, “улучшить” положение крестьянства при сохранении основ современного общества»³. Таким образом, легальные народники по существу перешли в либеральный лагерь, заняв его преимущественно левый фланг.

В пореформенный период либеральный лагерь, состоявший из либерально-дворянского и либерально-буржуазного направлений, противостоял, с одной стороны, революционному движению, участники которого боролись за радикальное изменение существующего строя, с другой – лагерю консервативному и даже реакционному, поддерживавшему самодержавие и весь господствовавший тогда социально-экономический и политический строй. Каждый из лагерей не оставался все пореформенные десятилетия неизменным. Происходили нередко заметные изменения в программах и тактических установках, но неизменным оставалось существо каждого из лагерей, один из которых боролся за уничтожение эксплуатации и действительное освобождение народа, другой добивался частичных реформ, а третий настаивал на сохранении господства помещиков и буржуазии.

Либеральные народники, сомкнувшись с либеральным лагерем, противопоставляли себя активным революционерам. Но занимая левый фланг лагеря либералов, они, как правило, были близки к прогрессивным кругам российского общества, не относясь к апологетам царизма и тогдашних российских поряд-

ков. Либеральное народничество, однако, сохранило все пороки прежних народнических программ, утерев боевитость и революционный демократизм действенного народничества. В.И. Ленин подчеркивал, что и в 80-х, и в 90-х годах XIX в. народники утверждали, что Россия минует фазу капитализма⁴. Они по-прежнему ратовали за сохранение общины, не желая видеть все большее усиление в ней кулачества. Остановливаясь на теории Михайловского и его группы, В.И. Ленин подчеркивал: «Эта теория была теорией утопического, мещанского социализма, т.е. мечтанием мелкобуржуазных интеллигентов, которые искали выхода из капитализма не в классовой борьбе наемных рабочих с буржуазией, а в воззваниях ко “всему народу”, к “обществу”, то есть к той же буржуазии»⁵.

К либеральным народникам примыкали видные писатели и другие деятели культуры, такие, как В.Г. Короленко, Г.И. Успенский, Г.А. Гайдебуров и др. Но при всем этом народничество не представляло собой наиболее прогрессивное течение русской общественной жизни. Более того, с зарождением марксистских организаций в России народники вступили с ними в открытую борьбу. Практически все лидеры либерального народничества выступили против первой марксистской организации в России – Группы «Освобождение труда», а затем и других марксистских организаций. Ведя борьбу с марксизмом, либеральные народники по существу смыкались с лагерем реакции, мешали распространению передовой революционной теории и правильной революционно-практической работе. Либеральные народники не хотели видеть потенциальные возможности российского пролетариата, его численный рост и организованность и постепенно, вольно или невольно, стали выразителями интересов зажиточного крестьянства.

В Молдавии, как и в России в целом, либеральное народничество проявило себя, прежде всего, в земских учреждениях, в публицистике, в учебных заведениях, преимущественно среди учителей. Материальное положение учительства, особенно начальных школ, мало отличалось от положения трудового народа. В 1882 г. учитель С. Бондаренко с возмущением отмечал: «Люди, знающие жизнь, не могут не видеть, как неприглядна и

тяжка она у учителя»⁶. Положение учительства было до того тяжелым, что губернский училищный совет был вынужден признать в докладе Бессарабскому земскому собранию: «Народные школы дошли до самого печального положения, и учителя, получая весьма ограниченное содержание, терпят нужду и лишения»⁷.

Не все учителя могли пойти на открытую борьбу с самодержавием и подняться над своими повседневными нуждами. Часть из них пополнила ряды сторонников либерального народничества, предполагая улучшить свое положение путем постепенных реформ без особых потрясений и риска. Состав либеральных народников пополнился и за счет некоторых бывших участников революционного движения, не сумевших, по тем или иным причинам, продолжить борьбу против царизма. Сложности революционной борьбы были таковы, что некоторые даже активные ее участники, не видя, как им казалось, перспективы победы и не найдя достаточных сил, отходили от нее и даже попадали в лагерь реакции. Так получилось, например, с одним из лидеров народовольцев – Л. Тихомировым и его соратником, бессарабцем Г. Романенко, скатившихся до самой откровенной черносотенщины. Но такое моральное и политическое падение для революционеров было редким исключением. Более частым был переход некоторых из них к либеральным народникам.

Лагерь либеральных народников в Молдавии комплектовался, как и в целом по России, двумя основными путями. Первый – это переход к ним бывших участников революционного движения, второй – укрепление струи легального народничества за счет лиц, никогда в революционном движении не участвовавших. Спад революционного народнического движения в крае, а оно было наиболее прогрессивным идейным и организационным течением, поскольку в 70–80-х годах XIX в. крестьянское движение было очень слабым, а рабочего движения еще не было, четко проявился в середине 80-х годов XIX в. В 1890-х годах в Бессарабии и на Левобережье уже практически не было народнических кружков. Часть народников Молдавии, такие, как Н.П. Зубку-Кодряну, ушла из жизни, другие, напри-

мер, В. Трошанский, находились в далекой ссылке. Большая группа молдавских народников осела за границей, став политическими эмигрантами. Именно среди этой группы отчетливо заметен постепенный переход на позиции либерального народничества. К концу 1880-х годов фактически отошел от революционного движения З. Ралли (Арбуре). Он занимается журналистской работой в Румынии и в его публицистических статьях начинают чем дальше, тем больше проявляться черты либерализма и даже национализма⁸.

Мысленно З. Ралли отнюдь не порвал со своим революционным прошлым и на словах даже продолжал считать себя революционером⁹, но в конце XIX в. он в революционном движении практически не участвует. Это не было концом политической деятельности этого видного народника 60–70-х годов XIX в., в 1905 г. он окажет большую помощь восставшим матросам с броненосца «Потемкин», среди экипажа которого было много выходцев из Бессарабии и Левобережья, но в конце XIX в. З. Ралли – это хоть и не очень типичный, но ярко выраженный либеральный народник со все увеличивавшимся налетом национализма.

Похожую эволюцию проделал и В. Крэсеску. У него не было столь значительного революционного прошлого, как у З. Ралли, но и он начинал свою общественную деятельность с участия в революционных кружках, познал все трудности эмигрантщины и осел в Румынии. В. Крэсеску много сделал для пропаганды в этой стране произведений русских писателей и поэтов – М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, В.М. Гаршина, Н.В. Гоголя¹⁰. Он также становится автором ряда оригинальных литературных произведений демократического содержания, но от активной революционной деятельности В. Крэсеску в конце XIX в. отходит. Подобный же путь проделал и А. Фрунза, также популяризовавший в Румынии произведения русских писателей-классиков, но отошедший от революционного движения.

Еще более разительную эволюцию проделал К. Стере. Бывший участник народнического кружка в Одессе, входившего в систему «Народной воли», принимавший определенное

участие в народническом движении в Молдавии и подвергнутый царским правительством ссылке в Сибирь, К. Стере после отбытия срока ссылки и краткого пребывания в Бессарабии выезжает в Румынию, где вскоре становится одним из идеологов попоранизма – румынской разновидности либерального народничества. Он прямо заявлял о своей приверженности доктринам Н.К. Михайловского и с большим пиететом относился к С. Южакову¹¹. В дальнейшем следует его заметное поправление, приведшее его в лагерь апологетов австро-германского блока и затем в ряды бессарабского «Сфатул Цэрий», одним из лидеров которого он станет.

К этим бывшим участникам революционного движения, перешедшим идейно к либеральным народникам, примыкали в Румынии и некоторые другие эмигранты из Бессарабии (например, Булатов, Урсу). Состав этой группы не был однородным, но в конце XIX в. они могут быть отнесены к либеральным народникам, хотя одни из них были левого, а другие правого толка. Их связь с Молдавией была незначительной, и еще менее заметным было их воздействие на местное общественное движение. Слишком мало оставалось в Молдавии их бывших соратников, тем более что часть участников народнического движения, такие, как А. Машицкий, Г. Гуковский, Б. Гинзбург (Д. Кольцов), перешла на позиции социал-демократии – наиболее прогрессивного идейного течения, которому принадлежало будущее. Действовавшие легально либеральные народники Молдавии практически никакого влияния эмигрантской группы не испытывали. Значительно большее воздействие на них оказали либеральные народники, действовавшие в Центральной России, а также на Украине.

Одним из видных народнических публицистов 80-х годов в Молдавии был Д.Д. Суручан, основательно занявшийся разработкой крестьянского вопроса в Бессарабии. В центре внимания его опубликованных работ, вышедших в Одессе в «Новороссийском телеграфе», было положение *царан* и *резешей*, т.е. подавляющего числа крестьянского населения в Бессарабии. Он описывает тяжелое положение крестьянских масс, их обезземеливание, зависимость от помещиков, от государства,

стремление к переселению в другие районы страны и т.д. Как описатель экономического положения и быта крестьянства Д. Суручан очень близок к истине, но он сразу переходит на рельсы утопизма, как только начинает предлагать выход из отмеченных трудностей.

В двух своих статьях, одна из которых была посвящена двадцатилетию крестьянской реформы в Бессарабии, а другая – разрушению резешского землевладения, Д. Суручан выступает как упорный защитник общинного землевладения. Он предлагает пересмотреть «Положение 14 июля 1868 г.», особенно те пункты, которые позволяли переход земельных наделов из одних рук в другие. Иными словами, Д. Суручан, вслед за многими народническими авторами, ратует за уравнильное землепользование и за укрепление общинной организации. Считая себя защитником интересов крестьянства, Д. Суручан выступает против развития капиталистических отношений, и его программа спасения царанского и резешского землевладения стала лишь разновидностью утопических народнических программ 80–90-х годов¹². С позиций либерального народничества выступил в то время и ряд других публицистов, обратившихся к проблемам местного сельскохозяйственного производства и положения крестьянства. Тяжелое положение бессарабских крестьян описали с этих позиций в 90-х годах В. Кричный и Н. Быховский.

Они сконцентрировали свое авторское внимание на проблеме кризиса бессарабского сельского хозяйства, и главную его причину усматривали в стремительном обезземеливании крестьянства. Стремясь приостановить этот процесс, эти авторы, как и другие деятели либерального народничества, не хотели видеть процесса расслоения крестьянства, выделение из его среды кулачества – наиболее распространенного представителя сельской буржуазии. Они выступают против помещичьего землевладения с позиций зажиточного крестьянства и, хотя на словах были против развития буржуазных отношений, фактически явились апологетами мелкой сельскохозяйственной буржуазии, боровшейся против помещичьего землевладения¹³.

В таком крестьянском крае, каким являлась в конце XIX в. Молдавия, народнические идеи, в том числе и построения либеральных народников, находили определенный отклик в среде крестьян, преимущественно состоятельных. В идеологии легального народничества состоятельные крестьяне видели идейное оружие против помещиков, земли которых они стремились разделить и стать безраздельными хозяевами на селе. Демократизм либеральных народников по существу превращался в демократию для сельской буржуазии, однако влияние народничества прослеживается и в сочинениях представителей либерального лагеря. Известный писатель и исследователь истории края К. Стамати-Чуря (противник революционного движения) в некоторых своих сочинениях сочувственно отражал борьбу революционного народничества¹⁴.

Определенное влияние идеологии либерального народничества испытал и такой видный представитель либерального лагеря, как А.Н. Егунов, ратовавший за развитие кустарного производства и выступавший против концентрации капиталов в руках небольшой кучки монополистов¹⁵. Народническое влияние не обошло и такого видного молдавского ученого, как А. Яцимирский, обратившегося к истории гайдучества в Молдавии и отражавшего любовь крестьянских масс к этим народным мстителям¹⁶.

В целом деятельность либерального народничества не имела в Молдавии сколько-нибудь значительного распространения. Борьба народников за сохранение общины в Бессарабии не могла получить заметного отклика в среде молдавских крестьян, поскольку, кроме резешей, община в Молдавии не обладала такой силой, как в центральных губерниях России. Кроме того, после реформ 60-х годов крестьяне Молдавии обладали большими наделами, чем во многих других районах страны. Учитывая это, а также и то, что земля в крае отличалась значительным плодородием, бессарабский губернатор доносил летом 1881 г. министру внутренних дел: «Ежели за сим принять во внимание, что молдаване-земледельцы отличаются известным равнодушием ко всякого рода политическим вопросам и стремятся только к приобретению необходимого для поддер-

жания своего существования, то есть повод надеяться, что это население имеет задатки к тому, чтобы настроение его не могло принять тревожного направления вследствие происков неблагонадежных лиц»¹⁷.

Действительно, народническое движение не смогло охватить сколько-нибудь значительные слои крестьянства. В 1870–1880-х годах еще не было достаточных объективных оснований для развертывания широкого крестьянского движения. Но именно в то время создавались основания для серьезных аграрных потрясений, которые произойдут в крае в начале XX в. К этому времени народничество уже перестанет быть в Молдавии самым прогрессивным течением, и революционные крестьяне начнут руководствоваться другими лозунгами, близкими революционному классу гегемону – пролетариату.

Наряду с течением мелкобуржуазного характера, представленного преимущественно народничеством, в пореформенный период в Молдавии выделяется и течение буржуазного либерализма. Собственно, либерально-дворянское направление в составе господствующего феодального класса – в среде дворянства и духовенства прослеживается еще до реформы, но после буржуазных реформ 1860-х годов можно говорить о либеральном буржуазном течении представленном, с одной стороны, обуржуазившимся дворянством, с другой – торговой и частично промышленной буржуазией.

В крае, где весь пореформенный период ощущалось чрезвычайное засилье помещиков, буржуазный либерализм не был столь значительным, как направление консерваторов и реакционеров. Бессарабия в составе России являлась одним из сильнейших оплотов группировок реакционных сил. Бессарабские либералы были не столь влиятельны и известны, хотя из Бессарабии вышел Л.А. Кассо – в будущем министр России, первоначально выдвинувшийся как юрист либерального направления, а выпускные экзамены в кишиневской гимназии сдал один из крупнейших государственных деятелей России конца XIX – начала XX в. С.Ю. Витте, начавший свою карьеру как деятель либерального склада. Оба они, впрочем, затем сделали заметную эволюцию вправо.

Вообще, для многих буржуазных либералов такое поправление не было в условиях самодержавной власти исключением. Заметно оно и на примере буржуазных либералов Бессарабии. Так, один из деятелей либерального толка – П.С. Леонард в 60-х – начале 70-х годов XIX в. приветствовал буржуазные реформы, ратовал за применение наемного труда, развитие экономики и проч., он приветствовал создание земских учреждений и возлагал на них значительные надежды¹⁸. Впрочем, либерализм П. Леонарда – крупного бессарабского помещика, и в 60–70-е годы XIX в. был весьма ограниченным. Он и тогда был сторонником монархии, и создание земств рассматривал как подарок правительства, предназначенного для укрепления его власти. Он категорически выступал против прогрессивных сил в земстве еще в 1871 г.¹⁹ В дальнейшем П.С. Леонард сбросил маску либерала и стал на позиции самой оголтелой реакции²⁰.

В.И. Ленин, неоднократно в своих сочинениях обращавшийся к истории и практике либерализма, отмечал: «Либералы отличаются от консерваторов (черносотенцев) тем, что представляют интересы буржуазии, которой необходим прогресс и сколь-нибудь упорядоченный правовой строй, соблюдение законности, конституции, обеспечение некоторой политической свободы»²¹. Подчеркивая отличие либералов от консерваторов, В.И. Ленин вместе с тем четко отделял лагерь либералов от лагеря консерваторов. «Либералы, – писал он, – были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков»²².

Российский либерализм пореформенной поры имел в числе своих идейных предшественников либеральных правительственных реформаторов первой половины XIX в., таких, как видные сановники М. Сперанский и П. Киселев, а также представителей преимущественно двух общественных течений – западников и славянофилов. В Бессарабии, в силу ее географического положения, национального состава населения, отсутствия в первые десятилетия после присоединения к России сколько-нибудь крупных представителей в числе правительст-

венных либералов, наиболее выделяются либералы-западники. Славянофильские мотивы в выступлениях либералов Молдавии слышны значительно слабее. Они находят некоторое отражение, например, в сочинениях молдавских ученых П. Сырку, А. Яцимирского, А. Кочубинского, работавших вдали от родины, и то, скорее, этот славянофильский налет больше характерен для их научных сочинений, нежели для политических взглядов.

В Молдавии либеральные настроения находили отражение в земстве, учебных заведениях, в публицистике и художественной литературе, а также, в некоторой степени, в дворянских собраниях. Либерализм в Молдавии был представлен несколькими оттенками. Наряду с правыми либералами типа П. Леонарда и левым либерализмом легального народничества, к левым либералам тяготели такие представители учительства, как К.П. Яновский, С.Н. Кулябко, И.С. Нечуй-Левицкий, В.Н. Заушкевич и др., испытавшие также заметное влияние революционного демократизма.

О своем двоюродном брате С.Н. Кулябко оставил воспоминания Н.Г. Кулябко-Корецкий – народник, перешедший затем на позиции либерализма. По его словам, С.Н. Кулябко, который преподавал в Кишиневе русскую литературу, «...был последователем Белинского и Добролюбова, страстным поклонником народной поэзии Украины и горячим почитателем великого украинского поэта и народолюбца Тараса Григорьевича Шевченко»²³. Сторонником Шевченко был и другой преподаватель – И. Нечуй-Левицкий, ставший крупным украинским писателем-демократом. На прогрессивных позициях находился и преподаватель Кишиневской духовной семинарии В.Н. Заушкевич, оказавший большое влияние на своего ученика Н.П. Зубку-Кодряну²⁴.

Большую работу в духе передовой педагогики Ушинского и Пирогова проделал на ниве просвещения К. Яновский²⁵. Это была группа, которую вполне можно отнести к разряду либеральных демократов, по словам В.И. Ленина, отражавших «позицию наиболее прогрессивных слоев буржуазии и мелкой буржуазии»²⁶. К этой группе буржуазных демократов может

быть отнесен, хотя и с некоторыми оговорками, видный молдавский писатель К. Стамати-Чуря, писавший на нескольких языках.

Сын молдавского писателя К. Стамати, получивший образование в Париже, К. Стамати-Чуря имел за плечами опыт преподавательской и дипломатической работы. В своих многочисленных произведениях он бичевал пороки самодержавных порядков в России, выступал с позиций западничества и отстаивал путь отдельных реформ. Он, однако, идеализировал деятельность Александра II, которого относил к числу просвещенных монархов, и при том, что в некоторых своих сочинениях высказывал сочувствие народным массам, отмечал ограниченность Крестьянской реформы 1861 г., был противником революционного движения. Для взглядов К. Стамати-Чуря характерна противоречивость, свойственная либералам его поры. Как мелкопоместный помещик (а он владел имением на севере Бессарабии), он был заинтересован в сохранении частной собственности; как писатель и философ-гуманист, К. Стамати-Чуря стоял на позициях либерального демократизма, не чуждого по некоторым вопросам, материалистических оценок²⁷.

К категории буржуазных либералов относился видный экономист, правовед и публицист А.Н. Егунов. Уроженец Бессарабии, он после окончания Кишиневской гимназии и Московского университета прошел службу в нескольких министерствах, был сотрудником «Современника» в 40-х годах XIX в., а с 1862 по 1878 г. руководил Бессарабским статистическим комитетом. Как и К. Стамати-Чуря, А. Егунов был западником и активно выступал против славянофильских концепций. Он положительно отзывался о реформах Петра I, не был сторонником укрепления общины и высказывался за скорейший выход крестьян из общины, ратовал за частное предпринимательство и предоставление больших прав окраинам при решении хозяйственных и правовых вопросов. Как и К. Стамати-Чуря, А. Егунов высоко оценивал Крестьянскую реформу 1861 г. и, как типичный представитель направления буржуазных либералов, ратовал за дальнейшее реформирование экономических и правовых отношений.

Либеральный лагерь был представлен в Молдавии и рядом других деятелей либерально-дворянского и либерально-буржуазного характера. К либералам-дворянам принадлежал самый крупный историк Бессарабии середины XIX в. А. Накко – бывший офицер, затем профессор Новороссийского университета. Либерализм А. Накко был, впрочем, весьма ограниченным. Эта ограниченность хорошо прослеживается по предисловию, которое он предпослал к самой крупной своей работе по истории Бессарабии, где восхвалял благодеяния царского правительства в крае²⁸. Сторонницей женской эмансипации, но, опять-таки, с позиций дворянского либерализма, выступала и его супруга, писательница О. Накко²⁹.

Либеральным характером пронизана деятельность в Бессарабии офицера генерального штаба А. Зашука, находившегося в этих краях непродолжительное время, но оказавшего большое влияние на местные настроения своей фундаментальной работой по Бессарабии³⁰. Эта работа была написана с либерально-буржуазных позиций и отражала большие надежды, которые питали либералы в связи с проведением буржуазных реформ в конце 50-х – начале 60-х годов.

В бессарабском земстве либеральная струя была представлена А.Ф. Стуартом, бывшим соратником А.И. Герцена, деятельность которого была видна на общероссийском фоне³¹.

Либеральный лагерь в Молдавии пореформенной поры не был сколько-нибудь заметно организован. Он не имел достаточных материальных и духовных сил, чтобы основательно противостоять направлению реакционеров и консерваторов, и по отношению к либералам края полностью подходит определение В.И. Ленина о том, что «утопия либерализма есть утопия бессилия в деле политического освобождения России»³².

Земские учреждения, создававшиеся на современной территории Молдавии, постепенно и не повсеместно в определенной степени отражали борьбу общественно-политических сил края пореформенного времени. Первоначально, в 1865 г. земские учреждения были созданы в той части Молдавии, которая входила в состав Херсонской губернии, и первым уездным земством стало Тираспольское. Примечательно, что Молдавия,

наряду с Украиной, была в числе первых национальных районов, где стали создаваться земские учреждения. Как известно, на Кавказе, в Казахстане и Средней Азии, в Польше, Литве, Белоруссии и многих других губерниях с преобладанием нерусского населения земства созданы не были. В Бессарабии, где земские учреждения были учреждены с 1869 г., т.е. сразу после Крестьянской реформы 1868 г., они были введены не без некоторого колебания правительства и с явным учетом как внутренних, так и международных факторов³³. В той части Молдавии, которая входила в состав Подольской губернии, земства созданы не были, что объяснялось боязнью царских властей встретить сильную земскую оппозицию со стороны польских помещиков, обладавших в этой губернии значительными земельными массивами.

Создание земств было в значительной степени подарком правительства помещичьим кругам, которых оно стремилось задобрить за потерю некоторых прав над крестьянами и, прежде всего, за Крестьянскую реформу 1861 г. Помещики играли как в уездных, так и губернских земствах основную роль, и царское правительство, искусственно добиваясь их большинства, давало понять, что дворяне по-прежнему являются основной опорой самодержавия. В.И. Ленин, неоднократно касавшийся деятельности земства подчеркивал, что оно было «...пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, *допускаемым* бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось»³⁴.

Однако земства, созданные параллельно с административными органами, не могли время от времени не вступать с ними в противоречия и не стремиться к укреплению своего положения. В.И. Ленин отмечал, что земство «постоянно противопоставляет выборные учреждения бюрократии, вызывает постоянные конфликты между ними, показывает на каждом шагу реакционный характер безответственного царского чиновничества, поддерживает недовольство и питает оппозицию самодержавному правительству»³⁵.

Получилось так, что среди всех земств России, а их к концу 70-х годов создали в 34 губерниях, бессарабское земство было

одним из самых реакционных. Еще до революции крупный историк земства Б.Б. Веселовский отмечал, что «бессарабское земство всегда было чуждо прогрессивным тенденциям»³⁶. Это объяснялось во многом тем, что с самого начала создания земства в Бессарабии власть в нем захватили крупные помещики-консерваторы, чему активно поспособствовали царские власти. Собственно, засилье помещиков было характерно для всех земств в целом, поскольку, например, по данным на начало 90-х годов в большинстве земств почти 90% губернских гласных были потомственными дворянами³⁷. Но бессарабские помещики отличались особой реакционностью. В крае, где не было крупных промышленных предприятий, отсутствовали высшие учебные заведения и сколько-нибудь значительная интеллигенция, бессарабские помещики стремились наложить реакционную печать не только на социально-экономические отношения, но и на духовную жизнь. Зная о колебаниях правительства накануне создания бессарабского земства, подавляющее число его членов всячески стремилось доказать свою верноподданность и показать царскому правительству правильность того шага, благодаря которому Бессарабия была поставлена в более выгодное положение, нежели большинство других национальных окраин.

В 1902 г. Департамент полиции составил сводку о земских служащих с точки зрения их благонадежности. Неблагонадежными были признаны те, кто обвинялся в государственных преступлениях, участвовал в студенческих беспорядках и т.п. По Бессарабии было выявлено 14 таких земских служащих, тогда как по Саратовской губернии – 100, Московской – 85, Тамбовской – 70, Воронежской – 66, Херсонской – 41 и т.д. По степени благонадежности из 34 земств Бессарабское земство делило 5-е и 6-е место вместе с Санкт-Петербургским земством, т.е. было одним из самых благонадежных. Херсонская губерния по этому показателю делила 13-е и 14-е место с Екатеринославской губернией³⁸.

Так называемый третий элемент, т.е. служащие земств, преимущественно интеллигенты, был в Бессарабии немногочисленным и не мог оказать значительного влияния на дея-

тельность гласных. Из бессарабских гласных своими либеральными действиями отличался разве что А.Ф. Стюарт, принявший активное участие в общероссийском либеральном земском движении, тогда как от Херсонской губернии в нем участвовали такие земские гласные, как В.А. Андреевский, И.И. Гороневич, П.А. Зеленый, Ф.П. Никитин³⁹. Симптоматично, что среди гласных бессарабского губернского земства был самый высокий процент лиц с высшим образованием, даже более высокий, чем в таком прогрессивном земстве, как Тверское⁴⁰, – показатель того, что высшее образование отнюдь автоматически не способствовало демократическому настрою.

Помещичий состав земства Бессарабии не исключил в губернском и уездных земствах борьбу различных группировок, отличавшихся не столько какими-либо общественно-политическими платформами, сколько сосредоточением сил для приобретения руководящих земских постов. Вскоре после создания земских учреждений в Бессарабии выявилось две основные группировки, одну из которых называли «старогреческой партией», а другую «Молодая Бессарабия». Оба направления были помещичьи, и если в первую входили помещики, кичившиеся своим древним происхождением и крупными состояниями, то во вторую – землевладельцы, оформившие свое дворянство сравнительно недавно. Из-за малочисленности, первая группировка включала также ряд лиц, которые не обладали особым состоянием, но полностью выполняли волю лидеров, получая за это определенное вознаграждение⁴¹. По существу, в Бессарабском земстве господствовало несколько семейств крупных помещиков. В начале 80-х годов из 52 губернских гласных было 18 родственников (4 – Семигравовы, 2 – Крупенских, 2 – Синадино, 2 – Дунка, 2 – Катруца и т.д.); в 1887–1890 гг. их было уже 24, а в 1902 г. – 12 из 36 гласных, из которых 6 – Крупенских⁴².

Сохранилось множество материалов о борьбе группировок в процессе земских выборов. В 1876 г., например, боролись группировка во главе с П.В. Дическу – тогда председателем губернской земской управы, которого, как писалось в донесении жандармских властей, «считают принадлежащим к партии

молодых молдаван-прогрессистов», и группировка товарища председателя кишиневского окружного суда, богатого помещика Ф.Ф. Крупенского. Последняя группировка одержала верх, что привело к занятию ее сторонниками всех должностей по губернскому земскому управлению. Обычно победа той или другой группировки влекла за собой отстранение от всех должностей противников и назначение сторонников. В начале 80-х годов одержала, наоборот, верх «партия» «Молодая Бессарабия», захватившая власть в земских учреждениях⁴³.

Подобная же картина складывалась и в процессе выборов в уездных земствах, где боровшиеся группировки имели своих сторонников. В Бельцком уезде группировку Ф.Ф. Крупенского поддерживали братья Н.С. и А.С. Кассо (отец министра Л.А. Кассо). Н.С. Кассо был предводителем дворянства в Бельцком уезде, которому в земских выборах до введения нового «Положения 1890 г.» удалось одержать победу, получив поддержку представителей всех сословий, имевших доступ к земским учреждениям⁴⁴.

«Положение 1890 г.», которое было отражением борьбы царского правительства против земств, еще больше усилило права дворянства в земствах, уменьшило число уездных и губернских гласных, увеличило вмешательство администрации и еще сильнее ослабило участие в земских учреждениях крестьян⁴⁵. Однако деятельность земств при всем этом не заглохла. В Бессарабии земства все-таки сыграли определенную положительную роль в развитии экономики и культуры края. Они способствовали строительству и ремонту дорог, некоторому развитию сельского хозяйства, народного образования, здравоохранения и проч. Например, в 1870 г. в Бессарабии было 13 земских врачей, а в 1900 г. – уже 56⁴⁶, наблюдался определенный рост числа земских школ и т.д. Даже в таком реакционном земстве, как бессарабское, порой проявлялась борьба мнений, и земство в определенной степени противостояло администрации.

Бюрократия с неодобрением относилась к работе земства, видя в нем ущемление своего всевластия. К тому же деятельность земства нередко подвергалась серьезной критике со сто-

роны демократических кругов общества, что понуждало земство к некоторой активизации своих действий. В 1880 г. в органе либеральных народников, журнале «Русское богатство» деятельность бессарабского земства подверглась резкой критике. Критиковался состав земства, различные злоупотребления и проч.⁴⁷ Такой же критике подверглось бессарабское земство и в другом органе легального народничества – «Неделе». Там писалось, что едва ли «есть еще другой край, где бы общественное самоуправление проявлялось бы в таком безобразном виде, как в Бессарабии. Строго говоря, это не есть даже самоуправление, а какое-то самоуправство дворянской партии»⁴⁸.

И при всем этом, и в таких земских учреждениях оседали люди с демократическими убеждениями. Это происходило прежде всего за счет «третьего элемента» – земских служащих, число которых в земствах все увеличивалось. Секретарем Хотинской земской управы некоторое время был участник народнического движения П.П. Долинский, находившийся под полицейским надзором⁴⁹. Земским врачом в Бессарабии работал бывший член группы Д. Благоева П.А. Латышев. В числе прогрессивных земских врачей находился и К.П. Хинкулов (Хынку), близкий в молодости к народническим кругам и поддерживавший связи с редактором «Недели» П.А. Гайдебуровым⁵⁰. В Бессарабии некоторое время работал известный революционер Л.П. Радин, в Кишиневе под надзором полиции находилась уроженка Подольской губернии Ц. Войнаровская, вскоре вошедшая в состав Группы «Освобождение труда». В Черниговском земстве активную роль играл молдаванин В.Ф. Варзарь, работы которого по статистике имели всероссийское значение.

При непосредственном участии «третьего элемента» бессарабское земство издавало «Сборники Бессарабского земства», выходившие с 1870 по 1880 г., и «Вестники Бессарабского земства», начавшие выпускаться с 1881 г., – периодические издания, содержавшие материалы о деятельности земств и в какой-то степени способствовавшие гласности в земских учреждениях. Порой и в Бессарабском земстве вносились предложения, носившие прогрессивный характер. Так, в декабре 1872 г. гласные губернского земского собрания Дическул, Писаржев-

ский и Лисовский внесли предложения о введении всесословной волости – идея, характерная для многих земств. И хотя губернское земское собрание отвергло это предложение, оно свидетельствует о том, что и в Бессарабском земстве вносились порой предложения не только в пользу консервативного дворянства⁵¹.

Иногда земские гласные поддерживали прямые контакты с деятелями революционного движения. Дическул, к примеру, получал письма А. Берладской, обучавшейся в Швейцарии⁵². П. Долинскому оказал протекцию председатель Хотинской земской управы Гафенко⁵³. Но это лишь отдельные примеры, которые не меняют общего мнения о существовании деятельности бессарабского земства. «Третий элемент», который все-таки играл роль в земском движении⁵⁴, в Бессарабии был очень незначительным. Земские служащие, за редким исключением, не играли здесь самостоятельной роли, не выступали они и в союзе с земскими гласными⁵⁵. Несколько иным было положение в Херсонской губернии, где «третий элемент» был лучше организован и настроен оппозиционно, противостоя активно земским гласным⁵⁶. Кстати, по числу студентов из Молдавии Новороссийский университет в Одессе занимал первое место среди других вузов страны. Многие из них по окончании учебы возвращались на родину и работали в земских учреждениях⁵⁷.

Консервативное направление общественно-политической жизни Молдавии хорошо прослеживается еще в первой половине XIX в. Еще в то время консервативные деятели начинают играть заметную роль в консервативном движении России в целом. Тогда выдвинулся как один из видных представителей российского консерватизма А.С. Стурдза – сын первого бессарабского губернатора, крупного молдавского боярина С.Д. Стурдзы. На фоне деятельности российских консерваторов А.С. Стурдза, действительно, являлся видной фигурой. Он поначалу был близок к одному из руководителей российской внешней политики И. Каподистрия и к самому императору Александру I, был хорошо образован и в начале своей служебной карьеры, пожалуй, был ближе к либералам, чем к консерваторам. Но чем дальше, тем больше консерватизм его взгля-

дов и действий становится все более отчетливым. Уже в 1815 г. он был одним из тех, кто составлял известный Акт Священного союза. Стурдза стал известен своим мистицизмом и активным противостоянием идеям Просвещения. Он, однако, был противником католицизма и всячески защищал принципы православия. Впоследствии его мистицизм заметно ослабел. После Греческой революции 1821 г. он стоял на позициях помощи борющимся грекам, в чем разошелся с правительственной политикой. По смерти императора Александра I участвовал в проведении преобразований в Дунайских княжествах. Выйдя в 1830 г. в отставку, он поселился в Одессе и активно участвовал в общественной деятельности, в том числе поддерживая связи с представителями молдавского общества. Надежды на преобразования в России он связывал с самодержавием и церковью. Он сотрудничал с одним из крупнейших деятелей русской православной церкви митрополитом Филаретом. Скончался А.С. Стурдза в июне 1854 г. в Бессарабии⁵⁸.

Заметной фигурой среди консерваторов России первой половины века была и родная сестра А.С. Стурдзы Р.С. Эдлинг (Стурдза). С 1806 г. она стала ближайшей фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны и получила возможность оказывать определенное влияние на придворные круги. На некоторое время она сблизилась и с самим императором. Как и ее брат, она отличалась склонностью к мистицизму, но в большей степени, чем он, проявляла интерес к католицизму, оставаясь при этом убежденной православной. Будучи убежденной сторонницей монархии, она допускала некоторые реформы, была противницей крепостного права. С 1822 г. она жила на Юге России, много внимания уделяла своему имению в Бендерском уезде Бессарабии – Манзырь, активно занималась общественной деятельностью⁵⁹.

Во второй половине века число деятелей консервативного направления в Молдавии, игравших заметную роль в деятельности общероссийского консерватизма, значительно возросло. Одним из видных консерваторов такого плана стал П.А. Крушеван (1860–1909) – писатель и публицист, активный общественный деятель. Уже в 1882 г. в петербургском журнала «Ни-

ва» он издает роман «Разоренное гнездо», посвященное разоряющемуся дворянству. Затем также в Петербурге, в журнале «Неделя», выходит его новая книга – «Счастливее всех». В 1896 г. он публикует в Москве свою книгу «Что такое Россия: (путевые очерки)» и роман «Дело Артабанова». Далее следуют книги «Призраки», «Миллионы», сделавшие Крушевана довольно известным литератором не только в кругах бессарабского общества.

В 1897 г. Крушеван основывает в Кишиневе газету «Бессарабец», поначалу больше склонявшуюся к либеральному направлению, но затем все более приобретающую черты реакционности и антисемитизма. Несколько позднее он будет издавать газеты «Знамя» и «Друг» явно консервативного направления. Он проводил в них идеи защиты самодержавия, контрреволюционности, но, вместе с тем, его издания характерны антибуржуазным налетом и склонны защищать разоряющееся дворянство и искать выход для оказания помощи крестьянству. Он также относился к молдавским традиционалистам и выступал против присоединения Бессарабии к Румынии⁶⁰.

Еще большую известность, чем Крушеван, на фоне общероссийского консервативного движения приобрел другой уроженец Бессарабии – выпускник первой кишиневской гимназии и Новороссийского университета в Одессе В.М. Пуришкевич. Его дед В.В. Пуришкевич был уроженцем Киевской губернии и поселился в Бессарабии в 1825 г., исполнял должность ректора Кишиневской духовной семинарии в конце 40-х годов⁶¹. В.М. Пуришкевич в 1897–1900 гг. был председателем Аккерманской уездной земской управы, занимался общественной деятельностью. С 1900 г. жил в Петербурге, но не порывал связей с Бессарабией. Еще с 90-х годов стал известен как литератор, и его рассказ «Накаута и Карни», опубликованный в Аккермане в 1899 г., получил позитивный отклик Л.Н. Толстого. Но чем дальше, тем больше его литературные сочинения становятся на службу его политическим воззрениям – убежденного консерватора, затем и черносотенца. Пуришкевич станет одним из лидеров общероссийского черносотенного движения.

После раскола в 1907 г. Союза русского народа он создаст Русский народный союз имени Михаила Архангела⁶².

На фоне общероссийского консервативного движения хорошо видна также деятельность братьев Крупенских. Старший из них – А.Н. Крупенский после окончания Киевского университета вначале служил в Подольском дворянском депутатском собрании, затем работал в Бессарабии, где с 1892 г. являлся уездным земским начальником Сорокского уезда. Был женат на сестре будущего министра народного просвещения Л.А. Кассо. Несколько позднее, в 1905 г., возглавил умеренно-правую «Бессарабскую партию центра», а с 1908 по 1917 г. был бессарабским губернским предводителем дворянства. Себя он считал русским националистом и оставался убежденным монархистом и после 1917 г.

Его младший брат, П.Н. Крупенский, в 1897 г., после выхода в отставку в звании полковника, стал активно заниматься общественной деятельностью. Был членом Хотинской уездной земской управы, а с 1899 г. предводителем дворянства того же уезда. Впоследствии станет депутатом Государственной думы II, III и IV созывов, отличаясь своими правыми взглядами⁶³.

Из среды бессарабских армян происходил И.Д. Делянов, с 1882 г. – министр народного просвещения России, проводивший в этой области политику крайней реакции. К подобного рода мерам прибегал и другой министр просвещения России в 1910–1914 гг., видный юрист Л.А. Кассо, тоже уроженец Бессарабии. Он был из молдавских бояр греческого происхождения. Дед его С.К. Кассо родился в Яссах и переехал в Бессарабию в 1823 г., получив российское дворянство⁶⁴.

Из видных бессарабских консерваторов известны также имена Синадино, бывшего народовольца Г. Романенко и др. Крупное помещичье землевладение было основательной питательной почвой для поддержания в крае консервативных взглядов и действий.

Молдавия не относилась во второй половине XIX в. к числу российских регионов со значительным национальным движением. Историк А. Болдур в свое время подчеркивал: «Не известно никакого молдавского политического национального

объединения, подобного тому, что было на Украине. Действительно, молдавское общество в Бессарабии не находилось в движении»⁶⁵. При этом он назвал несколько имен представителей боярства, которые в связи с Польским восстанием 1863 г. мечтали о восстановлении молдавской нации и о последующем ее объединении с Молдовой. Он приводил и настроения другого рода, упомянув со ссылкой на П. Михайловича (Паул Михал) брошюру некоего И. Чиореску «Голос румын Бессарабии», отпечатанную в Кишиневе в 1864 г., где говорилось о благодеяниях русского режима и обвинялось румынское правительство в преследовании Церкви и тайной поддержке польских повстанцев⁶⁶. В XX в., в межвоенный период на румынском языке вышло несколько работ, где сообщалось о национальных чаяниях молдаван Бессарабии, но не давалось информации о конкретном национальном движении в конце XIX в. в рамках этого региона⁶⁷.

Позднее, в 1959 г., главу под названием «Национальное движение в Бессарабии» поместил в одной из своих монографий И.Г. Будак. Он отмечал, что в 1883 г. группа молдавских дворян предложила произносить в дворянском и земском собраниях речи и на молдавском языке, на что не получила разрешения властей. Далее он пишет, что при земских выборах в Бессарабии еще в 1876 г. выделилось две «партии». Одну из них, «партию» молодых молдаван-прогрессистов, возглавил председатель губернской земской управы П.В. Дическу, а другую – товарищ председателя Кишиневского окружного суда по гражданскому отделению Ф.Ф. Крупенский. Вторая партия одержала победу, но обе они продолжили свою деятельность в среде бессарабского дворянства.

В той же книге приводится выдержка из политического отчета Бессарабского губернского жандармского управления за 1885 г., где отмечалось: «Что касается до местной интеллигенции, принадлежащей по рождению к молдавской национальности, то приходится отметить характерную черту, резко выдающую каждого молдаванина-интеллигента – лелеемые каждым из них мечты об отделении Бессарабии от России и присоединение оной к Румынскому королевству, внутренними порядками

ми которого они зачастую вслух восторгаются. К этому считаю долгом добавить, что описанные мечты до настоящего времени пока еще не выражались ни в открытой в этом смысле пропаганде, ни в другом каком-либо революционном движении»⁶⁸.

Во второй половине XIX в. наиболее заметные проявления национального вопроса можно усматривать в связи с делами Кассо – Котруца, А. Хашдеу и избранием нескольких бессарабцев в румынское культурное общество, будущую Румынскую академию. Все они получили отражение в материалах III Отделения за 1860-е годы. Известен также кружок в Кишиневской семинарии, явно националистической направленности, а также деятельность студентов-бессарабцев в Юрьевском (Дерптском) университете, интересовавшихся национальными проблемами и румынскими изданиями⁶⁹.

Донесения жандармских властей дают определенное представление о настроении населения Молдавии того периода. В декабре 1883 г. помощник начальника Бессарабского жандармского управления по Хотинскому и Сорокскому уездам доносил: «Низший класс населения положительно предан правительству... в высшем же классе населения ... и в особенности между молдаванами проявляются личности, которые, хотя открыто и не высказываются из боязни, но тем не менее ... есть недовольные». В отчете помощника начальника Бессарабского жандармского управления по Ясскому и Оргеевскому уездам за 1 января 1884 г. говорится: «Постоянные мои наблюдения за настроениями умов среди крестьянства и вообще рабочего населения обоих уездов дали полное основание вынести твердое убеждение в полной их покорности и преданности государю императору и правительству Его Величества. Того же, к сожалению, нельзя сказать о местной интеллигенции, принадлежащей по национальности к местным молдаванам-помещикам. Добрая половина этих последних положительно ненавидит все русское, в тайне ругают русские порядки перед нашими. Считаю, впрочем, долгом оговориться, что явных агитаций в этом отношении мною замечено не было»⁷⁰.

Через несколько лет в отчете за январь 1888 г. по Хотинскому и Сорокскому уездам отмечалось, что ситуация там в

целом спокойная, но при этом подчеркивалось, что «интеллигентный класс означенных уездов обращает на себя внимание и мало заслуживает доверия правительства, ибо класс этот, состоя преимущественно из молдаван, греков, армян и поляков, более сочувственно относится к соседним государствам: Австрии, Румынии и Молдавии (sic! – В.Г.), нежели к России; сочувствие это выражается даже в мелочах; незначительное число землевладельцев, по происхождению русских, настолько слилось с природным местным населением, что не может отделить от него своих интересов и также сочувственно относится к России»⁷¹.

В общегубернском годовом отчете, составленном в марте 1889 г., говорилось, что сельское население «в политическом отношении находится в состоянии полной апатии», при этом отмечалась политическая неблагонадежность предводителя дворянства Бельцкого уезда Н.С. Кассо, владельца 18 тыс. десятин земли⁷², который систематически выживает из подведомственных ему учреждениях русский элемент, заменяя русских чиновников молдаванами. Кассо признавался вредной личностью еще в 1863 г.⁷³ О подобной его деятельности писалось и в следующих жандармских отчетах, составленных в марте 1890 г.⁷⁴ и в 1894 г.⁷⁵ Кстати, в последнем отчете подчеркивалось: «Никакой национальной вражды между народностями, населяющими Бессарабию, вообще не заметно»⁷⁶. На Н. Кассо и его брата Аристиды, отца будущего российского министра Л.А. Кассо, обращалось внимание и в дальнейшем⁷⁷. Таким образом, в источниках отмечались моменты настроенческого характера⁷⁸, а также отдельные личности с националистическими тенденциями, но ни о каком национальном молдавском движении в конце века речи не шло.

В Молдавии в то время нашли определенное проявление национальные движения и других народов, населявших этот край. Представители украинцев Кишинева послали в августе 1896 г. на съезд тайного общества «Молодая Украина» в Киеве своего делегата⁷⁹. В Бессарабии существовал кружок украинской молодежной нелегальной организации «Братство тарасовцев», созданной в 1891 г.⁸⁰ Определенная часть евреев Молда-

вии участвовала в еврейском общественном движении и, в частности, в деятельности сионистских кружков. В конце 1890-х годов Я.М. Бернштейн-Коган организовал сионистское общество с десятью кружками в Кишиневе, число членов которого в первые же месяцы существования достигло 800 человек. Бернштейн-Коган стал играть роль посредника между сионистскими кружками в России и венским сионистским центром. Кишинев, наряду с Киевом, Одессой и Харьковом, относился к числу главных пунктов распространения подобных еврейских организаций⁸¹.

Известно об участии многих поляков Подолии, а также Бессарабии в польском освободительном движении и, в частности, в вооруженном участии в Польском восстании 1863–1864 гг. Полиция установила ряд лиц, причастных к «составлению в Кишиневе как бы агентства Центрального комитета для содействия мятежу»⁸². В 1863 г. были даже составлены специальные ведомости о числе поляков, проживавших в Бессарабии⁸³. После подавления этого восстания некоторые его участники обосновались в Южной Бессарабии, продолжая поддерживать связи с другими деятелями польского общественного движения, в том числе и проживавшими на территории Молдавии⁸⁴.

¹ *Серов О.В.* Неонароднические организации в России на рубеже XIX–XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 15–20.

² *Балуев Б.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 259.

³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 272.

⁴ Там же. Т. 24. С. 320.

⁵ Там же. С. 321.

⁶ *Жуков В.И.* Города Бессарабии (1861–1900 гг.). Кишинев, 1975. С. 221.

⁷ Там же.

⁸ *Бабий А.И.* Формирование молдавской интеллигенции во второй половине XIX – начале XX в. Кишинев, 1971. С. 31–32; *Тулбуре Г.* Революционная деятельность З. Ралли-Арборе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. С. 21.

- ⁹ Об этом имеются интересные свидетельства П. Аксельрода и В. Засулич: *Аксельрод П.* Пережитое и передуманное. Т. 1. Берлин, 1924. С. 263; Группа «Освобождение труда». Сб. 5. М.; Л., 1926. С. 230.
- ¹⁰ *Левит Ф.* Традучериле ши прелукрэриле луй Виктор Коэсеску дин скрииторий рушь // Студий де историе литерарэ. Кишинэу, 1971. Паж. 232–257.
- ¹¹ *Гросул В.Я.* Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883–1895 гг. М., 1988. С. 239–240.
- ¹² См.: *Суручан Д.Д.* К вопросу о разрушении резешского землевладения в Бессарабии // *Новороссийский телеграф.* 1888. № 4009; *Его же.* По поводу двадцатилетия реформы 14 июля 1868 г. в Бессарабии // Там же. № 4130.
- ¹³ *Гросул Я.С.* Крестьяне Бессарабии (1812–1861 гг.). Кишинев, 1956. С. 22.
- ¹⁴ *Чебан А.Г.* Политико-правовая мысль Молдавии второй половины XIX – начала XX в. (Буржуазный либерализм). Кишинев, 1980. С. 37. Там же. С. 25–26.
- ¹⁵ *Яцимирский А.И.* Разбойники Бессарабии в рассказах о них // Этнографическое обозрение. СПб., 1896. № 1.
- ¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102 (3 дел.). Оп. 77. Д. 77. Л. 8–9.
- ¹⁷ См.: *Леонард П.С.* О предполагаемом улучшении быта крестьян в Бессарабии сравнительно с улучшением их быта в остальной России. Лейпциг, 1866; *Его же.* Несколько слов о земстве вообще, о бессарабском в особенности. Одесса, 1871. С. 3–5.
- ¹⁸ *Его же.* Несколько слов о земстве вообще, о бессарабском в особенности. С. 5.
- ¹⁹ *Его же.* Речь в бессарабском дворянском собрании 11 января 1884 г. Одесса, 1884.
- ²⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 472.
- ²¹ Там же. Т. 20. С. 175.
- ²² *Кулябко-Корецкий Н.Г.* Из давних лет. М., 1931. С. 142.
- ²³ Николай Петрович Зубку-Кодряну. Б. м., б. г. С. 7–8.
- ²⁴ *Чеботарь Ф.Ф.* Контрибуций ла история ынвэцэмынтулуй дин Басарабия (1812–1866). Кишинэу, 1962. Паж. 73.
- ²⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 316.
- ²⁶ *Чебан А.Т.* Указ. соч. С. 32–37; *Стамати-Чуря К.* Опере. Кишинэу, 1978. Паж. 3–18.
- ²⁷ *Накко А.* История Бессарабии с древнейших времен. Т. 1. Одесса, 1875–1876. С. 5–6.
- ²⁸ *Накко О.* Из бессарабской старины. Кишинев, 1970.

- ³⁰ *Защук А.И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область. Ч. I–II. СПб., 1862.
- ³¹ *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. М., 1977. С. 29.
- ³² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 118.
- ³³ *Будак И.Г.* Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. в Бессарабии. Кишинев, 1961. С. 25–27.
- ³⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 35.
- ³⁵ Там же. С. 64.
- ³⁶ *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. Т. IV. СПб., 1911. С. 243.
- ³⁷ *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. С. 86.
- ³⁸ *Ее же.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986. С. 193–194.
- ³⁹ *Ее же.* Земское либеральное движение. С. 276–277.
- ⁴⁰ Там же. С. 77, 78.
- ⁴¹ *Будак И.Г.* Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. в Бессарабии. С. 40.
- ⁴² *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. С. 240–241.
- ⁴³ *Будак И.Г.* Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. в Бессарабии. С. 42.
- ⁴⁴ Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 297. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–5 об.
- ⁴⁵ См.: *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968.
- ⁴⁶ *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. Т. I. СПб., 1909. С. 359.
- ⁴⁷ *Рева М.* Подвиги бессарабского земства // Русское богатство. 1880. № 9. С. 4–26.
- ⁴⁸ Цит по: *Будак И.Г.* Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. в Бессарабии. С. 40.
- ⁴⁹ ГА РФ. Ф. 109 (3 эксп.). Оп. 159. Д. 144, ч. 153, т. 2. Л. 16.
- ⁵⁰ *Din trecutul nostru.* Chişinău, 1935. P. 9.
- ⁵¹ *Будак И.Г.* Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. в Бессарабии. С. 43.
- ⁵² ГА РФ. Ф. 109 (3 эксп.). Оп. 158. Д. 215, ч. 1. Л. 208 об.
- ⁵³ Там же. Оп. 159. Д. 144, ч. 153, т. 2. Л. 48 об.–49.
- ⁵⁴ *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. С. 111.
- ⁵⁵ Там же. С. 125.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ *Бабий А.И.* Формирование молдавской интеллигенции. С. 77–97.
- ⁵⁸ См.: *Парсамов В.С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004;

- Gervas S. Alexandre Stourdza (1791–1854). Un intellectual orthodoxe face aloccident. Geneve, 1999.*
- ⁵⁹ *Парсамов В.С. Эдлинг Р.С. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 608–610.*
- ⁶⁰ *Шорников И.П. Общественно-политическая и литературная деятельность П.А. Крушевана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 19–24.*
- ⁶¹ Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 88. Оп. 1. Д. 1975. Л. 5.
- ⁶² См.: *Кирьянов Ю.И. Правые партии в России, 1911–1917. М., 2001; Любош С.Б. Русский фашист В. Пуришкевич. Л., 1925; Матвеев В. Жизнь и деятельность В. Пуришкевича // Восход. Религия. Традиции. Общество. Человек. М., 1998. Вып. 2; Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992.*
- ⁶³ *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 257–259.*
- ⁶⁴ НАРМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 231. Л. 1–16, 53, 92–92 об.
- ⁶⁵ *Boldur A.V. Contribuții la studiul Istoriei Românilor. Istoria Basarabiei. Vol. 3: Sub dominațiunea rusească (1812–1918). Chiș., 1940. P. 183.*
- ⁶⁶ *Ibidem.*
- ⁶⁷ *Boga L.T. Lupta pentru limba românească și ideea Unirii la Români din Basarabia după 1812. Chiș., 1932; Ciobanu Șt. Cultura românească în Basarabia sub stăpânirea rusă. Chiș., 1923; Ciobanu Șt. Din istoria mișcării naționale în Basarabia. Chiș., 1933.*
- ⁶⁸ *Будак И.Г. Общественно-политическое движение в Бессарабии в пореформенный период. Кишинев, 1959. С. 380.*
- ⁶⁹ *Исаков С.Г. Бессарабские студенты в Тарту и их участие в местном революционном движении // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 340; Вопросы истории Эстонской ССР. Тарту, 1974. Т. VIII. С. 117–156.*
- ⁷⁰ ГА РФ. Ф. 102 (3 дел.). Оп. 80 (1884 г.). Д. 88, ч. 21. Л. 13–13 об., 20–20 об.
- ⁷¹ Там же. Оп. 84 (1884 г.). Д. 89, ч. 50. Л. 17–17 об.
- ⁷² НАРМ. Ф. 297. Оп. 1. Д. 15.
- ⁷³ ГА РФ. Ф. 102 (3 дел.). Оп. 87 (1889 г.). Д. 43, ч. 26. Л. 3, 8, 9.
- ⁷⁴ Там же. Оп. 88 (1890 г.). Д. 437, ч. 19. Л. 4 об.–5.
- ⁷⁵ Там же. Оп. 92 (1894 г.). Д. 152, ч. 46. Л. 6.
- ⁷⁶ Там же. Л. 2.
- ⁷⁷ *Negru Gh. Țarismul și mișcarea națională a românilor din Basarabia. Chiș., 2000. P. 144.*
- ⁷⁸ О настроениях в Бессарабии в 1882–1884 гг. см.: НАРМ. Ф. 297. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–156.

- ⁷⁹ Гросул В. Национальные движения в России в конце XIX в. // Российская история. 2015. № 2. С. 66.
- ⁸⁰ Там же. С. 70.
- ⁸¹ Там же. С. 80.
- ⁸² Будаг И.Г. Общественно-политическое движение в Бессарабии. С. 39.
- ⁸³ НАРМ. Ф. 2. Оп 1. Д. 7643.
- ⁸⁴ Будаг И.Г. Общественно-политическое движение в Бессарабии. С. 47.

Литература

- Аксельрод, П.* Пережитое и передуманное [Текст]. Т. 1. Берлин: З.И. Гржебин, 1923. 444 с.
- Бабий, А.И.* Формирование молдавской интеллигенции во второй половине XIX – начале XX в. [Текст]. Кишинев: Штиинца, 1971. 291 с.
- Балуев, Б.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков [Текст]. М.: Наука, 1995. 267 с.
- Будаг, И.Г.* Общественно-политическое движение в Бессарабии в пореформенный период [Текст]. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1959. 415 с.
- Будаг, И.Г.* Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. в Бессарабии [Текст]. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1961. 219 с.
- Веселовский, Б.Б.* История земства за сорок лет [Текст]: в 4 т. Т. IV. СПб.: О.Н. Попова, 1911. VIII, 696, 104, XXIX, XXVI с.
- Гросул, Я.С.* Крестьяне Бессарабии (1812–1861 гг.) [Текст]. Кишинев: Госиздат Молдавии, 1956. 401 с.
- Гросул, В.Я.* Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883–1895 гг. [Текст]. М.: Наука, 1988. 295 с.
- Гросул, В.* Национальные движения в России в конце XIX в. [Текст] // Российская история. 2015. № 2. С. 59–84.
- Жуков, В.И.* Города Бессарабии (1861–1900 гг.) [Текст]: очерки соц.-экон. развития. Кишинев: Штиинца, 1975. 291 с.
- Зацук, А.И.* Бессарабская область [Текст]. [Ч. 1–2]. СПб.: тип. Э. Веймара, 1862. 847 с., разд. паг. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба).
- Исаков, С.Г.* Бессарабские студенты в Тарту и их участие в местном революционном движении [Текст] // Ученые записки / Тартуский государственный университет. 1974. Т. VIII, № 380: Вопросы истории Эстонской ССР. С. 117–156.
- Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России, 1911–1917 [Текст]. М.: РОССПЭН, 2001. 464 с.

- Кулябко-Корецкий, Н.Г.* Из давних лет [Текст]. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. 311 с.
- Левит, Ф.* Традучериле ши прелукрэрилелуй Виктор Коэеску дин скрииторий рушь [Текст] // Студий де историелитерарэ. Кишинэу, 1971. Паж. 232–257.
- Леонард, П.С.* О предполагаемом улучшении быта крестьян в Бессарабии сравнительно с улучшением их быта в остальной России [Текст]. Лейпциг, 1866.
- Леонард, П.С.* Несколько слов о земстве вообще, о Бессарабском в особенности. Земские господа и земские управляющие [Текст]. Одесса: тип. Л. Нитче, 1871. [2], 78 с.
- Ленин, В.И.* Полн. собр. соч. [Текст]. Т. 1. 658 с.
- Любош, С.Б.* Русский фашист Владимир Пуришкевич [Текст]. Л.: Былое, 1925. 56 с. (Царская Россия).
- Матвеев, В.* Жизнь и деятельность В. Пуришкевича [Текст] // Восход: Религия. Традиции. Общество. Человек / ред. В. Матвеев. Вып. 2. М., 1998. С. 82–157.
- Накко, А.* История Бессарабии с древнейших времен [Текст]. Ч. 1–2. Одесса: тип. Ульриха и Шульце, 1873–1876. Ч. 1, [вып. 1, кн. 1]. 1973. [4], VI, 186 с.; [вып. 2, кн. 2]. [1874]. [4], 187–487 с.; вып. 3, [кн. 3]. 1875. [4], 489–902 с.; Ч. 2, [кн. 4]. 1876. [4], II, 448 с.
- Накко, О.* Из бессарабской старины [Текст]: очерки и рассказы. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1970. 295 с.
- Парсамов, В.С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза [Текст]: (из истории религиозных идей александровской эпохи): пособие по спецкурсу для студентов ист. фак-та. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 176 с.
- Парсамов, В.С.* Эдлинг Роксандра Скарлатовна [Текст] // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев; отв. секретарь А.В. Репников. М.: РОССПЭН, 2010. С. 608–610.
- Пирумова, Н.М.* Земское либеральное движение [Текст]. М.: Наука, 1977. 288 с.
- Пирумова, Н.М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. [Текст]. М.: Наука, 1986. 268 с.
- Серов, О.В.* Неонароднические организации в России на рубеже XIX–XX веков [Текст]: автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 – Отеч. история. М., 2000. 21 с.
- Стамати-Чуря, К.* Опере [Текст]. Кишинэу, 1978. Паж. 3–18.
- Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.) [Текст]. Москва: Изд-во ВЗПИ, АО «Росвузнаука», 1992. 330 с.

- Суручан, Д.Д.* К вопросу о разрушении резешского землевладения в Бессарабии [Текст] // Новороссийский телеграф. 1888. № 4009.
- Суручан Д.Д.* По поводу двадцатилетия реформы 14 июля 1868 г. в Бессарабии [Текст] // Новороссийский телеграф. 1888. № 4130.
- Тулбуре, Г.Д.* Революционная деятельность и общественно-политические взгляды народника З.К. Ралли-Арборе [Текст]: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Отеч. история. М., 1977. 28 с.
- Чебан, А.Г.* Политико-правовая мысль Молдавии второй половины XIX – начала XX в. (Буржуазный либерализм) [Текст]. Кишинев: Штиинца, 1980. 87 с.
- Чеботарь, Ф.Ф.* Контрибуций ла история ынвэцэмынтулуй дин Басарабия (1812–1866) [Текст]. Кишинэу, 1962. Паж. 73.
- Шорников, И.П.* Общественно-политическая и литературная деятельность П.А. Крушевана [Текст]: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Отеч. история. М., 2011. 25 с.
- Яцимирский, А.И.* Разбойники Бессарабии в рассказах о них [Текст] // Этнографическое обозрение. СПб., 1896. № 1. С. 54–90.
- Boga, L.T.* Lupta pentru limba românească și ideea Unirii la Rmâni din Basarabia după (1812) [Text]. Chiș.: Cartea Românească, 1932. 39 p.
- Boldur, A.V.* Contribuții la studiul Istoriei Românilor. Istoria Basarabiei [Text]. Vol. 3: Sub dominațiunea rusească (1812–1918). Chiș.: Tiparul Moldovenesc, 1940. 216 p.
- Ciobanu, Șt.* Cultura românească în Basarabia sub stăpânirea rusă [Text]. Chiș.: Asociației uniunea culturală bisericească din Chișinău, 1923. 342 p.
- Ciobanu, Șt.* Din istoria mișcării naționale în Basarabia [Text]. Chiș., 1933.
- Negru Gh.* Țarismul și mișcarea națională a românilor din Basarabia [Text]. Chiș.: Prut Internațional, 2000. 199 p.

К.С. Дроздов

**ФОРМИРОВАНИЕ
СОВЕТСКОЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ
НА УКРАИНЕ И В БЕЛОРУСИИ В 1920–1950-е ГОДЫ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ***

В статье рассмотрен процесс формирования и функционирования региональной политической элиты на Украине и в Белоруссии после образования СССР и вплоть до хрущевской «оттепели». Выделено несколько ключевых этапов элитогенеза в 1920–1950-е годы, в рамках которых анализируется процесс возникновения номенклатурной элиты в УССР и БССР. В ходе сравнительно-исторического анализа автор приходит к заключению, что, несмотря на некоторые особенности, в обеих республиках эти процессы происходили однотипно и имели в своей основе гораздо больше общих сходных черт, нежели отличий. В центре внимания исследования политика украинизации/белорусизации 1920–1930-х годов, которая была направлена на создание советской этно-политической элиты на Украине и в Белоруссии.

***Ключевые слова:** Украина; Белоруссия; этнополитические элиты; советская политика украинизации и белорусизации; партийная номенклатура.*

K.S. Drozdov

**THE FORMATION OF THE SOVIET ETHNO-POLITICAL ELITE
IN UKRAINE AND BELARUS IN THE 1920–1950s:
COMPARATIVE HISTORICAL ANALYSIS**

In the article the process of formation and functioning of regional political elites in Ukraine and Belarus after the formation of the USSR until Khrushchev's "thaw". Highlighted several key stages of elithogenesis in 1920–1950^s, which analyzes the process of the emergence of nomenclature

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-14001а(ц).

in the USSR and the BSSR. In the comparative-historical analysis the author comes to the conclusion that, despite some peculiarities, in both republics, these processes happened very repetitive and had its basis in much more General similarities than differences. The focus of the research policy of ukrainization/belarusization of the 1920–1930^s, which was aimed at the creation of the Soviet ethno-political elites in Ukraine and Belarus.

Key words: *Ukraine; Belarus; ethno-political elites; Soviet policy of ukrainization and belarusization; party nomenclature.*

Политическую элиту образует отдельная социальная группа, представители которой принимают участие в планировании, формулировке, принятии и реализации политических решений, имеют в своем распоряжении необходимые рычаги власти и властные полномочия. Эта группа деятелей осуществляет контроль над развитием экономики, социальной и гуманитарной сферы общества, средств массовой информации, внешней и внутренней политики, армии и правоохранительной системы. Она влияет на формирование идеологии и общественно-го сознания. Принадлежность к политической элите определяется доступом к властным рычагам. Другими словами, политическая элита – это политически господствующая, привилегированная группа, которая занимает руководящие позиции во властных структурах и непосредственно участвует в выработке, принятии и реализации важнейших решений, связанных с использованием власти¹. Основой, стержнем советской политической элиты являлась партийно-советская номенклатура.

В данной статье мы рассмотрим процесс возникновения, формирования и функционирования большевистской политической элиты на Украине и в Белоруссии после образования СССР и вплоть до хрущевской «оттепели». На наш взгляд, в обоих регионах эти процессы имели много общих сходных черт, что позволяет нам, с одной стороны, выделить и рассмотреть типологические особенности элитогенеза на данной территории, а с другой стороны, провести их сравнительно-исторический анализ в рамках тех общественно-политических процессов, которые происходили в этот период на всем общесоюзном пространстве.

В Российской империи в начале XX в. украинская и белорусская этнополитические элиты отсутствовали. Более того, для правящей российской бюрократии не существовали не только национальные элиты, но и сами украинцы и белорусы как отдельные от русских народы. По мнению А. Каппелера, аккультурация казачьего дворянства малороссийских и слободских губерний привела к тому, что малороссы перестали восприниматься имперским центром как самостоятельная этническая группа. «Поскольку к равноправному теперь с русским малоросскому дворянству все чаще стали относиться как к русскому, все украинцы бывшего гетманства воспринимались как региональный вариант русских... Таким образом в 19 веке в глазах русских массы украинцев стали хохлами, прототипом нецивилизованного крестьянина. Они перестали быть прямым объектом царской политики и воспринимались как функция доминировавшей в регионе польской или, соответственно, русской либо руссифицированной элиты»².

Схожая ситуация была и на белорусских землях, где политической элитой исторически являлась польская шляхта. Национальное движение белорусов находилось на стадии зарождения, а интеллигенция, идентифицировавшая себя с белорусской нацией, была крайне малочисленной.

По нашему мнению, процесс элитогенеза на Украине и в Белоруссии в 1920–1950-е годы можно разделить на несколько больших этапов. Во-первых, это период 1920-х – начала 1930-х годов, когда большевистское руководство активно проводило политику украинизации и белорусизации в УССР и БССР, которая позволила заложить организационные основы для формирования советской политической элиты на территории Украины и Белоруссии, привлечь в партийные, государственные и административные органы обеих советских республик национальные кадры.

Хронологические рамки второго этапа можно условно определить с 1933 г. по 1939 г. В это время в Советском Союзе произошла своеобразная смена элит внутри большевистского истеблишмента, когда сталинский режим в ходе политических и этнических чисток сначала устранил от рычагов власти всех

представителей небольшевистских партий, украинских и белорусских «сменовеховцев», дореволюционных «спецов», оказавшихся в рядах КП(б)У и КП(б)Б; а затем в годы Большого террора расправился и с теми национал-коммунистами, «старыми большевиками» с дореволюционным партийным стажем, которые пытались добиться определенной самостоятельности в принятии политических решений на уровне своих республик. Здесь, однако, следует иметь в виду, что, несмотря на разгром национальных кадров в годы Большого террора (особенно на уровне республиканского и областного номенклатурного звена), даже в то время отдельные элементы политики украинизации и белорусизации, связанные с выдвижением во власть украинских/белорусских рабочих и селян, продолжали использоваться сталинским руководством для формирования новой правящей элиты, всецело лояльной Москве и лично Сталину. После присоединения территорий Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР политика коренизации, фактически свернутая в предыдущие годы, неожиданно получила новый импульс для своего развития в короткий промежуток времени до начала Великой Отечественной войны.

Наконец, третий этап связан с периодом Великой Отечественной войны и первым послевоенным десятилетием, когда вновь произошла радикальная ротация и обновление партийных и советских кадров на территории УССР и БССР; когда на смену довоенным руководителям (погибшим, пропавшим без вести, оказавшимся в действующей армии, в эвакуации и т.д.) пришли новые кадры – коммунисты-фронтовики, прошедшие все тяготы войны, которые, как правило, вступали в ряды партии в окопах и на передовой линии фронта, не имели за плечами революционного прошлого, партийного стажа и опыта руководящей работы. Именно этим, на наш взгляд, можно объяснить ту частую сменяемость, текучесть кадров, которая наблюдалась во всех звеньях партийно-советского аппарата в первые годы после освобождения республик от немецких захватчиков и окончания Великой Отечественной войны.

Одна из важнейших особенностей процесса элитогенеза на Украине и в Белоруссии состояла в том, что здесь, в отличие от

Центральной России, идеи коммунизма были слабо распространены до октября 1917 г., большевистские партийные организации в украинских и белорусских губерниях были малочисленны и долгое время не имели влияния на широкие народные массы, которые были представлены в основном украинскими и белорусскими крестьянами. Кроме того, партийные и советские руководители УССР/БССР были составным элементом общесоюзной номенклатуры руководящих кадров. Она выполняла функции региональной политической элиты, но одновременно она подчинялась политической элите СССР и действовала как составляющая общесоюзного исполнительного механизма власти. Поэтому, по мнению исследователя Н.А. Фролова, региональную политическую элиту на Украине и в Белоруссии нужно считать номенклатурной элитой³.

На Украине формообразующим фактором для кристаллизации большевистской политической элиты стало объединение в июле 1918 г. всех большевиков Украины в партию, которая получила название Коммунистическая партия (большевиков) Украины. Руководящие органы этой партии стали местом концентрации тех деятелей, которые олицетворяли номенклатурную элиту Украины. КП(б)У, как, впрочем, и КП(б)Б, никогда не была самостоятельной партией, а выполняла функции большой областной организации в составе РКП (б)-ВКП (б)-КПСС.

Огромную роль в деле становления как украинской, так и белорусской советских политических элит сыграла политика коренизации кадров, активно проводившаяся большевистским руководством во всех национальных республиках в 1920-е – начале 1930-х годов. Коренизация подразумевала, прежде всего, подбор, подготовку и выдвижение кадров местных национальностей в управленческий аппарат; укрепление государственного аппарата кадрами, знающими язык, быт и психологию местного населения. Ее назначение состояло в том, чтобы создать возможности для получения местным населением образования на родном языке, развивать (а иногда и создавать с нуля) национальные языки и национальные культуры, переводить официальное делопроизводство партийных, советских, судеб-

ных и административных органов власти с русского на национальные языки. И действительно, сразу после XII съезда РКП (б), который инициировал политику коренизации, во всех национальных республиках, областях, краях и районах, официальные документы стали составляться на национальных языках, для подготовки работников создавался институт практикантов, а также курсы по изучению местных языков.

Кроме того, не следует забывать и о том, что одна из целей политики коренизации состояла в спешной подготовке новой коммунистической элиты, призванной сменить старую дореволюционную («спецов»), которую по необходимости приходилось привлекать к управлению на начальном этапе советского национально-государственного строительства.

Первоначально основу партийно-государственного аппарата и государственных служащих как на Украине, так и в Белоруссии составляли преимущественно русские и евреи. Связано это было с тем, что в Белоруссии, например, в начале 1920-х годов в городах проживало 35–40% еврейского населения; в местечках – более 40%; по всей промышленности рабочие-евреи составляли 30%, а по крупнейшим производственным союзам – более 50%. Этим объясняется тот факт, что в Белоруссии рабочий зачастую не знал не только русского, но и белорусского языка, и отсюда происходили значительные «политические трудности в вопросе влияния города на деревню», не было смычки между городом и белорусской деревней⁴.

Однако по мере осуществления политики украинизации и белорусизации ситуация стала заметно меняться. Так, на Украине до украинизации доля украинцев среди служащих составляла лишь 35%, а государственный аппарат функционировал исключительно по-русски. Но уже в 1925 г. украинцами были 50% государственных служащих, в 1926 г. – 54%. Аналогичные изменения происходили и в партийной системе. Если в 1920 г. доля украинцев среди коммунистов была невелика и достигала всего 20,1%, то в 1927 г. украинцев было уже 52%, в 1933 г. – 60%, а в 1940 г. украинцы составляли 63% членов КП(б)У⁵. Эта тенденция была характерна не только для центральных областей Украины, но также для южных и восточных,

где исторически преобладало русскоязычное население. К 1933 г. в составе первых секретарей райкомов Харьковской области украинцев было 59%, в Днепропетровской области – 55%. (В Днепропетровской области в составе председателей райисполкомов украинцев было 66%.)⁶

Как следовало из справки организационно-распределительного отдела ЦК РКП (б) о ходе украинизации партийного и государственного аппарата в УССР от 2 апреля 1925 г., к концу 1924 г. общий состав украинских работников в центральном, губернском и окружном советском и партийном аппарате не превышал 27%. При этом на руководящую партийную работу было вовлечено только 24,5% украинцев, на советско-административную – 39,3%⁷.

«Со стороны отдельных губкомов предпринимались меры к усилению украинизации путем ознакомления с подготовленностью сотрудников различных аппаратов, в смысле знания ими украинского языка. В Киеве произведенная проверка знаний украинского языка показала, что в 26 учреждениях из 6000 сотрудников знают украинский язык лишь 28%. Достижения в области украинизации имеются на Полтавщине, где делопроизводство всех губернских и окружных учреждений переведено на украинский язык (кроме Кременчуга). Слабо проведена украинизация в Харьковской, Донецкой и Екатеринославской губерниях. Мероприятиями по ускорению украинизации являлись организация при различных учреждениях курсов по изучению украинского языка. В Киеве через такие курсы прошли на 90% сотрудники губернских органов (...). В общем местные губкомы Украины отмечают недостаточное внимание руководителей губернских органов к проведению украинизации губернских аппаратов. К этой работе замечается также индифферентное отношение со стороны некоторой части членов партии, даже украинцев, работающих в низовых органах и не желающих разговаривать на украинском языке (Екатеринослав). Недостатком в работе по украинизации низового аппарата является недостаточное количество украинских коммунистов на местах», – говорилось в указанной справке⁸.

Последний вывод подтверждался следующими цифрами: к XIV партконференции (апрель 1925 г.) в уездных комитетах партии Украины было лишь 23% украинцев (а на Волыни, например, – всего 20%). «Плохо происходит вовлечение националов в парторганы Украины», – сообщалось в справке организационно-распределительного отдела ЦК РКП (б) о национальном составе партийных органов республик и областей от 1 августа 1925 г. – «В отношении работников партаппаратов во многих местах (Белоруссия и др.) мало националов среди инструкторов»⁹.

К этому времени в центральных органах Белоруссии националов было 42,6%, в ЦИКе Белоруссии – 42,7%. (В 1924 г. было только 35,6%.) В окружных и уездных органах Белоруссии было 52,6% националов. (В 1924 г. только 48%.) В низовых органах, в райисполкомах – 78,9% националов. (В 1924 г. – 75%.) «В Белоруссии делопроизводство ЦИКа также ведется на местном языке»¹⁰.

Секретарь ЦК КП(б)Б Криницкий в своем выступлении о состоянии и работе Коммунистической партии Белоруссии на заседании Оргбюро ЦК ВКП (б) 4 ноября 1925 г. заявил, что «основной задачей национальной политики было наиболее последовательное проведение белоруссизации», что за последний год «мы можем отметить значительное выдвижение белорусских работников на разные посты» в партийном и советском аппарате. Так, по его словам, итоговые цифры членов компартии Белоруссии дают рост белорусов с 36% (июнь 1924 г.) до 46%; среди кандидатов в члены – с 37% до 53%. «Если взять состав актива в нашей организации, то тут имеются чрезвычайно любопытные изменения роста. У меня имеются данные по центральному активу и по окружному активу, условно масштаб обозначается уездным и губернским. Отмечается очень характерный рост белорусов среди центрального актива. За срок с февраля 1924 г. – по июнь 1925 г. с 16 до 27%, в окружном активе рост числа белорусов также имеется с 23 до 31%. Таким образом, мы имеем положительные изменения национального состава»¹¹.

Одновременно Криницкий обращал внимание на то, что в белорусской парторганизации был очень большой процент выходцев из других партий. «Мы насчитываем втрое больший процент выходцев из других партий, чем во всей РКП. У нас выходцев насчитывается среди членов партии 12,1%, в то время как во всей РКП их насчитывается 4,3. Если считать членов партии и кандидатов, то мы будем насчитывать выходцев около 8%, в то время как во всей партии их имеется около 3%... Если просмотреть цифры товарищей, бывших в других партиях, в составе актива, то в центральном активе в феврале 1924 г. было 48%, теперь 43,6%. Если взять окружной актив – там то же самое: было 25%, теперь 26%. С этим фактом нам приходится считаться, давление этого факта мы чувствуем»¹².

21 декабря 1926 г. Киевский окружком КП(б)У на своем заседании заслушал вопрос об итогах работы по изучению украинского языка и украиноведения членами и кандидатами в члены киевской парторганизации. Окружком постановил, в частности, что обязательное изучение украинского языка и украиноведения должны проходить члены и кандидаты партии, руководящий актив и те, которые работают в аппарате: партийных, профсоюзных, советских и общественных (кооперативы и др.) организациях, а также руководящий состав районных сельских работников, которые постоянно работают в вышеуказанных организациях¹³.

Если в 1926 г. среди секретарей окружных партийных комитетов было только 26% украинцев, то в 1927 г. их было уже 46%, а в 1928 г. – 55%. Среди секретарей районных партийных комитетов в 1927 г. было 48% украинцев, а через год – уже 60%. Благодаря политике украинизации обновлялся не только партийный, но и советский и хозяйственный аппарат. Уже к началу 1927 г., т.е. спустя четыре года после XII партийного съезда, принявшего курс на коренизацию, украинизация кадров в УССР достигла определенных успехов. Согласно данным Орграспредотдела ЦК КП(б)У, процент украинцев по отдельным отраслям был следующий: в советском административном аппарате – 44,3% (русских – 28,4%, евреев – 18,7%); в культурно-просветительной сфере 50% (русских – 17,1%, евреев –

23,0%); в кооперативной отрасли – 43,5% (русских – 29,2%, евреев – 19,0%); в планово-регулирующей – 43,2% (русских – 29,2%, евреев – 21,5%); в профессиональной – 39,6% (русских – 27,3%, евреев – 26,2%); в промышленной – 28,3% (русских – 47,9%, евреев – 15,3%); в финансово-банковской – 26,4% (русских – 37,0%, евреев – 29,5%); в торговой – 20,3% (русских – 35,1%, евреев – 41,9%); в области транспорта и связи – 26,3% (русских – 60,6%, евреев – 2,6%)¹⁴.

Схожая картина наблюдалась и в соседней БССР, где набирала обороты политика белорусизации. 7 сентября 1927 г. в Москве состоялось заседание Президиума Совета национальностей, на котором с докладом «О белорусизации госаппарата» выступил А. Хацкевич, член Президиума ЦИК БССР, который возглавлял специальную комиссию по белорусизации. Он озвучил следующие цифры. В центральном госаппарате белорусов было 51,3% (великороссов – 13,5%, евреев – 27,8%, поляков – 3,2%, прочих – 4,2%). Национальный состав центральных советских учреждений был следующий. Белорусов, ответственных работников в административных учреждениях, было 51,3% (великороссов – 18%, евреев – 24,8%, поляков – 0,1%, прочих – 5,8%). В хозяйственных учреждениях белорусов было 30,8% (великороссов – 13%, евреев – 49,3%). В судебных органах белорусов было 26,3% (великороссов – 21,1%, евреев – 42,1%). В земельных органах белорусов было 59,5% (великороссов – 24%, евреев – 10%).

Состав районного административного аппарата, который обслуживает преимущественно сельское население, следующий: белорусов – 79%, великороссов – 5,8%, евреев – 11,2%, поляков – 1,4% и прочих – 2,4%. В окружных органах белорусов – 60,1%, великороссов – 12,6%, евреев – 19,1%, поляков – 4,3%.

«Таким образом, как вы видите, в центральных органах и аппарате, поскольку эти аппараты насыщаются главным образом из городского населения, процент евреев, великорусского и других национальностей, которые преимущественно живут в городах, по отношению к белорусскому населению, является значительным. Если мы спускаемся ниже к окружному, район-

ному и сельскому аппарату, там уже процент белоруссов является преимущественным процентом по отношению к другим национальностям», – заключает по итогам доклада Хацкевич¹⁵.

«Характерно, что в Белоруссии и Украине среди ответственных работников-националов имеется значительный процент невладеющих родным языком. Так, в центральных учреждениях Белоруссии не владеют родным языком 10% националов, а окружных – 55%, в районных – 25%», – сообщалось в справке организационно-распределительного отдела ЦК РКП (б) от 1 августа 1925 г.¹⁶ В 1926 г. из 1898 высокопоставленных партийных чиновников УССР украинским языком владели лишь 345.

Еще одной особенностью стало введение нескольких уровней владения языком. В 1927 г. 39,8% государственных служащих на Украине знали украинский язык «хорошо» и 31,7% – «удовлетворительно». Как полагает С. Екельчик, на практике «удовлетворительное» владение языком часто означало, что человек знает лишь несколько украинских слов¹⁷. Тем не менее, к этому времени 70% всего делопроизводства велось на украинском языке (в 1925 г. – только 20%).

Похожая картина наблюдалась и в Белоруссии. Вот как об этих процессах сообщал в своем докладе Хацкевич: «Нужно сказать, что за все время проведения белорусизации у нас мы уволили только 27 человек, причем, это падает на лиц из старого русского чиновничества и чиновничества других национальностей, которые упорно отказывались изучать белорусский язык, хотя для них это большого труда не составило бы (...) В 1925 г., когда мы проводили белорусизацию, когда мы уже имели результаты подготовки для работы в аппарате и руководящих работников, [то] товарищей, хорошо или средне владеющих белорусским языком, мы имели в центральных органах 26,9%, в окружных и районных – 36,2%; в 1926 году в центральных – 54%, в окружных и районных – 52%; в 1927 г. в центральных органах 80%, в окружных и районных – 70%. К настоящему времени полностью белорусифицированы центральные, окружные и районные учреждения, которым был дан двухгодичный срок. К началу 1927 г. мы закончили полностью белорусизацию в этих центральных, районных и окружных уч-

реждениях; на 70% в среднем белорусифицированы аппараты других учреждений. Хуже обстоит дело в хозяйственных и других учреждениях, в них белорусизация достигла 40%. В кооперативных учреждениях – средний процент 50, начиная от 100, кончая 30%. Это в области кооперативных учреждений, причем я имею в виду кооперативные учреждения центральные, городские рабочие кооперативы. Что же касается сельской кооперации, то мы там имеем в значительном большинстве, можно сказать в абсолютном большинстве белорусифицированных учреждений до 100%»¹⁸.

Таким образом, в ходе украинизации и белорусизации были заложены основы для формирования этнических республиканских элит, включавших, помимо партийных функционеров и управленцев, представителей научной и творческой интеллигенции. В ходе коренизации изменилась мотивация использования украинского и белорусского языков – теперь появился и политический аспект (а не только культурный). Действительно, национальная принадлежность стала одним из условий успешной политической карьеры. Чтобы занять определенную руководящую должность и иметь политический вес в УССР и БССР, следовало знать национальный язык республики, а еще лучше – быть украинцем/белорусом по происхождению. Возникающая национальная бюрократия фактически сразу же монополизировала право на формирование низшего и среднего звена республиканского аппарата управления.

Во второй половине 1920-х годов многие представители формирующейся украинской политической элиты (например, такие сторонники доминирования украинцев и украинской культуры в республике, как А. Шумский, Н. Хвылевой, Н. Волобуев) были обвинены союзным руководством в националистическом уклоне и подвергнуты остракизму на X съезде КП (б)У в 1927 г.

«Взгляды буржуазно-националистических литературных групп находят некоторое отражение в верхушечных слоях парторганизаций. Проявляется своеобразный националистический уклон, – сообщалось в докладной записке Организационно-распределительного отдела ЦК ВКП (б) о практике нацио-

нализации советских, партийных, профессиональных и кооперативных аппаратов от 16 сентября 1927 г. – Сущность его, например, на Украине, заключается: 1) в чисто бюрократическом подходе к темпу и формам приобщения неукраинской части рабочего класса на Украине и украинской культуре, в смысле форсирования этого темпа, что на практике выливается в требования насильственно украинизировать русских и других рабочих; 2) в определенном неверии в силы и способности партии проводить национальную политику на Украине, приводящем к постановке вопроса о ломке партийных кадров, в упадочничестве и пораженческих настроениях по отношению к перспективам социалистического строительства; 3) систематическом стремлении подорвать доверие к основным партийным кадрам, в частности, к русским товарищам, и в особенности к тем, кто прибывает на Украину из других союзных республик; 4) в озлобленной травле украинских товарищей, проводящих правильную партийную линию и квалифицированием их изменниками, “презренными малороссами” и т.д.; 5) в определенной поддержке, проповеди, ориентации украинской культуры на капиталистическую Европу в противовес Москве (из письма ЦК КП(б)У в ИККИ). (Перечисленные ошибки и извращения появились в выступлениях Хвылевого, Максимовича, Шумского)¹⁹. Как считают некоторые современные исследователи, национал-коммунизм на Украине был идеологической реакцией на централизацию и ассимиляцию²⁰.

Интересно отметить, что в это же время на съезде КП(б)Б (ноябрь 1927 г.) партийным руководством было заявлено, что мелкобуржуазный национализм и национал-демократизм в Белоруссии, который в прошлом был прогрессивным явлением, боролся с самодержавием, в условиях диктатуры пролетариата превратился в контрреволюционное явление. Поэтому против него необходимо вести самую решительную борьбу. Национал-демократизм стали приравнивать к национал-фашизму, объявив враждебной советской власти идеологией и практикой, которая имела целью реставрацию капитализма. Социальной основой «нацдемовщины» было объявлено кулачество.

В 1929 г. после разгрома «правого уклона» в ВКП (б) началась чистка местных партийных организаций, в результате которой, например, украинская партийная организация уменьшилась на 9,8%: из партии исключили 24 204 человека, среди них значительное число составляли национал-коммунисты²¹. В начале 1930-х годов чистки повторились. На этот раз они были связаны с начавшимся изменением курса в национальной политике сталинского руководства, когда был нанесен удар по представителям «буржуазной» украинской и белорусской интеллигенции. Начало этому положили политические процессы 1930–1931 гг. На Украине террор начался весной 1930 г., когда республиканское руководство устроило показательный процесс над вымышленным «Союзом освобождения Украины», целью которого якобы было отделение Украины от Советского Союза. На скамье подсудимых оказались видные представители украинской дореволюционной интеллигенции, идеологи украинского национального движения во главе с С. Ефремовым. Затем (в 1931 г.) ОГПУ объявило о «разоблачении» Украинского национального центра. Большинство проходивших по этому делу в прошлом были членами Украинской партии социалистов-революционеров, учениками Грушевского или эмигрантами из Галиции.

Белоруссию в конце 1920-х – начале 1930-х годов тоже потрясли аналогичные опустошительные чистки и идеологические кампании. В 1929 г. из КП(б)Б было исключено 3717 человек по обвинениям в троцкизме, «правом уклоне» и буржуазном национализме. Одновременно подверглись репрессиям представители белорусской интеллигенции. Только по делу «Союза освобождения Белоруссии» привлечено было 108 работников культуры, литераторов и ученых.

В конце 1932 г., когда сталинское руководство утвердилось во мнении, что провал хлебозаготовок – дело рук, в том числе, украинских националистов, от политики украинизации в УССР стали постепенно отказываться. (Хотя официально она не была прекращена.) В 1933–1934 гг. на Украине и в Белоруссии прокатилась волна репрессий против «буржуазных националистов». От проведения украинизации и белорусизации были отстране-

ны выходцы из небольшевистских партий, украинские и белорусские «сменовеховцы». Тогда же погибли и многие национал-коммунисты, стоявшие во главе УССР и БССР. В течение 1933 г. из КП(б)У было исключено почти 100 тыс. человек²². В Белоруссии активные проводники политики белорусизации были объявлены контрреволюционерами – «белбурнацами» (белорусскими буржуазными националистами) и «нацдемами» (национальными демократами). Значительная часть партийных и государственных деятелей республики была подвергнута необоснованным репрессиям. В декабре 1933 г. на совместном заседании ЦК и ЦКК КП(б)Б принято решение о прекращении белорусизации, причем вина за срыв белорусизации возлагалась на «национал-демократов»²³. В 1933–1934 гг. специальная комиссия из трех человек во главе с председателем ЦКК Н. Антиповым «раскрыла» некий Белорусский национальный центр, в ходе «разоблачения» которого прошли массовые увольнения в школах, институтах, аппарате Наркомпроса и в партийном аппарате. Большинство партийных и советских руководителей тогда было заменено, из партии исключили 9,8 тыс. человек²⁴.

Но, тем не менее, глубинные основания коренизации, имевшей одной из своих целей ускоренное формирование новой большевистской элиты, никто под сомнение не ставил. Выступая на пленуме ЦК КП(б)У в январе 1936 г., секретарь ЦК КП(б)У П. Постышев заявил: «Мы всегда говорили, что, только разгромив националистов, можно по-настоящему открыть дорогу подлинным украинским кадрам»²⁵.

Не случайно 26 февраля 1935 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление «О выдвижении украинских кадров», в котором отделу руководящих парторганов вместе с обкомами предписывалось подать в секретариат ЦК заявки не менее чем на 120–150 украинцев для выдвижения их на посты секретарей райкомов и 120 заявок для выдвижения их на посты глав райисполкомов. Одновременно следовало составить «список товарищей с подробной личной характеристикой, которых можно выдвинуть на областную и центральную партийную и советскую работу». Наконец, все отделы ЦК должны были «про-

смотреть вместе с обкомами и горпарткомами состав бюро парткомитетов, а также актив высших учебных заведений и наметить для выдвижения на руководящую партийную и советскую работу, а также для работы в центральный и областной партийный и советский аппарат не менее 300 человек—украинцев из наиболее грамотной, политически проверенной и способной молодежи». В результате оргбюро и секретариат ЦК КП(б)У в августе 1935 – апреле 1936 г. несколько раз рассматривали вопрос о выдвижении украинских кадров на руководящую работу в различные ведомства. Украинцы должны были быть выдвинуты на должности помощников генпрокуроров, прокуроров Наркомюста, членов Верховного суда, областных прокуроров и их заместителей, на должности начальников управления, завотделами и руководителей групп в наркоматах и областных отделах (Наркомместпром, Наркомхоз, Главдортранс, Уполнаркомсвязь), в центральный аппарат и на руководящие посты в областных отделах охраны здоровья, на должности директоров и их заместителей в НИИ Наркомздрав, наконец, в системе Наркомпроса и Облнарпроса²⁶.

Как видно, постепенное формирование национальной партийно-советской номенклатуры (политической элиты того времени) продолжалось, даже несмотря на то, что политика украинизации и белорусизации в середине 1930-х годов была фактически свернута. Идея Сталина о создании национальных управленческих кадров в союзных республиках продолжала претворяться в жизнь, но теперь это происходило под его непосредственным контролем. (Особенно после кровавой бойни в период Большого террора.)

Как и в других республиках, на Украине пик террора пришелся на 1937–1938 гг., когда были арестованы 267 579 человек, из них 122 237 расстреляны. В списках расстрелянных «врагов народа» оказались бывшие секретари ЦК КП(б)У (Косиор и Постышев), а также сотни других высших руководителей республики. Из 62 членов ЦК КП(б)У, избранных в 1937 г., 55 были расстреляны. Из 11 членов украинского политбюро пережить Большой террор удалось лишь одному²⁷.

В Белоруссии в результате «чисток» и репрессий количество членов КП(б)Б за 1933–1937 гг. сократилось более чем вдвое: с 65 до 31 тыс. человек. В 1931–1938 гг. органами ОГПУ-НКВД были организованы инспирированные процессы над участниками не существовавших в действительности организаций «Союз освобождения Беларуси», «Белорусская народная громада», «Партия освобождения крестьян», «Объединенное антисоветское подполье» и др. Пик политических репрессий пришелся на 1935–1940 гг., когда в БССР по политическим мотивам было осуждено 85 тыс. человек, из которых более 28 тыс. человек были казнены²⁸.

По мнению С. Екельчика, репрессии устранили даже теоретическую возможность организованного сопротивления режиму и создали новую советскую элиту, «выпуск 38-го года» – циничное поколение чиновников-приспособленцев, которые своим положением были обязаны не революции и не становлению нации, а единственно кремлевскому начальнику²⁹. Сталинский режим сохранил республиканские политические и культурные институты, при этом полностью лишив их возможности действовать самостоятельно.

Сначала кадровый разгром, нанесенный сталинскими репрессиями 1936–1938 гг., а затем начавшаяся война с гитлеровской Германией, длительная немецко-фашистская оккупация территории Украины и Белоруссии подорвали и обескровили местные кадровые резервы для рекрутирования в ряды политической элиты.

Как указывалось в докладе ЦК КП(б)У «О подготовке, подборе и распределении руководящих партийных и советских кадров на Украине», который был заслушан на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 17 июля 1946 г., благодаря помощи ЦК ВКП(б) удалось сохранить основные партийные кадры аппарата Центрального Комитета КП(б)У и некоторой части обкомов – около 250 человек; «это дало возможность вслед за продвижением Красной армии сразу же восстановить в освобожденных районах Украины партийные, советские и хозяйственные органы». «Необходимо было в общей сложности подобрать и расставить свыше 50 тыс. работников на руководящую

работу в областные, городские и районные партийные, советские и хозяйственные организации». Для укрепления партийных, советских и хозяйственных органов ЦК ВКП (б) командировал на Украину 46 858 различных работников и разрешил отозвать из рядов Красной армии до 1000 руководящих работников. Так, за 5 месяцев 1946 г. из общего количества 2619 человек вновь назначенных работников на руководящую областную и районную работу 1412 человек, или 54%, – это демобилизованные из Красной армии. «За отчетный период всего было выдвинуто на руководящую республиканскую, областную и районную работу 33 956 человек. Из них на партийную работу – 15 407 человек, в том числе на республиканскую – 278 человек, на областную – 1511, на городскую и районную – 6760».

Как указывалось в докладе, партийная организация Украины насчитывает в своих рядах 428 184 коммуниста, из них почти 60% с партийным стажем с 1941–1946 гг. «Учитывая, что подавляющее большинство руководящих работников – это молодые кадры, впервые выдвинутые на руководящую работу, ЦК КП(б)У строил свою работу на более оперативном руководстве на местах с систематическими выездами ответственных работников ЦК КП(б)У и членов Политбюро ЦК КП(б)У»³⁰.

Лихорадочная сменяемость и перемещения кадров были характерны для первых послевоенных лет. Из общего числа украинских руководящих работников в количестве 19 192 человека в 1945 г. сменилось 6659 человек (35%); за 5 месяцев 1946 г. – 2954 человек (15,4%). Причем в 1945 г. 202 работника были отстранены по причине нарушения директив партии и правительства. На Украине председателей райисполкомов в 1944 г. сменилось 45,8%, в 1945 г. – 40% и за 5 месяцев 1946 г. – 24%³¹.

Как было указано в информационном отчете ЦК КП(б)У о работе за 1947 г., на 1 января 1948 г. на 15 131 должность номенклатуры ЦК КП(б)У подобрано было 14 777 работников, что составляет 97,6% от штата. Состав номенклатурных работников за 1947 г. обновился на 14,8%, 2119 человек работает в занимаемых должностях впервые. Из 14 405 работников но-

менклатуры ЦК КП(б)У 64,1% – украинцы по национальности; 70% имело высшее, незаконченное высшее и среднее образование.

Секретарей обкомов КП(б)У с высшим и незаконченным высшим образованием насчитывалось 63,3%, против 60,8% на 1 января 1947 г.; с опытом руководящей партийной работы свыше 5 лет – 74,4% против 70,9% в прошлом году. До Великой Отечественной войны секретарей обкомов КП(б)У с высшим и незаконченным высшим образованием было 37,4%; с опытом партийной работы свыше 5 лет – 44,4%.

Секретарей горкомов и райкомов КП(б)У на 1 января 1948 г. с высшим, незаконченным высшим и средним образованием насчитывалось 68,6% против 64% на 1 января 1947 г. Украинцев было 72%, стало 72,5%. До войны было секретарей горкомов и райкомов КП(б)У с высшим и незаконченным высшим и средним образованием – 41,8%.

Председателей и заместителей председателей облисполкомов на 1 января 1948 г. с высшим и незаконченным высшим образованием – 50% против 47% на 1 января 1947 г. С опытом руководящей работы свыше 5 лет – 50% против 22,6% в прошлом году. Украинцев было 76,6%, стало 77,2%.

Председателей исполкомов городских и районных советов депутатов трудящихся с высшим, незаконченным высшим и средним образованием на 1 января 1948 г. насчитывалось 49,5%, на 1 января 1947 г. было 48,4%. С опытом руководящей работы свыше 5 лет – 66% против 64,5%, украинцев – 81,6% против 79,9%.

В течение 1947 г. было выдвинуто на более высокую должность номенклатуры ЦК КП(б)У – 1666 человек, среди них украинцев – 67%, в том числе: на партийную работу – 673 человек, советскую – 185 человек, в сельскохозяйственные и заготовительные органы – 178 человек, в органы культуры и здравоохранения – 91 человек, промышленность – 120 человек, в органы суда, прокуратуры, МВД и МГБ – 335 человек.

ЦК КП(б)У в течение 1947 г. добился значительного снижения сменяемости руководящих кадров. На 15 131 должность номенклатуры ЦК КП(б)У в 1947 г. сменилось 2483 работника,

что составило 16,4% к общему числу номенклатурных работников против 4707, или 29,2% работников, сменившихся в 1946 г. Снизился процент снятых с работы как не обеспечивших порученного им дела до 19,8% в 1947 г. Отстранено от работы за нарушение советских законов и как скомпрометировавших себя 14,7% против 13,5% в 1946 г.³²

Как следовало из отчета ЦК КП(б)Б о работе за 1946 г., после освобождения Белорусской ССР от немецких захватчиков на руководящую работу было выдвинуто 15 549 человек, в том числе в республиканские органы – 3462 работника, в областные и районные – 4520. Из 4897 работников, входящих в номенклатуру ЦК КП(б)Б, на 15 декабря 1946 г. значилось 4651 человек, или 95%. «В целом партийный и советский аппарат областей и районов укомплектован на 94% к утвержденным штатам», – говорилось в отчете. Если в 1941 г. в составе основных работников республиканских, областных и районных органов номенклатуры ЦК компартии Белоруссии было белорусов – 2109 человек (57%), русских – 733 человека (19,5%), евреев – 658 человек (17,8%); то в 1946 г. белорусов было – 2870 человек (61,8%), русских – 1248 человек (26,9%), евреев – 282 человека (6,1%).

Среди руководящих работников белорусов по национальности было: председателей облисполкомов – 91,6%, секретарей горкомов и райкомов партии – 67,6%, председателей райисполкомов – 75,9%, председателей сельсоветов – 85%.

При большом обновлении кадров улучшился состав руководящих работников по образованию и по опыту работы. В 1941 г. секретарей обкомов КП(б)Б с высшим образованием было 29,4%, в 1946 г. – 43,7%. Среди секретарей горкомов и райкомов, имеющих высшее и среднее образование, имелось 51,7% против 49% в 1940 г.

В 1946 г. среди секретарей горкомов и райкомов КП(б)Б имели стаж работы до 2 лет 349 человек, от 2 до 5 лет – 222 человека, от 5 до 10 лет – 35 человек.

Как указывалось в отчете, главным недостатком в работе с кадрами являлась большая сменяемость руководящих кадров. Так, в 1945 г. всего сменилось и переместилось 38,6% номенк-

латурных работников, за 11 месяцев 1946 г. – 31,6%. (Только за 1945–1946 гг. сменилось 90% секретарей райкомов, 96% председателей рай- и горисполкомов, 82% председателей колхозов, а также 39 секретарей обкомов.)

Белорусов среди председателей сельсоветов было 2256 человек, или 85% всего состава, русских – 10,9% и других национальностей – 4,1%. Значительно увеличилась партийная прослойка. Членов и кандидатов ВКП (б) среди председателей сельских советов в 1944 г. было 582 человека, или 21,9%, в 1945 г. – 988 человек, или 37,2%, в 1946 г. – 1430 человек, или 53,7%.

В 1945 г. было заменено председателей сельсоветов 785 человек, в 1946 г. – 571 из общего количества 2667 человек. Замена председателей сельсоветов происходила главным образом демобилизованными из армии, которые до войны работали председателями сельсоветов, а также коммунистами, посланными работать на село. Из 1356 председателей сельсоветов, замененных в 1945 и 1946 гг., замещено возвратившимися из Советской армии 953 человека, или 75% ко всему числу замененных³³.

Одна из характерных особенностей формирования советской политической элиты на Украине (да и в Белоруссии тоже, хотя это было не так заметно, как в соседней республике) в послевоенный период была связана с необходимостью нейтрализации активных сторонников ОУН/УПА и привлечения в партийные и административные органы власти западных областей УССР местного населения. Для этого осуществлялась переброска в западные регионы партийно-государственных работников из восточных областей Украины. Как следует из доклада ЦК КП(б)У от 17 июля 1946 г., в западные области было направлено 86 749 человек, из них партийных работников – 3622 человека. «Освобождение западных областей вызвало необходимость перебросить значительное количество кадров из восточных областей. Это создало дополнительные трудности с кадрами на Украине, так как нужно было подобрать большое количество хороших, опытных работников, обязательно знающих украинский язык. Нужно было в восточных областях снять

много партийных, советских, хозяйственных, чекистских работников, где аппарат был в основном уже укомплектован, послать в западные области, а на их место подобрать новых людей»³⁴.

Кроме того, из 60 тыс. руководящих работников, работавших в западных и Закарпатской областях Украины, более 33 тыс. было выдвинуто из числа местного населения. В Закарпатской области 41,8% работников, относившихся к номенклатуре обкома КП(б)У, были подобраны из местного населения, а среди работников номенклатуры горкомов и райкомов КП(б)У из местного населения подобрано 76,5%³⁵.

Однако в сентябре 1949 г. отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП (б) подготовил информационную сводку «О недостатках работы по подбору и воспитанию руководящих кадров из местного населения в западных областях Украины». Как следовало из этого документа, в ряде областей за последний год количество руководящих работников из местного населения не только не выросло, но даже сократилось. «Во Львовской области в 1948 г. в номенклатуре обкома партии было 12% местных кадров, а на 1 мая 1949 г. их стало 6,1%; в Черновицкой области было 9,4%, а стало 7%. За последний год уменьшилось также количество местных кадров и в номенклатуре горкомов и райкомов КП(б)У. Во Львовской области в 1948 г. в номенклатуре горкомов и райкомов партии было 42,8% местных работников, а сейчас – 36%, в Станиславской области было 55%, сейчас – 48% (...) В Тернопольской области в аппарате райисполкомов на руководящих должностях работает 258 чел., из них только 40 местных работников (...) При наличии в западных областях около шести тысяч местных членов ВКП (б) в аппарате обкомов, горкомов, окружкомов и райкомов партии, а также среди секретарей первичных парторганизаций коммунистов из местного населения работает всего 841 чел., или 14%. Из 3580 работников аппарата горкомов, окружкомов и райкомов КП(б)У только 249 чел., или 7%, местных коммунистов. В Черновицкой области в партийных органах работают лишь 4 местных коммуниста, в Дрогобычской – 10, в Тернопольской – 15, в Ровенской – 18, в Ста-

ниславской – 16. Во Львовской области на 1238 секретарей первичных парторганизаций только 27 местных членов партии. В Тернопольской области из 618 секретарей первичных парторганизаций – местных 20, в Дрогобычской области из 655 секретарей первичных парторганизаций – местных коммунистов 9». Из общего количества 8364 должностей номенклатуры обкомов КП(б)У работают из местного населения только 1224 чел., или 14,6%. По мнению составителей информационной сводки, такая ситуация стала возможной потому, что «многие партийные и советские руководители, не учитывая изменившейся обстановки и по прежнему ориентируясь на присылку работников из восточных областей, не работают над воспитанием кадров из местного населения»³⁶.

По мнению С. Екельчика, в 1940-е годы при Н. Хрущеве и его преемнике Л. Мельникове украинская бюрократия заметно консолидировалась. Украинские партаппаратчики преподносили победу над ОУН/УПА как доказательство эффективности советской власти, а свои военные заслуги использовали для продвижения по карьерной лестнице. «Благодаря массовому приему в партию к 1949 г. численность КП(б)У, как и до войны, составляла 680 000 человек. Большинство из них было украинцами, занявшими более 70% руководящих должностей. В ЦК партии получала все большее влияние группа молодых украинских функционеров, назначенцев Хрущева, которые сделали карьеру во время войны. И все же самый важный пост первого секретаря партии продолжали занимать русские – Хрущев, а затем Мельников»³⁷.

В целом, за период 1946–1954 гг. на Украине удельный вес украинцев среди местных партийных и советских руководителей заметно увеличился. Так, на 1 января 1946 г. украинцев – руководящих работников – было 1974 человека (73,3%); на 1 января 1953 г. – 2815 человек (77,3%); на 1 января 1954 г. – 2849 человек (77,8%).

В том числе, председателей местных исполкомов: на 1 января 1946 г. было 732 человека (81,5%); на 1 января 1953 г. – 766 человек (84,2%); на 1 января 1954 г. – 771 человек (84,2%); первых секретарей местных партийных комитетов: на 1 января

1946 г. было 641 человек (71,7%); на 1 января 1953 г. – 730 человек (80,0%); на 1 января 1954 г. – 737 человек (80,4%); всех секретарей местных партийных комитетов: на 1 января 1946 г. было 1242 человека (69,2%); на 1 января 1953 г. – 2049 человек (75,1%); на 1 января 1954 г. – 2078 человек (75,7%)³⁸.

Как считает современный украинский исследователь В.А. Крупына, эта тенденция была характерна и для Политбюро ЦК КП(б)У-КПУ, где количество украинцев возросло с 60% до 84%. В правительстве УССР украинцев было около 70%. После смерти Сталина должности первого секретаря ЦК КП(б)У, председателя Совета Министров УССР и председателя президиума Верховного Совета УССР заняли украинцы по национальности (А. Кириченко, Н. Кальченко, Д. Коротченко). «Собственно, к этому времени уже выросло поколение коренных кадров с “советской” идентичностью, в политической лояльности которых можно было быть уверенным»³⁹.

После смерти Сталина в марте 1953 г. в отношениях между Центром и союзными республиками стали происходить довольно быстрые изменения. Начался процесс окончательного оформления местных национальных элит, подготовленный предыдущим периодом, когда была создана институциональная база элиты – пирамида власти. Кандидаты на руководящие посты отбирались теперь, как правило, в недрах номенклатуры, окончательно сложившейся в 1950–1960-х годах. Главным же толчком к кристаллизации национальных элит послужила «десталинизация» экономической политики по отношению к национальным окраинам, пик которой пришелся на середину – вторую половину 1950-х годов. Этот процесс начался в 1954 г., но развернулся в полную силу после XX съезда КПСС, когда существенно расширились полномочия республиканских советских, административных и хозяйственных органов, когда многие вопросы были переданы в их самостоятельное ведение. Выстроенная в 1920–1940-х годах структура партийной политической власти дополнилась в последующие десятилетия широкими экономическими правами республиканских элит. Но при этом длительное нахождение в рамках жесткой сталинской

системы придавало национальным элитам УССР/БССР сугубо провинциальные черты: безынициативность, готовность к исполнительности, ожидание указаний сверху и т.п.

Тем не менее, как считает Ю.А. Борисенок, уже в конце 1930-х годов большевики реализовали главную задачу: «под жестким контролем центральных властей и вопреки тенденциям развития двух первых десятилетий XX века в маленькой БССР все-таки сформировалась собственная, хотя и весьма специфичная этнокультурная элита, имевшая неплохую перспективу и в общесоюзном масштабе». По ее мнению, именно тогда началось массовое привлечение к деятельности советской власти возвращенного коренизацией слоя молодых «выдвиженцев» из «толщи народной», в значительной части сельских уроженцев. Об эффективности подобного этнонационального эксперимента свидетельствует хотя бы тот факт, что именно из этого слоя вышли сразу четыре члена высшего политического руководства СССР в 1970-е годы – Громыко, Мазуров, Машеров и Зимянин (все четверо крестьянские дети), работавшие в высших партийных структурах под руководством сделавшего себе карьеру на волне украинизации Л.И. Брежнева⁴⁰. Не случайно и то, что к 1955 г. в составе секретарей обкомов, горкомов и райкомов компартии Белоруссии 576 человек (из 839) были белорусами по национальности, что составляло 68,6%⁴¹.

С укреплением сталинского режима в начале 1930-х годов только недавно начавшие формироваться национальные элиты УССР и БССР подверглись суровым испытаниям – чисткам, репрессиям, кадровым перетряскам. Для элит сталинской эпохи было характерно частое перемещение работников на постах. При этом главным критерием попадания в номенклатуру оказывалась «чистота» анкеты, преданность Вождю и партии, убежденность в марксистско-ленинской идеологии. Деловые качества трактовались, как правило, в виде способности наилучшим образом выполнить руководящие установки. Тем не менее, вплоть до начала 1950-х годов продолжали закладываться организационные основы национальных элит. В эпоху десталинизации второй половины 1950-х – середины 1960-х годов сложились экономические основы их влияния. Решающим ша-

гом в этом направлении стало расширение хозяйственных полномочий республиканских властей во время хрущевской «оттепели».

-
- ¹ Кроме политической элиты, существуют еще интеллектуальная, военная, экономическая, культурная элиты, обладающие своими признаками. В данной статье основное внимание будет сосредоточено на проблеме формирования собственно политической элиты в УССР и БССР, костяк которой состоял из партийно-советских номенклатурных работников.
- ² *Каппелер Андреас*. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // *Россия–Украина: история взаимоотношений*. М., 1997. С. 130.
- ³ *Фролов Н.А.* Номенклатурная элита Украины и социально-политические источники ее формирования в 1920–1930-х гг. // *Номенклатура и общество в России и Украине: материалы интернет-конференции «Номенклатура и общество в России»* (15 апреля – 15 июня 2008 г.) / под общ. ред. В.П. Мохова. Пермь: Изд-во Пермского гос. тех. ун-та, 2009. С. 63–72. Под неусыпным контролем, осуществлявшимся через Орграспредотдел ЦК ВКП (б) во главе с В. Молотовым, Л. Кагановичем и Г. Маленковым, велось строительство партийно-государственного аппарата в республиках. В соответствии с постановлением ЦК от 16 ноября 1925 г., все ЦК республиканских компартий должны были «приступить к выработке номенклатуры должностей местных органов, назначения на которые производится с утверждением данных парторганов и по согласованию с ними, руководствуясь при этом номенклатурами ЦК».
- ⁴ ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. М., 2005. С. 335.
- ⁵ *Борисенок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 123.
- ⁶ *Ее же.* «Обкомы Донецкий, Днепропетровский, Одесский занимаются делом украинизации недостаточно» // *Родина*. 2014. № 11. С. 113–114.
- ⁷ ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 274–275.
- ⁸ Там же. С. 275.
- ⁹ Там же. С. 298–299.
- ¹⁰ Там же. С. 319–320.
- ¹¹ Там же. С. 335, 338.
- ¹² Там же. С. 338.

- ¹³ Там же. С. 460.
- ¹⁴ *Борисенок Е.Ю.* Кадровая политика большевиков в УССР в период коренизации // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI междунар. науч. конф. М., 2014. С. 645–646.
- ¹⁵ Цит. по: *Ее же.* На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М., 2013. С. 223–225.
- ¹⁶ ЦК РКП (б)-ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 319–320.
- ¹⁷ *Екельчик С.* История Украины: становление современной нации. Киев, 2010. С. 139.
- ¹⁸ Цит. по: *Борисенок Ю.А.* На крутых поворотах белорусской истории. С. 223–225.
- ¹⁹ ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 515–516.
- ²⁰ См.: *Екельчик С.* Указ. соч. С. 141.
- ²¹ Там же. С. 143; История Украинской ССР. Т. 7. Киев, 1984. С. 330.
- ²² *Екельчик С.* Указ. соч. С. 167.
- ²³ Беларусь: страницы истории. Минск, 2011. С. 217.
- ²⁴ История Белорусской ССР. Минск, 1977. С. 333, 334; История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4, кн. 2. Минск, 1971. С. 283–284.
- ²⁵ Цит. по: *Борисенок Е.Ю.* «Обкомы Донецкий, Днепропетровский, Одесский занимаются делом украинизации недостаточно». С. 112.
- ²⁶ Там же. С. 113.
- ²⁷ *Екельчик С.* Указ. соч. С. 169.
- ²⁸ Беларусь: страницы истории. С. 218. Насколько сильный удар по старым партийным кадрам был нанесен в годы Большого террора, видно даже из следующей официальной советской статистики: на 1 января 1941 г. в КП(б)Б состояло 47 184 члена партии, из них с дореволюционным стажем – только 27 человек, с 1917 г. – только 232 человека, с 1918 по 1924 г. – 3669 человек (см.: Коммунистическая партия Белоруссии в цифрах. Минск, 1978. С. 110).
- ²⁹ *Екельчик С.* Указ. соч. С. 170. Среди тех, кто начал в 1938 г. карьеру партийного функционера в Днепропетровской области, был будущий глава СССР Л.И. Брежнев.
- ³⁰ Советская национальная политика: идеология и практики, 1945–1953. М., 2013. С. 483–492.
- ³¹ Там же. С. 485–486.
- ³² Там же. С. 72–74.
- ³³ Там же. С. 500–503.
- ³⁴ Там же. С. 489. В Белоруссии на руководящую работу в западных областях в 1945 и 1946 гг. было выдвинуто из местного населения

3833 человека, в том числе 824 человека (или 70%) председателями сельсоветов, секретарями сельсоветов – 1018 человек, председателями сельпо – 291 человек. На руководящую районную работу было выдвинуто 1262 человека (Там же. С. 503).

³⁵ Там же. С. 490.

³⁶ Там же. С. 647–649.

³⁷ *Екельчик С.* Указ. соч. С. 222.

³⁸ *Крупына В.А.* Кадровая политика в Советской Украине в период позднего сталинизма: национальный аспект // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI междунар. науч. конф. М., 2014. С. 659–661.

³⁹ Там же. С. 660.

⁴⁰ *Борисенок Ю.А.* На крутых поворотах белорусской истории. С. 61.

⁴¹ Коммунистическая партия Белоруссии в цифрах. С. 199–200.

Литература

Борисенок, Е.Ю. Феномен советской украинизации, 1920–1930-е годы [Текст] / Ин-т славяноведения РАН. М.: Европа, 2006. 256 с.

Борисенок, Е.Ю. «Обкомы Донецкий, Днепропетровский, Одесский занимаются делом украинизации недостаточно» [Текст] // Родина. 2014. № 11. С. 111–114.

Борисенок, Е.Ю. Кадровая политика большевиков в УССР в период коренизации [Текст] // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI междунар. науч. конф., Киев, 10–12 окт. 2013 г. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. С. 641–648.

Борисенок, Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории [Текст]: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М.: Родина МЕДИА, 2013. 352 с.

Екельчик, С. История Украины: становление современной нации [Текст]. Киев: К.И.С., 2010. 400 с.

История Украинской ССР [Текст]. Т. 7: Украинская ССР в период построения и укрепления социалистического общества (1921–1941). Киев: Наукова думка, 1984. 236 с.

Беларусь: страницы истории [Текст] / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории; редсовет: А.А. Коваленя [и др.]. Минск: Беларус. навука, 2011. 408 с.

История Белорусской ССР [Текст] / Акад. наук Белорусской ССР; ред. И.М. Игнатенко [и др.]. Минск: Наука и техника, 1977. 630 с.

- История Коммунистической партии Советского Союза [Текст]. Т. 4, кн. 2 / ред. Пономарев Б.Н. и др. М.: Политиздат, 1971. 736 с.
- Канцелер, А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи [Текст] // Россия–Украина: история взаимоотношений / отв. редакторы: А.И. Миллер, В.Ф. Репринцев, Б.Н. Флоря. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 125–144.
- Крупына, В.А.* Кадровая политика в Советской Украине в период позднего сталинизма: национальный аспект [Текст] // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI междунар. науч. конф., Киев, 10–12 окт. 2013 г. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. С. 658–665.
- Фролов, Н.А.* Номенклатурная элита Украины и социально-политические источники ее формирования в 1920–1930-х гг. [Текст] // Номенклатура и общество в России и Украине: материалы интернет-конференции «Номенклатура и общество в России» (15 апреля – 15 июня 2008 г.) / под общ. ред. В.П. Мохова. Пермь: Изд-во Пермского гос. тех. ун-та, 2009. С. 63–72.

А.Е. Локшин

**ИУДАИЗМ И ПРАВОСЛАВИЕ. К ВОПРОСУ
ОБ ИХ ВЗАИМОВЛИЯНИИ В РОССИИ РАННЕГО
НОВОГО ВРЕМЕНИ И ПОЗДНЕЙ ИМПЕРСКОЙ
РОССИИ**

В статье рассматривается вопрос о влиянии иудаизма на православие (ересь «жидовствующих») в XV в., деятельность секты субботников в XVIII – начале XX в.; и православия на иудаизм (еврейские «иконы» XVIII–XX вв.).

Ключевые слова: Иудаизм; Православие; ересь «жидовствующих»; субботники.

A.E. Lokshin

**JUDAISM AND ORTHODOXY. THE PROBLEM
OF MUTUAL INFLUENCE IN MODERN
RUSSIAN HISTORY AND LATE IMPERIAL RUSSIA**

The article deals with the issue of the mutual influence of Judaism in Orthodox (heresy “Judaizers”) in the XV century, the activities of the sect Subbotniks in the XVIII century and early XX centuries; and Orthodox Judaism (Jewish “icons” XVIII–XX centuries).

Key words: Judaism; Orthodoxy; “Judaizing Heresy”; Subotnicks.

Вопрос о влиянии иудаизма на некоторую часть русского православного духовенства и высокопоставленных мирян в средневековой Руси, с одной стороны, являлся предметом особого внимания исследователей. С другой стороны, вопрос о месте и роли православия в иудейской традиции изучен крайне слабо. Эти сюжеты и стали предметом настоящей статьи.

Влияние иудаизма на православие

В данной статье уместно напомнить об отношении влияния иудаизма на православие и обратиться к средневековой ереси «жидовствующих» в Великом Новгороде и в Москве.

Имеется немного сведений о евреях в Московском великом княжестве. Москва, заявившая о себе как о политическом и торговом центре в XIV–XV вв., привлекала к себе и иноземных купцов, в том числе из Крыма, среди них, очевидно, были и евреи. Один эпизод, связанный с евреями и их верой, получил в дальнейшем широкую известность, ибо с ним некоторые историки связывают т.н. ересь «жидовствующих».

XV столетие в России – время религиозных исканий и ожиданий конца света. Это главное эсхатологическое событие должно было произойти в 1492 г., т.е. 7000 г. от сотворения мира по принятой в то время на Руси византийской системе календарного исчисления. В 1470 г. вольный Великий Новгород, опасаясь притязаний Москвы, пригласил на княжение Михаила Олельковича из Киева. В свите князя был ученый иудей Схария. Вместе с тем, были и другие евреи, занимавшиеся ведением торговых дел. По свидетельству летописи, Схария знал толк в чародействе, чернокнижии и астрологии. Нам неизвестно, для чего прибыл в Новгород Схария, что он там делал и сколько времени пробыл. Возможно, были какие-то контакты Схарии с влиятельным местным духовенством. По крайней мере, они еще более укрепили пробудившийся тогда особый интерес к Ветхому Завету – текстам, которые и церковь, и синагога считают священными. Источники утверждают, что именно Схария «прельстил» в ересь священника Дионисия и протопопа Алексея. Несомненно, встреча с иудеем лишь укрепила настроения тех высокопоставленных новгородских священников, которые и до того задумывались над основами своей веры, стремились вернуться к истокам раннего христианства¹. Хотя иудеи покинули город, новая вера продолжала распространяться.

Впрочем, некоторые историки настаивают на том, что никакого Схарии не было вообще. Этот, по их мнению, вымыш-

ленный персонаж был необходим противникам ереси для дискредитации ее сторонников². После окончательного присоединения Великого Новгорода к Московскому государству в 1478 г. великий князь Иван III, прослышав о мудрости и благочестии Алексея и Дионисия, пригласил их в Москву и способствовал назначению их на высокие посты. Алексей стал протопопом Успенского собора, а Дионисий священником Архангельского собора в Кремле. Так «ересь» попала в Москву. В числе принявших новое учение оказались придворный дьяк Федор Курицын и даже невестка великого князя и мать наследника престола Елена. Время от времени, по образному выражению одного из источников, «склонял слух» к ереси и Иван III. Тем временем новгородскому архиепископу Геннадию донесли, что несколько священников из его епархии надругались над иконами. На дознании арестованные называли себя православными, но под пыткой «признались», что тайно распространяли свою веру среди священников Новгородской земли. Некоторые из еретиков смогли бежать в Москву, где нашли покровительство при великокняжеском дворе. Беглецы были схвачены, осуждены на церковном соборе 1489 г., биты кнутом и возвращены домой, где были подвергнуты новым испытаниям.

О верованиях и мировоззрении «жидовствующих» мы знаем из источников, исходивших от их противников, которые были явно пристрастными в своих обвинениях. Тем не менее, очевидно, приверженцы ереси не признавали Иисуса сыном Божиим, отвергали его божественную сущность, святую Троицу, отрицали почитание креста, икон, святых и чудотворцев, отвергали монашество и утверждали, что Мессия еще не явился. Все они почитали субботу, признавали единого Бога – «Творца неба и земли» и праздновали еврейскую пасху. В догматическом отношении часть положений сближала московско-новгородских еретиков с иудаизмом. Собор 1490 г. осудил «жидовствующих», лишил их духовного сана, предал проклятию и осудил на заточение. Спасаясь от костров, некоторые из них бежали в Литву и приняли там иудаизм. Однако ересь не исчезла. Вскоре чаша весов склонилась в пользу решительных

противников «жидовствующих». Иван III прекратил поддерживать приверженцев ереси. Новый собор 1504 г., постановивший предать смерти главных еретиков, а всех участников ереси предать анафеме. В Москве и Новгороде в деревянных клетях еретики были всенародно сожжены.

Распространение ереси «жидовствующих» сопровождалось интересом к литературе на древнееврейском языке, появлением переводов с древнееврейского на русский. Полемика между «жидовствующими» и православными иерархами обогатила духовную жизнь Московского государства той эпохи. Однако в результате борьбы с еретиками политика властей в отношении к евреям стала носить ярко выраженный юдофобский характер. Евреев считали колдунами и чернокнижниками, испытывая перед ними суеверный страх. Прежде всего как реакция на движение «жидовствующих» в Московском царстве стала активно распространяться антиеврейская литература, появившаяся в ту пору в небывалых количествах. Впрочем, необходимо отметить, что в повседневной жизни политика к евреям изменилась мало. И после разгрома «жидовствующих» евреи, прежде всего еврейские купцы, продолжали свободно въезжать в Россию. Договор между Московским царством и Польско-Литовским государством от 1503 г., гарантировавший свободный въезд и выезд для еврейских купцов, соблюдался вплоть до царствования Ивана Грозного.

Крутой поворот в отношении к евреям произошел именно в его правление (1547–1584). Евреям было запрещено не только постоянно жить в Московском царстве, но и временно въезжать на его территорию с целью торговли. Польский король Сигизмунд-Август II просил царя соблюдать старые договоры и позволить еврейским купцам торговать в Московии наряду с христианскими купцами. В ответ Иван Грозный писал, что еврейские купцы отвращают русский народ от веры христианской и завозят в Россию зелья и отравы, и поэтому он просил польского короля не писать ему больше по поводу еврейских купцов.

На самих евреев резкое изменение в политике Московского царства произвело сильное впечатление. Сохранились свидетельства о том, что евреи Брест-Литовска в 1577 г. использова-

ли чучело Ивана Грозного для изображения Амана в представлении на праздник Пурим³. На отождествление царя Ивана с ненавистником евреев Аманом, очевидно, повлияли трагические события Ливонской войны. В захваченных русским царем городах убивали всех евреев. Самый известный случай произошел в Полоцке, где по указанию Ивана Грозного в реке была утоплена вся еврейская община города. Антиеврейская направленность политики Ивана Грозного может быть объяснена религиозным фанатизмом самого царя, существовавшим на фоне резкого усиления вражды ко всему иноземному.

В начале XVIII столетия в России были обнаружены помещицы крестьяне-последователи различного рода иудействующих сект. Распространение этих сект в самых различных районах страны крайне тревожило власти. Однако исследователи, вопреки заявлениям сектантов, что веру свою «содержат издревле», в их учениях не усматривают какой-либо связи с «ересью жидовствующих»⁴.

Другая тема относится к значительно более позднему времени и касается т.н. русских иудействующих. Она получила некоторое отражение в исследовательской литературе⁵.

Русских крестьян и отчасти городских жителей, близких в вере, религиозной обрядности и повседневности к еврейской традиции, нередко называли «иудействующими», последователями «Моисеева закона» или «жидовствующими». Как отмечает Т. Хижая, загадочный феномен «превращения» этнических русских православного вероисповедания в «иудеев» приковывал внимание Церкви и правительственных кругов, дразнил любопытство ученых, писателей, путешественников⁶. На первый взгляд, по словам известного этнографа В.Н. Майнова, казалось парадоксальным и «совершенно невозможным», чтобы «какой-нибудь Кузька... и по внешнему виду и даже по способу мышления русский человек сделался таким же, как какой-нибудь раби из Могилева».

И действительно, у историков и этнографов до сих пор нет ясной картины относительно исторических корней движения русского иудаизантаства. Попытки исследователей связать русских крестьян-иудействующих XIX – начала XX в. с ересью

«жидовствующим» конца XV столетия не находят какого-либо подтверждения в источниках и не могут быть приняты. Т. Хижая считает, что началом распространения среди православных идей, ориентированных на некоторые характерные черты иудейской традиции (как например, почитание субботы), может быть отодвинуто к рубежу XVII–XVIII вв. Исследователь также предполагает, что принятие некоторой частью русских крестьян «Моисеевого учения» могло быть следствием движения старообрядцев, их спорами и исканиями. Происхождение иудаизанта необходимо рассматривать в контексте независимых народных исканий, направленных в сторону предпочтений изначальной веры, а именно книг Ветхого завета, а несколько позже русских «протестантствующих» – т.н. «духовных христиан».

Первое упоминание об иудействующих относится к общине молокан-субботников, обнаруженных в начале правления Екатерины II в 1765 г. Вместе с тем, нельзя отрицать и непосредственного влияния иудеев. В «Уложении» царя Алексея Михайловича 1649 г. и последующих именных указах царя говорится об опасности, исходящей от «жидов», и высылке их, как и других некрещеных иноземцев⁷. Исследования и публикации архивных документов Д. Фельдманом и другими авторами показывают, что уже в XVII – начале XVIII в. число евреев в России возрастает⁸. Они не только крестились, но и могли оказывать обратное влияние на окружающих.

В XIX в., когда секты субботников имели уже довольно длительную историю, возникают новые сообщества, очевидно, уже непосредственно под влиянием иудеев. С этого времени история русских крестьян «Моисеевой веры» имеет и достаточно серьезную источниковую базу. Правительство и церковь обращают пристальное внимание и выражают все усиливающееся беспокойство распространением «бедственной заразы» – иудеизации русских крестьян в целом ряде губерний империи: Воронежской, Тамбовской, Тульской, Саратовской, Орловской и др.

По официальным данным, в первой четверти XIX в. насчитывалось не менее 20 тыс. «жидовствующих»⁹. Борьба властей и церкви с этим движением оказалась малоэффективной и фак-

тически безуспешной. Русские люди «Моисеева закона» оказались истовыми фанатиками, энергично и упорно отстаивавшими свою веру. Крестьянина Каширского уезда Тульской губернии Ивана Оскина в 1819 г. пытались разубедить два протоиерея, один из которых был профессором богословия. К ним в помощь был придан и тульский епископ Авраам. По донесению архиерея, этот крестьянин оказался непреклонным «по слепоте ума и ожесточению сердца» и в результате был приговорен к ссылке в Сибирь как «один из зачинщиков ...которые твердостью своей укрепляют других».

Нередко попытки разубедить субботников заканчивались или безрезультатно, или временным присоединением сектантов к Русской православной церкви и последующим отпадением «в ересь». Указом Синода от 29 июля 1825 г. «О мерах к отвращению распространения Жидовской секты, под названием Субботников», заявлялось, что «не должно быть вовсе терпимо Правительством неоднократные... отпадения от Веры Христианской в закон Еврейский». С этой целью Св. Синод считал необходимым «поставить преграду злу сему и принять против оного надежные меры». Поддерживались предложения гр. В.П. Кочубея, до 1823 г., являвшегося министром внутренних дел: «Предписать Губернским начальствам, без всякого участия Духовной власти... взять в тех селениях, где секта сия находится, начальников оной и их помощников и отослать немедленно для определения на военную службу, годных к оной, а неспособных к военной службе, на поселение в Сибирь... Начальствам Сибирских губерний предписать, чтобы люди сии размещаемы были в отдаленные места и сколь можно отдельно... дабы они никого не вовлекали в свое заблуждение. Начальниками секты почитать тех, кто совершает какие-либо обряды, или занимает первое место в богослужении, или дает наставление в правилах Иудейских. Поставить в обязанность местным начальствам затруднять сколько возможно сообщение правоверным жителей с иудействующими»¹⁰.

Не обойдены «вниманием» были и сами евреи. Тем же указом предлагалось: «Из уездов, в коих находится секта Субботников, или Иудейская, и соседних с ним уездов, выслать всех

Евреев без исключения, где бы они находились, и впредь ни под каким предлогом пребывания там им не позволять. С являющимися же, вопреки запрещению сему, поступать как с беспаспортными, подвергая лицам, кои дадут им пристанище, взысканиям...»¹¹.

Во время царствования Николая I на проявивших приверженность к иудейской вере обрушились репрессии и массовое выселение из Европейской России, прежде всего в Сибирь. Однако насильственными методами остановить распространение иудействующих сектантов не удавалось. Их количество росло, эти общины в местах традиционного проживания не исчезали, а в результате ссылки они стали распространяться и в Сибири и даже на Дальнем Востоке. По официальным данным, их численность к началу XX столетия составляла 30 тыс., но очевидно, фактически субботников было гораздо больше. После Манифеста о свободе совести от 17 апреля 1905 г. *геры* (так именуются в иудаизме этнические неевреи, принявшие иудаизм), или именовавшиеся «субботниками иудейского вероисповедания», получили право на легальное признание общин и устройство синагог, что и было сделано в ряде мест, например, на станции Зима в Иркутской губернии, в Тифлисе и других местах.

В центре мировоззрения субботников находился Ветхий Завет, особое внимание уделялось запретам и предписаниям Пятикнижия. Иудаизанты соблюдали субботу и иудейские праздники, придерживались ритуальных законов о пище, исполняли законы ритуальной чистоты, придерживались ряда других характерных начал еврейской традиции. Ими отрицался Троичный догмат христианства и божественная сущность Христа, а сам он в сознании субботников предстал в качестве пророка, боговдохновенного мужа, святого или простого, но мудрого человека. Отвергалась Церковь, ее иерархия, таинства, символы и особенно иконопочитание. Вместе с тем, как отмечает Т. Хижая, отношение к Новому Завету у субботников было различным. Подчас они смотрели на Евангелия в сравнении с Ветхим заветом как на «младшего брата»: «когда в доме есть старший, меньшому не следует распоряжаться».

Уже с начала XIX в. по источникам прослеживаются контакты субботников с евреями, временно появившихся тогда во внутренних губерниях России. Иудеи воспринимались приверженцами «ветхозаветной веры» как учителя (и часто такими были в действительности).

Со второй половины XIX столетия, после разрешения целому ряду категорий евреев жить за чертой оседлости, эти контакты становятся регулярными. Евреи в общинах субботников выполняют самые разнообразные функции: религиозных наставников, учителей в хедерах, организованных для сыновей субботников, *моэлей* (лиц, совершавших обрезание), *шойхетов* (резников, производивших убой скота), учителей древнееврейского языка, канторов, ведших богослужение, и даже раввинов. Особенно значительное влияние оказывали на субботников совместные с евреями богослужения. В результате субботники заимствовали многие характерные черты ашкеназской литургии. Особое влияние на субботников оказывала доставлявшаяся в их общины еврейская религиозная литература, традиционные тексты в русских переводах. Популярны были *сидуры* – иудейские молитвенники с русским переводом.

Среди многих общин субботников в 1880–1890-е годы получили распространения эсхатологические ожидания. Миссионер М. Тифлов, много занимавшийся сектантами, вспоминал: «В восьмидесятих годах прошлого века астраханские жидовствующие... со дня на день ждали Мессию; они на базарах обсуждали это, столпившись кучами, и прямо на земле чертили “плант” Палестины и делили ее, посылали в Палестину ходоков высмотреть лучшие места. Нам самим приходилось наблюдать, как женщины сектантские готовились в дорогу, напекали сдобных пышек... сушили сухари, чтобы быть наготове, когда придет фарсийский корабль, отвезти их Палестину»¹².

А почти двумя десятилетиями ранее тот же М. Тифлов писал: «Года 3–4 назад (написано в 1888 г. – А.Л.) ахтубинские субботники со дня на день ждали пришествия Мессии, который, по их уверению, соберет и возвратит в Палестину всех рассеянных ныне евреев, причем покорит все народы и заставит царей и князей последних на своих плечах доставить евре-

ев в их обетованную землю, где реки потекут молоком, горы будут капать медом... Евреи там поселятся во дворцах, построенных для них царями, при садах и виноградниках, посаженных ими же, и цари и народы будут у Израиля в качестве слуг его. Но еще большее благополучие ждет самих субботников... Мессия поставит их как добровольных пришельцев. Еще лучше и выше, чем евреев, потому что они не участвовали в грехах последних...»¹³.

На эти настроения субботников наложились идеи палестинофильства и сионизма, начавшие распространяться фактически с того же времени среди евреев. Вот как об этом сообщал еврейский этнограф С. Ан-ский, побывавший в Царицыне в 1911 г.: «Лет десять тому назад среди приволжских геров распространилось палестинофильское движение. Началось по обыкновению с легенды. До них дошел обрывок какой-то речи представителя сионизма Макса Нордау со словами “гром и молния”. Слова эти почему-то произвели особенно сильное впечатление на геров, и среди них пошли такие толки: “Уже гром прогремел, и молонье полыхнуло, и Божий час настал, и пришел Мессия”. Мессией был признан, конечно, Теодор Герцль. Прошел слух, что Палестина перешла к евреям, и надо только поспешить купить там землю... По обыкновению решили послать ходоков. Некоторые из них, явившись в N (Царицын. – А.Л.) к местным сионистам, никак не хотели поверить, что Палестина еще не перешла к евреям. В разное время несколько десятков семейств иудействующих переселились в Палестину, устроились там в еврейских колониях и занимается хлебопашеством»¹⁴.

Параллельно религиозная эмиграция русских иудействующих в Палестину шла вместе с палестинофильско-сионистской еврейской эмиграцией. Однако идейной основой эмиграции субботников была религиозная вера, а не стремление создать еврейский национальный очаг на исторической родине, как на то ориентировались еврейские колонисты. Впрочем, даже светские сионисты нередко свои действия стремились обосновать цитатами из ТаНаХа. А. Львов считает, что «молитвы и библейские пророчества... давали субботникам готовые формы

для осмысления всего, что происходило в их жизни», но, утверждает он, невозможно выделить главную причину их эмиграции¹⁵. Отметим, что такие факторы, как поиски лучшей доли, неприятие официальной Церкви, очевидно, играли у приверженцев Ветхого завета далеко не последнюю роль. И здесь их протест объективно соединялся с идеологами и участниками первых волн эмиграции. Традиционные тексты иудаизма, несомненно, находили отклик в их практических действиях.

Первопоселенцы-субботники (роды Дубровиных¹⁶, Куракиных и др.) были среди основателей сельскохозяйственных колоний в Галилее и долине Иордана. Особую известность в Израиле получил род Куракиных¹⁷. Й. Регев в своей книге о субботниках в Галилее¹⁸ приводит следующие данные. В 1900–1908 гг. субботники составляли не менее 40% от числа сельскохозяйственных рабочих поселения-*мошава* Седжера в Галилее. Он цитирует агронома Й. Розенка, который отмечал: «Геры спасли положение. Благодаря их труду, упорству, неприхотливости и терпению они добивались успеха»¹⁹. В этом они отличались от светских сионистов и объективно обретали точки соприкосновения с ортодоксальными евреями, в особенности с теми, кто принадлежал к движению «Мизрахи». Тем не менее, вслед за Т. Хижаей можно утверждать, что многие стороны жизни как современных субботников, так и тех, кто жил в первые десятилетия прошлого столетия, – «во многом *terra incognita*, требующая глубокого и всестороннего исследования»²⁰.

Влияние православия на иудаизм

Если иудаизм стоял у истоков христианства и ислама в пору их возникновения в первые века н.э. и оказал огромное влияние на самые различные стороны их мирозерцания и организации, то христианство в самом конце XVIII – первой половине XIX в., в свою очередь, сыграло важнейшую роль в формировании идеологии Гаскалы и реформистского движения в иудаизме. В свою очередь, русское православие повлияло на появление портретов раввинов, которые Р. Коэн считает, по

сути, иконами и прямо говорит о них как о «еврейских иконах»²¹. Появление раввинского портрета является, как считает Я. Кац, одним из признаков постепенного спада напряженности в отношениях между иудаизмом и христианством. Если в XVII в. портрет в еврейской традиции рассматривался только как идолопоклонство и подражание христианству, то в последующие века, как отмечал Я. Кац, существование неприятия (он характеризуют эти чувства иудеев не иначе, как «отвращение») к персональным изображениям начинает ослабевать²². Портретное изображение, заимствованное у христиан, стало вполне обычным явлением, возникнув у евреев в Италии XVI в. Эти портреты почитаемых личностей (а это были в основном раввины, праведники) получили распространение и в Голландии. К тому времени, очевидно, в сефардских общинах Италии и Голландии отсутствовали раввинские запреты, основанные на строгом толковании второй заповеди, запрещающей изготавливать изображения: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли» (Исх. 20, 4; Втор. 5.8). Этот запрет никогда буквально четко не определялся и не исполнялся буквально с талмудических времен²³.

Постепенно изобразительная традиция проникла и укрепилась в еврейских общинах Восточной Европы. Так появляется изображение, которое считалось у его почитателей и приверженцев портретом основателя хасидизма Баал Шем Това, хотя на самом деле то был портрет лондонского каббалиста Шмуэля Якова Фалька (1710–1782).

Огромную роль в распространении изображений Моисея и Аарона, как и других образов, сюжетов и тем, сыграло книгопечатание. С конца XVIII в. раввинов стали изображать в самых разных видах и техниках и на самых разнообразных материалах – в литографиях, на книжных разворотах, кубках, блюдах, микрографических композициях, *мизрахах* («востоках» – рисунках на бумаге или пергаменте, которые вешали на восточной стене дома или синагоги, чтобы знать, в какую сторону направить свою молитву). Раввинский портрет выполнял, как и иудейский амулет, роль оберега, защитного талисмана. Раввин

изображался крайне редко в полный рост, без какого-либо окружения, включая семью. Чаще всего это были поясные портреты, где центром притягивающим внимание смотрящего было лицо – средоточие мудрости и духовности. Как правило, раввин прямо смотрит на зрителя. Распространение изображений раввинов и цадигов, обладавших, по мнению немалого числа иудеев, особыми сверхъестественными силами и пророческими способностями, предоставляли возможность вступать в особые отношения со своим ребе, как бы «прикоснуться» к нему гораздо большему числу людей, приобретя репродукцию его портрета.

Особую ценность получили портреты, выполненные в технике микрографии, где образ героя создавался из текста его сочинений. «Божественный дар раввина, – отмечает Р. Коэн, – транслировался через микрографию»²⁴. Портрет-амулет, продолжает исследователь, напоминает о том, как христиане более ранних эпох использовали религиозные изображения. И здесь давно умершие раввины и цадики, обладавшие сверхъестественными качествами, продолжали оказывать защиту и посылать благословение. Очевидно, к концу XIX – началу XX в. в России возобладала региональная идентификация. Культ того или иного цадика или раввина соответствовал и ареалу, конкретной местности, где жили его приверженцы.

В условиях проникновения и усиления секулярных начал в повседневную жизнь еврейских масс, ортодоксальные круги все чаще используют современные методы для укрепления веры: литографию и фотографию, на которых изображались знаковые фигуры еврейской традиции, почтовые открытки, посвященные тем или иным праздникам еврейского календаря²⁵. Так в результате распространения изображений и портретов праведников, цадигов, раввинов сложился образ идеального традиционного иудея: с бородой, особой одежде и ермолке.

Под влиянием традиции, распространившейся в еврейском обществе Европы, а затем и Российской империи, появляются групповые портреты раввинов, филантропов и благодетелей еврейского народа. Известные раввины оказываются на таких портретах вместе с британским еврейским филантропом, посетившим Россию и встречавшимся с Николаем I и Александром

ром II сэром Мозесом Монтефиоре, семейством Ротшильдов и филантропом, финансистом, выходцем из Баварии, основателем Еврейского колонизационного общества бароном Морисом де Гиршем. По количеству изображений разве что Монтефиоре мог соперничать с портретами раввинов.

С распространением сионизма, носившего в основном светский характер, и в ортодоксальной среде встречаем портреты Теодора Герцля, а также его российских соратников. Так что воспринятый из христианства у иудеев «культ раввинов» и «иконны», их изображения сыграли свою роль в ответе на вызовы подверженного модернизации еврейского общества, и, в свою очередь, повлияли на секулярные движения в еврейском мире.

¹ *Эттингер Ш.* Влияние евреев на «ересь жидовствующих» в Московской Руси // *Jews and Slavs. Jerusalem, 1995. Т. IV. Р. 9–27.*

² *Казакова Н.А., Лурье Я.С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М., 1955. С. 76.

³ *Клейнман И.А.* Царь Иоанн Грозный в пуримской комедии // *Еврейская старина. 1919. Вып. 9. С. 314–315.*

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1431. Оп. 1. Ед. хр. 3201. Л. 32–67.

⁵ См.: *Хижая Т.И.* Движение иудействующих в России (XVIII – начало XX вв.): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. СПб., 2007. 245 с. См. также: *Львов А.* Соха и Пятикнижие: русские иудействующие как текстуальное сообщество. СПб., 2011.

⁶ *Хижая Т.* Субботники: русские люди – последователи «Моисеева закона» // *Евреи в России: неизвестное об известном. М., 2015. С. 189–193.*

⁷ *Леванда В.О.* Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича для настоящего времени, от 1649–1873 г. Извлеч. из полных собраний законов Российской империи / сост. и изд. В.О. Леванда. СПб., 1874. С. 1–3.

⁸ Неизвестное следствие о «Казанской секте жидовствующих» 1748–1749 гг. / публ. Д.З. Фельдмана // *Вестник Еврейского университета: История. Культура. Цивилизация. 1999. № 2 (20). С. 296–323; «Еврейские мотивы» следственного дела патриарха Никона: донос крещеного еврея М. Афанасьева царю Алексею Михайловичу в 1666 г. / публ. Д.З. Фельдмана и А.М. Прокопенко // Там же. 2001. № 6 (24). С. 349–366; Выкресты против патриарха*

Никона: материалы следственного дела 1666 года / публ. Д.З. Фельдмана и А.М. Прокопенко // Москва еврейская: сб. ст. и материалов. М., 2003. С. 326–338; *Фельдман Д.З.* К истории появления крещеных евреев в Московском государстве XVII в. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2005. № 4 (22). С. 21–27; «Последний инквизиционный костер в России»: московское следствие по делу Александра Возницына и Бороха Лейбова 1738–1740 гг. / публ. Д.З. Фельдмана // Параллели. М., 2005. № 6–7. Приложение. С. 1–87; «Бьют чолом сироты старозаконные...»: дело по челобитным бреславльских евреев об их крещении в православие, 1659 г. / публ. Д.З. Фельдмана // Исторический архив. 2005. № 1. С. 198–202; *Фельдман Д.З.* К вопросу о фиксации крещеных евреев в материалах ранних ревизий (на примере ревизских сказок Епифанского уезда Тульской провинции) // Материалы XV Всеросс. науч. конф. «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков». М., 2008. С. 316–319; *Фельдман Д.З., Минкина О.Ю.* К вопросу о принятии еврейскими женщинами христианства в России в конце XVIII – начале XIX вв. // Jews and Slavs. Jerusalem; Kyiv, 2008. Vol. 19: Jews, Ukrainians and Russians: Essays on Intercultural Relations. P. 110–131; Редкий документ о службе выкреста-еврея в русской армии во второй половине XVII в. / публ. Д.З. Фельдмана // Единорогъ: материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009. Вып. 1. С. 148–152; «А в Казани жидам велено говорить, чтоб они крестились...»: документы об отправке пленных евреев в Поволжье в 1655 г. / публ. Д.З. Фельдмана // Вестник Еврейского университета. 2009. № 13 (31). С. 207–238; Роспись «жидов», отправленных из Новгорода в Казань в середине XVII в. / публ. Д.З. Фельдмана // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2010. № 2 (40). С. 118–123.

⁹ *Хижая Т.* Субботники. С. 276.

¹⁰ *Леванда В.О.* Указ. соч. С. 142.

¹¹ Там же.

¹² Цит. по: *Львов А.* Указ. соч. С. 198.

¹³ Там же.

¹⁴ *Ан-ский С.* Среди иудействующих: из путевых заметок // Собрание сочинений. Т. 3. СПб., 1912. С. 280–281.

¹⁵ *Львов А.* Указ. соч. С. 213.

¹⁶ The Dubrovin Farm [Электронный ресурс] // GernsinIsrael: (сайт). URL: www.gernsinisrael.com/e_article000065676.htm

¹⁷ URL: booknik.ru/reviews/non-fiction/iz-astrahani-v-galileyu/

- ¹⁸ *Regev Y.* Subotnikim ba-galil: gere ha-tsedek ha-Rusiyim be-moshvot ha-dalil = “Subotnicks” in the Galilee: Russian Proselytes by Conviction in the Galilee. Netanyah, [2009]. P. 217.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 67.
- ²⁰ *Хижая Т.* Субботники. С. 279.
- ²¹ *Коэн Р.* Раввин как икона. Появление портретов раввинов // Видеть и помнить: эстетика сакрального в еврейской визуальной культуре. М., 2012. С. 89. Оригинальная версия статьи: *Cohen R.* Rabby as Icons // *Jewish Icons: Art and Society in Modern Europe.* Berkeley: Univ. of California Press, 1998. P. 112–152.
- ²² См.: *Katz J.* Exclusiveness and Tolerance: Studies in Jewish-Centile Relations in Medieval and Modern Times. Oxford, 1961.
- ²³ Примером, тому могут быть, например, синагоги в Палестине. См.: *Чаковская Л.* Воплощенная память о Храме: художественный мир синагог Святой Земли III–VI вв. н.э. М., 2011.
- ²⁴ *Коэн Р.* Указ. соч. С. 92.
- ²⁵ См., напр.: *Дымищ В., Кельнер В.* Еврейский мир в почтовых открытках. М., 2002.

Литература

- Ан-ский, С.* Среди иудействующих [Текст]: из путевых заметок // Собрание сочинений. Т. 3. СПб.: Просвещение, 1912. С. 280–288.
- Выкресты против патриарха Никона [Текст]: материалы следственного дела 1666 года / публ. Д.З. Фельдмана и А.М. Прокопенко // Москва еврейская: сб. ст. и материалов / ред.-сост. К. Бурмистров. М.: Дом еврейской книги, 2003. С. 326–338.*
- Еврейские мотивы» следственного дела патриарха Никона [Текст]: донос крещеного еврея М. Афанасьева царю Алексею Михайловичу в 1666 г. / публ. Д.З. Фельдмана и А.М. Прокопенко // Вестник Еврейского университета. М.: Иерусалим, Мосты культуры – Гешарим, 2001. № 6 (24). С. 349–366.*
- Казакова, Н.А.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века [Текст] / Н.А. Казакова, Я.С. Лурье; гл. ред. А.А. Зимин. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 544 с.
- Клейнман, И.* Царь Иоанн Грозный в пуримской комедии [Текст] // Еврейская старина / Еврейское ист.-этногр. о-во. Вып. 9. Пг., 1919. С. 314–318.
- Коэн, Р.* Раввин как икона. Появление портретов раввинов [Текст] // Видеть и помнить: эстетика сакрального в еврейской визуальной культуре / сост. Г. Казовский, М. Каспина, Б. Хаймович. М.: Музей истории евреев в России, 2012. С. 89–94.

- Леванда, В.О.* Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича для настоящего времени, от 1649–1873 г. [Текст]. Извлеч. из полных собраний законов Российской империи / сост. и изд. В.О. Леванда. СПб.: тип. К.В. Трубникова, 1874. 1184 с.
- Львов, А.* Соха и Пятикнижие [Текст]: русские иудействующие как текстуальное сообщество / гл. ред. Панченко А. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2011. 326 с.
- Неизвестное следствие о «Казанской секте жидовствующих» 1748–1749 гг. [Текст] / публ. Д.З. Фельдмана // Вестник Еврейского университета: История. Культура. Цивилизация. М.; Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 1999. № 2 (20). С. 296–323.
- Последний инквизиционный костер в России [Текст]: московское следствие по делу Александра Возницына и Бороха Лейбова 1738–1740 гг. / публ. Д. Фельдмана // Параллели / ред.-сост. К. Бурмистров. М.: Дом еврейской книги, 2005. № 6–7. Приложение. С. 1–87.
- Фельдман, Д.* К истории появления крещеных евреев в Московском государстве XVII в. [Текст] // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2005. № 4 (22). С. 21–27.
- Фельдман, Д.* К вопросу о фиксации крещеных евреев в материалах ранних ревизий (на примере ревизских сказок Епифанского уезда Тульской провинции) [Текст] // Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков: материалы XV Всерос. науч. конф. / отв. ред. М.Р. Рыженков. М., Древлехранилище, 2008. С. 316–319.
- Фельдман, Д.* К вопросу о принятии еврейскими женщинами христианства в России в конце XVIII – начале XIX вв. [Текст] / Д. Фельдман, О.Ю. Минкина // Jews and Slavs. Vol. 19: Jews, Ukrainians and Russians: Essays on Intercultural Relations / сост. Л. Финберг; гл. ред. В. Москович. Jerusalem; Kyiv: The Hebrew university of Jerusalem, 2008. P. 110–131.
- Хижая, Т.* Субботники: русские люди – последователи «Моисеева закона» [Текст] // Евреи в России: неизвестное об известном / науч. ред. А. Локшин. М.: Достоинство, 2015. С. 189–194.
- Эттингер, Ш.* Влияние евреев на «ересь жидовствующих» в Московской Руси [Текст] // Jews and Slavs. Vol. IV / гл. ред. В. Москович. Иерусалим: The Hebrew university of Jerusalem, 1995. С. 9–27.
- Cohen, R.* “Rabby” as Icons // Jewish Icons [Text]: Art and Society in Modern Europe. Berkeley: Univ. of California Press, 1998. P. 112–152.
- Katz, J.* Exclusiveness and Tolerance [Text]: Studies in Jewish-Gentile Relations in Medieval and Modern Times. Oxford: Oxford University Press, 1961. 195 p.

А.В. Марчуков

**ОТЗВУКИ «КАЗАЧЬЕГО АВТОНОМИЗМА»
В УМОНАСТРОЕНИЯХ МАЛОРОССИЙСКОГО
ДВОРЯНСТВА: ВЗГЛЯД
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЛИЧНОСТИ Н.В. ГОГОЛЯ
(ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX В.)***

В данной статье речь идет о настроениях, имевших место в малороссийской дворянской среде в последние десятилетия XVIII – первые десятилетия XIX в.: об их отношении к вопросам приобретения своего социального статуса, имущественных прав, к положению, занимаемому ими в социальной системе Малороссии и Российской империи. Проблемы, связанные с социально-экономическим положением правящей группы Малороссии, во многом определяли отношение ее представителей к ключевым вехам польской, малороссийской и российской истории, влияли на выбор той или иной национальной идентичности. Указанные проблемы в статье рассматриваются сквозь призму личности великого русского писателя, представителя малороссийского дворянства, Н.В. Гоголя.

***Ключевые слова:** малороссийское дворянство; казачий автономизм; общерусская идентичность; украинофильство; Николай Гоголь.*

A.V. Marchukov

**ECHOES OF «COSSACK OF AUTONOMY»
IN THE MOOD MALOROSSIYSKY NOBILITY:
A LOOK THROUGH PERSONALITY N.V. GOGOL
(THE FIRST DECADE OF THE XIX CENTURY)**

In this article we are talking about the attitudes that took place in the Malorussian nobility in the last decades of the XVIII – the first decades of XIX centuries. Namely, their relation to the acquisition of their social status, property rights, and the position they occupy in the social system of

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-14001а(ц).

the Cossack Hetmanate and Russian Empire. The problems associated with socio-economic status of the ruling group Malorussia, largely determined the attitude of its representatives to the key landmarks of Polish, Malorussian and Russian history, have influenced the choice of a particular national identity. These problems are considered in the article through the prism of personality of the great Russian writer, a representative of the Malorussian nobility, N. Gogol.

Key words: *Malorussian nobility; Cossack autonomy; All-Russian identity; ukrainophilism; Nikolai Gogol.*

В одном из своих писем к А.О. Смирновой (урожденной Россет) Николай Гоголь заметил: «На произведениях же моих не основывайтесь и не выводите отсюда никаких заключений о мне самом. Все они писаны давно, во времена глупой молодости, пользуются пока незаслуженными похвалами и даже не совсем заслуженными порицаниями, и в них виден покамест писатель, еще не утвердившийся ни на чем твердом. В них точно есть кое-где хвостики душевного состояния моего тогдашнего, но без моего собственного признания их никто не заметит и не увидит»¹.

Александрю Смирнову (одну из самых доверительных корреспонденток Гоголя) тогда заинтересовало его мироощущение, в особенности те аспекты, которые теперь назвали бы национальной самоидентификацией. Поводом к разговору послужили довольно жаркие обсуждения в светских салонах не так давно вышедшей в свет поэмы «Мертвые души» (1842 г.; а письма относятся к октябрю – декабрю 1844 г.). Ответы Николая Васильевича были разбросаны между прочими размышлениями о человеческой душе вообще и его, Гоголя, в частности. Вот и в процитированном отрывке он говорил о влиянии внутреннего (душевного) состояния на свое творчество.

Ответ Гоголя на вопрос Смирновой о его национальной идентичности уже сам по себе вызывает несомненный интерес. Но не менее глубока и затронутая в их беседе проблема отражения внутреннего мира писателя и любого творящего человека в предмете его творчества. А внутренний мир – это множество самых разных составляющих, начиная от индивидуальных

особенностей психики и характера и заканчивая отразившейся в личности человека социальной действительности, в которой он рос, воспитывался и жил.

Гоголь, конечно же, не был исключением. Он предстает как своеобразное зеркало идей, национальных ориентаций, культурно-политических пристрастий, имевшихся в то время в Малороссии и в России в целом (прежде всего в образованной среде). В его личности отразились те процессы, которые проходили в современном ему обществе.

Вообще, личность Гоголя в этом отношении интересна в двух аспектах. Во-первых, своей художественной эволюцией и духовным развитием, которые непосредственным образом оказали решающее влияние на его национальное самоотождествление и понимание взаимоотношений России и Малороссии, малорусской и русской идентичностей. Во-вторых, тем, что эти личностные процессы происходили в переломную эпоху. Прежний мир с преимущественно донациональной системой социальных связей, легитимации и свойственными им идентичностями постепенно уходил в прошлое. С конца первой трети XIX в. на смену ему постепенно приходит новая эпоха – эпоха национализма, с такими общественными связями, где заметную (а впоследствии и решающую) роль стал играть фактор этнический, взятый не просто как культурно-этнографическая, но уже как политическая категория.

Это обстоятельство открывает двоякую возможность: как изучения личности и творчества Гоголя (в том числе его взглядов на национальный вопрос) через призму постепенной смены двух эпох, так и изучения этих эпох через призму личности, творчества, самоотождествления писателя. В этом как раз и могут помочь те самые «хвостики душевного состояния», проскакивающие в его творчестве и переписке, которые суть не только моменты личностно-психологического плана, но и стереотипов и настроений социальной среды.

Наиболее интересно у Гоголя его понимание русскости – своей, Малороссии, России, которое развивалось в нем вместе с его эволюцией, как верующего человека, и через постижение православия. Но не менее важна «отправная точка», с которой

начались его искания, его ранние взгляды или, скорее, отложившиеся в его сознании проявления неких коллективных представлений. Здесь также кроется немало любопытного для понимания места Малороссии в России, умонастроений ее жителей, положения малороссийской идентичности в иерархической системе идентичностей общероссийских.

Происходил Гоголь из малороссийского дворянства, вчерашней казачьей старшины. В имущественном отношении его семью можно отнести к дворянству среднепоместному. Так, в 1835 г. в их имении Васильевка насчитывалось около 200 душ мужского пола (в пору женитьбы родителей Николая Васильевича их было 130) и более тысячи десятин земли². «Хвостики» взглядов этой социальной группы можно отыскать и у «раннего» Гоголя. Правда, в отличие от осмысления им того, что такое русскость, широко представленного на страницах его писем и ряда художественных произведений, следы этих настроений проступают лишь кое-где. Скажем, они проскальзывают в нескольких письмах к его другу М.А. Максимовичу, в беседах с польскими эмигрантами (реконструируемых по свидетельствам самих этих эмигрантов), таких произведениях, как «Страшная месть» и «Тарас Бульба» (но лишь в первой его редакции). И, конечно, типичным для представителей этой социальной группы было начало самой биографии юного Никоши.

В 1829 г., после окончания Нежинского лицея (в котором обучались дети малороссийских дворянских семей), Николай Гоголь уезжает из Малороссии в Петербург. Преисполненный планами и мечтами о своей будущей гражданской службе, он летит в столицу. «...Здесь (в Петербурге. – *А.М.*) только человеку достигнуть можно чего-нибудь; тут тысяча путей для него», – объяснял Гоголь притягательность столицы в письме к матери³. И в этом он был совсем не одинок. Его мысли и путь были типичными для представителей малороссийских знатных кругов, с энтузиазмом шедших на гражданскую и военную службу Российской империи. Совершенно так же и Гоголь, мечтавший о великих делах, которые принесли бы пользу обществу, а ему – заслуженную славу (заметим, добытую своим трудом, а не богатством или заслугами предков), мыслит не в

узко-провинциальных рамках, а в общероссийском масштабе и видит своим поприщем всю Россию⁴.

Процессы постепенной интеграции гетманской автономии в Российскую империю и одновременного превращения вчерашней казачьей старшины в иерархическую структуру, стремившуюся заполучить экономические, социальные и политические права высшего сословия края, шли, то ускоряясь, то замедляясь, весь XVIII в. Итогом интеграционных процессов стала ликвидация Гетманщины и образование на ее территории в 1785 г. губернской административной системы, такой же, как и в государстве в целом. Параллельно с административными преобразованиями произошло то, чего так долго ждала и добивалась казачья старшина. Она была инкорпорирована в состав российского высшего сословия, получила все права и привилегии, которые имело или обрело русское дворянство по указу Петра III о вольностях дворянских (1762 г.) и «Жалованной грамоте дворянству» Екатерины II (1785 г.). Одним из главных социальных завоеваний новой малороссийской элиты стало официальное подтверждение ее имущественных прав, прежде всего, на крестьянство. Вопреки утверждениям о том, что «российский царизм» закрепостил «украинцев», известный указ Екатерины II 1783 г. о введении на Украине крепостного права по сути просто закрепил уже существовавшие порядки, которые казачья старшина своей волей вводила в Гетманщине уже с конца XVII в.

На территории гетманской автономии шли два параллельных социальных процесса. Первый – это самоорганизация казачьей старшины в правящую группу Малороссии, присвоение ею социальных, экономических и политических функций региональной элиты, коими до этого обладала шляхта (в ходе восстания Хмельницкого устраненная, а частично инкорпорированная казачеством). Второй – это инкорпорация представителей местной правящей группы в общероссийские органы власти и социальные институты общества.

Жители Западной и, в частности, Малой Руси, переселявшиеся в Русь Восточную (Московское государство), включались в ее социальную структуру и раньше, до воссоединения

Малой Руси с Россией. К примеру, в состав служилых людей входили черкасы и днепровские (заднепровские) казаки, несшие службу на южных рубежах Русского государства⁵. Еще раньше переселялись сюда и поступали на службу члены княжеских и боярских родов.

После же воссоединения на повестке дня оказался вопрос об интеграции (пока что в перспективе) уже не отдельных людей или небольших групп переселенцев, а целого края со своим специфическим социальным устройством и новоявленной правящей группой – казачеством.

Интеграция малороссов в правящую элиту России началась уже во второй половине XVII в. Пожалуй, первым стал гетман Иван Брюховецкий, который был пожалован боярским титулом. Боровшийся против Москвы и ее украинских союзников правобережный гетман Петр Дорошенко (подданный турецкого султана), после отречения от гетманства (в 1676 г.) остаток жизни мирно доживал на царском жалованье русским помещиком, владея вотчинами и крестьянами (кстати, великороссами) в Волоколамском уезде и подмосковном Яропольце. Кстати, просить царя и русскую администрацию пожаловать его «вотчинными местечками» Дорошенко принялся по своей инициативе. В феврале 1682 г. он был назначен воеводой в Вятскую землю – обширный, богатый и стратегически важный регион, где прослужил до февраля 1684 г.⁶

В XVIII в., особенно с его середины, этот процесс пошел по нарастающей. Выходцы из Малой Руси стали все чаще занимать посты, в том числе самые высокие, в российском государственном аппарате, армии, церкви и т.д. Что касается церкви, то любопытно заметить, что с 1700 по 1762 г. в великорусских епархиях служило 120 митрополитов, архиепископов и епископов. Из них 70 человек (более 58%) были выходцами из Малороссии и Белороссии, трое (2,5%) – представителями балканских народов и только 47 (чуть более 38%) являлось великороссами. Лишь в 1754 г. по указу Елизаветы Синод обязывался представлять на должности архиереев и архимандритов не только малороссов, но и великороссов⁷.

Карьеру можно было сделать либо у себя в Гетманщине, либо в России. Но в Гетманщине возможностей для этого было, во-первых, меньше, а во-вторых, в каком-то смысле сделать это оказывалось даже труднее ввиду сложившихся в крае отношений, при которых наиболее важные и «хлебные» должности в местной администрации занимали представители высшей группы старшины.

По мере развития интеграционных процессов единства во мнении относительно судьбы Гетманщины среди старшины становилось все меньше. Там имелись как сторонники сохранения автономных прав, так и сторонники полного слияния Малороссии с империей (например, А. Безбородко, П. Завадовский, В. Кочубей). И те, и другие одновременно были патриотами России и верными слугами государей и не забывали о своем малороссийском происхождении. Просто одни уже прочно чувствовали себя в российском обществе, а другие – еще нет, в их иерархической системе лояльности присутствовала и такая категория, как преимущественное соотнесение себя с казачьей старшиной, а через нее – с Малороссией, как политической малой родиной. Держаться за автономные институты многие представители старшины продолжали вплоть до начала 1780-х годов, причиной тому был их собственный неурегулированный социально-экономический статус, а значит, и положение в государстве (именно как членов определенной социальной группы). Как только с этим вопросом возникла ясность, необходимость в гетманских институтах, как гарантии собственного статуса (и в Малороссии, и в России), отпала почти полностью.

Символично, что ликвидацию автономии и ее интеграцию с административной системой страны готовили Андрей Милорадович и его подчиненные, по преимуществу малороссы. Екатерининские реформы 1775–1783 гг. резко активизировали и без того успешно осуществлявшуюся интеграцию малороссийской знати. Они открыли для малороссийского дворянства большие карьерные возможности – как в самих губерниях, так и на всем пространстве России и, конечно же, в столицах⁸.

Огромная держава, сильная и динамично развивающаяся, имеющая влияние и авторитет в Европе, разгромившая своих основных врагов (а они для малороссов были теми же, что и для Москвы, что крайне важно для понимания успешности интеграционных процессов) – поляков и крымских татар, успешно воюющая с турками, завораживала, рождала в человеке гордость за право служить ей и носить имя русского или россиянина (что в те времена звучало как синонимы). А энергия и талант воздавались сторицей.

Малороссийское землячество в столице было многочисленным и влиятельным и покровительствовало вновь прибывавшим землякам (наиболее могущественным сановником, оказывавшим такое покровительство, был канцлер Безбородко). Юный Гоголь тоже пошел по проторенной дорожке. Его семья рассчитывала на помощь и поручительство Д.П. Трошинского, высокопоставленного вельможи и чиновника, служившего при Екатерине, Павле и Александре и вышедшего в отставку с должности министра юстиции. Этот один из богатейших малороссийских помещиков, владевший более 6 тыс. крепостных и около 70 тыс. десятин земли, приходился Гоголям дальним родственником. Отец Гоголя, Василий Афанасьевич, служил в его имении приказчиком. Трошинский действительно написал два рекомендательных письма председателю Ученого комитета Морского министерства, генералу Л.И. Кутузову, чему мать Гоголя, Мария Ивановна, очень радовалась, замечая, что ее сын прибудет в столицу «как родственник», а не «бесприютный сирота», и будет принят «немаловажным человеком»⁹. Так ехали учиться и служить многие его единоплеменники, рассчитывая на взаимную поддержку земляков и протекцию «немаловажных людей» из малороссов, а через них – и их друзей и коллег-великороссов.

Одновременно, как и многие прочие выходцы из Малороссии, юный Гоголь не забывал о своих обязательствах перед родным краем. Так, по свидетельству В.Я. Ломиковского (выпускника шляхетского кадетского корпуса, военного, а после – миргородского помещика), уезжая в Петербург «с великими намерениями», Никоша, помимо желания послужить Отчизне –

России, обещался также «исходатайствовать Малороссии увольнение от всех податей»¹⁰. По всей видимости, эти сведения были получены Ломиковским от семьи Гоголя, а конкретно – от его матери. Но даже если и так, то все равно нет причин сомневаться в том, что Гоголь мог пообещать такое, и, к тому же, это служит примером того, что подобные взгляды и желания могли быть распространены среди малороссийского дворянства (особенно тех его представителей, что были больше связаны именно с Малороссией).

И надо заметить, что некое подобное «заступничество» они поспешили увидеть в появившихся вскоре «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Отмечая всеобщий интерес к книге, Мария Ивановна в письме к О. Трошинской отмечала: «Николай мой все стремится быть полезным для своего края, и я несколько понимаю его цель; в сей книге (первой части “Вечеров”. – *А.М.*) он коснулся ее; но в продолжении более будет...»¹¹.

Вероятно, имелась в виду не только сама тема. То время было временем увлечения российского общества Малороссией. «Здесь так занимает всех все малороссийское», – с удивлением писал Гоголь матери после приезда в Петербург¹². И произведений на малорусскую этнокультурную тематику (литературного и этнографического плана) выходило тогда немало, в том числе из-под пера авторов-великороссов¹³. Возможно, внимание привлекло то место из «Ночи перед Рождеством», в котором речь заходит об аудиенции запорожцев у Екатерины II и упоминается их просьба «не губить верный народ», т.е. вернуть им автономию. А под просьбами запорожцев желающие могли попытаться усмотреть и намек на пожелание таковой и для собственно Малороссии.

Хотя с поры ликвидации Запорожской Сечи, а чуть позже и Гетманщины, прошло уже полвека, воспоминания о былых автономиях еще сохранялись в памяти, время от времени оживляясь под влиянием тех или иных политических событий или административных мероприятий. Десятью годами позже, во время уже упоминавшейся переписки, А. Смирнова заметила Гоголю: «мне кажется, Вы питаете то глубоко скрытое чувство, которое обладает Малороссией». «И я родилась в Малороссии,

воспиталась на голушках и варениках, и как мне ни мила Россия, а все же я не могу забыть ни степей, и тех звездных ночей, ни крика перепелов, ни журавлей на крышах, ни песен малороссийских бурлаков. Все там лучше, чем на севере, и все через Малороссию пройдем мы в Константинополь, чтобы одружиться и слиться с западными братьями славянами. А как и когда забудется, что некогда Украина была свободна, Бог весть»¹⁴.

О наличии или отсутствии такого чувства у малороссиян Гоголь писать не стал, ответив лишь по существу вопроса – о собственном мироощущении (о наличии у себя «двух душ» – русской и малорусской, иными словами, о двух идентичностях). И высказавшись о желательности для Малороссии и России слияния в одно целое (в одну русскую «душу») – т.е. создания новой, единой и общей русской национальной идентичности. Но, как следует из других свидетельств, о наличии в Малороссии упомянутых Смирновой настроений он был хорошо наслышан (хотя сам их и не разделял)¹⁵.

Возвращаясь же назад, отметим, что тему нижайших просьб запорожцев о возвращении им вольностей Гоголь дал все же мельком, хотя сам факт уже показателен. И к тому же, Гоголь, тоже полупонамеком, «развел» интересы Малороссии и Запорожья, показав на их не тождественность. Сквозь, казалось бы, общую казачью историю проступает разное историческое прошлое регионов. Что произошло на той самой аудиенции запорожцев и примкнувшего к ним кузнеца Вакулы у Екатерины II? Простодушный, но *честный* кузнец своим восхищением ножками царицы и ее «черевичками» фактически сорвал все планы запорожской делегации, приехавшей просить государыню «не губить Сечь». Но было ли у Вакулы (представителя той самой бывшей Гетманщины–Украины) и запорожцев что-то общее, помимо языка? Запорожцы, направляясь с бумагами в столицу, *проезжают через* его Диканьку. И это не просто констатация географических реалий. Запорожцы для Диканьки – это *свой*, но *другой* мир (недаром именно так они воспринимаются обитателями села и других местностей, где происходит действие «Вечеров»). Это мир, имеющий отношение к

Украине, но не тождественный ей. «Хитрый народ!», думает про них Вакула, когда запорожцы, прекрасно умея говорить по-русски, в разговоре с государыней нарочно переходят с грамотного языка на простонародный, мужицкий. И точно так же цели запорожцев (сохранение самоуправления – ни о какой независимости они, как «верный народ», и не помышляют) для Украины в лице Вакулы не интересны и не так уж важны¹⁶.

Что же касается продолжения темы «заступничества», то она в дальнейшем творчестве Гоголя сошла на нет. Взгляд на историю (и историческую географию), который был свойственен казачьей старшине и малороссийскому дворянству, был четко выражен им в «Страшной мести» и первой редакции «Тараса Бульбы». Хотя ни намеков, ни полунамеков на взаимоотношения Малороссии с Россией там нет. Но затем его понимание истории, и в том числе казачьей и малороссийской, становится другим, что отразилось во второй редакции «Тараса Бульбы» и рассуждениях, отраженных в его переписке (этом ключе к пониманию личности писателя и его творчества). Именно по ним, а также сравнивая обе редакции, можно лучше всего проследить духовное развитие Николая Гоголя и понимание взаимоотношений России и Малороссии.

Но среди огромного эпистолярного наследия Гоголя есть несколько писем к М.А. Максимовичу, относящихся к 1833–1834 гг. Это письма «раннего» Гоголя, к тому же написанные в условиях крайнего душевного неустройства и напряженного поиска себя. Однако в них оказались видны «хвостики» не только его личных настроений, но и некоторых установок, имевших хождение среди малороссийского дворянства.

Стремительный, буквально за два года, взлет Гоголя к известности (которую ему принесли «Вечера на хуторе»), повлек за собой нелегкие поиски молодым человеком себя. Особенно тяжелыми были 1833 – начало 1834 г. Это был конфликт мечты и действительности. Государственная служба (о которой он мечтал) с ее специфическим бюрократическим характером, не пришлась ему по душе. Прослужив около полутора лет, Гоголь оставляет службу и по протекции П.А. Плетнева устраивается преподавателем истории в Патриотический институт.

Увлечение стариной дает выход эмоциям молодого Гоголя, нередко испытывавшего стесненность в средствах, живущего вдали от дома, да еще в промозглом петербургском климате, который он так невзлюбил. Он изучает народные песни (малороссийские, галицкие, великорусские, западнославянские), читает исторические сочинения о Сечи (например, «Запорожскую старину» И.И. Срезневского). История увлекает Гоголя. И прежде всего история родного края. «Теперь я принялся за историю нашей единственной, бедной Украины. Ничто так не успокаивает, как история», – пишет он М. Максимовичу. «Мне кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, что до меня не говорили». Свои планы он раскрывает А.С. Пушкину: сначала написать историю Украины и юга России, а затем и всеобщую¹⁷. Для этого читает летописи, собирает любые материалы, которые могут помочь в работе.

«Я рад всему, что ни появляется о нашем крае», – это уже из письма И. Срезневскому¹⁸. Гоголь всей душой рвется в Киев, где намеревается занять кафедру всеобщей истории в создаваемом в Киеве университете Святого Владимира, первым ректором которого позже был назначен его друг, профессор ботаники Московского университета Михаил Максимович. Причем преподавать хочет именно историю всеобщую. «Я с ума сойду, если мне дадут русскую историю», – пишет он Максимовичу, а когда тот удивился, почему он не хочет преподавать русскую историю, Гоголь пояснил, что «должность должна быть утешением, а она – тягостью», и предмет «меня не будет занимать»¹⁹. В письме к матери (от 18 декабря 1833 г.) он подробней разъясняет это: предметом такого рода работы следовало скорее избрать «Малороссию, которую я знаю, нежели страны и людей, которых я не знаю ни нравов, ни обычаев, ни занятий»²⁰.

Итак, дело упиралось, прежде всего, в знание того, о чем собираешься писать или говорить. А добросовестное отношение к предмету было для Гоголя непременным условием творчества. По воспоминаниям же современников (скажем, П.В. Анненкова), молодой Гоголь «не обладал тогда необходимою многосторонностью взгляда. Ему недоставало еще значительного

количества материалов развитой образованности». Гоголь и сам рассказывал, как Пушкин советовал ему лучше знать то, о чем берешься судить, дал «порядочный выговор» и «крепко побранил» за «легкомысленный приговор Мольеру»²¹.

С середины 1833 г. Гоголь уговаривает Максимовича ехать в Киев. «Бросьте в самом деле кацапию, да поезжайте в гетманщину. Я сам думаю то же сделать и на следующий год махнуть отсюда. Дурни мы, право, как рассудишь хорошенько. Для чего и кому мы жертвуем всем. Едем! Сколько мы там насобираем всякой всячины! Все выкопаем... Итак, вы поймаете еще в Малороссии осень. Благоухающую, славную осень со своим свежим неподдельным букетом». «Туда, туда! В Киев! в древний, в прекрасный Киев! Он наш, он не их, не правда? Там или вокруг него деялись дела старины нашей», – продолжает он убеждать товарища²².

Гоголь хочет купить в Киеве домик. Петербургский климат становится все нестерпимее, «душа сильно тоскует за Украиной», и он настойчиво торопит Максимовича ехать в Малороссию: «...ради всего нашего, ради нашей Украины, ради отцовских могил, не сиди над книгами. Долой все. Меньше готовиться и “работать с плеча”»²³. По мере того, как улетучивались надежды на получение кафедры, а Максимович все не ехал в Малороссию, Гоголь впадал в отчаяние: «...влюбился же в эту старую толстую бабу Москву, от которой, кроме шей и матерщины, ничего не услышишь», – упрекает он друга²⁴.

Киевский университет, открытый в 1834 г., задумывался властями как форпост в борьбе за умы, лояльность и идентичность населения Юго-Западного края (Правобережья, но, в известной степени, и Левобережья тоже) – борьбы против колонизации и засилья там польскости, борьбы за его руссификацию. Кстати, сам Гоголь прекрасно осознавал сложившуюся ситуацию и понимал необходимость деполонизации края. Об этом можно судить хотя бы на основании тех же писем к Максимовичу, где он говорит про Киев – «он наш, он не их» – то есть, он русский, а не польский²⁵. «Русский» в широком и подлинном значении этого слова, где под «русскостью» понимается также и «малорусскость» как ее региональная раз-

новидность. Кстати, именно такое понимание было присуще и российским чиновникам, стремившимся деполонизировать край и вернуть его к русским первоистокам.

Поэтому требования к преподавательскому составу нового университета предъявлялись серьезные. И хотя у Гоголя имелись «зацепки» среди людей, способных повлиять на его назначение (в том числе высокопоставленных чиновников), оно в конечном счете не состоялось. На вакантное место нашлись более подходящие кандидатуры (Гоголю все же предлагалась работа в Киеве, но читать он должен был курс русской истории, и занимать менее высокую должность, на что он не согласился). И надо заметить, что чиновники, отвечавшие за подбор кадров (и прежде всего, попечитель Киевского учебного округа Е.Ф. фон Брадке), оказались правы. Летом 1834 г. преподавательскую работу Гоголь все же получил – правда, не в Киевском, но зато в столичном, Петербургском, университете, и по всеобщей истории, которой он и хотел заниматься. Но, несмотря на успех отдельных лекций, в целом его преподавательская работа оказалась неудачной, причины чему крылись в личности Николая Васильевича и в том, что ученым, по складу характера и ума, он не был.

Итак, внутренний творческий кризис и карьерные затруднения (конфликт запросов и возможностей) вывели Гоголя из равновесия, и у него с досады прорвались некоторые штампы (вплоть до терминологических), усвоенные им из среды, из которой он происходил. Больше в его письмах ничего подобного уже не было. Весьма показательную эволюцию Гоголя отражает его отношение к Москве. Если в 1834 г. в досаде он отозвался о ней как о «толстой старой бабе», то уже в 1836 г. он называл ее «старой столицей моей родины», которую в чужой земле он оберегает «как святыню»²⁶. А потом были и другие признания в любви к Москве и москвичам. И вообще Гоголь Москву любил (как и Рим), видя в них города древних культур, в противовес нелюбимым Парижу и Петербургу, как городам космополитическим и воплощениям бездушной цивилизации.

Но помимо личных обстоятельств, на промелькнувшие тени настроений повлияли и причины иного характера, порожденные

опять же идейной жизнью Малороссии второй половины XVIII – начала XIX в. и представлениями казачьей старшины.

Как уже говорилось, интеграция казачьей верхушки в российские социальные и политические структуры шла успешно, особенно быстро в последней трети XVIII в. Но процесс этот имел свои нюансы, то ускоряясь, то замедляясь, в зависимости от того, как понимали эту интеграцию и в столице, и «на местах» и какой хотели ее видеть. Вопрос, как и всегда, упирался в принципы взаимоотношений элиты страны и местной правящей верхушки, в основе которых всегда лежит определенный компромисс, хотя роли у обеих сторон принципиально разные. Если центральная элита выступает в роли дающего, то региональная – обретающего. Ибо только в приобретении или закреплении каких-либо прав, преимуществ или возможностей, которые может дать центр, региональная верхушка усматривает свой интерес от интеграции.

Позиция одной социально значимой части малороссийского общества – духовного сословия – была определенной и последовательной и заключалась в твердом представлении о единстве Русской православной церкви, Российской державы и русского народа. Эти взгляды уходили корнями в церковную, историческую и политическую традицию обеих частей Руси (Западной и Восточной) и особенное развитие получили в первые десятилетия XVII в., в ходе острой полемики православной общественности Речи Посполитой с католиками и сторонниками унии. Именно тогда историческая память о государственном, церковном и этническом единстве Руси там оформляется в политическую и идеологическую концепцию общерусского единства народа («русского», «славянорусского», «православно-русского» и т.д.), всей Руси-России под скипетром православного московского царя. Политическим воплощением этих настроений и концепций стали просьбы гетмана запорожского казачества Криштофа Косинского к царю Федору Ивановичу и малороссийского духовенства во главе с архиепископом (впоследствии митрополитом) Исайей Копинским и киевским митрополитом Йовом Борецким, а также гетмана Войска Запорожского Петра Сагайдачного к царю Михаилу Федоровичу о

принятии Малой Руси, ее народа и казачества в российское подданство. Венцом чуть позже как раз и стала Переяславская Рада, зафиксировавшая пророссийские симпатии народа (благодаря которым все попытки пропольских и протурецких группировок в казачьей верхушке отдать Малую Русь под Польшу или Османскую империю окончились провалом).

Именно православное духовенство традиционно являлось носителем таких взглядов. Их не смогло поколебать даже проявившееся во время и после Переяславской Рады нежелание ряда киевских иерархов разрывать с Польшей и переходить из юрисдикции Константинопольского патриархата в патриархат Московский.

И именно в православной среде наибольшее распространение получил «Синописис» киевского монаха Иннокентия Гизеля, где прямо говорилось о едином «славяно-российском народе», проживающем в Великой и Малой Руси, единых же православных государей и церкви²⁷. Поэтому интеграция малороссийского духовного сословия (а через проповеди и пастырскую деятельность – и прихожан) произошла очень быстро, уже в конце XVII – начале XVIII в., и наиболее безболезненно.

Несколько по-иному обстояло дело со светской правящей группой – казачьей старшиной. У нее имелись собственные корпоративные интересы, чуть позже оформившиеся в концепцию политико- и культурно-исторического плана. Истоки казачьей идеологии уходили еще ко временам Речи Посполитой, когда ведущим движущим мотивом казачьих мятежей было желание получить те же права и вольности, что и шляхта (особенно католическая). Казачество, пребывавшее в сословной социально-политической системе польского государства, а отчасти и воспитанное на ее принципах и идеалах (особенно это относилось к тем его представителям, которые происходили из шляхты), восприняло установки этой системы и пронесло через войны и смуты XVII в., постепенно формируясь как сословная группа.

Добиваться вождеденных казачьих прав и привилегий, а затем и права стать правящей группой в крае (в котором прежняя польская сословная и административная система была уничто-

жена), получить экономические и социальные права прежней знати казачество продолжало и после присяги на верность русскому царю в условиях Российского государства. Ориентиром были цели как собственно казачьего происхождения (когда отстаивались интересы институтов, созданных этим сословием, и само это сословие преподносилось как законный управитель края), так и социокультурные образцы шляхты времен Речи Посполитой. Правда, последние были распространены в меньшей степени и стали постулироваться на более позднем отрезке времени, уже в середине XVIII в.

Борьба за собственный статус определяла взгляды казачества (в первую очередь старшины) на Россию, Малороссию и самих себя. Важную роль при этом играл автономный характер Гетманщины, которую представители старшины считали своей вотчиной, стремились утвердить свое положение как единственной господствующей силы в регионе, и потому видели в имперских властях конкурента. Особенно если усматривали в политике Центра стремление ограничить их аппетиты и защитить от старшинского произвола простой народ. Отсюда – от сословных социальных и политических устремлений и отложившихся с польских времен стереотипов и идеалов социально-политического устройства – и проистекали все автономистские устремления казачьей старшины. В 1760-х годах эта группа насчитывала примерно 2-2,5 тысячи взрослых лиц мужского пола²⁸.

Время от времени предпринимаемые российскими властями попытки ограничить автономный статус Гетманщины и ввести элементы общегосударственных институтов у большей части старшины ассоциировались с покушением на ее собственное положение и вызывали неудовольствие. Тем более что корпоративный статус оставался неурегулированным. Отсутствие легитимности как настоящей элиты края хорошо осознавалось казачьей верхушкой.

Несмотря на то, что в казачестве имелось определенное количество потомков шляхты (ее представители состояли в нем и до 1648 г., но особенно их число выросло в ходе восстания Хмельницкого), это сословие, поднявшее мятеж против закон-

ного короля, силой захватившее власть в крае и занявшее место «настоящего» хозяина – магнатов и шляхты, продолжало оставаться в двусмысленном положении. Русское дворянство и власти страны, которые все больше становились выразителем именно дворянского сословия, не видели в казачьей верхушке равного себе партнера и законного владельца края и, к тому же, не в полном объеме признавали их экономические «завоевания». Стремление оформиться как социальная группа и «доказать» свои права на особый социальный (а не просто служебный) статус, на положение элиты и легитимного представителя интересов края, подталкивали работу мысли. Наиболее полно последняя воплотилась в так называемых казацких летописях и других близких к этому жанру произведениях («Летописях» Самовидца (Р. Ракушки-Романовского), Г. Грабянки, С. Величка, «Скарбнице» И. Галятовского и сочинениях ряда других авторов)²⁹. В них ярко проявились все концепции, взгляды (на себя, на историю, на Россию), отражавшие социально-политические взгляды этой группы.

Так, в большей части летописей, составленных представителями казачьей старшины, присутствуют положения, которые призваны были подчеркнуть независимое происхождение этой социальной группы от России и русской знати, и вместе с тем убедить других (и самих себя) в законности занимаемого ею социального и политического положения, в равноправности с русским правящим классом и даже большей привилегированности и «благородности» по сравнению с ним. Например, в них подчеркивалось неславянское (степное) происхождение запорожских казаков, внимание акцентировалось на «кривдах» и «несправедливостях», которые московские и петербургские власти чинили казакам. О Переяславской Раде и переходе под государеву руку в них в целом говорилось как о радостном для народа (прежде всего, имелся в виду, конечно, «казачий народ», т.е. казачество) событии, однако сословные интересы хорошо видны и тут. Скажем, ряд летописцев намекает, что все это было изменой законному (польскому) монарху. Хотя на самом деле «измена» была результатом не Переяславской Ра-

ды, а казацкого мятежа, который уже затем перерос в народную войну и привел к неизбежности отделения от Польши.

Но самым ярким свидетельством «своего» понимания Рады (и собственных интересов) является подробное описание условий, на которых состоялось присоединение, постоянное упоминание о «правах» и «вольностях», полученных казаками и старшиной (заметим, именно ими, а не всем малороссийским народом)³⁰. Кстати, эти живучие установки – о правах, дарованных казакам, а потом отнимаемых и попираемых поляками, – проникли и на страницы произведений Гоголя, где речь идет о казачьей истории, например, в той же первой редакции «Тараса Бульбы».

Понятно, что разные авторы, в зависимости от времени, личных взглядов, положения и т.д., расходились в оценке тех или иных событий, равно как России и своего круга. Чем больше сближались социально-экономические интересы украинской старшины и российского дворянства, чем более интегрированным в общероссийский политический и культурный контекст оказывался ее представитель; чем ближе человек был к православно-церковному пониманию проблемы, тем слабее звучали автономистско-казачьи мотивы и отношение к себе как к особому «казачьему» народу. Были и исключения, например «Краткое историческое описание» И.И. Квитко, в котором сугубо казачье видение истории уступает линии, созвучной киевскому «Синописису»: «Малая Россия есть часть Российского государства, заключающая в себе древние Российские княжества... Государи Российские многократно имели попечение освободить свои области из рук чуждых (польских. – *А.М.*), но тщетно»³¹. Это произведение отражало и уже само формировало взгляды тех малороссов, которые (как упоминавшийся Безбородко) считали структуры Гетманщины ненужным пережитком и выступали за скорейшую и полную интеграцию Малороссии, а полем своей деятельности считали все российское пространство.

Но большая часть старшины продолжала держаться за институты автономии, видя в них свои гарантии. Стоит отметить, что забота о собственном статусе (пусть и в виде автономист-

ских настроений) по своей сути тоже являлась одной из форм интеграционных устремлений казачьей старшины – только не напрямую, а через собственные структуры. Именно таким путем они старались закрепиться в российском социуме. Показательно, что авторы казацких летописей подчеркивали верность престолу и государству, причем делали это вполне искренне, ибо об отделении и тому подобном казачья старшина (за исключением единиц) и не помышляла. Опять же показательно, что молодой Гоголь в своих набросках об истории и тех самых письмах к Максимовичу, в которых призывал его «бросить кацапию» и «ехать в гетманщину», как о само собой разумеющемся говорит о присоединении Малороссии к России, как совершившемуся раз и навсегда («совершенно слилась с Россией»), и относится к этому вполне благожелательно. И в культурно-национальном русско-польском споре за Киев занимает недвусмысленную позицию, а чуть ранее отбрасывает вторую часть своей фамилии как «придуманную поляками»³².

Примерно с 1760-х годов некоторая часть казачьей старшины, понимая непрочность своего статуса, начинает отходить от сословно-казачьей идеологии, стремясь отождествлять себя со шляхтой польских времен³³, что, по их мнению, помогло бы оформиться как правящей группе. В основе идеи шляхетства лежал тезис о договорных отношениях монарха и таковой группой (согласно польской традиции, называвшейся политической нацией), обладающей правом представлять интересы своего «отечества», и которой теперь стал «казачий народ» с «его» Гетманщиной – Малороссией. Тогда же, в начале второй половины XVIII в., пошла и традиция в старшине выводить свои роды из польской шляхты³⁴. Впрочем, положение о договорных отношениях неизменно присутствовало и раньше как один из краеугольных камней идеологии казачьей.

Политические демарши, проекты, которые время от времени выработывали представители старшины, базировались на той самой идеологии Гетманщины как «своей» коллективной собственности. После распространения административных и политических институтов империи на Малороссию (при сохранении ряда местных особенностей, например, судебных, еще

на несколько десятилетий и дольше) и инкорпорации ее правящего сословия в российское дворянство (со всем комплексом прав), идеология казачье-шляхетского автономизма утрачивает свои побудительные мотивы и идет на спад. К началу XIX в. она превращается в некое воспоминание, симпатии к дедовской старине, а для некоторых – и позабытый романтический идеал, исходную позицию для открытой или скрытой критики современности, что нередко случается с утраченной стариной. Хотя представление о том, что имперские структуры должны дополняться местными правовыми и административными практиками (скажем, наличием казачьего войска) существовали еще довольно долго³⁵, время от времени оживляясь.

Оживление, опять-таки, было связано с борьбой за собственный дворянский статус – коллективный или индивидуальный. А надо заметить, что подтверждение дворянского статуса для многих казачьих родов было сопряжено с трудностями и нервотрепкой. Российские власти отказывались признавать дворянами многие тысячи лиц неблагородного происхождения.

Кстати, история семьи Гоголей тоже может служить иллюстрацией запутанности и двусмысленности происхождения многих малороссийских дворянских фамилий. Линия родства их семьи с дальними предками времен Хмельницкого и Руины носит во многом легендарный характер, и в прямой преемственности между ними и ближайшими предками Николая Васильевича имеются сомнения³⁶. Зато принадлежность к духовному сословию (по отцовской линии) начиная с его прапрадеда Ивана прослеживается хорошо. Духовную линию оставил лишь только дед писателя, Афанасий Демьянович, пошедший на гражданскую службу в гетманскую администрацию, где дослужился до чина полкового писаря.

В круг малороссийской старшины род Гоголей (тогда еще носивших фамилию Гоголи-Яновские) попал благодаря выгодной женитьбе Афанасия Демьяновича на дочери Семена Семеновича Лизогуба. Лизогуб был *бунчуковым товарищем*, т.е. входил в число самых влиятельных и богатых представителей казачьей старшины. Процессы социально-имущественного размежевания в казачестве, которое в результате восстания

Хмельницкого заняло место правящей группы в Малой Руси и закрепилось в качестве таковой именно благодаря сделанному в Переяславе выбору, т.е. присоединению к России, активно шли уже во второй половине XVII в. Уже при Хмельницком вокруг гетмана начало складываться его ближайшее окружение – «войсковые товарищи». С 1680-х годов казачья верхушка оформилась в особую социальную группу – значное (знатное) войсковое *товарищество*, закрепившую за собой административные должности в Гетманщине.

Процессы расслоения не миновали и ее: с 1720-х годов товарищество приобрело трехуровневую структуру. Самой высшей прослойкой стали *бунчуковые товарищи* (полковники, генеральная и полковая старшина). Подчинялись они напрямую гетману, минуя местную администрацию. Второй уровень составляли *войсковые товарищи* (сотники, старшие представители администрации), они подчинялись Генеральной войсковой канцелярии – высшему административному органу автономии. И, наконец, третий уровень составляли *значковые товарищи*, занимавшие должности низшей полковой старшины и канцеляристов. Согласно реестру 1763 г., бунчуковых товарищей насчитывалось 221 человек, войсковых – 329 и значковых – 722 человека³⁷. Всего же 1272 человека представляли малороссийскую знать (тогда еще не являющуюся дворянством). Среди дальних предков Гоголя был и полковник Василий Танский (его дочь стала женой того самого Семена Лизогуба, прадеда Николая Васильевича)³⁸.

Женитьба позволила деду Гоголя выйти в отставку в чине секунд-майора. Однако, несмотря на такое родство и улучшение социального статуса, род Гоголей в число знатных и богатых не выбился. Но в данном контексте более важным является то, что полной ясности с родословной Гоголей (а вместе с этим и их статуса, имущественных прав и претензий) все же не наступило. Отсылки к принадлежности их предков к шляхте времен Польши и апелляции к королевским грамотам выглядели сомнительно. А факт принадлежности своей семьи к духовному сословию Афанасий Демьянович скрывал, как и многие его «коллеги»-земляки, находившиеся в аналогичной ситуации³⁹.

Православное духовенство Малой Руси, а затем и Гетманщины, хотело иметь статус, аналогичный тому, которое имело католическое духовенство польских времен. Оно обладало некоторыми экономическими привилегиями, однако в политической жизни Гетманщины (за исключением единиц) участия не принимало и к правящей группе края не принадлежало. Старшина не хотела конкуренции не только извне – со стороны Петербурга, но и изнутри – от других желающих заполучить привилегированный статус. Дети духовенства, не пожелавшие принимать сан, записывались в казаки. Лишь дети протоиереев с 1757 г. получили возможность вступать в число значковых товарищей, но это обстоятельство положения и статуса духовенства не меняло⁴⁰.

В 1784 г. подтвердил свое «благородное происхождение» и Афанасий Демьянович – причем не по линии Лизогубов-Танских, а именно по линии Гоголей-Яновских. А вместе с этим – и права на наследственные владения, пожалованные не кем иным, как королем Яном Казимиром. Что и было записано в его дворянской грамоте, а сам род был занесен в родословную дворянскую книгу Киевского наместничества. Позже, в середине 1830-х годов, т.е. уже при жизни Николая Васильевича, вопрос о социальном происхождении (и прочих сопутствующих этому проблемах) вновь всплыл на поверхность.

И если сомнения в прошлом и желание преподнести его (себе, окружающим и тем, кто ведал утверждением и подтверждением благородства происхождения) в более выгодном свете, а то и подделать его, наблюдались в семействе Гоголей (хотя, по крайней мере, по одной из линий, с точки зрения амбиций старшины/дворянства, там все было безупречно), то что можно сказать о тех представителях казачьей старшины, а позже – малороссийского дворянства, которые вели свое истинное происхождение от духовенства, казаков и даже крестьян? Подтвердить свой социальный статус и имущественные права принадлежностью к шляхте в доказачьи времена эти люди не могли. А если подтверждения и были, то смена социального статуса на казачий могла породить ненужные (с точки зрения претендентов на дворянский статус) сомнения среди проверяю-

ших. Под вопросом мог оказаться даже статус тех, кто принадлежал к наиболее видным и богатым родам Гетманщины.

Поэтому кампания по приобретению дворянства действительно изобиловала взятками, подтасовками и фальсификациями. Подделывались генеалогии и гербы, отыскивались подложные предки из шляхетских и магнатских родов или иностранцев⁴¹. Пик проверок пришелся на самый конец XVIII в. – на 1795 г. Ко всему прочему, правительство склонялось к тому, чтобы права на дворянство получили лишь те представители малороссийской знати, которые служили в гражданских и военных структурах империи; претензии же тех, кто занимал должности в органах бывшей гетманской автономии, – оставлять без удовлетворения (даже если они принадлежали к семействам более богатым и известным, нежели первые)⁴². Так, генерал-губернатор М. Кречетников докладывал Сенату о многочисленных нарушениях при составлении дворянских списков, по причине которых туда, помимо прочего, попало 22 702 человека из податных сословий. Из них, в конечном счете, имеющими права на дворянство было признано 12 597 человек, а оставшимся 10 105 отказано. «Дамоклов меч» висел и над теми, чье «благородное» происхождение было подтверждено и раньше, и теперь, многие из них вели тяжбы, например, за освобождение от тех или иных повинностей⁴³.

Страх за возможность потерять положение вызвал ответную реакцию: немало представителей малороссийских родов обратились к подзабытой автономистской идеологии, занялись «доказательством» (уже известным путем) своих «извечных» прав и вольностей и своей «самости» вообще – и личных, и корпоративных. Следствием стал рост интереса к прежним памятникам казачьей политической мысли и создание (помимо выпуска разных петиций и меморандумов) новых, главным из которых является «История Русов».

Проблема получения дворянского статуса занимала умы потомков казачьей старшины всю первую треть XIX в. Конечно, с течением времени и по мере того, как они добивались желаемого, эта проблема ослабевала. 20 марта 1835 г. указом Николая I право потомственного дворянства получили все пред-

ставители и потомки высших кругов казачьей старшины⁴⁴. Однако борьба за права не только привлекала внимание к истории (в ее казачьей трактовке), но и оживляла автономистские установки, в том числе взгляд на Малороссию как особое образование с казачьим (позднее, малороссийским) «народом», поддерживала дух оппозиционности Петербургу, впрочем, не выходящий за довольно умеренные границы обычного фрондерства. К тому же, вызванного досадными задержками на пути полной инкорпорации малороссийских региональных элит в русское правящее сословие.

Казачьи летописи и «История Русов» выполняли двойную роль: с одной стороны, они отражали бытующие в определенной среде взгляды и настроения, а с другой, служили мощным средством их формирования и распространения. Содержавшиеся в них представления об особом народе (казачьем, малороссийском, под которым, опять же, имелось в виду именно казачье сословие и особенно его знатная верхушка), наличие у них «прав и вольностей», перечисления «обид», нанесенных российской властью, моральная ответственность за «малое отечество» – Малороссию становились теми мифами, на которых держалась идеология казачьего автономизма (и которые позже были взяты на вооружение уже идеологией украинского национализма и сепаратизма), оседали в сознании образованных людей.

Вот в такой идейной атмосфере формировался и молодой Гоголь. Родившись в Малороссии, принадлежа к малороссийскому дворянству, а позже общаясь с земляками в столице, он не мог оставаться вне бытовавших среди довольно значительного круга лиц подобных взглядов. Обращение к истории Малой Руси (или, как он стал писать, ознакомившись с подобной литературой, «бедной нашей Украине»), помимо личного интереса, вполне отвечало современности: отчасти по указанным выше причинам, отчасти как общее увлечение народной историей в духе идей романтизма.

Приступив к изучению истории (сначала, естественно, малороссийской), Гоголь еще больше погрузился в казачью идеологию и мифы. Как и все тогдашнее малороссийское (и рос-

сийское тоже) общество, знаком он был и с «Историей Русов». Таким образом, зная контекст тех лет, распространенные идеи и представления близкой ему по происхождению среды, не вызывают удивления и те производные от казачьей идеологии штампы, которые Гоголь в минуту расстройств воспроизвел в письмах к Максимовичу.

Другим весьма ярким и более выпуклым проявлением, нежели брошенные в досаде слова (часть из которых, кстати, вполне мог сказать в схожей ситуации и великоросс, особенно «оппозиционно настроенный»), стало общение Николая Васильевича с польскими эмигрантами.

Давняя борьба Польши и Руси-России в XIX в. из непосредственного противостояния государств перешла в борьбу умов, идеологий и идентичностей, причем одним из главных театров этой борьбы стала Малороссия и ее население. Одним из главных принципов польской пропаганды, настойчиво прививаемых антироссийски настроенными польскими деятелями малороссиянам (и позже перенятых украинским националистическим движением), стал тезис о малороссах и великороссах как о совершенно разных народах, с разным происхождением, культурой и моралью. Причем «москалям» отказывалось даже в праве на принадлежность к славянству, чем «доказывалась» их «неполноценность», по сравнению с «истинными славянами» – поляками и «Русью» (под которой имелись в виду малороссы).

Эта пропаганда была направлена на укрепление польских культурных и политических позиций в Малороссии (и прежде всего на Правобережье) – т.е. «польскости», что должно было привести к ее отрыву (сначала культурно-национальному, а затем и политическому) от России. Своей конечной целью деятели польского движения полагали восстановление независимой Польши, в состав которой вошли бы малорусские и белорусские земли, т.е. создание новой Речи Посполитой в границах 1772 г.

Важно подчеркнуть, что поляки старались использовать все, что помогло бы им в их борьбе. И в первую очередь они принялись оживлять почти угаснувший дух казачье-шляхетского

автономизма, перерабатывая старые мифы сообразно собственным целям и текущему моменту. Время польско-малорусского сожительства в Речи Посполитой изображалось «золотым веком» Польши и Руси, временем братства двух единокровных народов, которое нарушалось лишь по причине досадного недопонимания. Все моменты недовольства казачьей старшины политикой Москвы или Петербурга поляками раздувались и изображались не корпоративным стремлением добиться тех или иных социально-экономических и политических выгод, а национально-освободительной борьбой украинского (малороссийского) народа против России и русских.

Взоры польских реваншистов обратились на две социальные группы малороссийского общества: крестьянство и дворянство и дворянскую (а со второй половины века – разночинную) интеллигенцию. Попытки польских бар «перевоспитать» крестьянство (как напрямую, так и через украинофильство) провалились: народ помнил, кто на протяжении веков был его врагом, а кто – другом. А вот в привилегированной среде их пропаганда, особенно задрапированная в казачье-шляхетские одежды «самости» и «антимосковства», имела большой успех. Особенно настойчиво идеи казачьего (а позже украинского) автономизма начали поддерживаться и культивироваться поляками после поражения их восстания 1830–1831 гг.

Как и многие малороссы, Гоголь тоже не избежал участи стать объектом польской обработки. Он стал мишенью тем более завидной, что был знаковой фигурой в русской общественной и культурной жизни и одним из самых известных литераторов. Так, польский эмигрант Юзеф Залесский в письме к Франтишеку Духинскому писал о своем пребывании в Париже в 1837 г. и беседах «со знаменитым русским поэтом» Гоголем. В этих беседах также принимал участие А. Мицкевич, известный польский поэт и видная фигура в польском национальном движении. Разговоры велись вокруг «национального вопроса», а именно о славянах и русских и о «финскости» «москалей». По словам Залесского, Гоголь благожелательно слушал польскую «версию» этногенеза в Восточной Европе и соглашался с утверждениями о финском происхождении великороссов. Он

даже читал им некую свою статью, посвященную как раз этому вопросу, и даже сравнивал славянские песни с русскими, находя бросающиеся в глаза «отличия в духе, обычаях и в моральности» великороссов от других славянских народов.

Как видим, Залесский все же относил великороссов к славянам, хотя и называл великорусскую песню «дикой» и «нередко каннибальской». Услышав подобные высказывания Гоголя, Мицкевич и Залесский были очень обрадованы. Однако даже если его польский собеседник и не присочинил и не выдавал желаемое за действительное, пропаганда успеха не имела. К своему огорчению, полякам пришлось констатировать, что такие мысли у Гоголя (если и были) не задержались, и вскоре он утвердился в совершенно противоположных взглядах и выступал как «защитник Царя и Православия»⁴⁵.

Заметим, что рассуждения о «финскости» русских хорошо укладывались в рамки появившихся в эти годы псевдонаучных теорий, которые служили, говоря современным языком, важным элементом психологической войны поляков против России и русскости, борьбы за сознание и идентичность малороссиян и одновременно средством для формулирования польскости (от противного) и культурной и политической мобилизации самих поляков. Тот самый Духинский, которому адресовал свое письмо Залесский, как раз и являлся одним из главных «конструкторов» теории «финского» происхождения русского народа и полного этнического и культурного различия между великороссами и малороссами. Подобные «учения» среди польской интеллигенции встречались с восторгом⁴⁶.

Несколько позже, в марте – июле 1838 г., в Риме состоялся еще один раунд общения Гоголя с поляками. Его собеседниками оказались польские эмигранты-миссионеры, участники восстания 1830–1831 гг. И. Кайсевич и П. Семененко. Попытка воздействовать на образ мыслей писателя была предпринята и в этом случае. И хотя тактические цели польских собеседников были на сей раз несколько иными, стратегические оставались теми же. Если Мицкевич и Залесский хотели привить Гоголю польский взгляд на русско-малорусско-польскую проблему и на Россию, то Кайсевич и Семененко прямо намеревались об-

ратить Гоголя в католичество, что уже означало бы его разрыв не только с русскостью, но и с малорусскостью. Но в любом случае взгляд Гоголя на проблему соотношения и взаимоотношений русской, малорусской, и польской идентичностей был бы одинаков, что при «жестком», что при более «мягком» варианте подпадания под польские чары.

Кайсевич и Семененко также были близки кругу Мицкевича, а кроме того, пользовались поддержкой католички княгини З.А. Волконской: она хотела обратить в римскую веру своего сына и ничего не имела против обращения Гоголя, для чего и организовала их встречу. Но не только проблемы веры затрагивались в ходе этих бесед. Говорили опять о славянстве, России, Польше. Как и Залесский, новые собеседники Гоголя были довольны общением, отмечая, что тот «выказал большую склонность к католицизму и к Польше», и находя у того немало «очень светлых мыслей», многие из которых, по собственному признанию, смогли ему внушить они. В отношении России – негативные, а в отношении польской культуры, польского духа и языка – позитивные. «Он хорошо видит, что нет цемента, который связывал бы эту безобразную громадину. Сверху давит сила, но внутри нет духа», – с удовольствием отмечал Семененко⁴⁷.

Однако после отъезда из Рима Волконской (в мае), а затем и Гоголя (в июле), общение прекратилось, как если бы его и не было. Задача миссионеров оказалась невыполненной: католиком Гоголь не стал. Наоборот, чуть позже от представлений в духе некоего «христианского космополитизма», которые он разделял в тот период, не считая (в отличие от поляков) профессиональные различия чем-то существенным⁴⁸, Николай Васильевич пришел именно к православному миропониманию. Именно в православии он увидел истинный путь познания Бога, а вместе с этим и нашел ту духовную скрепу, ту изначальную основу, которая соединяла воедино всю «громаду» России, наполняя ее существование духом и смыслом.

Оказало ли общение с поляками на Гоголя влияние? Беседы с представителями польской католической культуры и знакомство с их точкой зрения на историю и культуру России и Ма-

лороссии, на мировоззрение Гоголя и на понимание им прошлого, настоящего и будущего повлияли, дав новый внешний толчок его раздумьям и поспособствовав пониманию столь важных проблем. Но как показало дальнейшее, если такое воздействие и имело место, то способствовало оно формированию мировоззрения Гоголя в направлении, прямо противоположном тому, какого хотели бы его польские собеседники. Ну а если брать художественную составляющую (а для настоящего художника любое жизненное впечатление или образ не проходят бесследно), то соприкосновение Гоголя с польской католической культурой отозвалось не в его жизни, а в творчестве, в жизни его литературных персонажей, в частности, героев второй редакции «Тараса Бульбы».

Но как соотносятся с тем, что, возможно, говорил Гоголь полякам, с казачьими взглядами и стереотипами, имевшимися в малороссийском дворянстве помимо их польской трактовки? Надо заметить, что в тот период видение Гоголем отечественной и мировой истории в некоторых моментах было если и не тождественно польским концепциям, то имело с ними внешнее созвучие. И вклад прежней казачьей идеологии был тут далеко не последним.

В основе исторических построений Гоголя тех лет (скажем, «Взгляда на составление Малороссии»⁴⁹) лежит постулат о противоположности исторических путей России и Европы. В Европе – сильная власть папства, единство и цельность, всепроникающий дух, соединяющий Европу воедино. Тот самый дух борьбы и единения, наличие которого он усматривал в польском движении и который уважал (что нравилось полякам, хотевшим в этом видеть преклонение Гоголя перед Польшей и польскостью). Мотив единства усматривает он и в Великом княжестве Литовском. На Руси же – раздробленность, отсутствие единства и цельности – и в исторические, и в более поздние времена. Исключение – народное единство времен Отечественной войны 1812 г., перед которым Гоголь преклонялся, как перед идеалом народного и государственного состояния. К православию он тогда еще не пришел, а потому пока и не видел его всепроникающего значения в жизни Руси-России. Есть

в его размышлениях и мотив о смешении славян в Великороссии с «народами финскими», тогда как на юге (и в Польше) этого не было.

Однако подобные взгляды на Россию и Европу были распространены и в российском обществе. А понимание истории малороссов и великороссов, как различающейся на протяжении длительного времени, вообще имеет под собой реальное историческое обоснование: под влиянием внешних факторов, в условиях разных государственностей, они действительно с какого-то времени шли несхожими путями и приобрели известную специфику (хотя общего у них даже тогда оставалось больше). Такой взгляд Гоголь сохранил и потом, но, в отличие от зарождавшегося украинофильства и его польских «наставников», тогда он главное внимание стал акцентировать не столько на обусловленных историей различиях, сколько на том, что общего у малороссов и великороссов было неимоверно больше, что это – части «одной души», которые должны слиться. Что же касается вопроса о значительной и даже решающей роли «финской примеси» в этногенезе великорусского народа, то подобные взгляды в XIX в. бытовали и вне связи с польскими «теориями», а просто из-за тогдашнего уровня знаний, которым располагала историческая наука (к слову сказать, во времена Гоголя находившаяся еще в начале своего становления)⁵⁰.

Но дальше речь заходит о временах малороссийского казачества, которое Гоголь, вполне в духе казачьей идеологии, понимает как «целый народ, набросивший целый характер и, можно сказать, колорит на всю Украину». Именно оно стало на пути мусульманских народов, «грозивших поглотить Европу», предстало одним из «замечательных явлений европейской истории», похожим на западноевропейские ордена. Хотя к казачеству Гоголь, в отличие от многих казачьих летописцев, а позднее, и украинофилов, относился гораздо объективней, указывая на их нравы и жестокость.

Но как же быть с «российскими» казачествами, которых, к тому же, было больше? Они тоже сдерживали «азиатско-магометанский» напор, и сами переходили в наступление, отодвигая «басурманский» мир от границ христианского. Ведь с

исторической точки зрения Запорожье составляло не что-то уникальное, а просто одну из частей казачьего пояса Русского (и христианского в целом) мира, православную сторону большого восточно-европейского степного фронта. Почему же, рассуждая об истории, Гоголь не вспомнил о донских, волжских, яицких, гребенских казаках, а к «замечательным явлениям европейской истории» отнес одних запорожцев и – шире – казаков малороссийских? Да именно потому, что такой взгляд был свойственен малороссийской казачьей старшине (из которого выросло дворянство) на самих себя и свое место в мире и истории.

В соответствии с таким самоощущением дается и портрет «казачьего народа», «набросившего свой характер» на всю Малороссию. А по сути, заслонившего собой всю историю и бытность Малой Руси, которая не сводится к одному казачеству. Его черты – вольность, лихость, неприятие угнетения и наличие «прав», которые сохранились и после присоединения к России. Этим оно разительно отличается от великороссов, чья история была полна тяготами и унижениями, к которым народ во многом привык и покорился. Причем касалось это не только простонародья, но и к великорусской знати и дворянства, обязанных служить государю и государству.

Стоит отметить и еще один момент, в котором ясно ощущается влияние идеологии казачьей старшины: упомянутые вольнолюбивые черты были свойственны именно казачеству (и шляхетскому сознанию), а не малороссийскому народу, который испытывал гнет даже больший, нежели народ великорусский.

Но и здесь, во взгляде на великороссов, присутствуют не только казачьи стереотипы, построенные по принципу противопоставления: «свое» (свобода и права) – «другое» (несвобода и несправие), но и бытовавшие в самой русской среде воззрения на свое прошлое, особенно допетровских времен (во многом перенятые из Европы и под ее влиянием).

Основой послужили рассмотренные выше отголоски казачье-шляхетской мифологии и воспоминания об «идеальных» временах казачьего автономизма. Казачья идеология ушла в прошлое, хотя ее отголоски и настроения (на которые намекала

Смирнова), резко оживленные «Историей Русов», продолжали поддерживать некий дух «самости» и оппозиционности среди некоторого числа представителей малороссийского дворянства и нарождавшейся интеллигенции. Позже эти идеи, усиленные «светлыми мыслями» в духе упомянутых теорий, которые польские «наставники» прививали своим малороссийским «ученикам», легли в основу зарождающегося украинофильства, в конце века переродившегося в украинство.

Возвращаясь к Гоголю, отметим, что не «История Русов» и не стереотипы казачье-шляхетской идеологии, не говоря уже о польском национализме, сформировали личность Гоголя. Эти идеи он перерос, оставил в молодости, как старый поношенный сюртук. Постоянное самообразование, изучение истории уже не по казачьим памфлетам и летописям и прочим «лоскуткам какого бы то ни было вздору» (как однажды охарактеризовал Гоголь свой прежний круг источников⁵¹), а по другим, более серьезным; более глубокое погружение в российскую общественную жизнь; частое и длительное пребывание за границей, где этнические особенности мало- и великороссов сглаживались в еще большей степени, чем в России, и проживавшие или гостившие в Европе россияне воспринимали друг друга просто как русских; а главное, духовное самосовершенствование, внимание к жизни, к сути человеческой истории, стоящей много выше корпоративных, групповых и прочих преходящих интересов, – все это помогло ему отойти от сословно-политических и идеологических мифов старшинской среды и произведений вроде «Истории Русов».

В его письмах рефреном звучали темы русскости и православного понимания России, а на свет появилась вторая редакция «Тараса Бульбы». Несмотря на то, что она была посвящена запорожским казакам и их борьбе против Польши, собственно казачьей идеологии там уже не было. Более того, в ней четко (насколько это позволяли рамки литературного, а не публицистического произведения) прозвучали идеи, созвучные уже новой, национальной, эпохе, а по идейному направлению продолжавшие малороссийскую идею общерусскости, укорен-

ненную в православном сознании, но исторически присущую также и сознанию светскому.

Путь духовного развития гоголевской души и осмысления им проблем идентичности – Малороссии, России и своей собственной – выходит за рамки данной работы. Важно отметить лишь одно. Конец первой трети XIX в. ознаменовал начало постепенного прихода эры национализма, в основе которой лежала политизация прежнего романтического увлечения «народом», с его этнографией и культурой. В малороссийских условиях это привело к постепенному оформлению двух идейных и ментальных течений: малорусского и украинофильского. Последнее направление восприняло все идейные установки казачье-шляхетской идеологии и особенно «Истории Русов», дополненных польским «вкладом», и главной целью положило формирование особой, украинской и, в конечном счете, «нерусской» национальной идентичности. Поэтому выбор, сделанный Гоголем совершенно осознанно, после раздумий над историей и современностью, был особенно важен в условиях нарождающейся эпохи, в которую вступили Россия и Малороссия.

¹ А.О. Смирнова и Н.В. Гоголь: письма к Гоголю Смирновой, 1844–1851 гг. / сообщ. В.И. Шенрок // Русская старина. 1888. Т. 60, октябрь–декабрь. С. 133–134.

² Манн Ю.В. Гоголь. Труды и дни, 1809–1845. М., 2004. С. 18–19.

³ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Письма. Т. 10. М., 1940. С. 173.

⁴ Манн Ю.В. Указ. соч. С. 15.

⁵ Евдокимов Р. Днепровские казаки Тулы в первой половине XVII столетия: особая группа служилых людей Московского государства // Российская история. 2015. № 5. С. 26–42.

⁶ Кочегаров К.А. К истории пребывания в России гетмана П.Д. Дорошенко в 1676–1685 годах // Славяноведение. 2013. № 2. С. 20–22, 26, 28.

⁷ Харламович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. С. 409; Цыпин В. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). М., 2007. С. 81.

- ⁸ *Козут З.* Коріня ідентичности: студії з ранньомодерної історії України. Київ, 2004. С. 62–63.
- ⁹ *Манн Ю.В.* Указ. соч. С. 33–35, 149.
- ¹⁰ Киевская старина. 1898. Т. 62. С. 122–123.
- ¹¹ Дмитрий Прокофьевич Трошинский, 1754–1829 // Русская старина. 1882. Т. 34, июнь. С. 678.
- ¹² *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 142.
- ¹³ *Марчуков А.В.* Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время. М., 2011. С. 87–90.
- ¹⁴ А.О. Смирнова и Н.В. Гоголь: письма к Гоголю Смирновой (1844–1851). С. 133–134, 153.
- ¹⁵ См., например: *Вересаев В.В.* Гоголь в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников. М., 1990. С. 528–529; *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 214–220.
- ¹⁶ *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1940. С. 235–238 («Ночь перед Рождеством»); *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 171–173.
- ¹⁷ *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 284, 291.
- ¹⁸ Там же. С. 290–291, 470.
- ¹⁹ Там же. С. 319, 323.
- ²⁰ Там же. С. 188.
- ²¹ *Вересаев В.* Указ. соч. С. 145.
- ²² *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 273, 288.
- ²³ Там же. С. 326–328, 337–338.
- ²⁴ Там же. С. 301.
- ²⁵ *Воропаев В.А.* Гоголь и «русско-украинский вопрос» // Московский журнал. 2002. № 1. С. 12; *Звиняцковский В.Я.* Историческое ядро «Миргорода» в свете художественно-мифологических установок XVIII – первой трети XIX вв. и документированной истории Украины. «Тарас Бульба» и «История Русов» // Н.В. Гоголь: материалы и исследования. Вып. 2. М., 2009. С. 293–294.
- ²⁶ *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т. 11. М., 1952. С. 43–44.
- ²⁷ Мечта о русском единстве. Киевский Синописис (1674). М., 2006.
- ²⁸ *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. С. 136–137; *Козут З.* Указ. соч. С. 49–50.
- ²⁹ *Флоря Б.Н.* Формирование новой социальной элиты украинского общества (вторая половина XVII – первая треть XVIII веков) и два ее идеолога // Славяноведение. 2014. № 2. С. 26, 29, 33; *Лукашова С.С.* Культурное пограничье: «свои» и «чужие» в казацком летописании XVIII в. // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 45.
- ³⁰ Подробнее см.: *Лукашова С.С.* Указ. соч. С. 45–48.

- ³¹ *Квитка И.И.* Краткое историческое описание о Малой России до 1765 г. с дополнением о Запорожских Козаках. М., 1848. С. 1.
- ³² *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1952. С. 35; «Да превратится он (Киев. – А.М.) в русские Афины, богоспасаемый наш город!».
- ³³ *Когут З.* Указ. соч. С. 50–54.
- ³⁴ *Лазаревский А.И.* Сведения о предках Гоголя // Памяти Гоголя: науч.-лит. сб. Киев, 1902. С. 10.
- ³⁵ *Когут З.* Указ. соч. С. 67, 68.
- ³⁶ *Манн Ю.В.* Указ. соч. С. 13.
- ³⁷ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 28; *Когут З.* Указ. соч. С. 47–48.
- ³⁸ *Золотуский И.Г.* Гоголь. 6-е изд. М., 2007. С. 8–9.
- ³⁹ *Манн Ю.В.* Указ. соч. С. 12.
- ⁴⁰ *Когут З.* Указ. соч. С. 36, 129.
- ⁴¹ *Ефименко А.* Малороссийское дворянство и его судьба // Вестник Европы. 1891. № 8. С. 562; *Ульянов Н.И.* Указ. соч. С. 137–139;
- ⁴² *Когут З.* Указ. соч. С. 73–75.
- ⁴³ *Миллер Д.* Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии: превращение малороссийской старшины в дворянство // Киевская старина. 1897. № 3. С. 354–368.
- ⁴⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 10, отд-ние 1. С. 254–255.
- ⁴⁵ *Лященко А.* Украинофильство Гоголя (свидетельство Богдана Залеского) // Литературный вестник. 1902. № 5. С. 66–67.
- ⁴⁶ *Щеголев С.* История «украинского» сепаратизма. М., 2004. С. 46–48.
- ⁴⁷ *Вересаев В.* Указ. соч. С. 217–220.
- ⁴⁸ *Манн Ю.В.* Указ. соч. С. 512–513.
- ⁴⁹ *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 41.
- ⁵⁰ Так считалось просто по причине того, что на части территории Великороссии до прихода славян, а на периферии – и после, проживали угро-финские племена (а ряд народов до сих пор живет либо на периферии русского этноса, либо чересполосно с ним, и среди них также идут ассимиляционные процессы). Однако ввиду своей малочисленности и более низкого уровня социальной организации, культуры и численности, угро-финский вклад в культуру, политическую систему Северо-Восточной Руси и русский язык практически отсутствует (в отличие, скажем, от тюркского влияния на центральную Украину и украинский язык). Согласно современным данным антропологии и генетики, вклад финно-угорских народов в великорусский генофонд, хотя и имел место и оставил свой след (особенно на периферии русского ареала), но не стал сколько-нибудь существенным фактором при формировании

великорусской народности (опять же, в отличие от тюркского вклада в народность украинскую).

Так, угро-финский субстрат, полученный в результате ассимиляции этих племен славянскими племенами, а затем и великороссами (причем отнюдь не только в раннем средневековье), присутствует в великорусской популяции не повсеместно (в основном на восточных и северо-восточных окраинах Русской равнины) и в скрытом виде. Великороссы, так же, как и белорусы, малороссы, поляки, восточные немцы, литовцы, являются носителями восточноевропейского генофонда, о чем свидетельствует преобладание гаплогруппы R1aY-хромосомы у мужской половины популяции. Кстати, та же гаплогруппа преобладает и у мужчин некоторых финно-угорских народов, что свидетельствует о довольно древнем родстве восточноевропейских и ряда финно-угорских народов и общем для них восточноевропейском расовом типе.

Утверждение о преобладании у великороссов «угро-финской крови» является не более чем политическим мифом (или заблуждением). И уж тем более надуманным является утверждение (имеющее примерно то же происхождение) о «монгольском» и «тюркском» вкладе в русский генофонд. И, наконец, ничего уничижительного в наличии финно-угорской составляющей в популяции (как и любой другой у какого бы то ни было народа) и якобы вытекающей из этого «славянской» (да и прочей) неполноценности русских, нет. См.: Баранов С.Д., Конов Д.В. Русская нация. Современный портрет. М., 2009. С. 153, 299–301, 309, 315.

⁵¹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 298–299.

Литература

- Баранов, С.Д. Русская нация. Современный портрет [Текст] / С.Д. Баранов, Д.В. Конов. М.: Миттель Пресс, 2009. 536 с.
- А.О. Смирнова и Н.В. Гоголь [Текст]: письма к Гоголю Смирновой, 1844–1851 гг. // Русская старина. 1888. Т. 60, июнь. С. 125–147.
- Вересаев, В.В. Гоголь в жизни [Текст]: систематический свод подлинных свидетельств современников. М.: Моск. рабочий, 1990. 640 с.
- Гоголь, Н.В. Полное собрание сочинений [Текст]. Т. 1. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. 556 с.
- Гоголь, Н.В. Полное собрание сочинений [Текст]. Т. 8. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 816 с.

- Гоголь, Н.В.* Полное собрание сочинений [Текст]. Т. 10. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. 540 с.
- Гоголь, Н.В.* Полное собрание сочинений [Текст]. Т. 11. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. С. 484.
- Квитка, И.И.* Краткое историческое описание о Малой России до 1765 г. с дополнением о Запорожских Козаках [Текст]. М.: Имп. о-во истории и древностей российских, 1848. 56 с.
- Киевская старина [Текст]. 1898. Т. 62. С. 62–63.
- Лященко, А.* Украинофильство Гоголя (свидетельство Богдана Залеского) [Текст] // Литературный вестник. СПб., 1902. Т. IV, кн 5. С. 66–68.
- Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674) [Текст] / предисл. и подгот. текста О.Я. Сапожникова и И.Ю. Сапожниковой. М.: Европа, 2006. 248 с.
- Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 2. Т. 10, отд-е 1. СПб.: тип. П Отд-ния С.Е.И.В. Канцелярии, 1836. С. 922.
- Дмитрий Прокофьевич Трощинский, 1754–1829 [Текст] // Русская старина. 1882. Т. 34, июнь. С. 641–682.

-
- Воропаев, В.А.* Гоголь и «русско-украинский вопрос» [Текст] // Московский журнал. 2002. № 1. С. 12–15.
- Звиняцковский, В.Я.* Историческое ядро «Миргорода» в свете художественно-мифологических установок XVIII – первой трети XIX вв. и документированной истории Украины. «Тарас Бульба» и «История Русов» [Текст] // Н.В. Гоголь: материалы и исследования. Вып. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 289–307.
- Евдокимов, Р.* Днепровские казаки Тулы в первой половине XVII столетия: особая группа служилых людей Московского государства [Текст] // Российская история. 2015. № 5. С. 26–42.
- Ефименко, А.* Малорусское дворянство и его судьба [Текст]: ист. очерк // Вестник Европы. 1891. № 8. С. 515–569.
- Золотусский, И.Г.* Гоголь [Текст]. 6-е изд. М.: Молодая гвардия, 2007. 485 с.
- Козут, З.* Коріня ідентичності [Текст]: студії з ранньомодерної історії України. Київ: Критика, 2004. 352 с.
- Кочегаров, К.А.* К истории пребывания в России гетмана П.Д. Дорошенко в 1676–1685 годах [Текст] // Славяноведение. 2013. № 2. С. 17–33.

- Лазаревский, А.И.* Сведения о предках Гоголя [Текст] // Памяти Гоголя: науч.-лит. сб. / под ред. Н.П. Дашкевича. Киев: ист. о-во Нестора-летописца, 1902. С. 3–12.
- Лукашова, С.С.* Культурное пограничье: «свои» и «чужие» в казачьем летописании XVIII в. [Текст] // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 34–52.
- Мани, Ю.В.* Гоголь. Труды и дни, 1809–1845 [Текст]. М.: Аспект Пресс, 2004. 813 с.
- Марчуков, А.В.* Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время [Текст]. М.: REGNUM, 2011. 294 с.
- Миллер, Д.* Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии: превращение малороссийской старшины в дворянство [Текст] // Киевская старина. 1897. № 3. С. 351–374.
- Ульянов, Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма [Текст]. М.: Индрик, 1996. 288 с.
- Флоря, Б.Н.* Формирование новой социальной элиты украинского общества (вторая половина XVII – первая треть XVIII веков) и два ее идеолога [Текст] // Славяноведение. 2014. № 2. С. 25–46.
- Харлампович, К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь [Текст]. Т. 1. Казань: Изд. кн. магазина М.А. Голубева, 1914. XXIV, 878, [2], LXVI с.
- Цытин, В.* История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005) [Текст]. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 2007. 832 с.
- Щеголев, С.* История «украинского» сепаратизма [Текст]. М.: Имперская традиция, 2004. 472 с.

Дж.Я. Рахаев

**ЦАРСТВА И КНЯЖЕСТВА ГРУЗИИ
В ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.***

В данной статье показан процесс включения царств и княжеств Грузии в состав Российской империи в первой половине XIX в. В случае с Картли-Кахети российское правительство пошло путем скорейшего установления общеимперских институтов губернского управления. Напротив, в отношении западно-грузинских владений российские власти широко опирались на местные административно-судебные практики. Исключительно важное значение грузинских элит для реализации геополитических интересов России на Кавказе категорически требовало ускоренной кооптации грузинского общества в административно-политическое, правовое и культурное пространство империи. Показано, что грузинские элиты, став неотъемлемой частью российского имперского проекта первой половины XIX в., сумели вырваться из исторического тупика конца XVIII в., преодолеть замкнутость средневековых политий и, в конечном счете, перейти к формированию качественно иной идентичности – национальной.

Ключевые слова: *Российская империя; Картли-Кахетинское царство; Имеретинское царство; Гурийское княжество; Мегрельское княжество.*

J. Ya. Rakhaev

**KINGDOMS AND PRINCIPALITIES GEORGIA
IN EASTERN POLICY OF RUSSIA
IN THE FIRST HALF OF XIX CENTURY**

This article shows how to enable kingdoms and principalities of Georgia into the Russian Empire in the first half of the XIX century. In the

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-14001а(ц).

case of Kartli-Kakheti, the Russian government has gone through the early establishment of empire-wide institutions of the provincial administration. On the contrary, in relation to the West-Georgian possessions Russian authorities widely relied on local administrative and judicial practice. Extremely important for the implementation of the Georgian elite of Russia's geopolitical interests in the Caucasus categorically demanded accelerated co-optation of the Georgian society in the administrative and political, legal and cultural space empire. It is shown that the Georgian elite, becoming an integral part of the Russian imperial project of the first half of the XIX century, were able to break out of the historical impasse of the XVIII century, to overcome the isolation of the medieval polity, and go to the formation of a qualitatively different identities – national.

Key words: *Russian Empire; Kingdom of Kartli-Kakheti; Imereti kingdom; Gurian principality; principality of Mingrelia.*

С конца 1770-х годов важное место в восточной политике России занимал грузинский вопрос. Под Грузией в международной дипломатии XVIII–XIX вв. понималось Картли-Кахетинское царство, занимавшее центральное место на Южном Кавказе. Важное географическое положение царства предопределило его геополитическое значение: османо-иранское соперничество за этот регион Кавказа не прекращалось с начала XVI в. После утверждения на Центральном Кавказе Российская империя напрямую соприкасалась с Картли-Кахетинским царством. В этой связи, чрезвычайную важность приобретали вопросы сотрудничества и взаимодействия с кахетинской ветвью грузинской царской династии Багратионов. В условиях сложного международного положения и острого внутривосточного кризиса кахетинские Багратионы стояли перед необходимостью выбора между соседними государствами-соперниками. Перед лицом постоянной османо-персидской экспансии, грозившей национальной независимости Грузии, царь Ираклий II сделал такой выбор в пользу более могущественной и единой России.

24 июня 1783 г. был заключен Георгиевский трактат – «дружественный договор» о «покровительстве», по которому царь Картли и Кахети отказывался от всякой зависимости от Персии или иной державы и признавал над собой верховную

власть и покровительство России, которая, в свою очередь, ручалась за целостность и сохранение не только настоящих владений царя Ираклия II, но и обязалась оказать военнополитическое содействие в удовлетворении его территориальных претензий. Гарантируя Картли-Кахетинскому царству защиту от врагов, Россия ограничивала его внешнеполитическую функцию. Это выразилось в обязательстве не иметь никаких сношений с соседями «без предварительного соглашения» с главным пограничным начальником и аккредитованным при картли-кахетинском царе российским «министром». Договор сохранял за Ираклием и его наследниками права на престол и гарантировал Багратионам полную внутреннюю автономию. Однако право инвеституры грузинских царей, занимавших престол по праву наследования, предоставлялось российским императорам.

Картли-Кахетинское царство

В конце XVIII в. в Картли-Кахетинском царстве среди многочисленных претендентов на престол развернулась острая династическая борьба. Намереваясь преодолеть внутривнутриполитический кризис, престарелый Ираклий II изменил порядок престолонаследия: по предложению своей последней супруги Дареджан Дадиани, он издал два закона: в 1791 г. закон о престолонаследии и в 1792 г. о разделении царства на уделы. Закон о престолонаследии отменял установившийся порядок наследования от отца к сыну и восстанавливал архаичный порядок наследования к старшему в роде брату. Кончина Ираклия II 11 января 1798 г. ознаменовала очередной виток политического противоборства грузинских элит.

В соответствие с актом престолонаследия 1791 г., ставшего известным в политической культуре Грузии как «завещание Ираклия», Картли-Кахетинское царство наследовал Георгий – сын Ираклия II от брака с Анной Абашидзе. Дареджан и ее дети Юлон, Парнаоз, Вахтанг и Мириан категорически отказались признавать права Георгия на трон. Осенью 1800 г. Юлон

обращался с письмом к императору Павлу I с просьбой расследовать междоусобие в царской семье и утвердить царство за тем, кому следует¹.

Стремясь предотвратить смуту, Георгий XII стремится заручиться покровительством России, тем более что по Георгиевскому договору ему необходимо было получить инвеституру. Воспользовавшись этим, он стал одновременно домогаться признания наследником своего сына Давида, что и было сделано Павлом I в виде так называемой «утвердительной» грамоты.

Грамотой Георгия XII грузинскому посольству в Санкт-Петербург прямо предписывалось донести до Павла I волю тяжело больного царя: «Царство и владение мое отдайте непременно и по христианской правде и поставьте его не под покровительство Императорского Всероссийского престола, но отдайте в полную его власть и на полное его попечение так, чтобы отныне царство Грузинское было в империи Российской на том же положении, каким пользуются прочие провинции России. Затем, нижайше представьте императору Всероссийскому, чтобы, принимая царство Грузинское в полную свою власть, он обнадеежил бы меня Всемилостивейшим письменным обещанием, что достоинство царское не будет отнято у дома моего, но что оно будет передаваться из рода в род, как при предках моих».

Среди 16 пунктов, представленных на высочайшее усмотрение, следует обратить особое внимание на пункт, формулировавший династические права Багратионов: «...чтобы Георгий XII был оставлен, а по нем и наследники его на престоле с титулом царей, добровольно подвергши себя и царство подданству Всероссийской империи, и иметь им, царям, главное в своем царстве правление по тем законам, как от Всевысочайшего двора даны быть имеют. От себя же им без особого повеления никаких узаконений не вводить».

Рассмотренное в Коллегии иностранных дел прошение грузинских посланников было одобрено Павлом I 19 ноября 1800 г. Коль скоро сам грузинский царь просил о включении царства на правах одной из «прочих провинций», то император решил принять Грузию в подданство России с преобразованием царства в губернию и с назначением в ней губернатором

одного из царевичей – с титулом грузинского царя. Между тем 28 декабря 1800 г. царь Георгий XII после продолжительной болезни скончался. Картли-Кахети стал управлять царевич Иоанн с помощью *мдиванбега* (придворного советника) князя И. Туманишвили и генерала И.П. Лазарева². Вскоре в Тбилиси вернулись грузинские послы с рескриптом Павла I об одобрении «просительных пунктов» Георгия XII³. Решение российского императора привело к обострению распри среди грузинских царевичей.

В соответствии с § 2 «просительных пунктов», царский титул оставался за наследником Георгия – Давидом. 15 января 1801 г. Давид приступил к управлению царством. Стремясь укрепить свое положение, Давид широко практиковал награждение угодных ему лиц поместьями, отнятыми у противников, опасно обостряя и без того сложную внутривластную ситуацию в стране⁴.

В конце января 1801 г. старшие царевичи Юлон, Вахтанг и Александр уведомили российские власти в Грузии о своем категорическом непризнании наследственных прав Давида и намерении его свергнуть. Планируя привлечь на свою сторону лезгинские и азербайджанские войска, а также имеретинское войско, царевичи в конечном счете хотели добиться изгнания российских войск из Грузии⁵. Российско-грузинские войска под командой генерал-майора Гулякова и царевича Иоанна предупредили вооруженное выступление старших царевичей⁶.

Однако вскоре Павел I круто сменил свои намерения относительно Грузии. Не дождавшись утверждения грузинской стороной переданного ей рескрипта, 18 декабря 1800 г. он подписал манифест «О присоединении Грузинского царства к России». Обнародование манифеста в Тбилиси происходило 16 и 17 февраля в церквях, на площадях и улицах на русском, грузинском, армянском и азербайджанском языках. Манифест устанавливал полное подданство Грузии, династические права Багратионов фактически упразднились. Тем самым Картли-Кахетинское царство окончательно утрачивало последние атрибуты своей независимости и низводилось до уровня окраинной провинции.

Тем временем российский трон после цареубийства 12 марта 1800 г. занял Александр I. Император оказался в затруднительном положении относительно окончательного решения грузинского вопроса. В этой связи 19 апреля 1801 г. командующему войсками Кавказской линии генерал-лейтенанту К.Ф. Кноррингу было поручено обследовать обстановку в Восточной Грузии и представить отчет со своим заключением в Санкт-Петербург. Кнорринг прибыл в Тбилиси в конце мая 1801 и уже 28 июля 1801 г. сумел подготовить отчет, основной вывод которого сводился к следующему: «Внутреннее и внешнее положение сей страны таково... что с едиными силами своими не может она ни противостоять властолюбивым притязаниям Персии, ни отразить набеги облажащих ее горских народов»⁷. К.Ф. Кнорринг считал необходимым приступить к скорейшему и полному присоединению Грузии к России.

Первым мероприятием К.Ф. Кнорринга в Тбилиси явилось отстранение от занимаемой должности царевича Давида, «самодержавие» которого в конце мая 1801 г. упразднилось. По указанию Кнорринга было создано временное управление в составе: князя З. Бараташвили, С. Туманишвили, Э. Туманишвили, И. Чолокашвили и тбилисского мелика Д. Бебутошвили под председательством генерала И.П. Лазарева.

В августе 1801 г., в связи с отчетом и мнением К.Ф. Кнорринга, на Государственном совете состоялась дискуссия по поводу политического будущего Картли-Кахетинского царства. Оппонируя К.Ф. Кноррингу, граф А. Воронцов и граф В. Кочубей возражали против необходимости присоединения Восточной Грузии к России, резонно указывая на неизбежное увеличение расходов и осложнение международного положения на южных окраинах империи. Более того, сама идея присоединения была неправомерной: «Царствующая в Грузии фамилия не избирательным, а наследным образом царствует, следовательно... присоединение было бы насильно их наследному праву, над Грузией учиненному»⁸. Лучшим решением, по их мысли, было выполнение условий Георгиевского трактата: Восточная Грузия остается под протекторатом России, имперские войска

используются непосредственно для защиты границ Грузии. Однако Александр I всецело поддержал предложение К.Ф. Кнорринга.

12 сентября 1801 г. в Москве был обнародован манифест Александра I «О учреждении внутреннего в Грузии управления». В нем, в частности, грузинскому народу объявлялось: «Вникая в положение ваше, и видя, что посредство и присутствие войск Российских в Грузии и донныне одно удерживает пролитие крови Нам единовверных, и конечную гибель уготованную вам от хищных и неверных сопредельных вам народов, желали Мы... возстановить первое правление под покровительством Нашим и сохранить вас в спокойствии и безопасности. Но ближайшие по сему изследования наконец убедили Нас, что разные части народа Грузинскаго, равно драгоценные Нам по человечеству, праведно страшатся гонения и мести того, кто из искателей достоинства царского мог бы достигнуть его власти... Единое достоинство, единая честь и человечество налагают на Нас священный долг, вняв молению страждущих, в отвращение их скорбей, учредить в Грузии правление, которое могло бы утвердить правосудие, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона»⁹. Тогда же вышел и закон – «Постановление внутреннего в Грузии управления»¹⁰. Главноуправляющим Грузии (он же главнокомандующий) был назначен генерал-лейтенант барон К.Ф. Кнорринг, а помощником его – правителем Грузии – бывший уполномоченный Павла I при Георгии XII П.И. Коваленский.

9 апреля 1802 г. К.Ф. Кнорринг торжественно въехал в Тбилиси. 12 апреля 1802 г. состоялось торжественное объявление манифеста. Весь день звучал колокольный звон, русские и грузинские войска произвели салют из 101 выстрела¹¹. Вступление Картли-Кахетинского царства в состав России оформлялось присягой грузинского народа на подданство императору. Некоторые грузинские князья отказались присягать Александру I, вследствие чего были арестованы¹².

8 мая 1802 г. К.Ф. Кнорринг обнародовал волю государя относительно нового административного устройства Восточной Грузии. Образовывались уезды: Тбилисский, Горийский, Лорийский, Телавский, Сигнахский и Тушетский. Местное

управление поручалось особому органу – Верховному Грузинскому правительству, которое подразделялось на четыре «экспедиции»: исполнительную – с обычной функцией губернских управлений; казенную – для заведования финансовой и хозяйственной частью (два князя из Картли, два из Кахети); две судебные – одна для уголовных дел, другая для гражданских. Исполнительная экспедиция действовала по правилам губернских правлений, остальные же – на основании правил, установленных общим законодательством о статусе этих палат, но с теми отличиями, которые главноуправляющий и правитель (глава Верховного правительства) признали бы целесообразным ввести в соответствии с местными условиями.

В каждом уезде учреждался суд и управа земской полиции, с присвоением первым прав и обязанностей уездных судов, а управам – нижних земских судов. Причем уездный судья назначался из российских чиновников, а оба заседателя *мсаджули* – из грузинских дворян. В управе земской полиции заседали капитан-исправник из российских чиновников и два заседателя из грузинских дворян. Комендантом уездного города был непременно русский чиновник, а помощником – грузинский дворянин, но зато городским казначеем – *хазандаром* мог быть только грузинский дворянин. Кроме того, учреждалась медицинская управа.

Начальниками экспедиций Верховного Грузинского правительства назначались исключительно русские чиновники, что и стало символом новой административно-политической системы. Советники при экспедициях (*мдиванбеги*) назначались как из среды русских чиновников, так и из грузинских князей и дворян. Соотношение их определялось значимостью палаты: в исполнительной должности мдиванбеги делили поровну русские и грузины, в трех других она оставалась за грузинскими князьями.

В каждом городе Восточной Грузии: Тбилиси, Гори, Лори, Душети, Телави и Сигнахи, назначался комендант из русских военнослужащих и два полицмейстера-*нацвали* из грузинского дворянства. Каждому управителю провинции (*моурави*) назначались помощники из русских чиновников.

Все делопроизводство в учреждениях и в суде велось только на русском языке. Все высшие должности в государственных учреждениях занимали русские чиновники, не знавшие языков местных жителей и мало вникавшие в особенности грузинской политической культуры. Немногочисленные грузинские князья, привлеченные к управлению, не знали ни русского языка, ни российских законов. В Тбилиси переводчиков оказалось мало, а в провинциях их не было совсем. Согласно «Постановлению внутреннего в Грузии управления» от 12 сентября 1801 г., гражданское производство надлежало вести по законам царя Вахтанга (начало XVIII в.), а уголовное – по имперскому законодательству. Однако перевод необходимых частей законов Вахтанга, призванных служить руководством для российских судей, был сделан лишь... в 1824 г. (!). Совет Верховного грузинского правительства, формальный орган, собирался крайне редко и даже гипотетически был не в состоянии противодействовать расширяющемуся казнокрадству, взяточничеству и произволу.

Кахетинское дворянство восприняло манифест Александра I остро негативно. 25 июля 1802 г. сторонники царицы Дареджан собрались в урочище на речке Кельменчуро, близ с. Магаро, провозгласили Юлона царем Картли-Кахети и присягнули ему в верности. Извещая об этом императора Александра I, как верховного сюзерена, кахетинская знать просила государя о сохранении в Грузии царя из рода Багратионов: «Все кахетинские жители, духовные и светские, на колених стоя, просим у в. и. в. все милостивейшего покровительства. Все милостивейший государь! Когда мы присягали на верность в. и. в., тогда объявлен был нам высочайший манифест, в котором между прочим изображено, якобы мы донесли высочайшему двору, что царя не желаем иметь и будто без царя приступили мы под покровительство и верховное управление в. и. в. Сие бы уподоблялось французской республике! Наши цари перед нами никакой вины не сотворили и нам от них не для чего отрекаться. Более 1000 лет, как род Багратионов есть царственный; многие из них за Христа и за нас мучение приняли и кровь свою проливали, и мы при них умирали. Итак, от-

рицание от них не есть наше дело, а выдумка обманщиков; наше желание и просьба в том состоит, чтобы духовное завещание ознаменовавшегося великими подвигами на пользу отечества покойного царя Ираклия было утверждено, и по силе оног дан был бы нам царь, с которым оставались бы мы под высочайшим покровительством вашим и по мере сил наших употребили бы себя на службу в. в. Сего просим от в. и. в. с коленопреклонением и воздыханием»¹³. Письмо подписали 69 кахетинских князей.

Российское командование отреагировало незамедлительно: войска генерала Лазарева вошли в Кахетию, часть князей была арестована, большая – вынуждена эмигрировать. Ликвидация выступления кахетинской знати не привела и не могла привести к успокоению Грузии. Консолидация антироссийских сил, с активным участием персидской дипломатии, становилась все более явной. Непривычные методы управления, отсутствие способных и достойных чиновников и т.п. отнюдь не способствовали сближению населения с новой властью.

Ситуация в Восточной Грузии стала вызывать серьезные опасения в правительстве Александра I. В августе 1802 г. для ознакомления с деятельностью Верховного Грузинского правительства в Тбилиси прибыл коллежский советник А. Соколов. Результатом его доклада явился рескрипт Александра I от 8 сентября 1802 г., по которому новым главнокомандующим в Грузии, инспектором Кавказской линии и астраханским губернатором назначался генерал князь П.Д. Цицианов.

В начале февраля 1803 г. П.Д. Цицианов вступил в Тбилиси. Вскоре последовали важные административные реформы. Экспедиция уголовных и гражданских дел была объединена в новую структуру – экспедицию суда и расправы; в каждый уезд назначался окружной начальник, в подчинение которому переходили исправник, комендант и уездный суд; учреждалась должность уездного губернатора; назначался прокурор. Кроме того, местному населению позволялось подавать жалобы во все государственные учреждения на грузинском языке. Большое внимание Цицианов уделил кадровому вопросу. Выдача жалованья государственным служащим теперь происходила своевре-

менно, необходимые специалисты приглашались в расчете на повышение жалования, получение чинов и пенсий за выслугу лет.

Главный удар, призванный кардинально видоизменить всю политическую культуру грузинского общества, П.Д. Цицианов нанес по царскому дому Багратионов. Испросив соизволения Александра I, Цицианов проявил непреклонную волю в стремлении выселить всех Багратионов из Грузии. В течение 1803–1805 гг. все царевичи и царица Дареджан выехали в Россию – добровольно или под арестом. Последними, в апреле 1805 г., выдворялись царевичи Юлон и Парвоз – первый в Воронеж, второй – в Тулу. Кроме того, была выселена супруга Георгия XII, царица Мария, и царевич Багра́т. Значительная часть кахетинской знати (41 князь) во главе с царевичем Теймуразом, сыном Георгия XII, эмигрировала в Иран. Все члены отстраненного от власти царского дома получили особое место среди высшего сословия Российской империи. В 1804 г., т.е. в то время, когда процесс высылки картли-кахетинских Багратиони даже еще не был завершен, высочайше утвержденным протоколом Государственного совета царевичам, сыновьям грузинских царевичей, было разрешено пожизненно носить этот титул, дети же их и другие потомки были признаны в княжеском достоинстве и «таким образом... уважены наравне с первыми родами империи»¹⁴.

Грузинское дворянство получило право учредить свое общество. Каждый уезд имел право выбирать своего предводителя (*маршала*) сроком на три года. Принимая во внимание финансовые возможности грузинской знати, имущественный ценз для вступления в дворянское общество существенно снизили, что существенно повлияло на сословную консолидацию грузинской элиты. Первые дворянские выборы в Тбилиси и уездах состоялись 5 июня 1803 г. Первым губернским предводителем Восточной Грузии был избран Герсеван Чавчавадзе. Император одобрил эту кандидатуру.

Главноуправляющий Грузией П.Д. Цицианов сумел убедить правительство Александра I в целесообразности скорейшего привлечения грузинской аристократии на гражданскую и военную службу империи. Дети грузинских дворян получили

право поступления в кадетский корпус. Большая часть грузинского дворянства нашла применение в рядах народного ополчения при отражении лезгинских набегов.

Существенным достижением П.Д. Цицианова следует признать открытие в 1804 г. Тбилисского благородного училища, на содержание которого ежегодно из российского бюджета выделялось 10 тыс. руб. Первым директором училища стал священник Казанского мушкетерного полка Алексей Петриашвили (Петриев). Первые же выпуски Тбилисского благородного училища обогатили грузинское общество такими талантливыми государственными, военными и общественными деятелями, как Д. Чубинашвили, Д. Кипиани, Д. Миликишвили, Г. Орбелиани, Н. Бараташвили, Г. Эристов, М. Туманишвили и др. Заинтересованность в обучении дворянских детей существенно поощрялась правительством «денежным вознаграждением за посещение классов» независимо от имущественного ценза их родителей. Кроме того, благодаря усилиям П.Д. Цицианова, для грузинского юношества открылась возможность получения высшего светского образования: ежегодно 8 дворян поступали в Московский университет для обучения медицине. Содержание студентов шло за казенный счет.

Судебная реформа в Восточной Грузии выявила критическое несоответствие уровня правовой культуры средневекового грузинского общества и имперского правопорядка. «Колико препон в судопроизводстве, для них все ново, для нас все странно. Судья и проситель не понимают друг друга и оба остаются недовольными... Сколь не справедливо то уважение, что нужно когда-либо сближать нравы туземцев с российскими узаконениями, но, дабы успеть в сем предположении, я думаю, что законы должны изгибаться по нравам, ибо сии последние едиными веками преломляются», – писал П.Д. Цицианов¹⁵. «Множество судебных инстанций и множество форм и обрядов, созданных... для охранения... закона от всяких усмотрений и поползновений судьи, не имели никакой цены в глазах народа, для которого слово закон не имело никакого смысла и который привык повиноваться не закону, а лицу поставленному над ним фактом рождения», – писал специально занимав-

шийся историей гражданского управления Закавказьем в первой половине XIX в. В.Н. Иваненко¹⁶.

По-видимому, самой чувствительной мерой, призванной избавить грузинскую элиту от всяких иллюзий о восстановлении самодержавия Багратионов и юридически оформить переход грузин к прямому подданству, следует признать отмену моуравств. По обычаю, десятую часть всех государственных налогов, собранных с крестьян, моурави оставлял себе. Однако на практике моурави руководствовались не столько указаниями закона или обычая, сколько собственным усмотрением. Лишение грузинской знати такой привилегии, по мысли П.Д. Цицианова, следовало проводить весьма осторожно: «К уничтожению сих бесполезных и вредных чиновников (моурави. – *Дж.Р.*) я вижу только одно средство, которое, не огорчая здравомыслящей части дворянства, может со временем истребить моуравов, а именно: за всякое злоупотребление, по жалобе поселян, отрешать их от должности, не назначая никого на их место». Император внял доводам Главноуправляющего Грузией и высочайшим повелением от 29 января 1804 г. постановил: на места умерших моурави никого вновь не назначать¹⁷.

Принимая во внимание все вновь открывшиеся перед правительством трудности реорганизации управления Восточной Грузией, Александр I поставил перед П.Д. Цициановым вопрос о возможности... восстановления Картли-Кахетинского царства с династией Багратионов во главе, о чем сообщалось в письме императора П.Д. Цицианову от 8 июля 1804 г. Однако военно-политическая обстановка на южных границах и, главное, сама динамика развития кавказской политики империи делали столь крупный шаг назад невозможным.

В 1812 г. в Кахети фрондирующая знать при деятельном участии крестьянства подняла восстание, вскоре перекинувшееся и на Картли. В руках восставших оказались почти все города, готовился штурм Тбилиси. Во главе этого движения встали представители грузинской элиты – сначала царевич Григол Багратиони, а затем и царевич Александр¹⁸. Однако уже осенью 1812 г. российские войска нанесли повстанцам ряд чувствительных ударов. 26 ноября 1812 г. в результате крупно-

го поражения у деревни Манави силы восставших были окончательно подорваны. Кахетинское крестьянство, основной источник ресурсов восстания, к концу 1812 г. находилось на грани разорения, картли-кахетинская знать перешла на сторону имперского правительства. Кавказское командование сурово наказало виновных: 5 человек повесили, 29 – сослали в Сибирь, на крестьянские хозяйства была наложена контрибуция в размере 100 тыс. пудов зерна и 50 тыс. руб. серебром.

Расходы Верховного грузинского правительства возрастали с каждым годом. Для российского правительства постепенно становилось ясно, что механическое перенесение общеимперских институтов власти губернского уровня на территорию бывшего Картли-Кахетинского царства становится весьма обременительным для государственного бюджета. Тем не менее, геополитические интересы империи настоятельно требовали дальнейшего продвижения на Кавказ, поглощая и нивелируя иные вопросы, в том числе экономическую целесообразность присоединения новых территорий.

Назначение А.П. Ермолова в 1816 г. наместником Кавказа ознаменовало новый этап реализации геополитических интересов Российской империи – Кавказской войны (1817–1864). В 1818 г. кавказская администрация инициировала формирование корпоративного органа, призванного консолидировать грузинскую аристократию, лояльную российскому самодержавию, – Грузинское дворянское депутатское собрание. Основная функция собрания – выборы советников в местные административные институты – в первый же год работы была отягощена изучением сложных вопросов, прямо касающихся сословных прав грузинской элиты: подготовка родословных книг; составление списка князей и дворян по форме, утвержденной российскими законами; выявление подлинности царских грамот на тавадское и азнаурское достоинство; право владения именьями и проч. В дальнейшем список княжеских и дворянских родов Картли-Кахети проверялся Главноуправляющим Грузии и Герольдией Сената.

В 1822 и 1827 гг. актами российского правительства правовое равенство грузинской аристократии с княжеским и дворян-

ским сословием России было дополнительно подтверждено¹⁹. В 1830 г. в Картли-Кахетии и в Имеретинской области обнаружены поддельные грамоты грузинских царей на дворянское достоинство и права на имения. Для расследования этого дела срочно были созданы сразу две следственные комиссии – в Тбилиси и Кутаиси. Несколько позднее кавказская администрация учредила еще одну комиссию в Тбилиси, с привлечением чиновников министерств юстиции, финансов и внутренних дел²⁰. Предполагалось, что комиссия сумеет выявить и расследовать все фальшивые грамоты и, главное, разработает механизмы предотвращения подобных подлогов в будущем. Однако в этом случае следовало подтвердить подлинность практически всех документов, послуживших основанием для причисления тех или иных родов или лиц к высшему сословию Картли-Кахетинского и Имеретинского царств.

Главнокомандующий Грузией, Армянской областью, Астраханской губернией и Кавказской областью барон Г.В. Розен несколько остудил ревизионистский пыл членов комиссии: «Возможно ли... чтобы они (русские чиновники. – *Дж.Р.*) ... определили подлинность или фальшивость актов, писанных на языке, совершенно для них чуждом, на языке такого народа, коего история и древности не только неизвестны, но и для самих ученых еще недоступны»²¹. Правительство Николая I согласилось с доводами Розена и ограничилось документальными материалами, изученными предыдущими комиссиями. Вместе с тем, мораторий на присвоение грузинской элите новых княжеских и дворянских титулов, введенный вскоре после обнаружения фальшивых грамот, остался в силе.

9 декабря 1832 г. Иесэ Палавандишвили, брат грузинского гражданского губернатора Николоза Палавандишвили, донес властям «о существовании заговора для изгнания русских из Грузии»²², в котором он сам состоял. Следственная комиссия, специально назначенная Николаем I, практически сразу установила, что заговор образовался в среде грузинской молодежи Санкт-Петербурга и Москвы.

В 1825 г. в Санкт-Петербурге в доме князя Дмитрия Грузинского (сына царевича Юлона) собирались грузинские ари-

стократы – родственники картли-кахетинских Багратиони. Князь Дмитрий был инициатором дискуссий о деспотизме и свободе, ситуации в Грузии, административных ошибках российского правительства в Закавказье, и, в конечном счете, о праве грузинского народа на независимость²³. В 1826 г. подобное общество сформировалось в Москве вокруг царевича Окропира. В 1829–1832 гг. в Тбилиси складывается организация заговорщиков, объединившая представителей высшей грузинской аристократии, офицеров российской армии: Гиорги и Дмитрия Эристави, Григола, Мамуку, Луарсаба, Вахтанга, Александрэ и Дмитрия Орбелиани, Александрэ Чавчавадзе, Дмитрия Кипиани, Иванэ и Антона Абхазы, Теймураза Амилахвари, Заала Автандилашвили, Закари Чолокашвили, Иосеба Мамацашвили, Давида Джорджадзе, Иесэ Палавандишвили и других. Деятельностью общества руководили Элизбар Эристави, Александрэ Орбелиани и Соломон Додашвили.

Восстание в Польше в ноябре 1830 г. оказало решающую роль в эволюции политических настроений грузинской элиты: количество заговорщиков стремительно росло, политические цели восстания далеко превосходили интересы грузинского общества и предполагали теперь восстание населения всего Кавказа. Примечательно, что подавляющее большинство заговорщиков солидаризировались во мнении о том, что конечная цель восстания – автономия Грузии в составе Российской империи. Поддержание суверенитета грузинского государства в ситуации неизбежного геополитического противоборства с Османской империей и Ираном предполагало качественно иную ресурсную базу, недостижимую для традиционной грузинской экономики. Участник заговора, генерал Иванэ Апхазы, резонно считал, что вопрос об отделении Грузии от Российской империи уместно поднимать не ранее, чем по прошествии по меньшей мере 100 лет, когда Грузия окрепла бы и встала на ноги. Иначе она неминуемо снова оказалась бы жертвой агрессии соседних государств.

Подавление польского восстания в августе 1831 г. привело к резкому спаду повстанческих настроений среди грузинской

аристократии. К середине 1832 г. деятельность тбилисских заговорщиков приобрела черты литературного кружка²⁴.

Однако во второй половине 1832 г. бóльшая часть войск Отдельного Кавказского корпуса во главе с главнокомандующим бароном Розеном покинула Грузию и отправилась в экспедицию на Северо-Восточный Кавказ. Заговорщики сочли эту ситуацию наиболее удобной для начала выступления. Дата восстания постоянно переносилась, и в конечном счете остановились на 6 декабря 1832 г., когда в Тбилиси должны были пройти дворянские выборы. Предполагалось арестовать всех высших российских чиновников в Грузии, захватить казну, арсенал и магазины (военные продовольственные склады). Однако съезд дворянства перенесли на 20 декабря, соответственно перенесли и начало восстания. 9 декабря Иесэ Палавандишвили донес властям о готовящемся мятеже, и в самое короткое время все участники заговора были арестованы.

Правительство Николая I, принимая во внимание значение грузинской элиты для реализации геостратегических планов России на Кавказе, поступило с заговорщиками более чем милосердно. 78 человек были освобождены без всякого наказания, 38 человек (в том числе главные идеологи восстания – царевич Октопир и князь Дмитрий Грузинский) сосланы во внутренние губернии России. Спустя короткое время и они смогли вернуться в Санкт-Петербург, Москву и Тбилиси.

Вторая треть XIX в. стала новым этапом присоединения Кавказа, когда российские власти, наряду с силовым, обратились и к «административному» его покорению. Это – период подготовки масштабных преобразований системы управления российскими владениями в Закавказье. Начался он еще при главноуправляющем И.Ф. Паскевиче-Эриванском с работы сенатской комиссии под руководством Е.И. Мечникова и вылился в создание «Учреждения для управления Закавказским краем» от 10 апреля 1840 г., коренным образом изменившего всю структуру российской администрации на Кавказе в сторону ее максимальной «русификации» и централизации.

В конце первой половины XIX в. произошли серьезные изменения и в самой структуре российской администрации на

Кавказе. С образованием Грузино-Имеретинской губернии в 1840 г. была упразднена должность управляющего Имерети. В 1844 г. вместо главноуправляющего в Грузии Николай I учредил должность наместника Кавказского – главы всей администрации на Кавказе с неограниченными полномочиями и одновременно главнокомандующего имперскими войсками в регионе. Первым наместником стал М.С. Воронцов, англофил, богатый и независимый вельможа, успевший приобрести известность заметными успехами на посту генерал-губернатора Новороссии²⁵. По прибытии в Тбилиси, 25 марта 1845 г., наместник прославился фразой: «Ежели бы на Кавказе требовался Свод законов, то Государь бы прислал бы не меня, а Свод законов». Первые же военные мероприятия М.С. Воронцова на левом фланге Кавказской линии (печально знаменитая Даргинская экспедиция) наглядно показали наместнику ограниченность и пагубность восходящей к ермоловским временам военно-административной практики империи в регионе, в особенности в отношении горцев Северо-Восточного Кавказа. В этой связи особое значение для продвижения российского влияния в регионе имела грузинская элита. По мнению М.С. Воронцова, в условиях хронического кадрового голода кавказской администрации, многочисленные, широко известные своими воинскими традициями и династическими связями грузинские аристократы практически не имели альтернатив: «(Грузин. – *Дж.Р.*) не удивит и не остановит то, что русскому покажется странным и послужит препонами; он будет здоров, когда русский заболет, и вообще будет непременно действовать с одними средствами, но с гораздо большим успехом, нежели русский, хотя знающий один или два из здешних языков»²⁶.

Стратегия интеграции грузинского общества в имперское пространство, найденная и блистательно реализованная М.С. Воронцовым, кардинально отличалась и от волонтаризма А.П. Ермолова и от практики подкупа грузинской знати персидскими шахами и османскими султанами. Наместник сумел вовлечь грузинских князей и дворян в процесс «оцивилизации» (в понимании германского социолога Н. Элиаса²⁷). Первым же делом М.С. Воронцов решил в Тбилиси традицион-

ный карнавал (запрещенный русскими священниками из подозрения в язычестве), начал ремонтировать мостовые, открывать школы, устраивать балы, привез театр, но главное, щедро раздавал награды и должности. Медленно, но бесповоротно воронцовская стратегия меняла структуры повседневности и социального сознания грузинской знати.

В 1846 г. Кавказский комитет в ответ на многочисленные обращения тавадов и азнауров Восточной Грузии возобновил процесс инкорпорации грузинской элиты в благородное сословие империи. По представлению Воронцова Кавказский комитет поддержал формирование временной комиссии в Тбилиси для разбора прав картли-кахетинских князей и дворян. Планировалось, что комиссия составит поименный список всех лиц, принадлежащих к княжеским и дворянским фамилиям. Особое внимание уделялось фамилиям, указанным Ираклием II в приложении к Георгиевскому трактату, но по каким-то причинам не утвержденным в этом звании российским правительством. В конечном итоге, составленный комиссией список по согласованию с императором Николаем I Герольдия Сената внесла в российские родословные книги.

В 1846 г. российское правительство провело реформу административно-территориального деления на Кавказе, по которой территории бывших грузинских царств и большинства северо-азербайджанских ханств в этот период и немного позднее вошли в границы Кутаисской, Тифлисской, Эриванской (1849), Шемахинской губерний и Прикаспийского края (1847).

Имеретинское царство

В 1804 г. П.Д. Цицианов двинул российские войска к границе Имеретинского царства и фактически вынудил царя Имерети Соломона II подписать «Просительные пункты» о вступлении в российское подданство при условии сохранения в Имерети царской власти и автономного правления²⁸. После ввода российских войск в Западную Грузию, и, в частности, занятия ими Кутаиси, Соломон II, опасаясь ареста и высылки в

Россию, покинул свою столицу и вместе со всем двором переселился в крепость Вардцихе²⁹. При посредничестве османской дипломатии он попытался отказаться от российского протектората.

В начале 1808 г. генерал-фельдмаршал граф И.В. Гудович, сменивший П.Д. Цицианова на посту главноуправляющего в Грузии, получил высочайшее повеление об удалении Соломона II из Имерети, выселении его в Россию, преобразовании царства в Имеретинскую область и введении в ней временного правления³⁰. Однако в условиях войны с Османской империей реализацию этого плана было решено отложить. В январе 1810 г. российские власти поставили имеретинскому царю ультиматум: выполнение всех предыдущих условий или отстранение от власти³¹. После отказа Соломона II 20 февраля от имени очередного главноуправляющего генерала А.П. Тормасова жителям Имеретинского царства было объявлено о низложении их царя³². Боевые действия между российскими войсками и отрядами имеретинского царя продолжались меньше месяца, после чего Соломон II, не имея возможности дальше сопротивляться, сдался и был отправлен в Тбилиси.

После упразднения в 1810 г. Имеретинского царства члены отстраненной от власти имеретинской ветви рода Багратиони получили особое место среди высшего сословия Российской империи. С 1812 г. постановлением Комитета министров потомки имеретинских царевичей стали титуловаться князьями Имеретинскими, а потомки картли-кахетинских царевичей – князьями Грузинскими.

В марте 1810 г. главным представителем российской администрации в Западной Грузии полковником Симоновичем были составлены общие правила управления Имеретинской областью. По мнению Симоновича, следовало «оставить... имеретинский народ при своих обычаях... и управлять имеретинским народом по прежнему онаго обыкновению, исключая казней, противных кроткому российскому правлению... оставить всю Имеретию на том положении и при тех границах, как она была при означенном царе Соломоне, во избежание подобных неминуемых следствий, которые в Грузии и теперь еще встречаются»³³. Фактически Имерети должна была стать цар-

ством во главе с российским чиновником. Местный административный и судебный орган – *диван* сохранялся и расширял свой состав. Помимо четырех мдиванбегов и *мдиванов* (секретарей), в него должны были входить *бокаултхуцеси*, *мегвинетуцеси*, *хабазтхуцеси*. Начальником дивана назначался *сахлтхуцеси*.

С образованием Имеретинской области вся ее территория была поделена на четыре округа – Кутаисский, Рачинский, Сачхерский и Багдадский. Начальник каждого из этих округов – исключительно русский военный, имел при себе двух помощников из имеретинских тавадов или азнауров по выбору жителей, а также одного переводчика и двух писарей. Окружные начальники были первой судебной инстанцией – они решали мелкие споры, сумма иска по которым не превышала 50 руб. серебром. Более значительные дела подлежали рассмотрению в диване. При этом гражданские дела как диваном, так и российскими начальниками округов разбирались на основе сборника законов картлийского царя Вахтанга VI. Функции местных помощников начальников округов состояли в первую очередь в том, чтобы консультировать последних по вопросам применения тех или иных норм этого писаного законодательства или обычного права.

Российская администрация сохранила основные принципы комплектования местной администрации, существовавшие при имеретинских царях, – назначение на должности одних и тех же тавадских и азнаурских фамилий: на пост бокаултхуцеси тавадов Церетели, мегвинетуцеси – тоже Церетели и иногда азнауров Иоселиани, хабазтхуцеси – тавадов Нижарадзе, хевистави – Цулукидзе и Бараташвили. Практически незатронутым остался институт моурави, упраздненный административной реформой 1840 г. Впрочем, главным фактором, предопределившим затянувшееся функционирование местного административного аппарата, следует считать нехватку квалифицированных кадров. Особенно остро не хватало переводчиков, без которых действие всей административной системы было невозможно. «Во всем здешнем крае нет ни одного переводчика, который бы мог переводить с грузинского языка на россий-

ский», – жаловался один из представителей кавказской администрации³⁴.

Первого управляющего Имеретинской областью, полковника, а затем генерал-майора Симоновича утверждал император, после чего название его должности полностью звучало как «управляющий в Имеретии, Мингрелии, Гурии и Абхазии». Бывшая столица Имеретинского царства Кутаиси стала административным центром всей Западной Грузии, а в ведение управляющего были переданы дела местных автономных княжеств. Владетели Мегрельского, Гурийского и Абхазского княжеств перешли в подчинение управляющего Имерети (в первую очередь в военном отношении).

В мае 1810 г. после недолгого содержания под домашним арестом в Тифлисе Соломон II бежал в Ахалцихский пашалык. Призыв Соломона к борьбе за восстановление независимости Имеретинского царства получил мощную поддержку со стороны местной знати. Большинство членов имеретинского дивана примкнуло к своему царю. Спустя четыре месяца восстание было подавлено, а Соломон II эмигрировал в Османскую империю, где и скончался в 1815 г.

После подавления восстания в январе 1811 г. Тормасов отправил в Петербург проект Положения о временном управлении Имеретинской областью, предполагавший введение на территории бывшего царства всех основных административных институтов, существовавших в центральных губерниях, а также в Восточной Грузии³⁵. Однако реализовать проект не удалось. Кадровый голод в кавказской администрации и оппозиционные настроения имеретинской элиты надолго сковывали управленческие инновации правительства Николая I. С огромным трудом управляющему удалось добиться от дворянского общества выбрать членов областного правительства, однако глава местного дворянства не был избран вплоть до 1840 г.

Военные действия на территории бывшего Имеретинского царства привели к голоду среди местных жителей. Начавшаяся вскоре эпидемия чумы, а затем и небывалые наводнения привели к массовой гибели людей. По подсчетам российских властей, вымерло до половины всего населения Имерети³⁶. Новый главно-

управляющий в Грузии генерал-лейтенант маркиз Ф.О. Пауллуччи приостановил сбор податей, а введение областного управления было отложено на неопределенный срок.

В 1819 г. кавказская администрация, намереваясь снизить налоговое бремя имеретинского крестьянства, объявила о проведении церковной реформы: частичной секуляризации церковного имущества, освобождении низшего духовенства, введении денежного налога взамен натурального и т.п. Однако, вопреки ожиданиям, реформа привела к обратному эффекту: благосостояние крестьянских хозяйств резко ухудшилось, большая численность освобожденного низшего духовенства осталась без средств к существованию, имеретинская знать потеряла существенные привилегии. Поднялось восстание. Имеретинцы требовали отменить реформу и выдворить экзарха Грузии Феофилакта Русанова.

Российские власти пошли навстречу требованиям восставших. 11 июля 1819 г. было объявлено об отмене церковной реформы и отзыве экзарха в Тбилиси. На короткое время ситуация стабилизировалось, но требование повторной присяги императору Александру I привело к выступлению имеретинской знати. Тавады и азнауры провозгласили царем Имеретии представителя Багратионов – Александра Ираклиевича, а после его отказа – Иванэ Абашидзе.

В феврале 1819 г. российские войска в ультимативной форме потребовали от имеретинцев выдачи Иванэ Абашидзе и других главных заговорщиков. Имеретинцы отказались их выдать. В отместку российские войска арестовали митрополитов Досифея Кутатели и Эквтиме Генатели, дочь Соломона I Дареджан, тавада Сехнию Цулукидзе и мдиванбега Давида Микеладзе. Ситуация обострилась и к весне 1820 г. восстание перекинулось уже в Гурию, куда бежал Иванэ Абашидзе. Российские войска вошли в Гурию и потребовали выдачи имеретинских мятежников, и в первую очередь Иванэ Абашидзе. Однако часть гурийской знати выступила решительно против действий российских военных. В ходе вооруженных столкновений весны – лета 1820 г. мятежники нанесли российским войскам ряд ощутимых поражений.

Летом 1820 г. Иванэ Абашидзе с отрядом гурийцев вошел в Имерети и укрепился в ущелье р. Хани. Для подавления восстания главноуправляющий Грузией генерал А.П. Ермолов направил в Имерети и Гурию военную экспедицию под командованием генерала Вельяминова. К концу июля 1820 г. восстание было подавлено. Иванэ Абашидзе удалось эмигрировать в Османскую империю, однако другие руководители восстания были арестованы и понесли суровое наказание. Большая часть крестьянских хозяйств Имерети, многие усадьбы мятежной знати были разорены. В конечном счете российское правительство оказалось не в состоянии провести немедленную церковную реформу, отдав предпочтение постепенному, в течение нескольких лет, решению этого вопроса.

В 1846 г. наместник Кавказский М.С. Воронцов согласовал с Кавказским комитетом необходимость временной комиссии в Кутаиси для разбора сословных прав имеретинских князей и дворян. Принимая во внимание особую сложность ситуации в Имерети, кавказская администрация включила в состав комиссии представителей 34 тавадских и азнаурских фамилий бывшего Имеретинского царства. Они обязались под присягой свидетельствовать о благородном происхождении той или иной фамилии или лица. Кроме того, именно имеретинские представители должны были определить подлинность царских документов на право именоваться тавадами и азнаурами. Во главе комиссии был назначен русский чиновник.

В первую очередь, комиссии следовало определить право всех вообще имеретинских тавадских и азнаурских фамилий на пользование этими титулами, после чего приступить к установлению принадлежности к ним конкретных лиц. Несколько позднее действие комиссии было распространено на Гурию, однако без права участия имеретинской знати в обсуждении сословных прав гурийской аристократии. В случае разногласий в комиссию приглашались 24 представителя местной знати.

Имеретинские Багратиони и гурийские Гуриели, утвержденные в княжеских правах российским правительством, были освобождены от обязанностей доказывать свои права. Посредством голосования комиссия подтвердила права наиболее

влиятельных фамилий: среди Имеретинских – Церетели, Цулукидзе, Абашидзе и Эристави, в Гурии – Накашидзе, Тавдгиридзе и др. В остальных случаях процедура рассмотрения сводилась к следующему: в первую очередь, принимались во внимание несомненные документы (жалованные и охранные грамоты имеретинских царей до 1810 г. и гурийских владетелей до 1826 г.; грамоты на пожалование имений; грамоты на возведение в должность *сардара* (военачальника) или в одну из придворных должностей и т.п.); во вторую – вспомогательные акты, подлинность которых была бесспорна; в последнюю – два вспомогательных акта, подлинность которых была бесспорна. На основании письменных свидетельств и результатов следствия комиссия выносила решение, подробно указывая в протоколе все основания для признания или непризнания данного рода в княжеском или дворянском достоинстве. Особую сложность в работе комиссии представляла проблема несоответствия иерархической структуры средневекового грузинского общества сословной структуре России. Так, к примеру, звание тавада приравнивали к княжескому в империи, азнаура – к дворянскому, однако отразить различия между азнаурами царскими, церковными или княжескими не представлялось возможным – все они были причислены к дворянскому сословию. Завершающий этап работы комиссии связан с разбором претензий отдельных лиц на принадлежность к тому или иному роду. Процедура рассмотрения доказательств оставалась неизменной: голосование дворянских членов комиссии или показание под присягой 24 аристократов, уже признанных комиссией, а также наличие соответствующих документов.

Одновременно с определением сословных прав грузинской элиты кавказская администрация инициировала создание в Кутаиси комиссии по имущественному разделу между тавадами и азнаурами в Имерети и Гурии. Однако, вопреки всем административным усилиям российских властей, разрешить взаимные претензии тавадов и азнауров комиссия оказалась не в силах. Процесс имущественного размежевания благородных сословий Имерети и Гурии оставался открытым вплоть до середины XIX в.

Гурийское княжество

В конце XVIII в., после смерти владетеля Гурийского княжества Симона Гуриели, между его малолетним сыном Маmia и братьями покойного правителя Вахтангом, Леваном и Давидом разгорелась борьба за власть. Опекуны Маmia – вдова Симона Гуриели Марина и дядя по отцовской линии Кайхосро Гуриели обратились к Главноуправляющему Грузией П.Д. Цицианову с просьбой о подтверждении своих прав на владельческое достоинство. Кавказская администрация всесторонне изучила вопрос и признала права Маmia Гуриели, назначив его опекуном Кайхосро Гируели. Выбор российских властей был обусловлен, главным образом, сомнениями в лояльности остальных претендентов российскому престолу.

В процессе обсуждения условий принятия российского подданства кавказская администрация потребовала от владельческого сословия Гурийского княжества выдачи аманатов от трех наиболее влиятельных тавадских фамилий – Эристави, Накашидзе и Тавдгиридзе. По одному человеку из каждого рода должны были отправиться в Тбилиси и обучаться на средства российской казны европейским языкам. Со временем предполагалось поменять их на других юношей из тех же фамилий³⁷.

Правитель Гурийского княжества Маmia Гуриели во время переговоров об условиях принятия российского подданства особо подчеркивал, что от османского султана ему были пожалованы грамота – *хатт-и шериф*, шуба и меч³⁸, и рассчитывал на получение аналогичных символов власти от российского императора.

В 1826 г. скончался владетель Гурийского княжества Маmia V Гируели. По представлению Главноуправляющего Грузией А.П. Ермолова для управления княжеством был учрежден совет в следующем составе: шесть членов (тавадов и азнауров) избирались вдовой правителя и управляющим Имеритией, решающий седьмой голос принадлежал Софии Гируели, матери и регенту малолетнего наследника. Согласно «Наставлению» А.П. Ермолова, в круг вопросов, подлежащих ведению совета, входило судопроизводство и исполнение тех обязательств, ко-

торые взял на себя покойный правитель Мамаи V Гуриели при вступлении в российское подданство. Возможные административно-управленческие инновации совет должен был согласовывать с управляющим Имеретией, который, в свою очередь, представлял его на усмотрение Главноуправляющего Грузией.

Таким образом, по мысли А.П. Ермолова, создавалась вертикаль управления, включавшая три уровня, из которых два верхних – российские, а один, нижний, – по-прежнему местный, заменявший собой отсутствующего владельца. Однако аристократия Гурийского княжества во главе с Софией Гуриели категорически отвергла идею учреждения совета. Затянувшаяся переписка между Главноуправляющим Грузией и правительницей парализовали деятельность совета и в 1828 г., во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг., император Николай I упразднил Гурийское княжество.

В 1828 г. София Гуриели с малолетним наследником княжества Давидом бежала в Османскую империю. Для управления Гурией было назначено Временное правление, подчиненное Имеретинскому временному правлению. Местные управленческие структуры княжества на первых порах были сохранены, за тем исключением, что место *мтавари* (наследственного правителя) из рода Гуриели занял российский военный – подполковник Кулябко. Вместе с двумя мдиванбегами он должен был управлять Гурийским княжеством от имени малолетнего наследника до его совершеннолетия и возвращения на родину.

В 1830 г. София Гуриели и ее сын были лишены имперскими властями владетельского достоинства и всех прав на власть, а княжество как таковое перестало существовать, став на время Гурийским владением. Управление им сохранило традиционные административные структуры, разве что количество мдиванбегов было увеличено с двух до четырех: майор российской армии Вахтанг Эристави, капитаны Свимон Гугунава и Свимон Накашидзе, а также тавад Георгий Эристави³⁹. В таком виде управление Гурией находилось до административной реформы 1840 г., после которой Гурия стала Озургетским, а Имерети – Кутаисским уездом Грузино-Имеретинской губернии.

После административной реформы 1846 г. Гурия получила общий с остальными уездами Закавказского края статус, однако о реальном введении общегражданского порядка управления пока не могло быть и речи. В середине 1840-х годов Николай I предложил проект реорганизации Гурии в особый военный округ. Для этого предполагалось фактически перевести все местное мужское население на военное положение, сформировав из него постоянно действующее ополчение, разделенное на тысячные дружины. Командовать ими должны были гурийские дворяне, как имевшие, так и не имевшие российских воинских званий. Командиром всего ополчения и одновременно управляющим военно-гурийским округом должен был стать российский штаб-офицер. Судебная власть на территории Гурии также должна была перейти в руки военных. Однако после более тщательного изучения вопроса кавказская администрация сумела убедить императора отказаться от воплощения этого проекта. Наместник М.С. Воронцов соглашался с тем, что «устройство военного управления на границе государства есть лучшее средство ко обеспечению этих границ», но поскольку жители Гурии имели с русскими гораздо менее общего, чем с османами, то, сделав из них сплоченную военную силу, Россия создала бы на своей границе объединенную группу потенциальных мятежников. Император согласился с аргументами наместника. Тем не менее, на территории Гурии было учреждено военное управление в лице окружного начальника – российского военного и участковых начальников из среды гурийской знати.

Мегрельское княжество

В 1802 г. владетель Мегрелии Григол Дадиани после столкновения с войсками имеретинского царя Соломона II вступил в переговоры с Главкомандующим Грузией П.Д. Цициановым. Григол Дадиани предлагал принять подданство Российской империи при условии военно-политической помощи княжеству в борьбе с Соломоном II. Император Александр I указал П.Д. Цицианову вступить в переговоры с Дадиани.

Главнокомандующий Грузией предложил правителю Мегрелии следующие условия: 1) отправление в Тбилиси полномочного посла; 2) содержание в княжестве российского отряда; 3) сохранение автономии княжества. В 1803 г. Григол Дадиани направил П.Д. Цицианову свою интерпретацию российского подданства, известную как «просительные пункты»: 1) утверждение наследственной власти в княжестве за ним и его сыновьями по старшинству; 2) выдачу утвердительной грамоты и повеления на его княжение; 3) выдача ему ордена Св. Александра Невского; 4) дарование меча в знак его подданства государю и сардарства в его владениях; 5) отправление российского отряда в Мегрелию; 6) часть доходов от разработки золотых, серебряных, свинцовых рудников; 7) в случае, если на территории княжества будет заложен новый город, часть доходов от него передать в распоряжение Дадиани; 8) заключение договора. Кроме того, Дадиани признавал верховенство Главнокомандующего Грузией П.Д. Цицианова как своего непосредственного начальника⁴⁰. Александр I соизволил принять эти условия.

При вступлении Мегрельского княжества в российское подданство Григол Дадиани в знак своей преданности предложил передать кавказской администрации, «согласно восточному обычаю», в качестве аманата одного из своих сыновей⁴¹. Император посчитал такую меру излишней.

Следует подчеркнуть, что в начале XIX в. пророссийской ориентации в княжестве придерживался сам Григол Дадиани и несколько наиболее преданных ему тавадов, заинтересованных в российской военно-политической помощи в борьбе с имеретинским царем Соломоном II. В октябре 1804 г., вскоре после принятия российского подданства, Григол Дадиани умер. Согласно «Просительным пунктам», ему должен был наследовать старший сын – Леван. Однако за несколько лет до этого он был отдан отцом в аманаты владельцу Абхазского княжества Келеш-бею Шервашидзе. П.Д. Цицианов решил выполнить условия «Просительных пунктов» и утвердить малолетнего Левана во владетельском достоинстве: в Абхазию был послан военный отряд для возвращения юного наследника.

В 1805 г. П.Д. Цицианов получил одобрение императора на формирование Временного совета по управлению Мегрелией до совершеннолетия Левана Дадиани. Председателем назначалась Нина Дадиани, являвшаяся также попечительницей сына и правительницей княжества. В совет должны были войти четыре человека из местных тавадов по выбору правительницы. Функции их были ограничены «управлением княжеством и разбирательством гражданских дел».

Леван V Дадиани в первые годы своего правления мало интересовался потребностями княжества и большую часть времени проводил в пирах и охотах⁴², фактически передав большинство управленческих задач своему «главному визирю»⁴³ Нико Дадиани. После смерти последнего в 1836 г. княжество оказалось в затруднительном финансовом положении, усугубленное вооруженными столкновениями различных группировок мегрельской знати.

Для преодоления внутривластного кризиса Леван V Дадиани передал всю полноту административных функций своему сыну Давиду, учредив для него должности, ранее не существовавшие во властной иерархии княжества: *моуравамоурава* и *мдиванбег-мдиванбеги*, т.е. моурава над моуравами и мдиванбега над мдиванбегами соответственно. Таким образом, Давид Дадиани стал фактическим главой исполнительной и судебной власти Мегрельского княжества⁴⁴.

В середине 1830-х годов Леван Дадиани при деятельном участии наследника составил план реформ, предусматривавший существенные преобразования в политической и социальной жизни мегрельского общества. План был представлен на рассмотрение центральной кавказской администрации в Тбилиси⁴⁵. Основное содержание проекта сводилось к следующему: в социальном плане – обеспечение прав собственности для всех без исключения жителей княжества; в юридическом – равенство всех перед законом; в административно-политическом – «сосредоточение всей власти в руках владетеля»⁴⁶. Кавказская администрация в целом поддержала реформаторский замысел Дадиани.

В 1840 г. Мегрельское княжество возглавил Давид Дадиани (1840–1853). Первым шагом Давида в реализации отцовского реформаторского плана явилось учреждение канцелярии, призванной координировать делопроизводство в княжестве. Канцелярия состояла из двух частей – грузинской и русской. Далее Давид Дадиани существенно расширил функции Верховного правления, и теперь в его функции входили не только судебные, но и административные вопросы. Так же, как и в канцелярии владетеля, в Верховном суде вводилась жестко регламентированная система судебного делопроизводства. Кроме того, правитель Мегрелии разделил мдиванбегов на два класса. Чиновники, занимавшие должности мдиванбегов I класса, являлись членами Верховного суда. Мдиванбегами II класса были окружные мдиванбеги. Председателем общего собрания, или *мсаджултухуцеси*, был тавад Ростом Чиковани, однако главой всего Верховного правления являлся сам владетель.

Одной из ключевых реформ Давида Дадиани было также введение нового административно-территориального деления княжества: вместо моуравств Одиши, Самурзакано и Лечхуми вводилось восемь *мазр* с центрами в Зугдиди, Джвари, Суджуна, Мартвили (Чкондиди), Сачилао, Зуби, Мури и Лайлаши. Во главе каждой мазры Дадиани поставил мдиванбега II класса, в обязанности которого входили прекращение разного рода тяжб между жителями подведомственного округа, охрана прав собственности, надзор за исполнением повинностей и сбором податей.

Систематические меры правителя Мегрелии по нормализации политической обстановки и социально-политическому развитию княжества привели, в том числе, к возрождению городской жизни и расширению сети городов. К середине XIX в. в княжестве насчитывалось восемь городов: Зугдиди, Сенаки, Суджуна, Орпири, Наогалеви, Лайлаши и Чребало. В этой связи Давид Дадиани проводит реформу городского управления: во главе каждого города был поставлен управитель города, подчинявшийся *калактухуцеси* и назначавшийся правителем.

Большое внимание Давид Дадиани уделял отрыву от культурных норм средневекового грузинского общества в пользу

русской версии вестернизации, проявлявшемуся даже в одежде. Так, если Леван Дадиани встречал императора Николая I, посетившего его княжество в ходе поездки по Кавказу в 1837 г., в грузинской чохе с генерал-лейтенантскими эполетами и треуголке с пером, то Давид Дадиани предпочитал только русский военный мундир⁴⁷. Однако, вопреки всем реформистским усилиям, правителю Мегрелии не удалось главное – перевести содержание административного аппарата исключительно за счет собранных в княжестве налогов и сборов.

В 1850 г. российское правительство инициировало вопрос о сословных правах князей и дворян Мегрелии. Наместник Кавказский М.С. Воронцов выступил с предложением передать Давиду Дадиани право принимать тавадов и азнауров Мегрелии на службу Российской империи. Кавказский комитет отклонил предложение наместника на том основании, что князья и дворяне Мегрелии не включены в состав благородного сословия империи и указал подготовить решение сословного вопроса в княжестве – составить список всех тавадов и дворян княжества. Правитель Мегрелии, по указанию наместника Кавказского, приступил к составлению списка, но смерть Дадиани помешала завершению работы.

В последний период своего правления Давид Дадиани подготовил проект гражданского и уголовно-процессуального кодекса – «Чин Верховного суда Мегрелии», утвержденный в мае 1856 г., уже при новой правительнице княжества, вдове Давида Екатерине. В соответствии с проектом, состав Верховного суда был расширен: теперь в него входили шесть судей мсаджули, они же мдиванбеги I класса, под председательством мсаджултухуцеси, облакавшиеся полномочиями на определенный срок или пожизненно владетелем. Суд располагал штатом письмоводителей, также назначавшихся владетелем, один из которых являлся старшим, двое «средними» и двое «малыми». Кодекс предельно четко определил место Верховного суда, как коллегиального судебного и административного института, в системе традиционной администрации. Верховный суд также был уполномочен вести дела с российскими органами власти и чи-

новниками за границами княжества, за исключением губернаторов и тех, кто был выше их по статусу.

Сразу после окончания Крымской войны и заключения Парижского мира была назначена торжественная церемония коронации нового императора Александра II. На нее вместе с детьми была приглашена и Екатерина Дадияни, успевшая приобрести известность участием в партизанских действиях против османов в Западной Грузии. На время отсутствия правительницы княжество возглавил Совет по управлению Мегрелией во главе с братом покойного Давида Дадияни – Григорием.

Вскоре во всех округах княжества начались крестьянские выступления против непомерных поборов со стороны владельческого сословия Мегрелии. Екатерина Дадияни, вернувшаяся на родину в мае 1857 г., оказалась не в силах разрешить социальный конфликт и обратилась к кутаисскому генерал-губернатору Н.П. Колюбакину с просьбой прибыть в Мегрелию с отрядом казаков и силой подавить восстание. Колюбакин, прибыв в Мегрелию и детально изучив обстановку, направил рапорт наместнику А.И. Барятинскому, в котором в качестве единственной меры для восстановления порядка предложил ввести прямое российское управление⁴⁸. Наместник согласился с его доводами и ходатайствовал перед Александром II о введении в Мегрелию непосредственного российского управления и вызове правительницы в Петербург. 7 сентября Екатерина Дадияни получила высочайший рескрипт с приглашением переселиться вместе с детьми в столицу и в конце октября 1857 г. оставила Мегрелию.

В соответствии с «Положением об управлении Мингрелией во время малолетства владетеля», утвержденном наместником 8 сентября 1857 г., Мегрельское владение входило в состав Кутаисского генерал-губернаторства и подчинялось Н.П. Колюбакину, наделенному правами военного и гражданского губернатора. Кутаисский генерал-губернатор возглавил Совет по управлению Мегрелией. Совет состоял из двух российских чиновников, двух местных тавадов и одного азнаура и являлся присутственным местом, объединявшим функции губернского правления и палаты гражданского суда⁴⁹. Система территори-

ально-административного деления Мегрелии также была изменена: вместо восьми маэр введено три округа – Зугдидский, Сенакский и Лечхумский.

В короткие сроки Мегрельское княжество было фактически преобразовано российскими властями в губернию. Вместе с тем, сохранялось значение грузинской элиты в решении управленческих задач: начальниками двух из трех округов были грузинские князья на русской службе Константин Микеладзе и Рапиэл Эристави. Незаменимыми оказались представители местной элиты и при организации сельского управления.

В 1858 г. кавказская администрация вернулась к вопросу о статусе тавадов и азауров Мегрелии и учредила в Зугдиди временную комиссию по разбору прав высшего сословия княжества. Начала работу комиссия в 1861 г. с разбора сословного статуса знати Сванети и Самурзакано, присоединенных к Мегрелии на правах приставств. Инструкция зугдидской комиссии практически полностью совпадала с кутаисской, за исключением состава комиссии: в нее приглашались 32 представителя местной знати (Мегрелия – 24, Самурзакано – 4, Сванети – 4), половина от тавадов, половина от азауров. Возглавлял комиссию российский чиновник – надворный советник Рапиэл Эристави. Несколько иначе выглядела процедура рассмотрения документов местной знати: по делам азауров Самурзакано в качестве доказательств принимались грамоты имеретинских царей и владельцев Мегрелии, по Сванети – картли-кахетинских и имеретинских царей.

В 1867 г. последний владелец Мегрелии Николай Дадиани принял предложение российского правительства и отказался от своих владельческих прав. В качестве компенсации он получил 1 миллион руб. и право для себя и старшего в своем роду именоваться князем Мингрельским и носить титул светлости, а для младшего брата Андрея – фамилию Дадиан-Мингрельский и титул светлости. Их потомки, кроме старшего в роду Николая, должны были именоваться князьями Дадиан и пользоваться титулом светлости⁵⁰. Кроме того, российские власти пошли на существенную уступку в отношении мегрельской знати: все, кто происходил от владельцев Мегрелии и от тавадов, соприся-

гавших вместе с Григолом Дадвани на верность России в 1804 г., безоговорочно признавались в княжеском достоинстве⁵¹, т.е. практически все, кто имел тавадское достоинство в Мегрельском княжестве.

В 1867 г. зугдидская комиссия завершила свою работу и представила кавказской администрации посемейный список тавадских и азнаурских родов Мегрелии, Самурзакано и Сванети, включавший в себя 242 фамилии. Однако правительство Александра II поставило под сомнение результаты комиссии и в 1868 г. учредила новую комиссию для проверки результатов деятельности предыдущей. Список фамилий, подготовленный новой комиссией, ничем не отличался от итогов зугдидской комиссии, тем не менее, российские власти опубликовали его только в 1890 г.

* * *

В первой половине XIX в. царства и княжества Грузии включались в состав Российской империи различными способами. В случае с Картли-Кахети российское правительство пошло путем скорейшего установления общеимперских институтов губернского управления. Напротив, в отношении западно-грузинских владений российские власти широко опирались на местные административно-судебные практики. Исключительно важное значение грузинских элит для реализации геополитических интересов России на Кавказе категорически требовало ускоренной кооптации грузинского общества в административно-политическое, правовое и культурное пространство империи.

Экономические мотивы в продвижении России на Кавказ явно уступали геополитическим интересам. Бюджет Закавказья, особенно в первой половине XIX в., был очевидно убыточным для империи. И даже окончание Кавказской войны не смогло изменить ситуацию: доход Северного и Южного Кавказа составлял 2,78% общей суммы доходов империи, а расхо-

ды – 6,6% общеимперских расходов, при этом 5,3% приходилось на Закавказье⁵².

Грузинские элиты, став неотъемлемой частью российского имперского проекта первой половины XIX в., сумели вырваться из исторического тупика конца XVIII в., преодолеть замкнутость средневековых политий и, в конечном счете, перейти к формированию качественно иной идентичности – национальной.

¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. I. Тифлис, 1866. С. 225–226. (Далее: АКАК).

² Там же. С. 191.

³ Там же. С. 181.

⁴ Там же. С. 301–304.

⁵ Там же. С. 324.

⁶ Там же. С. 233.

⁷ Там же. С. 311–313.

⁸ Там же. С. 410–417.

⁹ Там же. С. 432–433.

¹⁰ Там же. С. 432–433, 437–438.

¹¹ Там же. С. 444.

¹² *Lang D.M.* A Modern History of Georgia. L., 1962. P. 42.

¹³ АКАК. Т. I. С. 387.

¹⁴ Там же. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 137.

¹⁵ Там же. Т. II. Тифлис, 1868. Док. № 62.

¹⁶ *Иваненко В.Н.* Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества великого князя Михаила Николаевич: ист. очерк. Тифлис, 1901. С. 156.

¹⁷ АКАК. Т. II. Док. № 65.

¹⁸ *Гелашвили А.* Кахетинское восстание 1812 года. Тбилиси, 2003. С. 156–162. (На груз. яз.)

¹⁹ АКАК. Т. VIII. С. 11.

²⁰ Там же. С. 1.

²¹ Там же. С. 2.

²² Там же. С. 275.

²³ Там же. С. 280.

²⁴ Там же. С. 280.

²⁵ *Rhineland A.L.* Prince Michael Vorontsov: Viceroy to the Tsar. Montreal, 1990. P. 165.

²⁶ АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. 238.

- ²⁷ Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. М.; СПб., 2001. С. 26.
- ²⁸ АКАК. Т. II. С. 748.
- ²⁹ Там же. С. 817.
- ³⁰ Там же. Т. III. Тифлис, 1869. С. 286.
- ³¹ Там же. С. 300.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. Т. IV. Тифлис, 1870. С. 321.
- ³⁴ Там же. Т. V. Тифлис, 1873. С. 580.
- ³⁵ Там же. С. 462.
- ³⁶ Там же. С. 124.
- ³⁷ Там же. Т. IV. С. 589.
- ³⁸ Там же. С. 586.
- ³⁹ Там же. Т. VI, ч. 2I. Тифлис, 1875. С. 359.
- ⁴⁰ Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 2. Оп. 1. Д. 81. Л. 4–8.
- ⁴¹ АКАК. Т. II. С. 910.
- ⁴² *Бороздин К.А.* Закавказские воспоминания: Мингрелия и Сванетия в 1854–1861 гг. СПб., 1885. С. 5.
- ⁴³ *Макалатиа С.* История и этнография Мегрелии. Тбилиси, 1941. С. 151. (На груз. яз.)
- ⁴⁴ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 6. Оп. 1. Д. 68. (Краткий очерк переменам, которые по желанию владельца имеют быть введенные в Мингрелии). Л. 138 (Письмо-завещание владельца Мингрелии Левана Дадиани сыну Давиду 1834 г.).
- ⁴⁵ Там же. Л. 375–381.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ *Бороздин К.А.* Закавказские воспоминания. С. 6.
- ⁴⁸ Там же. С. 144–146.
- ⁴⁹ АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 264.
- ⁵⁰ Указ Именной, данный Сенату 4 января 1867 года. Об утверждении в Мингрелии навсегда Русского управления и о правах и преимуществах, даруемых членам бывшего владельческого там дома и их потомкам // Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Прибалтика, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия). М., 1997. С. 331–333.
- ⁵¹ Дворянские роды Российской империи. Т. IV. М., 1998. С. 14.
- ⁵² *Ананьич Б., Правилова Е.* Имперский фактор в экономическом развитии России, 1700–1914 // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 238.

Литература

- Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией [Текст]: [в 12 т.]. Т. I. Тифлис: В тип. Гл. Упр. Наместника Кавк., 1866. 816 с.
- Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией [Текст]: [в 12 т.]. Т. II. Тифлис: В тип. Гл. Упр. Наместника Кавк., 1868. 1238 с.
- Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией [Текст]: [в 12 т.]. Т. III. Тифлис: тип. Гл. Упр. Наместника Кавк., 1869. 760 с.
- Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией [Текст]: [в 12 т.]. Т. IV. Тифлис: тип. Гл. Упр. Наместника Кавк., 1870. 1019 с.
- Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией [Текст]: [в 12 т.]. Т. V. Тифлис: тип. Гл. Упр. Наместника Кавк., 1873. 1187 с.
- Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией [Текст]: [в 12 т.]. Т. VIII. Тифлис: тип. Гл. Упр. Наместника Кавк., 1881. 1033 с.
- Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией [Текст]: [в 12 т.]. Т. X. Тифлис: тип. Гл. Упр. Наместника Кавк., 1885. 982 с.
- Ананьич, Б.* Имперский фактор в экономическом развитии России, 1700–1914 [Текст] / Ананьич Б., Правилова Е. // Российская империя в сравнительной перспективе. М.: Новое изд-во, 2004. С. 230–262.
- Бороздин, К.А.* Закавказские воспоминания: Мингрелия и Сванетия в 1854–1861 гг. [Текст]. СПб.: А.С. Суворин, 1885. VII, 423 с.
- Гелашвили, А.* Кахетинское восстание 1812 года [Текст]. Тбилиси, 2003. 312 с. (На груз. яз.).
- Иваненко, В.Н.* Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества великого князя Михаила Николаевича [Текст]: ист. очерк. Тифлис: тип. канцелярии Главногоначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1901. 525 с.
- Макалатиа, С.* История и этнография Мегрелии [Текст]. Тбилиси: Груз. краевед. о-во, 1941. 384 с. (На груз. яз.).
- Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Прибалтика, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия) [Текст] / сост., ред. и авт. примеч. Ю.И. Семенов. М.: Старый сад, 1997. 413 с.

Элиас, Н. О процессе цивилизации [Текст]: социогенетические и психогенетические исследования: в 2 т. Т. 1. М.; СПб.: Университет. кн., 2001. 336 с.

Lang, D.M. A Modern History of Georgia [Text]. L.: Weidenfeld and Nicolson, [1962]. 298 p.

Rhineland, A.L. Prince Michael Vorontsov: Viceroy to the Tsar [Text]. Montreal: McGill-Queen's Univ. Press, 1990. 275 p.

В.В. Трепавлов

**«ЧАЛМОНОСЦЫ И ЯЗЫЧНИКИ» В ПРАВОСЛАВНОЙ
ИМПЕРИИ. ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ***

В статье рассматриваются ритуальные проявления правительственной религиозной политики в России XVII–XIX вв. в отношении мусульман и буддистов. Показано, как поощрялся переход в православие представителей «инородческой» элиты и в то же время как устанавливались контакты с высшим духовенством нехристианских конфессий (посредством их поощрений, награждений, приглашений на официальные торжественные церемонии). Со своей стороны «иноверцы» старались донести до верховных правителей империи знания о своих верованиях и обрядах, что выражалось в соответствующих подношениях и презентациях в ходе путешествий царствующих особ по империи.

Ключевые слова: ислам; буддизм; христианизация; крещение; культ; сакрализация монарха; придворные церемонии.

V.V. Trepavlov

**“TURBAN-WEARERS AND GENTILES”
IN THE ORTHODOX EMPIRE. THE CEREMONIAL ASPECT
OF RELIGIOUS POLICY**

The article deals with the ritual existence of government religious policy in Russia of the XVII–XIX centuries in relation to Muslims and Buddhists. The author shows encouraging the conversion to Orthodoxy of representatives of “non-Russian” elite, and at the same time establishing contacts with the high clergy of non-Christian faiths (through incentives, awards, invitations to the official ceremonies). “Gentiles” tried to convey to the supreme rulers of the Empire of knowledge about their beliefs and

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-14001а(ц).

rituals, which was reflected in the relevant offerings and presentations during the tsars and their families' voyages through the Empire.

Key words: *Islam; Buddhism; christianization; baptism; worship; sacralization of a monarch; court ceremonies.*

В России XVI – начала XX в. религиозный фактор был очень заметен в межэтнических отношениях, и по этой проблеме сложилась обширная историография. Долгое геополитическое соперничество Руси с христианскими инославными соседями на западе и с мусульманскими на востоке породило повышенное внимание правящей элиты к достижению идеологического доминирования в Евразии «христианской веры греческого закона».

Количество мусульман в Российском государстве было небольшим (на Востоке считалось, что под властью царя их пребывает «двенадцать раз по сто тысяч»¹), и в целом их отношение к господствующей конфессии было лояльным. Сказывались и объективная необходимость сосуществования в единой державе, и осознание факта православного вероисповедания правящей элитой. Хотя в кругах исламского духовенства и наблюдалась отчужденность к «неверным», но все-таки межрелигиозные конфликты в чистом виде российской истории не известны. Как правило, вопросы веры выступали лишь в качестве идеологического оформления политических и социальных движений.

На протяжении второй половины XVI – первой половины XVIII в. правительственная политика в отношении ислама неоднократно менялась от активного неприятия к вынужденному нейтралитету. Ее официальной основой на присоединенных территориях все время оставалась христианизация иноверцев – «магометан» и язычников. Вводились определенные ограничения для неправославных подданных в различных сферах: возможность занимать определенные должности, свобода передвижения, ведение предпринимательства и др. Соответственно новокрещены пользовались существенными привилегиями в виде временного освобождения от выплаты податей и выпол-

нения повинностей, наказания за уголовные преступления, а в XVIII в. – еще и освобождения от рекрутчины. Вводился законодательный запрет на строительство мечетей, местным властям предписывалось уничтожать мечети в подведомственных регионах. Соборное уложение 1649 г. устанавливало жестокую кару для мусульман, ведущих религиозную пропаганду среди православных: «А буде кого басурман какими-нибудь мерами, насильством или обманом русского человека к своей басурманской вере принудит... и того басурмана по сыску казнить, сжечь огнем без всякого милосердия»². При Елизавете Петровне на татар, исповедовавших ислам, были переложены все повинности поголовно крестившихся черемисов, чувашей и мордвы.

Вместе с тем стремление сохранить лояльность подданных, избежать массового возмущения и конфликтов на религиозной почве побуждало центральные и местные власти мириться с существованием многочисленного мусульманского населения. Следует признать, что, за исключением нескольких вспышек официального православного фанатизма, в целом массы российских мусульман не подвергались долговременным репрессиям по религиозным мотивам. Вместе с тем перемена иноверцами исповедуемой религии в пользу православия всегда считалась желательной.

Щедро вознаграждались в XVI в. и еще щедрее в XVII в. новокрещены из потомков династии прежних поработителей – Чингисидов. Возможно, рост пожалований был связан с личным участием царя Алексея Михайловича в распространении православия среди знатных мусульман³. Татарским мурзам, калмыцким тайшам, сибирским князьям, которым доводилось креститься в Москве, готовили за казенный счет крестильный инвентарь, обрядовую одежду (которую потом дарили) и после церковного ритуала вручали жалованье.

Крещение часто знаменовало не только перемену образа жизни и культурную переориентацию неофитов, но и их социальный рост, давало шанс для успешной служебной карьеры. Они могли получить княжеский ранг, поместный оклад и запись в дворянство «по московскому списку»⁴. В поощрение за перемену религии в мастерских Казенного приказа шилось до-

рогое «платье» (шубы, телогреи, охабни, ферязи, однорядки, кафтаны, атласные зипуны, камчатые штаны, сафьянные сапоги, собольи шапки, рукавицы...) ⁵, отмеривались заморские ткани ⁶. Могли выдать и деньги: или просто как наградную выплату, или с оговорками «на кафтан», «денгами вместо платья», вместе с соболиными шкурками ⁷. Самым высокородным новокрещенцам, вроде черкесских князей, верховных калмыцких тайшей или выезжих Чингисидов, вручались от государева имени предметы столового обихода из серебра: кубки, ковши, братины ⁸.

Рядовые «религиозные перебежчики» тоже иногда попадали в поле зрения московских государей и первосвященников и тоже поощрялись из казны. Служилым татарам выдавалась одежда – конечно, по более скромному разряду, чем аристократам (суконные кафтаны и однорядки, шапки, штаны) ⁹. Набор жалуемых тканей ограничивался «добрым сукном», тафтой и хлопковым киндяком ¹⁰. Впрочем, простым сукном, случалось, одаривали и второстепенного татарского мурзу ¹¹, и татарку из знатной семьи ¹².

В зависимости от социального положения, крестившимся определяли разовые денежные выплаты – от нескольких рублей простолюдинам и нескольких десятков рублей улусным владельцам до нескольких сотен членам ханских семей. Последним выдавали еще и «платье», присваивали чины, назначали ежегодное жалованье ¹³.

При Петре I, в начале XVIII в., сохранялись старомосковские традиции поощрения выкрестов. Однако стоимость вознаграждения увеличилась. Татары, оставившие «магометанство», наделялись теперь не только сукном, но и тафтой, а порой и дорогими кафтанами, и собольими шапками ¹⁴. Возможно, это связано с немногочисленностью мусульман, желавших переменить веру. К тому же Петр, как известно, занимал довольно жесткую позицию по отношению к подданным-приверженцам ислама. Его указы 1714 и 1715 гг. обязывали мусульман-помещиков и вотчинников Казанской и Азовской губерний, владеющих крепостными-христианами, в течение полугода принять православие, иначе все их владения будут конфиско-

ваны в казну. Считается, что этими мерами был нанесен смертельный удар по татарскому привилегированному сословию¹⁵.

В то же время сам принцип материального воздаяния за крещение расширился географически. Развернулась миссионерская деятельность в Сибири. Царским указом сибирскому митрополиту вменялось не только «огнем палить и рубить» остяцких идолов, «капища их разорить» и воздвигнуть на их месте часовни. Новокрещенов надлежало привлекать прощением ясачных недоимок, уничтожением записей о них в ясачных книгах, выдавать из местной казны хлеб, белые кафтаны и рубахи¹⁶. Надо признать, что различные льготы, которые следовали за формальным отказом от язычества, служили стимулом к крещению для многих иноверцев. В отношении чувашей и мордвы это отмечал И.И. Лепехин: «Сначала пользовались они многими выгодами, как то увольнением от податей, которые собирались с новокрещеных... Давалась желающим принять крещение и награда; почему нередко лакомые до денег раза по два и по три в разных местах крестились; но из сего произошло то, что многие из крещеных чувашей и мордвы и поныне не оставляют некоторой род своих богомольных (языческих. – *В.Т.*) обрядов»¹⁷.

Принимавшие православие включались в сферу действия русской культуры: вслед за сменой имени часто происходила перемена языка, одежды, поведения. Нередко рвались связи с родичами – особенно если новокрещен перебирался на жительство в русское селение или город. Естественно, многие соплеменники считали таких людей отщепенцами и во время антирусских мятежей расправлялись с ними с особенной яростью.

Случалось, что религия доминирующего русского народа вместе с тем служила неким интегратором в общении поликонфессиональной, разноязычной массы российских подданных. Пример такой ее функции дает мордовская песня, в которой башкир-мусульманин Алим женится на мордовке-язычнице Анюрке:

...Красавец Алим говорит:
Ох женушка моя Анюрка,
Ты супруга моя Анюрка!
Ты по-нашему говорить не умеешь,
Нашу веру не знаешь, не ведаешь.
Отвечает мужу Анюрка:
Муженек мой Алешенька,
Мы русскую веру примем¹⁸.

Очевидно, переходить в христианство язычникам было проще, чем приверженцам монотеистических религий.

В XVIII в. церковь обратила пристальное внимание и на буддистов-калмыков. Основной упор пропаганды делался на высший слой кочевого общества, с расчетом через элиту распространить христианство среди простонародья. В 1724 г. Петр I приказал калмыцких владельцев и «законников их» (лам) склонять к христианизации и поставил задачу перевести на калмыцкий язык Священное писание¹⁹. Но тайши и нойоны неохотно изменяли религии предков. Каждый редкий поступок такого рода высоко ценился царем и вызывал поток наград бывшему буддисту. Внук хана Аюки, Церен Баксадай Дорджи, превратился в Петра Петровича Тайшина. Быть крестным вызвался сам государь Петр Алексеевич. Как и его крестившийся ранее дядя, Тайшин был зачислен в дворянство, получил княжеский титул и орден. Коллегия иностранных дел предоставила ему дорогую одежду, меха, денежное и хлебное довольствие²⁰.

Переход калмыцких аристократов в лоно православной церкви и в дальнейшем был настолько редким, что каждый такой случай воспринимался как чрезвычайное событие. Когда в декабре 1742 г. московские власти узнали, что в Первопрестольную столицу прибыл калмыцкий владелец Булчан с намерением креститься, для его встречи из императорской конюшни выделили карету, заложенную цугом, как для какого-нибудь заморского посла²¹.

Екатерина II в полной мере осознавала, над каким разноплеменным космосом ей довелось воцариться после убийства мужа. Провозглашение терпимого отношения к разным конфессиям отличало ее правление. «Как всевышний Бог на земле

терпит все веры и исповедания, – говорилось в ее указе Синоду 1773 г., – то и Ея Величество из тех же правил, сходствуя Его св. воле, в сем поступать изволит, желая только, чтобы между ея подданными всегда любовь и согласия царствовали»²². Но сама императрица, сменив перед замужеством лютеранство на русскую веру, выказывала предпочтение последней. Это выразилось, в частности, в распространенной при ней придворной забаве – крещении ею в дворцовой церкви «калмычат», «татарчат», «арапчат», «турчат», т.е. мальчиков и девочек, попавших во дворец в качестве пленных, подарков и проч. Императрица выступала в роли восприемницы малолетних новых христиан, руководила их поведением во время обряда, совсем низкорослых поднимала подмышками для лобызания икон. На некоторых из них милость Екатерины распространялась и дольше, если она решала подкрепить бывшего иноверца на его новом жизненном этапе банковским вкладом²³. Подчиняясь прихоти ненавистной матери, наследник престола Павел Петрович тоже вынужден был крестить маленьких «магометан» и «идолопоклонников»²⁴.

Увлечение просвещением детей-инородцев не ограничивалось их крещением. В 1766 г. один калмыцкий нойон представил «матушке-государыне» своего десятилетнего сына Тюменя, и та оставила его при себе в Петербурге. По ее приказу его окружили заботой, лечили, выучили русскому языку. Впоследствии Екатерина поручила Тюменю Чжиралгану управлять частью калмыков, которые не откочевали из России в Джунгарию в 1771 г., и произвела в генерал-майоры²⁵.

«Внутренняя дипломатия» в области религии проявлялась также в личных контактах самодержцев (впрочем, чрезвычайно редких) с предстоятелями инославных конфессий. Таковы были встречи Александра I с униатскими первосвященниками в 1806 г.²⁶, Николая I с армянским католикосом в 1837 г., коронационная аудиенция Николая II бурятской депутации, в составе которой были ламы, в 1896 г. и др.

Относительная веротерпимость в этнической политике XIX в. проявлялась в предоставлении орденских отличий духовным предстоятелям неправославных конфессий. Католикос

Иоаннес при встрече с Николаем I в Эчмиадзине в сентябре 1837 г. попросил для двух своих племянников русские ордена. Армянский патриарх полагал, что это позволит им стать российскими дворянами. В то время награждение любым орденом действительно давало право на потомственное дворянство. Но для такого награждения нужна была хотя бы выслуга лет. Тем не менее император, выслушав просьбу, улыбнулся и распорядился «сопричислить» юношей к ордену св. Станислава 1-й степени. Самому Иоаннесу был пожалован орден Св. Александра Невского, вместе с тысячей червонцев²⁷.

Однажды во время уфимской ярмарки, в феврале 1877 г., местные и приезжие мусульмане собрались на намаз в городской мечети Уфы. После молебна ахун объявил о состоявшемся награждении оренбургского муфтия Салим-Гарей Тевкелева орденом Станислава 1-й степени. К собравшимся вышел сам муфтий, в алой ленте через левое плечо, с серебряной звездой, украшенной двухглавым орлом (заменявшим у награжденных нехристиан вензель святого Станислава). «Измумленные невиданными до сих почетными знаками, некоторые муллы друг другу объясняли значение ленты и звезды»²⁸.

Важной частью взаимной связи правительства и инородцев (и этнической политики в целом) было участие представителей народов в официальных торжественных мероприятиях в столицах. Неправославные духовные иерархи входили в состав таких делегаций и иногда возглавляли их. Как правило, эти церемонии протекали по скрупулезно разработанному придворному сценарию, и все задействованные в них лица четко исполняли отведенные им роли. Однако случались и накладки. Во время приема бурятских представителей на аудиенции у только что коронованного Николая II в мае 1896 г. произошел конфузный случай. Глава делегации, лама Лубсан-Сандан Цыденов, во время общего коленопреклонения перед императором остался стоять прямо, чем вызвал неловкость у земляков и привел в недоумение придворных. Аудиенция пошла дальше своим чередом, и уже после нее Цыденову пришлось объясняться с высшими чиновниками и со своим духовным начальством.

Разбирательство возглавил ни много ни мало сам министр внутренних дел И.Л. Горемыкин. Цыденов объяснил, что имеет духовную степень *гэлюнга*, т.е. монаха, принявшего все обеты, поэтому не может поклоняться христианскому царю. Поклон же царю его единоверцев – это-де позорное отступление от канонов Учения. Скандал удалось предотвратить главному тайше хоринских бурят Ц.Д. Аюшееву. Он придумал объяснить поведение ламы «чрезмерностью патриотического чувства, создавшего потерю сознания и умопомешательство при встрече с царской особой... данный случай является результатом того, что он [Цыденов] никуда не отлучался из захолустного уголка и не бывал в культурных центрах...»²⁹. Таким образом, причина якобы крылась в восторженном остолебении неотесанного провинциала от встречи с императором. Сам Цыденов был недоволен этой нелепой и унижительной версией. Однако власти ею удовлетворились, причем настолько, что при отъезде Цыденов, в числе прочих его земляков, получил наградную золотую медаль. В данном случае возобладали соображения соблюдения взаимной лояльности. Правительство закрыло глаза на вопиющее пренебрежение обязательными нормами поведения со стороны инородца, а бурятская сторона наспех сочинила примиряющий довод.

Цыденова присутствие на коронации Николая II подвигло на создание поэмы под двойным названием: монгольским «Лечу по небу» и тибетским – которое само по себе напоминало стихотворение в прозе: «Новая песнь, вдохновленная великой радостью по случаю окончательного восшествия на нерушимый алмазный трон могущественного чакравартина, божества, установленного небом, царя Николая, восхваляющая интронизацию, рассказывающая вкратце также и о славе России, обретшей могущество двух столиц, называющаяся “Многократно взирающая на устрашающих бенгальских и африканских львов в садах Джолоки”»³⁰.

Само присутствие инородцев на общеимперских торжествах должно было внушить им мысль о величии православия. Очевидец коронации Александра I наблюдал восторженную реакцию калмыцкого депутата в кремлевском Успенском собо-

ре. Тот «как бы невольно» прослезился и перекрестился. Свидетель этого сделал глубокомысленный вывод о грядущем времени, когда повсюду «свет Христов осветит чалмоносца и язычника»³¹. Несомненно, великолепная, красочная церемония оставила глубокий след в душе буддиста и даже подвигла его на крестное знамение, однако это вовсе не означало его отказа от своих религиозных убеждений.

Относительно калмыков заметим, что они пользовались случаем, чтобы на фоне беспредельной преданности самодержцу продемонстрировать свою религиозную особость, укорененность в буддийской вере. В Области Войска Донского в 1887 г. венценосная чета и наследник посетили буддийский храм~хурул донских калмыков, где лама поднес им серебряную курильницу тибетского производства. А в 1909 г. от калмыцкой депутации в Царском Селе Николай II и цесаревич Алексей получили изображение божества Дара Эхе³². В газетной информации не уточняется, была это скульптура (что вероятнее) или икона. Но ясно, что образ богини милосердия из ламаистского пантеона, «спасительницы от восьми препятствий», предполагал подспудное внушение адресатам дара благосклонного отношения к калмыцким подданным.

В 1908 г. донские калмыки привезли Николаю II и Александре Федоровне два деревянных трона с серебряными накладками. Верные своему вероучению, они поместили на престолах, наряду с двуглавыми орлами, сакральные зооморфные фигуры из буддийского пантеона.

Предметы религиозного культа нечасто фигурировали в качестве подношений. Калмыки в этом отношении являли исключение. Тем более не приняты были дары с исламской или языческой («идолопоклоннической») символикой. Впрочем, в башкирском шежере описывается малодостоверный случай, как помощник муфтия «во время коронации преподнес падишаху Александру (III. – *В.Т.*) пятисотрублевую золотую книгу, написав в ней молитвы на арабском и русском языках», и получил за это золотую медаль³³.

Вероисповедный барьер не разделял русских монархов и малороссов с грузинами, и от этих народов православная цер-

ковная атрибутика принималась благосклонно. В 1805 г. мингрельский князь послал Александру I икону Влахернской Богородицы. Тот приказал украсить ее драгоценными камнями и поставить в придворной церкви в позолоченном киоте, за стеклом³⁴.

Иногда организаторы официальных мероприятий считали уместным показать лояльность монарху инославного духовенства, его смирение с доминированием православия в империи. В Полоцке в 1780 г., во время посещения его Екатериной II, это выразилось в построении около иезуитского костела католического и униатского духовенства: самих иезуитов, а также доминиканцев и базилиан в полном облачении. Когда императрица после приветствования их удалилась в свои покои, ее ближайший сподвижник Г.А. Потемкин отправился в кафедральный униатский собор, где был встречен митрополитом этой конфессии³⁵. У ворот Бахчисарая в 1787 г. государыню встречали православное духовенство с Евангелием в руках и татарский муфтий с Кораном³⁶ – зримый образ единения религий под скипетром «Северной Семирамиды».

Основными нехристианскими конфессиями в России были и по сей день остаются ислам и буддизм. Духовенство обеих религий в целом поддерживало российскую верховную власть и соответствующим образом настраивало свою паству. Были установлены единые «высокоторжественные и царские дни» рождения, тезоименитства и восшествия на престол, в которые православным было обязательно, а иноверцам желательно совершать «возношения о здравии и благоденствии Государя Императора и Августейшего Его Дома»³⁷. Мусульманские первосвященники (муфтии) рассылали указания муллам мечетей публично восхвалять династию и возносить за нее молитвы.

Редкий и наглядный повод проявить такое отношение («подслащенное» демонстрацией беспредельной преданности) представлялся во время поездок императоров и членов царствующей фамилии по стране. При въезде августейших путешественников в город их часто встречали высшие мусульманские духовные лица и обращались к ним с выспренными приветственно-благодарственными речами. Царь или цесаревич сопри-

касался с цветистой восточной лестью, порой не имевшей ничего общего с истинным отношением оратора к предмету его казенного «обожания» («средоточие мира и благоденствия», «всеобщее утешение многих стран и неисчислимых народов», «великий наследник царя царей» и т.п.)³⁸. Затем устраивался торжественный молебен, и не обязательно в присутствии высокого гостя. Праздничные богослужения проходили в мечетях и по другим поводам. Обязательным назидательным обращением к правоверным и совместной молитвой сопровождалось вступление империи в войну³⁹; совершались задравные богослужения в честь воцарения очередного императора и заупокойные – после кончины царя. В 1877 г. имамам было предписано отметить молебствием столетие со дня рождения Александра I⁴⁰.

Учитывая весомость слова, произнесенного муллой в мечети, его влияние на население, власти поощряли составление молитв за здоровье царя и царствующего Дома. Особое значение придавалось текстам, специально написанным чиновниками для оглашения в учебных заведениях перед школьниками-мусульманами⁴¹. Самодержец, таким образом, как бы встраивался в пантеон, поскольку становился объектом воззваний к Всевышнему.

Одним из известных сочинений такого рода является мусульманская молитва о царе и о мире, составленная в 1820 г. (т.е. в начале Кавказской войны) А.П. Ермоловым. Она была напечатана литографическим способом и разослана местным приставам, по аулам Северного Кавказа, для обязательного чтения в мечетях по пятницам и в праздничные дни⁴². Есть мнение, что в основу ермоловского текста легла молитва по случаю императорской коронации, написанная Ф. Прокоповичем и впервые прозвучавшая при интронизации Анны Иоанновны в 1730 г.⁴³ Во второй половине XIX в. Синод разрабатывал для инославных конфессий типовые тексты молитв, которые направлялись в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МИД, который, в свою очередь, заказывал в Азиатском департаменте МИД их переводы на языки народов империи⁴⁴.

В буддистских регионах, у калмыков и бурят, отношения выстраивались по той же схеме: молебны о здравии, благополучии и долголетьи⁴⁵, уверения в вечной преданности... Некоторые молитвы тоже составлялись по заказу властей. По инициативе казенного начальства в 1853 г. была придумана присяга при заступлении на должность главы бурятского духовенства *бандидо-хамбо-ламы*: «...Даю клятвенное сие обещание премилосердным Гурбан-эрдэни – трем драгоценностям и его императорскому величеству всемилостивейшему государю императору Николаю Павловичу и наследнику всероссийского престола Александру Николаевичу, и всем великим сановникам, распространяющим их великие деяния и исполняющим святые законы... клянусь в том, что я... дал клятву помышлять о Боге и государе своем, о его законах и правилах веры... возложенную на меня Богом и государем обязанность исполнять по сущей справедливости и беспристрастно...» и т.д.⁴⁶

В гимнах и славословиях, адресованных царю, его наделяли званьями *чакравартина* (идеального правителя), *дхармараджи* (праведного правителя), *хубилгана* (реинкарнации божества), *цаган-богдо-хана* (белого святого царя), святого покровителя-*бурхана*, ему приписывали установление законов, согласуемых с *дхармой* – нормой гармоничного миропорядка⁴⁷. На месте, где путешествующему императору было угодно отобедать, возводили священное символическое сооружение *сумэ (ступу)*⁴⁸.

Более того, в отличие от адептов других религий, российские буддисты официально сакрализировали персону царя, помещали его в ряд почитаемых высших существ. В XVIII в. бурятские ламы объявили российских императриц, Елизавету Петровну и Екатерину II, реинкарнациями Белой Тары (воплощение сострадания, Цагаан Дара-эхэ), почитаемой едва ли не наравне с буддами и бодисатвами, – первая за официальное признание в империи буддизма (1741 г.), вторая – за определение юридического статуса этой конфессии (1763 г.). Позднее в исторической памяти и мифлогизированном сознании народа воплощение Тары стали видеть также в Петре I, который в 1703 г. милостиво принял депутацию от бурят. Историческая

песня, посвященная тому посольству в Москву, характеризует его так:

Сагаан хаан нэрэтэй
Саглаши үгэй буинтай
Сагаан Дара эхэйн хубилгаан
Манай эзэн богдо ло.

Белый царь по имени,
Безграничный по добродетели,
Воплощение Белой Дара-эхэ
Святой повелитель наш⁴⁹.

«Подобным богу, воплощением достоинств Белой Дара-эхэ» предстает в бурятских хвалебных песнях (*магтал*) Николай II; иногда его объявляли реинкарнацией Индры и Вишну⁵⁰. В колофоне своей вышеупомянутой поэмы с многословным тибетским названием участник его коронации 1896 г., лама Л. Цыденов (тот, кто не стал преклонять колени на аудиенции), придерживался этой традиции: «Когда известный как воплощение Тары Чинтаманичакра, владыки людей, небесный бог Николай воссел на престол, я обратился к богам долголетия и совершил обряды за его здравие»⁵¹. Все эти новации, на первый взгляд расходящиеся с канонами Учения, на самом деле являлись частью *унайи* – пути к просветлению, метода распространения дхармы, который заключался в использовании светских властных институтов для ее внедрения в мир (этого требовала цивилизаторская миссия буддизма)⁵². Заметим, однако, что правители России всегда оставались равнодушными к иноверным комплиментам и никак не комментировали уподобление себя чужим божествам, позволяя подданным использовать для выражения подцензурных чувств привычные им образы и ассоциации.

¹ *Эвлия Челеби*. Книга путешествия: (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 1: Земли Молдавии и Украины / сост. и отв. ред. А.Д. Желтяков. М., 1961. С. 193.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е Т. 1. С. 3. № 1.

³ *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 358.

- ⁴ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 3. М., 1822. С. 374, 375; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 396. Оп. 1. Д. 18234. Л. 1.
- ⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 18114. Л. 1, 1 об.; Д. 18383. Л. 1–6; Д. 19077. Л. 1, 2; Д. 19544. Л. 1; Д. 19571. Л. 1, 2; Д. 19591. Л. 1, 1 об.; Д. 21446. Л. 1–4; Д. 30287. Л. 1.
- ⁶ Там же. Д. 6615. Л. 1; Д. 12868. Л. 1; Д. 16182. Л. 1, 2.
- ⁷ Там же. Д. 15638. Л. 1; Д. 17020. Л. 1; Д. 18382. Л. 1–3; Д. 19965. Л. 1; Д. 30287. Л. 1.
- ⁸ Там же. Д. 9369. Л. 1, 2; Д. 16182. Л. 1, 2; Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 3. С. 374, 375.
- ⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9080. Л. 1; Д. 18114. Л. 1, 1 об.; Д. 32148. Л. 1; Д. 32239. Л. 1.
- ¹⁰ Там же. Д. 17020. Л. 1; Д. 25573. Л. 1; Д. 25574. Л. 1.
- ¹¹ Там же. Д. 5953. Л. 1; Д. 6043. Л. 1; Д. 6402. Л. 1, 2; Д. 6830. Л. 1; Д. 1860. Л. 1, 2.
- ¹² Там же. Д. 10860. Л. 1, 2.
- ¹³ *Дорджиева Г.Ш.* Буддизм и христианство в Калмыкии: опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX вв.). Элиста, 1995. С. 37, 38.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 35131. Л. 1; Д. 35147. Л. 1; Д. 35231. Л. 1; Д. 35777. Л. 1.
- ¹⁵ *Фирсов Н.А.* Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869. С. 4, 5.
- ¹⁶ Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1. СПб., 1882. С. 413, 414.
- ¹⁷ Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 3. СПб., 1821. С. 180.
- ¹⁸ Цит. по: Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / отв. ред.: Н.Ф. Мокшин, Т.П. Федянович, Л.С. Христолюбова. М., 2000. С. 416.
- ¹⁹ *Дорджиева Г.Ш.* Указ. соч. С. 38.
- ²⁰ Там же. С. 38, 39; *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста, 1993. С. 239, 271.
- ²¹ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 224. Л. 31.
- ²² Цит. по: *Красножен М.* Иноверцы на Руси. Т. I. Юрьев, 1900. С. 83–84.
- ²³ Камер-фурьерский журнал 1771 года. СПб., 1857. С. 8, 110, 111; Камер-фурьерский церемониальный, банкетный и походный журнал 1772 года. [СПб., 1857]. С. 95–97; Камер-фурьерский церемониальный журнал 1775 года. СПб., 1878. С. 183, 184; Камер-фурьерский церемониальный журнал 1789 года. СПб., 1888. С. 470,

- 471; Камер-фурьерской журнал, 1796 года. Приложения. СПб., 1897. С. 68.
- ²⁴ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1775 года. С. 149, 152, 153.
- ²⁵ См.: Лунный свет: калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста, 2003. С. 152–154.
- ²⁶ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1806 года. Июль – декабрь. СПб., 1905. С. 74.
- ²⁷ *Берже А.П.* Император Николай на Кавказе в 1837 г. // Русская старина. 1884. Т. 43, август. С. 383.
- ²⁸ *Умитбаев М.-С.* Праздество магометан в г. Уфе по случаю получения оренбургским муфтием высочайшей награды – ордена св. Станислава 1-й степени // Уфимские губернские ведомости. 1877. 12 февр. (№ 7). С. 3.
- ²⁹ *Цыремпилов Н.В.* Лубсан Самдан Цыденов и идея буддийской теократии в Забайкалье // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2007. № 6. С. 65, 66.
- ³⁰ Цит. по: Там же. С. 69.
- ³¹ *Макаров М.Н.* Воспоминания о коронации императора Александра I // Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой русской истории XVIII и XIX века. СПб., 1873. С. 63.
- ³² Депутация от калмыков // Астраханский вестник. 1909. 24 февр. С. 3.
- ³³ Башкирские родословные. Вып. 1 / сост., предисл., поясн. к пер., пер. на рус. яз., послесл. и указ. Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова. Уфа, 2002. С. 232.
- ³⁴ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1805 года. Июль – декабрь. СПб., 1904. С. 137.
- ³⁵ *Сапунов А.П.* Пребывание императрицы Екатерины II в Полоцке // Полоцко-Витебская старина. Вып. III. Витебск, 1916. С. 58.
- ³⁶ *Еситов Г.В.* Путешествие Екатерины II в южную Россию в 1787 г. // Киевская старина. 1891. № 9. С. 420.
- ³⁷ *Загидуллин И.К.* Исламские институты в Российской империи. Мечети в европейской части России и Сибири. Казань, 2007. С. 87–89, 191.
- ³⁸ *Абдулжемид, муфтий.* [Послание к кадиям] // Московский телеграф. 1831. Ч. 42. С. 134; Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб., 1886. С. 463, 465; Речь, произнесенная оренбургским муфтием Габдуссалимом Габдрахимовым в Оренбурге // Журнал Министерства внутренних дел. 1837. Ч. 25, № 9. С. 535–538.
- ³⁹ См., например: Верноподданническая телеграмма кубанских черкесов // Кубанский курьер. 1914. 26 окт. С. 3; *Загидуллин И.К.* Указ. соч. С. 91, 92.

- ⁴⁰ *Загидуллин И.К.* Указ. соч. С. 91, 193. Официальные циркуляры о порядке совершения молитв в мечетях по торжественным общегосударственным поводам от 1898, 1902 и 1913 гг. см.: Там же. С. 397, 402, 403.
- ⁴¹ См., например: Казанская научно-промышленная выставка 1890 г. Каталог / Учебный отдел; Зав. отд. Н.А. Осокин. Казань, 1890. С. 46; Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М., 2008. С. 390.
- ⁴² *Берже А.П.* Молитва для мусульман на Кавказе, составил в 1820 г. А.П. Ермолов // Русская старина. 1881. Т. 32. С. 454; *Маньшиев С.Б.* «Непреренно была читана ими во всех местах или собраниях...»: (о молитве за царя у ногайцев Северного Кавказа в первой четверти XIX в.) // Ногайцы, XXI век: История. Язык. Культура: от истоков – к грядущему / отв. ред. Н.Х. Суюнова, А.Х. Курмнсеитова, С.А. Кукаева. Черкесск, 2014. С. 75–77.
- ⁴³ *Арапов Д.Ю.* Ермоловская молитва за царя 1820 г. // Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В.О. Бобровникова, И.Л. Бабич. М., 2007. С. 370, 371.
- ⁴⁴ *Загидуллин И.К.* Указ. соч. С. 89.
- ⁴⁵ Например, «Молитва за здоровье божества, вращающего своей мощью колесо, могущественного господина императора Александра Второго под названием “Умножающая срок жизни”»: «Да укрепится здоровье великого монарха, владыки людей, распространяющего силой истины учение Победоносного, распространится, словно молодой месяц, благой закон древних монархов, и наслаются его совершенным великолепием все живые существа» (цит. по: *Цыремпилов Н.В.* Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX в.). Улан-Удэ, 2013. С. 207).
- ⁴⁶ *В.А.И.* Присяга бандидо-хамбо-ламы монголо-бурят Восточной Сибири // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1884. 22 сент. (№ 38). С. 421.
- ⁴⁷ *Воронцов А.* Несколько слов по поводу верноподданнейших адресов от калмыков Астраханской губернии его величеству государю императору Александру Николаевичу // Астраханские епархиальные ведомости. 1877. № 43. С. 5, 7; *Фролова Г.Д.* «Богда-наследник Николай» в хвалебных песнях бурят // Восточная коллекция. 2004. № 4 (19). С. 30; *Цыремпилов Н.В.* Буддизм и империя. С. 207; *Его же.* Лубсан Самдан Цыденов ... С. 71.
- ⁴⁸ *Фролова Г.Д.* Указ. соч. С. 32.
- ⁴⁹ *Тулоханов М.И.* Бурятские исторические песни. Улан-Удэ, 1973. С. 100.

- ⁵⁰ *Фролова Г.Д.* Указ. соч. С. 30; *Цыремпилов Н.В.* За святую дхарму и белого царя: Российская империя глазами бурятских буддистов XVIII – начала XX веков. С. 23. URL: <http://www.torchinov.com>
- ⁵¹ Цит. по: *Цыремпилов Н.В.* Лубсан Самдан Цыденов ... С. 69. Чинтаманичаkra – буддийское божество, исполняющее желания.
- ⁵² *Цыремпилов Н.В.* За святую дхарму и белого царя. С. 24.

Литература

- Загидуллин, И.К.* Исламские институты в Российской империи. Мечети в европейской части России и Сибири [Текст]. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. 416 с.
- Казанская научно-промышленная выставка 1890 г. Каталог [Текст] / Учебный отдел; Зав. отд. Н.А. Осокин. Казань: тип. Имп. ун-та, 1890. 224 с.
- Камер-фурьерский журнал 1771 года [Текст]. СПб.: [2-е Отд-ние С.Е.И.В. канцелярии], 1857. 464 с.
- Камер-фурьерский церемониальный, банкетный и походный журнал 1772 года [Текст]. [СПб.: 2-е Отд-ние С.Е.И.В. канцелярия, 1857]. 528 с.
- Камер-фурьерский церемониальный журнал 1775 года [Текст]. СПб.: [Общий арх. М-ва имп. двора], 1878. 914 с.
- Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года [Текст]. СПб.: [Общий арх. М-ва имп. двора], 1886. 1170 с.
- Камер-фурьерский церемониальный журнал 1789 года [Текст]. [СПб.: тип. Деп. уделов], 1888. 598 с.
- Камер-фурьерский журнал, 1796 года. Приложения. СПб.: [Общий арх. М-ва имп. двора], 1897. 146 с.
- Камер-фурьерский церемониальный журнал 1805 года [Текст]. Июль – декабрь. СПб.: [Общий арх. М-ва имп. двора], 1904. 432 с.
- Камер-фурьерский церемониальный журнал 1806 года [Текст]. Июль – декабрь. СПб.: [Общий арх. М-ва имп. двора], 1905. 747 с.
- Красножсен, М.* Иноверцы на Руси [Текст]. Т. I: Положение неправославных христиан в России. Юрьев: тип. К. Матиссена, 1900. 207 с.
- Лунный свет [Текст]: калмыцкие ист.-лит. памятники (XIV–XIX вв.) / ред.-сост. А.В. Бадмаев. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2003. 476 с.
- Макаров, М.Н.* Воспоминания о коронации императора Александра I [Текст] // Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой русской истории XVIII и XIX века. Изд. М. Михайлов. СПб., 1873. С. 47–94.

- Манышев, С.Б.* «Непрерывно была читана ими во всех местах или собраниях...» [Текст]: (о молитве за царя у ногайцев Северного Кавказа в первой четверти XIX в.) // Ногайцы, XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему / отв. ред. Н.Х. Суянова, А.Х. Курмнсеитова, С.А. Кукаева. Черкесск, 2014. С. 75–77.
- Народы Поволжья и Приуралья [Текст]: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / отв. ред. Н.Ф. Мокшин, Т.П. Федянович, Л.С. Христолюбова. М.: Наука, 2000. 579 с.
- Памятники Сибирской истории XVIII века [Текст]. Кн. 1: 1700–1713. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1882. XXXII, 551 с., XXXIV стб.
- Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 1. Т. 1. СПб.: тип. С.Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1072 с.
- Полное собрание ученых путешествий по России ... [Текст]. Т. 3. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1821. [1], II, VIII, 540 с.
- Сапунов, А.П.* Пребывание императрицы Екатерины II в Полоцке [Текст] // Полоцко-Витебская старина. Вып. III. Витебск: типо-лит. М.Б. Неймана, 1916. С. 55–83.
- Собрание государственных грамот и договоров [Текст]. Ч. 3. М.: в тип. С. Селивановского, 1822. [4], IV, [12], 540 с.
- Тулоханов, М.И.* Бурятские исторические песни [Текст]. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 246 с.
- Умитбаев, М.-С.* Празднество магометан в г. Уфе по случаю получения оренбургским муфтием высочайшей награды – ордена Станислава 1-й степени [Текст] // Уфимские губернские ведомости. 1877. 12 февр. (№ 7). С. 3.
- Фирсов, Н.А.* Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время [Текст]. Казань: Унив. тип., 1869. [2], IV, IV, 447 с.
- Фролова, Г.Д.* «Богда-наследник Николай» в хвалебных песнях бурят [Текст] // Восточная коллекция. 2004. № 4 (19). С. 29–33.
- Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 464 с.
- Цыремпилов Н.В.* Буддизм и империя [Текст]: бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX в.). Улан-Удэ: [Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН], 2013. 336 с.
- Цыремпилов Н.В.* За святую дхарму и белого царя [Текст]: Российская империя глазами бурятских буддистов XVIII – начала XX веков. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.torchinov.com> (дата обращения: 05.04.2013).

Цыремпилов, Н.В. Лубсан Самдан Цыденов и идея буддийской теократии в Забайкалье [Текст] // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2007. № 6. С. 64–75.

Эвлия, Челеби. Книга путешествия [Текст]: (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 1: Земли Молдавии и Украины / сост. и отв. ред. А.Д. Желтяков. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 338 с.

Э.П. Федосова

ОСТЗЕЙЦЫ В ИМПЕРИИ РОМАНОВЫХ*

В статье исследуется политическая элита Прибалтики XVIII–XIX вв., называемая «остзейцами», которая представляла собой высший слой немецкого дворянства. Они веками управляли этими территориями. После вхождения в состав России в обмен на подтверждение своих сословных привилегий, прав и земельных владений они должны были использовать свой опыт управления на службе в российской администрации и в армии. В статье рассматривается процесс развития взаимоотношений «остзейцев» и правительства Российской империи, в результате которого немецкие дворяне стали оплотом царской власти в Прибалтике.

Ключевые слова: Прибалтика; остзейцы; Лифляндия; Эстляндия; ландтаг; сословные привилегии; немецкое дворянство; реформы.

E.P. Fedosova

“OSTZEITSY” IN THE EMPIRE OF THE ROMANOV

The article studies the political elite of the Baltic States XVIII–XIX centuries – “ostzeitsy”, which was a top layer of the German nobility. For centuries they ruled these territories. After becoming a part of Russia in exchange for confirmation of their class privileges, rights and land holdings they had to use their management experience in service in the Russian administration and in the army. The article discusses the evolving relationship “ostzeitsy” and the government of the Russian Empire, in which the German nobles became a stronghold of Imperial power in the Baltic.

Key words: Baltic States; ostzeitsy; Livonia; Estland; diet; class privileges; German nobility; reforms.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-14001а(ц).

Прибалтика пользовалась особым статусом в составе Российского государства. Лифляндия и Эстляндия, присоединенные к России в 1710 г., к началу царствования Екатерины II не были интегрированы в состав империи, так как основным принципом российской политики в присоединении новых земель было сохранение статус-кво и сотрудничество с местной элитой.

Элитой Прибалтики являлся немногочисленный, но зато сильно сплоченный высший слой привилегированного матрикулированного немецкого дворянства, который в России называли «остзейцами» (от названия Балтийского моря – Ostsee)¹.

Важным элементом автономии Прибалтики, дарованной Петром I, были привилегии сословий, институционально выражавшиеся в существовании сословных организаций рыцарства, городов и суда, которые осуществляли функции самоуправления. Именно они управляли этими территориями и должны были использовать свои специфические особенности, ставя их на службу администрации, армии и культуре Российского государства в обмен на подтверждение их привилегий, сословных прав и владений.

Господство немцев над Прибалтикой исчисляется веками начиная с XII века, когда немецкие бароны и рыцари захватили обширные территории между реками Неманом и Нарвой. В течение последующих столетий немецкие помещики и бюргеры колонизировали этот край. Это заморская колония немецких феодалов и ганзейских городов называлась тогда Ливонией. Здесь постепенно в течение XIII–XVIII вв. складывались привилегии немецких помещиков и бюргеров, которые закрепили сословное самоуправление, обеспечивавшее независимость привилегированных сословий от центральной власти, в чьих бы руках она ни была².

Остзейские помещики пользовались такими же неограниченными правами и в органах волостного самоуправления: волостная управа, волостной суд и так называемая мызная полиция в целом и каждый член этих организаций в отдельности зависели от произвола помещиков³.

Крупные города Прибалтики – такие, как Рига, Ревель (Таллин), Дерпт (Тарту) и Пернов (Пярну) – были независимы от дворянских сословных учреждений в административном и судебном отношении, т.е. имели так называемое магдебургское право, основанное на самоуправлении.

Самоуправление, созданное по образцу северогерманских торговых городов, было представлено тремя местными корпорациями – сословиями немецких бюргеров: Большой и Малой гильдией и ратом (магистратом), который возглавляли выбранные из его членов бургомистры. Магистрат объединял законодательные, управленческие, судебные и фискальные функции. В Риге существовал «суд бургграфа», который в лице одного из бургомистров имел право суда над дворянами. В магистрат избирались пожизненно, а выбывшие из него члены пополнялись путем кооптации. Магистраты распоряжались городским хозяйством и выполняли основные административные, судебные и некоторые другие функции⁴.

Низшие судебные инстанции в городах Прибалтики были выборными органами местного дворянства. В каждом уездном городе в Лифляндии существовал ландгерихт – низший судебный орган по уголовным и гражданским делам, включавший ландрихтера и двух ассессоров, избираемых дворянством. В Эстляндии такие суды назвались мангерихтами и состояли из манрихтера и также двух ассессоров. Кроме того, в городах Эстляндии были еще нидерландгерихты – низшая уездная судебная инстанция по дворянским делам. Ассессоры были заменены в них местными предводителями дворянства⁵.

Высшими судебными органами в Лифляндии были гофгерихты, в Эстляндии – оберландгерихты. Гофгерихт состоял из президента, вице-президента, двух ландрихтеров, двух советников и двух ассессоров. Кроме советников, все должности являлись выборными. Власть гофгерихта распространялась на всю губернию, за исключением Риги и ее округа. Здесь рассматривались государственные и должностные преступления, во второй инстанции – жалобы о нарушениях порядка судопроизводства местными судебными учреждениями, а также решения уездных крестьянских судов в порядке ревизии⁶.

Оберландгерихт состоял из председателя, которым являлся местный губернатор, и 12 ландратов. Там судились дворяне и чиновники, а для горожан существовали мангерихты. В Лифляндии горожане судились в нижних городских судах и магистратах, а крестьяне – в приходских и уездных судах.

Административно-полицейская власть в каждом уезде Лифляндии осуществлялась орднунгерихтами, которые включали орднунгсгерихтера и двух адьюнктов. В Эстляндии они назывались гакенрихтерами. Депутаты в эти органы выбирались местным дворянством из своей среды и имели широкие полномочия: полицейские, административные и ряд судебных.

Таким образом, в местных выборных учреждениях Прибалтики все должности находились в руках немецкого дворянства, а государственные учреждения представляли собой сословные организации. Коренное население – латыши и эстонцы никакого участия в управлении не принимали – как в сельской местности, так и в городах.

Устройство и управление школами и церковью было под началом немцев, делопроизводство в административных органах и суде велось на немецком языке.

Ливония номинально входила в состав средневековой Германии, была ее заморской колонией. Однако реально она была связана с римской курией, отношения с которой в XVI в. окончательно прекратились в связи с реформацией. Это привело к полной внешнеполитической изоляции Ливонии, которая стала для нее роковой, когда в XVI в. в борьбу за господство над Балтийским морем вступили такие сильные государства, как Дания, Швеция, Польша и Московское царство.

Поскольку Ливония была очень выгодно географически расположена на тогдашних торговых путях из Восточной Европы к Балтийскому морю, то с первых же дней Ливонской войны (1558–1582 г.) немецкие феодалы поняли безвыходность своего положения и 4–6 июня 1561 г. подписали акты о переходе в шведское подданство.

28 ноября 1561 г. подобный акт подписали представители Лифляндского и Курляндского рыцарства о подчинении Польше, где немецкие бароны хотели не только сохранить все свои

политические права и власть над собственными крепостными, но и приумножить свои привилегии. И действительно, власть над крепостными здесь осуществлялась без какого-либо содействия польских властей.

Однако польские светские и церковные феодалы смотрели на Ливонию как победители и целым рядом своих постановлений (1582, 1589 и 1598 гг.) польский сейм уничтожил местную политическую автономию и разделил Лифляндию на обыкновенные воеводства, где все должности занимались только представителями польской шляхты, которая предъявила свои претензии на владения именьями в Лифляндии⁷. Для того, чтобы передать земли и крепостных польско-литовской шляхте, была объявлена «ревизия» имений, т.е. проверка документов, на основании которых лифляндские бароны владели своими именьями. Поскольку при захвате земель бароны, естественно, не руководствовались законами, то многие из них лишились своих имений.

В тех же целях захвата польская шляхта начала восстанавливать в Ливонии католичество, что создало новую угрозу для немецких феодалов, так как они лишались церковных богатств и земли. Поэтому к концу XVI в. у большинства немецких баронов появились шведофильские настроения. Польско-шведская война (1600–1629 гг.) окончилась переходом Лифляндии к Швеции. Таким образом, Ливония (кроме Курляндии и Латгалии) заняла одно из первых мест среди заморских шведских владений по своему экономическому и политическому значению. Шведское владычество продолжалось 100 лет. Оно делится на два периода. Первый – до последней четверти XVII в. – это союз ливонских феодалов со шведской королевской властью. К этому времени относится оформление лифляндского «Landesstaat» – когда в основных чертах был создан аппарат управления и судебной власти, сложились органы дворянского сословного управления. Некоторые из которых уцелели вплоть до конца XIX в.

Высшим органом местного самоуправления и одновременно сословной организацией дворянства был ландтаг⁸, который имел очень узкий в социальном отношении состав: кроме не-

мецких помещиков и представителей немецкой буржуазии туда никто не допускался. Он избирал должностных лиц в административные и судебные органы, контролировал их деятельность, а также имел право выносить постановления, обязательные для всех жителей губернии. Ландтаги обычно созывались один раз в три года.

В заседаниях ландтага принимали участие все землевладельцы губерний, а также представители городов. Право голоса по всем вопросам имели только имматрикулированные дворяне*, остальные землевладельцы – земские дворяне – имели право голоса только по вопросам налогового обложения и не имели доступа к должностям. Совершенно не допускались на заседания ландтага представители мелких городов, даже Рига могла посылать только двух своих представителей, которые имели, вдобавок ко всему, один голос на двоих⁹. В промежуточный период действовали дворянский конвент и коллегия ландратов, вначале представлявшая 8, а затем 12 ландратов. Ландраты выполняли административные и судебные функции и выбирались пожизненно, а коллегия ландратов контролировала деятельность судебных и административных органов. В 1662 г. установился порядок управления текущими делами дворянства, при котором каждый из ландратов занимался ими поочередно, находясь в Риге. Таким образом, ландтаги из органов представительства сословий превратились в орган сословного представительства помещиков. В промежутке между двумя ландтагами собирались на конвенты особые представители дворянства – депутаты от уездов.

Ливония в шведский период делилась на две губернии – Эстляндию и Лифляндию. Они управлялись губернаторами, подчинявшимися генерал-губернатору, который, являясь представителем центральной власти, сосредоточивал в своих руках высшее управление обеими губерниями. Губернии были разделены на уезды, каждый управлялся особым наместником. В

* Имматрикулированные дворяне – т.е. внесенные в матрикулы (списки дворян остзейских территорий).

отдельных случаях низшим административным делением были приходы.

Все эти судебные и административные учреждения в виде «шведского наследия» потом перешли к русскому правительству.

Таким образом, первые 50 лет шведского господства стали временем укрепления позиций ливонских помещиков, однако с 1650 г. этот союз и мирное сотрудничество с шведской королевской властью стали портиться, когда шведский сейм впервые вынес постановление о редукции¹⁰ имений, т.е. о возвращении государству казенных имений, которые без соответствующих законных оснований оказались в руках дворянства. Еще в 1662 г. поднимался вопрос о редукции в Эстляндии и Лифляндии.

Но решительный перелом произошел при Карле XI (1660–1697) – стороннике абсолютизма в Швеции. Его борьба с феодальной раздробленностью и централизация управления шли вразрез с процессом провинциальной обособленности немецких баронов в Эстляндии и Лифляндии. Таким образом, «лифляндцы» и «эстляндцы» стали противниками королевского абсолютизма.

Но несмотря на то, что редукция к 1687 г. была закончена, большинство имений осталось в руках прежних владельцев.

Буржуазия городов придерживалась шведской ориентации и, несмотря на страшные бедствия Северной войны, даже в XVIII в. сохранила свои шведофильские настроения.

Лифляндское дворянство было недовольно шведской политикой. На своем ландтаге 1681 г. оно отказалось считаться с нуждами государства и решительно возражало против проектов уничтожения крепостной зависимости и лишения помещиков права подвергать крестьян телесному наказанию. Чтобы окончательно сломить противодействие реформам, Карл XI указом от 20 декабря 1694 г. упразднил Коллегию ландратов. Ландтаги могли собираться по предложению самого короля и под председательством его наместника – рижского генерал-губернатора. После 1693 г. ландтаги вообще перестали созываться.

В ответ лифляндское дворянство попыталось договориться с польским королем Августом Саксонским о создании олигархической дворянской республики под чисто номинальной властью его и его преемников на престоле курфюрста Саксонии. В этом государстве не мыслилась защита крепостных, а, наоборот, подразумевалась полная ликвидация достигнутого при шведах улучшения их положения. Подлежали уничтожению также ненавистные рыцарству привилегии городов, в первую очередь в Риге. Это была программа прибалтийских баронов к началу Северной войны.

Однако военный поход «саксонцев» потерпел неудачу под Ригой в самом начале 1700 г., а летом 1701 г. Карл XII разбил саксонскую армию при Спильзе и вместе с ней уничтожил все расчеты прибалтийских баронов, которые в дальнейшем уже связывали свои политические планы с военными успехами России.

Выход к Балтийскому морю был для Московского государства экономической необходимостью. Оно искало выхода для своей внешней торговли и сношений с границей. В 1701 г. Россия претендовала только на Ингерманландию, которая считалась самым подходящим местом для этой цели. Но в результате мирных переговоров в Ништадте в 1721 г. Россия получила обширную территорию от Выборга до Риги с рядом крупных городов на Балтийском море.

Эстляндия с Нарвой и Ревелем и Лифляндия с Ригой имели для России военно-политическое значение – для ослабления военной угрозы и защиты Санкт-Петербурга со стороны Швеции, Польши и других западных соседей. Обладание же Ливонией усиливало позицию России на Балтийском море.

До Полтавской битвы, на протяжении нескольких лет, русское правительство в отношении Эстляндии и Курляндии придерживалось тактики военных набегов. Судьба же Ливонии после Полтавы была решена независимо от воли и настроения лифляндских баронов. Россия начала систематическую оккупацию всей страны. Так, в течение 1710 г. русская армия заняла все укрепленные города Лифляндии и Эстляндии.

Победоносная Россия вызвала тревогу у своих бывших союзников. Образовались открыто враждебные ей коалиции: в 1714 г. Англии, Франции и Голландии, а в 1718 г. Англии, Австрии и Саксонии. Инициатором всех политических комбинаций, враждебных России, была Англия.

Внешнеполитические затруднения после Полтавы, международная обстановка и стремление осуществить свои планы в отношении Прибалтики заставили Петра I искать поддержки у ливляндских и эстляндских баронов, добиваться их добровольного изъявления преданности царю и желания стать его подданными, тем более, что ни для одной из сторон не было особого выбора союзников. Таким образом, союз царского правительства с прибалтийскими немецкими баронами оказался взаимовыгодным и просуществовал 200 лет.

Первоначальное сближение сменилось более тесным контактом, и зачастую можно говорить об искренней дружбе между русскими царями и представителями немецких баронов. Оказавшись под властью царя, остзейское рыцарство нашло свое положение весьма выгодным, и между ними наметилось искреннее политическое сотрудничество, к взаимной выгоде обеих сторон.

В 1710 г. при капитуляции Риги и Ревеля русское правительство дало обещание прибалтийскому дворянству возвратить им все их имения, отнятые шведскими властями, что и было полностью осуществлено. Остзейская знать получила монопольные права на землю и крепостных. Затем Петр I и в дальнейшем его преемники гарантировали ей свободу вероисповедания, сохранили немецкий язык в местных государственных учреждениях, право на занятие всех должностей, кроме воинских, – все это стало исключительно привилегией местного дворянства, которое одновременно пользовалось обширными правами сословного или корпоративного самоуправления.

Отношение Петра I к остзейским привилегиям определялось той исторической обстановкой, в которой ему приходилось разрешать в пользу России сложный балтийский вопрос. Он воспользовался недовольством немецкого дворянства, оби-

женного шведским правительством за редукцию имений и ограничение крепостного права.

Вначале немецкие бароны сделались союзниками и оплотом царской власти в Прибалтике без всякого намерения стать подданными царя. Однако балтийская политика Петра I, из которой прямо вытекала ставка на подражательность («Раз у нас есть счастье иметь в числе подданных собственных внутренних иностранцев, немцев, то как же не отдать именно им пальму первенства в занятии русских гражданских и военных должностей»¹¹), сделала из немецких баронов верных слуг русских царей.

Начиная с Петра I на прибалтийских баронов смотрели как на европейских специалистов – учителей русских дворян и образцовых организаторов крепостного хозяйства, достойных подражания. На военной и государственной службе они обыкновенно приравнивались к русским дворянам¹², но сама служба не являлась обязательной, а всецело зависела от их собственного желания. Поэтому правительство многих из «лифляндцев и эстляндцев» по окладам приравнивало к иностранным офицерам (у которых жалование было в два-три раза выше, чем у русских), чтобы таким образом удерживать их от поступления в иностранные армии. Так, Верховный Тайный совет указом от 19 декабря 1729 г. постановил выплачивать «жалованье принятым офицерам в службу из лифляндского и эстляндского шляхетства как иноземцам». При формировании лейб-гвардии Измайловского полка 22 сентября 1730 г. предписывалось: «и офицеров определить из Лифляндцев, Эстляндцев и Курляндцев и прочих наций иноземцев и из Русских»¹³. В 1730 г. был сформирован Измайловский лейб-гвардии конный полк. Эти новые два полка были укомплектованы офицерами из лифляндцев, эстляндцев и курляндцев. Лифляндский ландрат К.Г. Левонвольде, приехав в Москву поздравить Анну Иоанновну с восшествием на престол, воспользовался тем, что его брат Рейнгольд был фаворитом и получил назначение в Измайловский полк в чине полковника. При нем подполковниками и майорами были немцы и остзейцы и только один русский. Унтер-офицеры и капралы тоже были из лифляндцев и курляндцев.

Таким же был принцип формирования лейб-гвардейского конного полка. За десятилетие с 1731 г. по 1741 г. было назначено 100 офицеров, из которых 40 немцев¹⁴. Таким образом, Измайловский полк и конная гвардия стали, благодаря близости ко дворцу и связи с высшими слоями столичного общества, рассадником сильного политического влияния остзейцев¹⁵.

Однако меры по онемечиванию гвардии не были ни долговременными, ни удачными ни при Бироне, ни при Анне Леопольдовне, ни при Петре III, который сам был немцем.

Торговая и финансовая политика правительства Петра I сильно содействовала экономической изолированности «вновь завоеванных губерний» от России. Именно такая экономическая изоляция Прибалтики способствовала не только сохранению, но и дальнейшему развитию местных ливонских и эстляндских привилегий.

Поскольку русские помещики в XVIII в. еще не освоили черноземных земель, то их не очень привлекали пожалования имений в Эстляндии и Ливонии. Были лишь единичные случаи. Поэтому имения здесь жаловались зачастую выходцам из Германии, поступившим на русскую государственную или военную службу. Немецкие бароны вообще подвизались на самых различных поприщах государственной службы. Три четверти местных землевладельцев или арендаторов не просто назывались дворянами или баронами, они имели различные чины и ранги военного и гражданского ведомства.

Обеспеченные землей и деньгами, немецкие бароны оставались на государственной службе только при исключительно благоприятных условиях, когда они занимали высшие должности, которые обеспечивали их высокими окладами и давали возможность надеяться на особую милость царя в виде пожалования казенных имений в аренду или даже в собственность. При всяких служебных неприятностях они гордо удалялись в свои ливонские вотчины.

В 1740-х годах увеличилось значение ландтага как оплота ливонского дворянства в борьбе за привилегии и монопольные права на землю. Но для этого надо было устранить мелких землевладельцев. После составления дворянского матрикула

остзейцы приступили к реформе органов самоуправления. По уставу ландтага 1759 г., землевладельцы, не принадлежащие к дворянству, лишились права голоса по всем вопросам, не касавшихся поземельного обложения. В последнем случае эти так называемые «Landsassen» сохранили право голоса лишь по настоянию правительства. Эстляндские помещики одной из своих главных привилегий считали положение, по которому налоговое обложение не может превышать тот максимум, который был установлен шведским земельным кадастром при Карле XI.

Начиная с 1750-х годов в правительственных кругах раздавались голоса протеста против подобных правил. Представители русского дворянства, а в данном случае они выступали в качестве выразителей «общегосударственных интересов», возмущались и негодовали против «сепаратизма» немецких баронов, которые присваивали себе слишком много, а на долю государства приходилась, по их мнению, незначительная часть доходов от эксплуатации крестьян¹⁶.

Правовые акты, которыми оформлялся переход Лифляндии и Эстляндии под власть России, стали основанием для всего дальнейшего существования остзейских привилегий. В хронологическом отношении возникновение актов и еще больше их юридическую природу можно разделить на несколько групп, неодинаковых по своему значению.

Первая группа – это так называемые «универсалы» или «мандаты». Они представляют собой воззвания ко всему населению, но особенно к горожанам и рыцарству, публиковавшиеся в 1704, 1709 и 1710 гг. фельдмаршалом Б. Шереметьевым от имени Петра I, с целью облегчить покорение края. В этих документах давалось торжественное обещание восстановить, сохранять и приумножать нарушенные шведами «древние привилегии, вольности, права и преимущества» герцогств лифляндского и эстляндского¹⁷. Из них только универсал 1710 г. с обращением к жителям Эстляндии напечатан в Полном собрании законов Российской империи¹⁸. Подлинные тексты остальных остаются неизвестными.

Ко второй группе относятся так называемые капитуляции, подписанные шведским комендантом, с одной стороны, и русским командованием – с другой. В них среди условий сдачи Риги, Пернова и Ревеля также имеются пункты по защите остзейских прав и сословных привилегий¹⁹.

Третья группа – это «Аккордные пункты» юридических актов, которые представляют собой договоры отдельных остзейских сословий с русским военным командованием по случаю перехода их в подданство России. Каждый из этих трех документов был написан независимо от других шведским генерал-губернатором, ливляндским дворянством и рижским магистром. Все они были подписаны Шереметьевым, которому Петр I советовал не особенно скупиться на обещания²⁰.

Четвертая группа – жалованные грамоты Петра I. С одной стороны, они являются подтверждением «Аккордных пунктов», которые без санкции царя потеряли бы свое значение. С другой стороны, жалованные грамоты 1710 г. послужили прототипом всех последующих жалованных грамот, которыми преемники Петра I подтверждали остзейские привилегии в начале каждого нового царствования. Этот порядок сохранялся вплоть до Александра II.

К пятой группе относится сам Ништадтский мирный договор, 30 августа 1721 г.

Особенно выделяются по своему историческому значению Аккордные пункты, так как на них основывалось существование и дальнейшее развитие прибалтийской автономии в XVIII–XIX вв. «Аккордные пункты» носят сословно-феодальный характер и по своему содержанию сводятся к перечню сословных привилегий дворянства и городов Риги и Ревеля. Хотя и в них нет даже упоминания о правах остальных жителей страны. Под названием «провинциальный штат» понимается только выборные должностные лица дворянства: ландмаршалы, ландраты и другие представители господствующего сословия. Однако являясь выборными органами дворянства, все эти лица и учреждения присваивали себе права и функции правительственной власти и государственных органов.

Лантаг по своему составу – сословный орган дворянства, но его постановления приобретали для местного населения обязательную силу. Выбираемые дворянством судьи получали право фактически безапелляционно выносить приговоры по всем крестьянским делам. Лютеранская церковь и школа превращались в придаток к сословной организации дворянства. Только в пределах городской черты Риги и Ревеля кончалась власть барона, но там господствовал магистрат – городское дворянство. Немецкое управление, немецкий язык и немецкое право – на них держалась вся остзейская привилегия «Landesstaat».

До выхода в свет в 1868 г. книги «Окраины России» Ю.В. Самарина²¹ не существовало никаких сомнений относительно природы капитуляций 1710 г.: за ними признавался характер двусторонних договоров. Ю. Самарин первым высказал мысль, что рыцарство и магистрат городов, как подданные России, не правомочны вступать в договорные отношения с царем – носителем государственного суверенитета, поэтому капитуляции – это просто жалованные грамоты, юридическая сила которых зависит от волеизъявления монарха. Остзейцы же считали, что капитуляции 1710 г. носят договорный характер, и поэтому русское правительство не правомочно их расторгнуть односторонним актом без согласия рыцарства и магистратов Риги и Ревеля и не может осуществлять реформы, затрагивавшие остзейские привилегии.

При подписании Ништадтского мирного договора 1721 г. в статье 10 российское правительство еще раз дало гарантию соблюдать все вышеизложенные статьи, и все это без изменений было потом повторено в тексте Абоского мирного договора 1743 г.

Таким образом, правительство признало права немецких помещиков на владение имениями, а также их власть над крепостными, и их привилегии были не только формально признаны, но они могли приступить к их осуществлению на практике.

По поводу толкования юридической природы актов, возникших во время завоевания Прибалтики, дискуссии шли уже в XVIII–XIX вв. Высказывались различные теории и мнения:

одни (немцы) считали, что акты имеют двусторонний договорной характер и последующие мирные договоры между Россией и Швецией дали им международно-правовую санкцию; другие (Ю. Самарин и др.) доказывали, что вся автономия Прибалтики и привилегии местного немецкого меньшинства основаны на односторонним акте волеизъявления «самодержавной власти русского царя». Они признавали двусторонний, но временный характер спорных актов.

Но ведь акты 1710–1712 гг. утверждали местные права и привилегии лишь в общем и целом, они описывались в общей и лишенной точных и ясных границ формуле²². Как писал Ю. Самарин: «Учреждение, права и обычаи балтийских дворянских и городских обществ по завоевании Петром I Лифляндии и Эстляндии были признаны русским правом и утверждено гуртом»²³.

Поскольку все привилегии вместе взятые представляли собой акты, документы различного происхождения и содержания, относившиеся к разным историческим эпохам и нередко взаимно противоречившие по своему содержанию, то все это привело к мешанине правовых норм и к хаосу, который можно было бы привести в порядок только кодификационными действиями законодательных органов. Но в актах 1710–1712 гг. не было отчетливых указаний о законодательной власти.

Несмотря на то, что высшие государственные учреждения, выступавшие от имени царской власти, являлись законодательными органами и для Прибалтики, в XVIII в. в Эстляндии и Лифляндии имели силу те государственные законы, относительно которых были сделаны специальные указания – которые делались или по усмотрению самого законодателя, или же инициатива принадлежала местным органам самоуправления, которые возбуждали соответствующие ходатайства о распространении действия закона на Прибалтику. Но в первой половине XVIII в. правительство не особенно часто затрагивало местные порядки, мало интересовалось и внутренней жизнью. Местное право было представлено органами дворянского самоуправления, которое на основе привилегий, сложившихся

еще в середине XVI в., оформилось в так называемый «прибалтийский» или «остзейский» порядок.

В первой четверти XVII в. в Прибалтике уже сложилась система органов местного управления, аппарат административной и судебной власти – ландесштат. Это был комплекс сословных учреждений, при помощи которых остзейцы обеспечивали независимость от центральной власти.

Таким образом, присоединение Прибалтики к России не изменило положения немецкого дворянства. Чтобы закрепить свои позиции в Прибалтике, Петр I старался привлечь местных феодалов на свою сторону. Для этого он утвердил в полном объеме так называемые «остзейские привилегии», возвратил помещикам все имения, отнятые у них в ходе редукации²⁴, когда Прибалтика находилась еще под властью Швеции, утвердил все прежние права и преимущества прибалтийских городов, сохранил почти нетронутыми организацию самоуправления, средневековый корпоративный строй, право юрисдикции и бургграфский суд (в Риге), привилегии купцов и ремесленников. Петр вынужден был признать за немецкими горожанами особые права в хозяйственной и политической жизни города. Таким образом, Прибалтика получила подтверждение своей административной автономии. Кроме того, Петр I гарантировал остзейским баронам свободу католического вероисповедания, сохранения немецкого языка в местных государственных учреждениях.

Впоследствии эти привилегии по традиции утверждались всеми преемниками Петра I. Только начиная с Александра I оговаривалось условие, что они не должны противоречить общероссийским законам. Практически же это ничего не меняло, и «особый порядок» с несущественными изменениями был закреплен в 1845 г. «Сводом местных узаконений губерний Остзейских»²⁵. По своим местным законам прибалтийские губернии управлялись до 80-х годов XIX в.

Правительство, как отмечалось выше, всячески покровительствовало немецким дворянам, которые стали единственными арендаторами казенных имений и получили монопольные права на земельную собственность и на крепостных.

После присоединения к России в Прибалтике сохранилось прежнее административное деление, установившееся во времена шведского господства. Северная Эстония с г. Ревелем (Таллин) составляла отдельную Эстляндскую губернию. Южная часть континентальной Эстонии, остров Эзель (Сааремаа) и Видземе образовали особую Рижскую (позднее Лифляндскую) губернию с центром в Риге. Дворянство острова Эзель составляло в этой губернии отдельную корпорацию²⁶.

В ходе административной реформы часть территории Прибалтики, а именно Дерптский (Юрьевский) уезд Лифляндской губернии вошел в Ингерманландскую губернию, переименованную в 1710 г. в Санкт-Петербургскую. Эстляндия оказалась в составе Рижской губернии. Обычно число жителей в губернии составляло 300–400 тыс. человек. Губернии и области делились на уезды и округа. Число жителей в уездах достигало 20–30 тыс. человек²⁷.

В рассматриваемый период управление Прибалтикой находилось в руках генерал-губернатора, имевшего свою резиденцию в Риге.

В большинстве случаев генерал-губернаторами назначались известные полководцы русской армии (граф Б.П. Шереметев, князь А.Д. Меншиков, фельдмаршалы Н.И. Репнин, П.П. Лесси и др.). Среди одиннадцати губернаторов (в 1713–1762 гг.) было шесть генерал-лейтенантов, три генерал-майора и два генерала. В остзейских губерниях генерал-губернаторы были наделены военной властью и в то же время обладали большим весом и значением при дворе. Замена их «простыми» губернаторами означала принижение самих губерний до уровня остальных областей империи.

Реформа в Прибалтике была проведена лишь в 1782–1784 гг., когда произошло разделение администрации, суда и финансов. Вместо Лифляндской и Эстляндской были созданы новые губернии: Рижская и Ревельская, южные эстонские земли отошли к Рижской губернии. Возглавлял губернии общий генерал-губернатор (наместник), которому подчинялись губернская и уездная администрация на тех же основаниях, что и в обычных губерниях России. Непосредственное же управле-

ние каждой губернией осуществлялось губернским правлением под руководством губернатора, а в его отсутствие – вице-губернатора. Наместники, назначавшиеся самой Екатериной II и отчитывавшиеся перед ней и Сенатом, получили очень широкие полномочия.

Особенностью местного аппарата управления было образование при губернском правлении двух экспедиций, которые вели делопроизводство – одна на русском, а другая – на немецком языке²⁸.

Высшими судебными органами в Прибалтике стали палаты гражданского и уголовного суда. Председатели этих палат утверждались на должность императрицей, а их члены – Сенатом. Назначение чиновников на все губернские административные и судебные должности производилось правительством, вместо практиковавшегося ранее избрания их самими дворянами. Исполнительные функции на местах закреплялись за учрежденными в каждом уезде нижними земскими судами во главе с уездным начальником и пятью заседателями, двое из которых избирались из среды казенных крестьян. Решения этих судов могли обжаловаться в верхнем земском суде, который находился в губернском городе. Председатель верховного земского суда утверждался Екатериной II. Государственных крестьян судили в Нижней расправе, а обжалования рассматривала Верхняя расправа губернского города²⁹.

Заседатели из крепостных крестьян, которые не только могли наблюдать, но иногда даже принимать участие в расследовании дел. Это необычное явление вызывало протест остзейского баронства, которое особенно возмущалось тем, что местническое правление исполняло все распоряжения Петербурга низшим инстанциям по расследованию жалоб крепостных крестьян. В ответ на такую реакцию в отношении правительственных реформ – административной и судебной – Екатерина II издала 12 августа 1786 г. указ, которым ликвидировались ландраты и ландратская коллегия. Этим был нанесен сильный удар по привилегированному положению прибалтийского дворянства³⁰.

В 1786–1787 гг. в Прибалтике проводилась реформа городского самоуправления. Рат (магистрат) был распущен, а его функции разделены между городской думой и городской управой. Участие в выборах получали все жители города, достигшие определенного возраста и отвечавшие требованиям имущественного ценза. Городской голова выбирался от всего городского общества. Полицейские обязанности возлагались на городничего, назначаемого Сенатом. Появилось специальное полицейское учреждение – управа благочиния. При этом Рига потеряла право посылать своих депутатов в ландтаг. Сенат также постановил, что жители Риги не имеют права владеть поместьями. Екатерина II отменила суд бургграфа.

Особое положение среди городов Прибалтики занимала Нарва, ставшая после присоединения к России в 1719 г. военной крепостью. В административном отношении она входила в состав Санкт-Петербургской губернии, но одновременно являлась главным городом Нарвской провинции. Петр I подтвердил все привилегии немецкого населения города. Нарва имела свое особенное городское управление и свои местные законы, которые в случае необходимости дополнялись постановлениями, действовавшими в Ревеле. В судебном отношении Нарва подчинялась эстляндскому обер-ландгерихту.

Во главе городского управления стоял магистрат, разделенный на две камеры (отдела). Первая состояла из двух бургомистров – юстиции и полиции, а во вторую входили президент, семь ратманов, два ассесора, нотариус, фискал и 13 низших служащих. Магистрат непосредственно подчинялся Сенату и петербургским Юстиц-коллегии и камер-контуре лифляндских и эстляндских дел. Русскому населению Нарвы разрешалось выбирать собственного бургомистра и ратманов. С 1787 г. здесь стали действовать новые органы управления: общая городская дума и исполнительная шестигласная дума, избиравшаяся сроком на три года. В городе имелись также товарищ прокурора, два судебных следователя, двое мировых судей, ревельский окружной суд (без присяжных заседателей). Привилегии немецкого населения Нарвы с тех пор больше уже не подтверждались³¹.

Города Прибалтики были включены в общую систему государственного управления в отношении полиции и суда, утратив таким образом свое особое положение среди других городов Российской империи³².

В первой половине XIX в. три прибалтийские губернии были объединены в единое Прибалтийское генерал-губернаторство. Возглавлявший его генерал-губернатор обладал очень широкими полномочиями: являлся главой местной администрации, осуществлял надзор за всеми гражданскими и военными учреждениями. Связь с местными сословными учреждениями, с центральными и правительственными органами – Сенатом, Комитетом министров и министрами – осуществлялась через работавшую при нем канцелярию. Генерал-губернатору, помимо местной администрации и полиции, подчинялись воинские части местных войск и военные учреждения, находившиеся на данной территории.

В этот период в Прибалтике сохранялась в основном прежняя система дворянских сословных органов самоуправления.

Местные ландтаги продолжали всячески ограждать свою независимость от центральных органов, чтобы не быть подведенными под общие законы империи и сохранить прежние права от всяких перемен, обсуждали все вопросы, касавшиеся прибалтийских губерний: рассматривали предложения правительственных органов и разрабатывали представления, предназначенные для передачи в государственные учреждения. Они широко использовали право предварительного обсуждения законопроектов центральных властей по проблемам, затрагивавшим прибалтийские губернии, а также возможность самостоятельно готовить аналогичные предложения.

Важнейшей прерогативой ландтагов было право назначать высших должностных лиц в местную администрацию, суд и полицию и фактически руководить деятельностью любого органа власти на местах.

Генерал-губернаторы, как и другие представители царской администрации, не имели права присутствовать на заседаниях ландтага.

В 1846 г. в Петербурге создается Остзейский комитет, канцелярия которого содержалась на средства прибалтийского дворянства. Председатели комитета – П. Пален (1846–1864 гг.) и М. Грюневальдт (1864–1875 гг.) – были выходцами из семей немецких помещиков. В заседаниях Остзейского комитета принимали участие предводители дворянства прибалтийских губерний. Немецкие дворяне и их петербургские сторонники в нем составляли подавляющее большинство³³. Остзейский комитет обладал правом рассматривать законопроекты по делам прибалтийских губерний, подготовленные местным дворянством, вносить поправки и представлять принятые им законопроекты на утверждение Государственного совета и императора. Комитет мог также направлять проекты в виде временных правил непосредственно царю, минуя Государственный совет. Обычно для введения в действие временных правил устанавливался определенный срок, но он не раз продлевался, и правила воспринимались уже как постоянные. Таким же образом остзейские дворяне утверждали проекты под видом дополнений к основным законам. Применяя различного рода затяжки в утверждении предложений в различных инстанциях, они сумели сохранить свое влияние в законодательстве. За 29 лет деятельности Остзейского комитета было проведено 36 необходимых им постановлений.

После завоевания Прибалтики Петр I, а позже и его преемники добросовестно выполняли условия мирного договора, до реформы Екатерины II не затронув привилегий остзейского дворянства и городов. Российские власти осуществляли лишь самое общее руководство этими территориями, вникая в административные и судебные дела местного дворянства.

Во всех местных учреждениях, как в выборных, так и представлявших центральную власть, почти не было русских. Русским был только генерал-губернатор, который представлял высшую власть, а состоявшие при нем помощники-губернаторы, вице-губернаторы, обер-комиссары, регенераты, обер-инспекторы были из остзейских дворян³⁴. За исключением рижского генерал-губернатора и вице-губернатора, все остальные должности оказались в руках представителей немецкого

дворянства, и фактически все государственные учреждения были лишь дворянскими сословными организациями. Как отмечал А. Нольде, «недаром в конце столетия, когда Екатерина пожелала создать в России достаточное местное управление, она искала образцов именно в прибалтийских губерниях»³⁵.

Все руководящие должности в судебных и административных учреждениях занимали чины коллегии ландратов, которые состояли из представителей немецких баронов и рыцарства. Должность ландрата считалась бессрочной и являлась высшей ступенью в местном провинциальном штате. Эта должность давала чин генерал-майора и открывала блестящие перспективы на получение высших административных постов в империи. Впоследствии многие лифляндские ландраты назначались вице-губернаторами, губернаторами или на равноценные им по значению должности в государственном аппарате. Некоторые ландраты потом оказывались на придворной службе, минуя обычное чинопроизводство. Таким образом, остзейские бароны приобретали важное служебное преимущество перед русскими дворянами.

В 1718 г. была учреждена Юстиц-коллегия, которой были подчинены рижский гофгерихт и эстляндский обер-гофгерихт, несмотря на их явное стремление к автономии. Вице-президентом Юстиц-коллегии обязательно был немец – первым был назначен бывший вице-президент гофгерихта в Риге. При них в 1724 г. образовался особый департамент по Лифляндским и Эстляндским делам под председательством того же вице-президента.

Камер-коллегия была создана в то же время и ведала делами по управлению казенными имениями и государственными доходами в Лифляндии и Эстляндии. Она состояла из немецкого камерира, ундер-камерира и камершрейберов в лице остзейцев.

С 1719 г. в результате областной реформы, открывшей новый этап в использовании остзейских немцев, они появились на русской гражданской службе³⁶. Остзейцы ценились как знатоки шведских учреждений и административных порядков. Русские генерал-губернаторы в Прибалтике не владели немец-

ким языком, поэтому были вынуждены доверяться своим немецким секретарям и переводчикам.

Все прибалтийские дела велись на немецком языке, и не удивительно, что в центральных государственных учреждениях они попадали к чиновникам немецкого происхождения, которыми и были укомплектованы соответствующие департаменты. Таким образом, вплоть до самых высоких инстанций управление Лифляндией и Эстляндией носило преимущественно немецкий характер.

К концу царствования Петра I в Петербурге образовалась довольно крупная немецкая колония, к ней присоединились отдельные остзейские бароны, служившие в армии, а после организации коллегий появились еще новые лица, состоявшие на государственной службе, но никто из них не пользовался самостоятельным влиянием на государственные дела.

Однако некоторым из них все же удавалось даже приблизиться к трону и воздействовать прямо на императрицу Екатерину I. Один из влиятельных представителей лифляндского рыцарства Рейнгольд Левенвольде начал карьеру камерюнкером и вскоре стал фаворитом Екатерины I. В 1725 г. он был произведен в камергеры, а в 1726 г. получил титул графа Российской империи и оказывал немаловажные услуги остзейским баронам.

Большим достижением для рыцарства и рижского магистрата было установление практики содержания в столице постоянного представительства. До бироновщины остзейские немцы занимали в России чисто служебное положение и никакой самостоятельностью не пользовались. Однако в период бироновщины немецкие бароны приобрели известность своей деятельностью при дворе, на высших государственных должностях и в армии. Это обстоятельство не оставалось без влияния на политику русского правительства в Прибалтике.

При Петре I, как уже указывалось выше, на русскую государственную и военную службу поступило много иностранцев, в том числе из немецких дворян, которые использовались в качестве специалистов по военным вопросам. Но Петр I обычно не допускал иностранцев к ответственным государственным

должностям. Первые должности должны были занимать русские, а вторые – немцы. Так, главнокомандующим армией и президентом военной коллегии был русский, а членами коллегии – иностранцы. Русский был адмиралом, а иностранцы – вице-адмиралами. То же самое было и во всех коллегиях и других управлениях.

По данным 1726 г.³⁷, в российской армии было 5 полных генералов, 2 из них иноземцы; 19 – генералов, из них 8 иноземцев; 32 бригадира; 115 полковников (иноземцев 32 и 5 бригадиров). Такое большое количество иноземцев объясняется отчасти исходом Северной войны, в результате которой России достались шведская часть Прибалтики и немало «трофейных» генералов и других офицеров, в том числе и из лиц, владевших имениями в Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии. Многие из них поступили на русскую службу, чтобы сохранить свои права на имения.

К 1730 г. 20% гражданских сановников, свыше 30% генералитета и до 70% на флоте приходилось на долю иностранцев и остзейцев. Остзейцы на военной и государственной службе приравнялись к русским дворянам³⁸.

Доверенными лицами императрицы Анны Иоанновны были остзейские немецкие дворяне. Остзейские немцы, попавшие в столицу, отличались организованностью и сплоченностью, что было большим преимуществом перед русскими дворянами. Кроме того, их областные автономные учреждения и привилегии были хорошей политической школой, где остзейцы получали навыки в искусстве интриг и других приемов борьбы за успешную карьеру. Так что на русской службе при дворе, в царской бюрократии и на военной службе они оказывались уже не новичками. Остзейцы никогда не прерывали связи с родной и продолжали оставаться членами рыцарской корпорации.

При Бироне остзейские немцы были уже все между собой в родстве, в свойстве и кумовстве³⁹. Все курляндцы и лифляндцы, укоренившиеся при русском дворе, были родственниками.

С 30-х годов XVIII в. остзейцев рассматривали в России как носителей высшей агрокультуры, учителей сельского хозяйства и т.п.

Все видные деятели елизаветинского царствования различными нитями были также связаны с немецкими кругами в России. Кто-то из них породнился с немцами, другие прошли под руководством немцев военную и бюрократическую выучку. В среде елизаветинских фаворитов и сановников остзейцы также всегда находили влиятельного человека, который в соответствующем месте и при подходящем случае мог за них замолвить слово и заступиться.

Дворцовый переворот 25 ноября 1741 г. основательно очистил высшие государственные учреждения и двор от иноземцев, так что в столице почти не оставалось ни одного влиятельного остзейца.

Однако те немцы, которые принимали участие в заговоре, получили звания полковников и землю в Лифляндии, другие – различные высокие звания и должности в России: Людвиг, принц Гессен-Гомбургский, получил чин генерал-фельдмаршала и должность директора кадетского корпуса, барон Х.В. Миних – брат знаменитого фельдмаршала, в 1742 г. был пожалован обергофмейстером и назначен заведующим главной дворцовой канцелярией, имел при дворе влияние; К. Сиверс был произведен в камер-юнкеры, получил земельные пожалования в Эстляндии и Лифляндии, был помощником А.П. Бестужева-Рюмина; императором Священной Римской империи Францом ему был пожалован титул имперского графа; Ф.И. Эмме назначили 31 декабря 1741 г. вице-президентом Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел, состоял в этой должности 20 лет, а при Екатерине II был назначен президентом этой же Коллегии; Карл фон Бреверн – эстляндский дворянин – был президентом Академии наук (1740–1741 гг.), стал ближайшим сотрудником Бестужева-Рюмина и секретарем его кабинета; Г.К. фон Кейзерлинг – известный российский дипломат, в 1733–1734 гг. возглавлял Петербургскую академию наук; барон И.А. Корф, тоже родом из курляндских дворян, был послом в Дании. Курляндскими остзейцами по происхождению были и другие дипломаты.

К остзейским немцам, сохранившим за собой в елизаветинское царствование видное положение, относился также сын

контр-адмирала Н.П. Вильбуа – главного командира Кронштадского порта – А.Н. Вильбуа. Он был женат на лифляндской баронессе А.Е.Ф. фон Будберг и принадлежал к придворным елизаветинского царствования. Со 2 июля 1744 г. он состоял камер-юнкером при дворе великой княгини Екатерины Алексеевны.

Другой курляндский барон, Н.А. Корф, состоял при дворце камергером и считался доверенным лицом Елизаветы Петровны. В 1761–1762 гг. он – петербургский генерал-полицмейстер. Являлся родоначальником многочисленной плеяды остзейских полицейских и жандармов, которые на русской службе приобрели известность.

Положение в высшем обществе Петербурга превращалось в ценный политический капитал, который использовался в интересах рыцарства. Хотя их при Елизавете было мало, остзейцы совсем неплохо устраивали свои домашние дела через русских государственных деятелей. Среди женщин, окружавших императрицу, были выходцы из Курляндии – камер-фрау, которые руководили жизнью т.н. фрейлинского флигеля. Это те каналы и ручейки, которыми пользовались остзейцы для приобретения личной благосклонности императрицы. Эти женщины активно участвовали в продвижении своих родственников и знакомых по служебной лестнице. Отчасти их влиянием объясняется то, что при Елизавете Петровне не сократилось общее количество остзейцев на второстепенных должностях в армии и на гражданской службе. Прибалтийские губернии в руках правительства служили плацдармом для военного и политического воздействия на скандинавские страны, на Польшу и Пруссию.

Прибалтика в целом, но особенно остзейское рыцарство, немецкая администрация и учреждения служили школой по подготовке дипломатических, военных и административных кадров, использовавшихся правительством во время войн. Остзейцы поставляли людей, знающих языки, административные порядки и законы соседних стран.

Таким образом, все права местного немецкого дворянства и его сословные органы возникли в непрерывной борьбе с орденным и епископами средневековой Ливонии, а позднее с поль-

скими и шведскими королями. Остзейские привилегии являются плодом многовековых усилий дворянства, которое всегда старалось воспрепятствовать политическому объединению и централизации управления. Эти привилегии относятся не к стране или провинции, а лишь к отдельным сословиям – к рыцарству и магистрату городов Риги и Ревеля.

Остзейские бароны были носителями и хранителями идеалов сословно-корпоративной замкнутости, феодального сепаратизма и принципа личного договора в политических отношениях. Вся их деятельность на постах местного управления и на государственной службе сводилась к одной цели: всеми возможными и невозможными способами, упорством, не брезгуя никакими средствами отстаивать каждую букву своих древних привилегий, вольностей, прав и преимуществ, свято хранить их и умножать.

Немецкие бароны на царской службе всегда занимали видное место. Однако, по словам С.Ю. Витте – знатока закулисной политики самодержавия, остзейцы никогда не были решающим фактором в делах общегосударственного значения и во всей своей совокупности не являлись большой политической силой, но «представители остзейского дворянства имели традиционный доступ ко двору, а потому дворянство это часто имело значительное влияние на ход дел в Прибалтийских губерниях»⁴⁰.

¹ См.: *Виграб Г.* Прибалтийские немцы. Юрьев, 1915.

² См.: *Федосова Э.П.* Система управления Прибалтикой // Национальные окраины Российской империй. Становление и развитие системы управления. М., 1997. С. 187.

³ См.: *Духанов М.М.* Остзейцы. Явь и вымысел. Рига, 1970. С. 188.

⁴ Свод местных узаконений губерний остзейских. Ч. 1. СПб., 1845. Ст. 63, 190, 227 (Кн. 2).

⁵ Там же. Ч. 3. СПб., 1864. Ст. 1319–1359 (Кн. 4).

⁶ Там же. Ч. 1. Ст. 293, 294 (Кн. 2).

⁷ См.: *Зутис Я.Я.* Политика царизма в Прибалтике в первой половине XVIII в. М., 1937. С. 4–9.

⁸ См.: *Федосова Э.П.* Система управления Прибалтикой. С. 187.

⁹ *Зутис Я.Я.* Политика царизма в Прибалтике ... С. 157–158.

- ¹⁰ Редукция – изъятие имений у немецких баронов в казну. Проведена шведским правительством в 80–90-х годах XVII в.
- ¹¹ *Шульгин В.Н.* Русские свободные консерваторы XIX в. об Остзейском вопросе. СПб., 2009. С. 22.
- ¹² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. VII. № 4309, 23 сентября 1725 г. (Далее: ПСЗ-1).
- ¹³ Там же. Т. VIII. № 5490. См. также: Там же. Т. XVI. № 5623.
- ¹⁴ *Анненков И.В.* История Лейб-гвардии Конного полка, 1731–1848. Ч. IV. СПб., 1849. С. 11.
- ¹⁵ См.: *Зутис Я.Я.* Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. С. 158–161.
- ¹⁶ См.: *Федосова Э.П.* Образ Прибалтики в глазах русской общест-венности во второй половине XIX века // Образ регионов в обще-ственном сознании и культуре России (XVII–XIX вв.). М., 2011.
- ¹⁷ ПСЗ-1. Т. IV. № 2287.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Нольде Б.Э.* Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 331; ПСЗ-1. Т. IV. № 2287.
- ²⁰ 10 сентября 1710 г. Петр I опубликовал жалованные грамоты лиф-ляндскому рыцарству и городу Риге, 12 сент. 1710 подписал упо-мянутые «Аккордные пункты».
- ²¹ *Самарин Ю.Ф.* Окраины России. Сер. 1: Русское Балтийское по-морье. Вып. 1. Прага, 1868.
- ²² *Нольде А.Э.* Очерки по истории кодификации местных граждан-ских законов при графе Сперанском. Т. II. СПб., 1914. С. 359.
- ²³ *Самарин Ю.Ф.* Соч. Т. VIII: Окраины России. [Вып. 1–3]. М., 1890. С. 138.
- ²⁴ Там же. С. 397–435.
- ²⁵ *Зутис Я.Я.* Остзейский вопрос в XVIII веке. С. 57, 59.
- ²⁶ *Федосова Э.П.* Система управления Прибалтикой ... С. 190.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Высоцкий И.И.* Очерки по истории объединения Прибалтики с Рос-сией. Вып. 1. Рига, 1910. С. 23.
- ²⁹ *Екатерина II.* Записки Екатерины Второй. Окончательная редак-ция. М., 1909. С. 128.
- ³⁰ ПСЗ-1. Т. XXII. № 16424.
- ³¹ См.: *Самарин Ю.Ф.* История Риги // Соч. Т. VII. М., 1889. С. 252–269; *Его же.* Письма из Риги // Там же. С. 3–159.
- ³² *Петров А.В.* Город Нарва ... 1223–1900. СПб., 1901. С. 401.
- ³³ *Захарова Л.Г.* Самодержавие и реформы в России, 1861–1874: (к вопросу о выборе пути развития) // Великие реформы в России, 1856–1874. М., 1992. С. 27.

- ³⁴ Один из них был отозван в Петербург и назначен обер-гофмейстером двора супруги Алексея Петровича. Именно с него начался непрерывный поток влиятельных при дворе лифляндцев, которые в течение двухсот лет оказывали неоценимые политические услуги своим землякам-остзейцам в деле сохранения своего статус-кво.
- ³⁵ *Нольде Б.Э.* Указ. соч. С. 386.
- ³⁶ *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. М., 1902. С. 31.
- ³⁷ *Карнович Е.* Значение бироновщины в русской истории // Отечественные записки. 1873. № 11. С. 120.
- ³⁸ Там же. С. 128.
- ³⁹ *Панчулидзева С.А.* История кавалергардов, 1724–1799–1899. Т. 1. СПб., 1899. С. 242.
- ⁴⁰ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. II. М., 1960. С. 344.

Литература

- Анненков, И.В.* История Лейб-гвардии Конного полка, 1731–1848 [Текст]. Ч. IV. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1849. [2], 310 с.
- Богословский, М.М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. [Текст]. М.: Имп. о-во истории и древностей Рос. при Моск. ун-те, 1902. XVI, 522, 44, [1] с.
- Визраб, Г.* Прибалтийские немцы. Их отношение к русской государственности и к коренному населению края в прошлом и настоящем [Текст]. Юрьев: тип. эст. изд. тов. «Постимес», 1916. [4], 187 с.
- Витте, С.Ю.* Воспоминания [Текст]. Т. II. М.: Соцэргиз, 1960. 639 с.
- Высоцкий, И.И.* Очерки по истории объединения Прибалтики с Россией [Текст]. Вып. 1: Русская государственность. Рига: А. Нитавский, 1910. [2], 42 с.
- Духанов, М.М.* Остзейцы. Явь и вымысел: о роли нем. помещиков и бюргеров в ист. судьбах латыш. и эст. народов в середине XIX в. [Текст]. Рига: Лиесма, 1970. 381 с.
- Екатерина II.* Записки Екатерины Второй [Текст]. Окончательная редакция. М.: Образование, 1909. 194 с.
- Захарова, Л.Г.* Самодержавие и реформы в России, 1861–1874: (к вопросу о выборе пути развития) [Текст] // Великие реформы в России, 1856–1874. М., 1992. С. 24–43.
- Зутис, Я.Я.* Остзейский вопрос в XVIII веке [Текст]. Рига: Кн-во и тип. № 2 ВАПП, 1946. 649 с.

- Зутис, Я.Я.* Политика царизма в Прибалтике в первой половине XVIII в. [Текст]. М.: Соцэкгиз, 1937. 215 с.
- Карнович, Е.* Значение бироновщины в русской истории [Текст] // Отечественные записки. 1873. № 11. С. 93–132.
- Нольде, А.Э.* Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском [Текст]. Вып. II: Кодификация местного права прибалтийских губерний. СПб.: Сенат. тип., 1914. 684 с.
- Нольде, Б.Э.* Очерки русского государственного права [Текст]. СПб.: тип. «Правда», 1911. [8], 554 с.
- Панчулидзе, С.М.* История кавалергардов, 1724–1799–1899 [Текст]: по случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка / составил С. Панчулидзе. Т. 1. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1899. XXI, [3], 402 с.
- Петров, А.В.* Город Нарва. Его прошлое и достопримечательности в связи с упрочением русского государства на Балтийском побережье, 1223–1900 г. [Текст]. СПб.: тип. М-ва внутр. дел. 520 с.
- Самарин, Ю.Ф.* Окраины России [Текст]. Сер. 1: Русское Балтийское поморье. Вып. 1: Русское Балтийское поморье в настоящую минуту (как введение в первую серию). Прага: тип. д-ра Ф. Скрейшовского, 1868. [4], X, 188 с.
- Самарин, Ю.Ф.* Сочинения Ю.Ф. Самарина [Текст]. Т. VIII: Окраины России. [Вып. 1–3]. М.: Д. Самарин, 1890. XXVIII, 624 с.
- Самарин, Ю.Ф.* Сочинения Ю.Ф. Самарина [Текст]. Т. VII: Письма из Риги и история Риги. М.: Д. Самарин, 1889. [6], CXXXVI, 659 с.
- Федосова, Э.П.* Система управления Прибалтикой [Текст] // Национальные окраины Российской империей. Становление и развитие системы управления. М., 1997. С. 186–218.
- Федосова, Э.П.* Образ Прибалтики в глазах русской общественности во второй половине XIX веке [Текст] // Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII–XIX вв.). М.: ИРИ РАН, 2011. С. 137–152.
- Шульгин, В.Н.* Русские свободные консерваторы XIX в. об Остзейском вопросе [Текст]. СПб.: Нестор-История, 2009. 155, [2] с.

Т.А. Филиппова

ОБРАЗЫ НЕМЕЦКОЙ ЭЛИТЫ
В РУССКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ САТИРЕ
ЭПОХИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ И ВЕЛИКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ (1914–1918 гг.)*

Статья посвящена формированию и развитию образов немецкой элиты в России в русской журнальной сатире в эпоху Первой мировой войны и Революции 1917 г. Автор демонстрирует различные источники враждебных настроений в отношении «внутреннего немца», повлиявшие на создание нового образа вражды в сатирической пропаганде военного и революционного времени в России. Анализ этого процесса позволяет выявить новые характеристики состояния российской общественной мысли и журналистики в ключевую для дальнейшей истории России эпоху 1914–1918 гг.

Ключевые слова: Первая мировая война; Революция 1917 г. в России; русская сатира; образ врага; германофобия; «Новый Сатирик»; патриотическая пропаганда.

T.A. Filippova

IMAGES OF THE GERMAN ELITE IN RUSSIAN
JOURNAL SATIRE IN THE EPOCH OF THE GREAT WAR
AND THE GREAT REVOLUTION (1914–1918)

The article deals with the formation and development of the German elite images in Russia in Russian satirical journals in the epoch of The First World War and Russian Revolution of the 1917. The author demonstrates different sources of the hostile mood towards the “entire German”, that made their influence on the creation of the new images of enmity in the satire propaganda of the war and revolutionary time in Russia. The analysis of this process makes clear the new characteristics of Russian

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № Б-31-12025.

public opinion and journalistic sphere in the kea period if Russian history 1914–1918.

Key words: *The First World War; Russian Revolution of the 1917; Russian satire; enemy image; germanophobia; “Novyi Satiricon”; patriotic propaganda.*

В культурных «депо» исторической памяти русских к началу XX в. образ немца раздваивался по принципу «свой-чужой». Он питался из самых разных повседневных политических и социальных источников, находясь в зависимости от исторического контекста, ракурса взгляда, уровня образования и т.д. Неудивительно, что образ «немца» в русской сатире эпохи Первой мировой войны и Революции 1917 г. формировался из разных культурно-мировоззренческих мифологем и в русле разных критических риторик. С началом военных действий на подкрепление фобийной составляющей этого образа заработали все исторические архетипы в восприятии «немца» – «тевтонца», «пруссака», «германца-агрессора» – как воплощения традиционной «угрозы с Запада» или «пятой колонны» внутри страны.

Однако линия германофобии в ту пору не была единственной в процессе трансформации и интерпретации образа «немца». Фактором особой важности было присутствие в российском обществе такого фактора, как «внутренний немец» – во всем разнообразии его социальных, культурных и политических ролей. Триста лет влияния немецкой культуры и присутствия немецкой диаспоры в цивилизационном пространстве России нелегко было вычеркнуть из исторического опыта социума. В самых разных сферах жизни Российского государства этнический немец – сельский переселенец, военный и промышленный специалист, государственный чиновник, домашний учитель, университетский профессор, придворный аристократ, представитель местной (остзейской) знати – закономерно пополнял элиту в своей области занятий и в своем социальном статусе. Во многом именно поэтому образ немца как врага не мог сразу, в полной мере и непротиворечиво сформироваться

даже в условиях начала военных действий на Германском фронте. Немецкие корни происхождения семьи «последнего Романова» и отношение к этому обстоятельству общества добавляли ситуации особую остроту и многоплановость.

Анализ восприятия роли немецкой элиты в судьбах России в роковую для нее эпоху является одной из важных объясняющих стратегий причин и характера тогдашнего кризиса. Обращение же к такому источнику, как отечественная журнальная сатира 1914–1917 гг.¹, в этом смысле позволяет увидеть концентрированную и предельно заостренную трактовку обществом обозначенного вопроса.

Довоенный образ «внутреннего» немца в отечественной сатирической печати отличаются не слишком оригинальные, но типичные для русского восприятия черты. Так, наиболее популярный сатирический журнал эпохи, «Новый Сатирикон», активно пользуется юмористически выгодными обращениями к немецким фамилиям для обозначения аристократа, рядящегося в «русское платье» или для демонстрации забавного образа ученого-педанта. Стилистический кич времени, предвоенная мода на балы с «историческим оттенком», безвкусице и лицемерие попыток аристократии немецкого происхождения поиграть в «старомосковский стиль», столь популярный при дворе последнего Романова, ворчливо обыгрываются в репортаже-юмореске о состоявшемся якобы великосветском «вечере боярских посиделок, устроенных обществом европейских мужчин и русских женщин»:

Хозяйка, баронесса Шнапсвиббельклопс очаровала всех своим костюмом боярыни с пальерками и фижмами цвета «застыдившейся боярышни». Чудный костюм был у г. Фон-Бонтона, – особенно красиво оттенял красные плисовые штаны прекрасно сшитый черный фрак. (...) Упомянем и о костюме опричника – горлатная шапка, белые чулки и туфельки: вместо песьей головы, которую рассеянный опричник забыл захватить, баронесса Биргалле любезно предложила ему носить свою любимую болонку Фифи. (...) Наконец-то красота старого русского быта возродилась!

Текст сопровождается сатирический рисунок: в карикатурно-экспрессивном духе, пародирующем стиль «модерн», изображена парочка немецких аристократов в псевдорусских костюмах, лихо отплясывающая некий сверхмодный (явно «западного» происхождения) танец².

В преддверии войны издания отечественной журнальной сатиры продолжают сохранять умеренный настрой, четко разграничивая свою неприязнь к милитаризму германских верхов, с одной стороны, и бесспорное признание роли немецкой культуры в России – с другой. Так, в «Новом Сатириконе», раньше других ощутившем угрозу националистического угара, появляется показательная рубрика антишовинистической направленности – «Зоологический патриотизм». Антигероями рубрики становятся думские «правые» и прочие идеологи «охотнорядского» толка, делавшие политическую карьеру на провоцировании черносотенной, антизападной стихии. Памфлетно подается типичный текст отечественного «зоологического патриота»:

Смотри, милый обыватель! ... Это немец-перец-колбаса, пивная бочка, сосиска тухлая – живет, дурак, уже сколько времени, а всего только и выдумал, что обезьяну...³

Начало Великой войны резко меняет настроение сатириков. Многочисленные фельетоны и стихи осенью – зимой 1914 г. пестрят словами «дикари», «жулики», «лгуны», «изверги» в адрес немцев. Ожесточенный характер военных действий на Германском фронте обостряет восприятие журналистами всего немецкого. В том числе – традиций бытовой культуры, привнесенных немцами в Россию. Критике сатириков подвергается даже, казалось бы, столь ценимая образованными русскими любовь немцев к чистоте и порядку. Она превращается в неприязнь к тому, что отныне трактуется, как «бездушный физиологизм» немецкого пристрастия к гигиене. Это свойство преобразуется – в глазах журналистов – из достоинства повседневности в аномальную прихоть «холодно-жестокоего» народа, заботящегося о телесной чистоте больше, чем о чистоте помыслов и поступков. Так, в фельетоне «Что и следовало

ожидать» один собеседник опровергает утверждение другого, что, мол, немцы – культурный народ, поскольку у них *«железные дороги, отели, уборные»*:

Я пришел к твердому решению, что немцы вообще – низшая раса, заимствовавшая от зверей одни дурные стороны природы, а от людей – одни удобные... Свиньи в идеально чистых уборных⁴.

И здесь, и далее две главные линии в трактовке «немца» сливаются воедино, своей полярностью подчеркивая внутреннее единство его «пороков». «Чистоплотность» и «свинство» («цивилизованное варварство») надолго становятся неизменными атрибутами медийных клише в описании нравственного облика как «немца внешнего», так и «немца внутреннего», будь то обрусевший немецкий обыватель, представитель знати или государственный чиновник.

Растущие тяготы войны существенно меняют риторику сатирических трактовок «внутреннего немца». «Снарядный голод», зимние потери в Восточной Пруссии, весенне-летнее «Великое отступление» русских армий и потеря Галиции, Польши, Виленской губернии и т.д. сопровождалось для всех очевидным кризисом – продовольственным, топливным, металлургическим, железнодорожным. А более всего – нарастанием внутреннего кризиса в обществе, в армии и в тылу, недоверия к верховной власти, сомнений в ее лояльности к собственной стране и народу, острым переживанием трагических событий на фронтах. Летнее отступление русской армии в 1915 г., захват немцами Курляндии, приближение их к Риге вызывали опасения по поводу поведения «пятой колонны» – знати немецкого происхождения на западных окраинах империи. Каким окажется, к примеру, политическое поведение местной элиты – остзейских немцев в условиях германского наступления в Прибалтике? На этот счет редакция цитирует газетное сообщение о том, что *«в имени прибалтийского барона М-ля немецкие офицеры были встречены как старые знакомые, так как многие раньше служили управляющими и лесниками в этой*

местности». И комментирует этот текст едким рисунком: изящный, лощеный господин во фраке радостно говорит по телефону, стоя у щедро накрытого стола (батарея винных бутылок, омары, сыры, прочие деликатесы...):

– Allo! Как? Вы говорите, что к нам идут немцы?.. Ну, не беспокойтесь, у меня для них приготовлена такая батарея, что они останутся довольны!⁵.

Подобные настроения русской сатиры в отношении прибалтийских немцев были в целом характерны для значительной части российского общества того времени, в большей степени отражая психологическую атмосферу военного времени, чем реальность измены остзейцев⁶. Напряженная ситуация в Прибалтике, как историческом, культурном, геополитическом пограничье империи, постоянно провоцировала в обществе подозрительность и антинемецкие настроения⁷, что и находило отражение на страницах сатирической печати.

Но общая картина восприятия проблемы выглядела не столь монохромной. Нападение на германское посольство в Петрограде в августе 1914 г., стихия массовых немецких погромов, прокатившихся по Москве в мае 1915 г., ее угарно-шовинистический настрой, бездействие полиции и промедление властей в той критической ситуации⁸ не могли не встревожить наиболее ответственных и чутких журналистов, добавляя внутренней неоднозначности интерпретациям немецкой темы. Стихия обывательской ксенофобии снизу и казенного патриотизма сверху начали восприниматься как две стороны одной медали. Со злой иронией комментируются, к примеру, гонения, имевшие место в правительственном аппарате, на носителей фамилий немецкого происхождения. (В июне 1915 г. своим личным указом император запретил принимать на работу немцев.) Главная мысль сатириков – убедить и читателя, и власти в порочности этой практики, показать, что искать «врагов» по канцеляриям, комитетам, магазинам и торговым лавкам легче, чем сражаться с реальным противником на фронте и решать социальные проблемы в тылу⁹.

Напряженную, нервную атмосферу военного времени на страницах русской сатиры несколько разряжают забавные – и смех, и грех! – сообщения «из глубинки». К примеру, о том, что сектанты-«чуриковцы» торжественно сожгли граммофоны как «германскую мерзость». Невольное перерастание драматической темы в курьез свидетельствовало, похоже, о внутреннем надломе, переживаемом отечественной сатирической печатью, об усталости от военной проблематики, о необходимости обновить свой сатирический «репертуар».

По мере углубления внутривластного кризиса в стране отечественные сатирики все чаще прибегают к антинемецкой теме как к удобной форме проекции внутренней критики. Здесь, разумеется, требовалось особое мастерство и чуткость – по причине цензурных строгостей военного времени. Но уж больно выигрышным было журналистское использование данного приема! И в самом деле, критика авторитарно-бюрократической традиции «тевтонства» как образца, перенятого когда-то российской государственностью и отечественной элитой от прусской, давала возможность критиковать режим военщины, спровоцировавший мировую войну¹⁰. Читателю оставалось лишь догадаться, о каком именно режиме идет речь. Подсознательное неприятие российской интеллигенцией всего, что может быть связано со словом «система», «порядок», «режим», «рациональность», позволяло журналам с легкостью доносить до читателя иносказательный образ врага как «внутреннего немца» – но не столько по крови, сколько по духу и нраву. «Немец» в подобном контексте выступал не в качестве личности определенной национальности, но как воплощение государственного насилия над мирной, органичной жизнью общества и человека.

Впрочем, на страницах сатирических изданий все же появлялись публикации, несколько восстанавливавшие баланс критических стратегий. Не разделяя готовности властей и части общества подвергать гонениям огульно все немецкое, впадая в состояние психоза, художник Ре-ми (А. Ремизов) в карикатуре под названием «Подозрительная личность» изображает связанного городовым Деда Мороза – старичок печально потупился

под взглядами строгой «тройки» (то ли судейских, то ли представителей каких-то чрезвычайных органов). У ног задержанного «дедушки» – новогодняя елочка и мешок с игрушками. Бдительный городской с почтением и озабоченностью обращается к строгому «триумvirату»:

– По-моему, это, ваше благородие, – немецкий шпион! Борода привязная, а в мешке нашли модели пушек и разную военную контрабанду¹¹.

Приближение 1917 г., предощущение чего-то нового меняют настроение сатириков. Февральская революция и новые возможности творческой и общественной реализации, которые открыло свержение монархического режима и отмена опостылевшей цензуры, позволяют прессе существенно оживить свою деятельность. Веселая злоба ожидания грядущих перемен проявляется в новом повороте старых тем. Но открытая неприязнь к рухнувшей власти (трактуемой как «германофильская» по духу и немецкая по крови) продолжает рефреном звучать во всех изданиях журнальной сатиры весной – летом 1917 г. Инерция недовольства самодержавным режимом накладывала сильный отпечаток на тематику сатиры, ошеломленной свободой от цензурных рогаток, а одиозные представители прежней власти вплоть до осени 1917-го служили (пусть и постфактум) одной из главных мишеней сатирической критики¹².

Журнал «Пугач», ворвавшийся в обновленное пространство отечественной сатиры одновременно (и в связи) с событиями Февральской революции, сопровождает свою карикатуру на кайзера (жалкий человек на трясущихся ногах утирает слезы платочком) стихами, в которых некогда грозный германский император горько сетует на революцию в России. Ведь она спутала все карты немецкой интриги, в которой, как оказывается, семье самого Николая II было отведено важное место:

**Выгод сказочных желая,
Я ли Русь не гнул в дугу?**

А теперь от Николая
Пользы ждать я не могу!
.....
С «Мономаха» шапка снята,
Силы «Саны»¹³ – чепуха!
Хороши мои ребята,
Только славушка плоха¹⁴.

Если попытаться выстроить «шкалу ненависти», по которой оценивать уровень тогдашней неприязни и жесткость критики в адрес уходящего «мира насилия», то на ее самых верхних позициях окажется императрица Александра Федоровна. Головокружение от послефевральской свободы слова добавляло красок и эмоций критической риторике в адрес экс-императрицы. Образец тогдашней сатиры (впрочем, не самой едкой) на главную ненавистную «немку» России дает «Новый Сатирикон», и в новую эпоху задававший тон отечественной сатире. В одном из весенних номеров 1917 г. находим карикатуру на «внутреннего врага», прочно устоявшегося в этом качестве в представлениях значительной части населения России. Это «благочестивейшая, самодержавнейшая» императрица Александра Федоровна.

С сочувственным выражением лица она обращается к немецко-военнопленному с вопросом об исходе сражения, где тот был взят в плен: *«И кто же победил: наши или русские?..»*¹⁵.

Карикатуры той поры служили иллюстрациями к многочисленным анекдотам¹⁶ на тему германофилии венценосной супруги Николая II. Слухи, злые шутки и памфлеты на эту тему наводняли империю уже давно. Но теперь стихия недовольства открыто выплеснулась на страницы печати, демонстрируя всю тяжесть застарелого синдрома глубокой неприязни общества к царской семье. Образ Александры Федоровны, нарочито именуемой в большинстве сатирических изданий «Алисой Гессенской», становится для журналистов персонифицированным воплощением внутреннего предательства («немка-шпионка»). Любимая внучка королевы Виктории, получившая английское воспитание, православная царица и любящая мать, она приняла на себя едва ли не более сильный удар сатиры, чем ее супруг.

Что само по себе не удивительно для времени, когда «подпольная культура стала элементом культуры массовой»¹⁷.

Ни масштабная благотворительная деятельность императрицы, ни ее частые заверения в русском патриотизме¹⁸ не могли смягчить сердца захваченных революцией масс и образованного общества. Пресса же охотно транслировала сконструированный пропагандой миф о «немке-шпионке». Вся застарелая неприязнь к самодержавному режиму сконцентрировалась в тот момент на фигуре «фрау Алисы», создав кумулятивный эффект обывательской ксенофобии, архаичной женофобии, социальной неприязни к монархии в целом и к режиму Романовых – в частности. Так, в своих многочисленных фельетонах и карикатурах журнал «Пугач» на протяжении весны – лета 1917 г. отражал утвердившейся в обществе вердикт о личной ответственности императрицы и за военные неудачи, и за углубление кризиса в стране¹⁹.

Журнал предпринимает саркастический анализ роли венценосных особ женского пола в судьбах России, отводя Алисе Гессенской «почетное» место в процессе «демократизации» Государства Российского.

Алиса Гессенская, домогаясь любви всего народа, понимала, что самой любить всех разом невозможно, и воплотила эту любовь на одном представителе народа, звавшемся Григорий Распутин-Новых... Демократизация бывшего двора подвигалась с головокружительной быстротой и устанавливалась свобода совести, собраний, слова и союзов. Титулованные дамы обнимались с выходцем из народа Распутиным, титулованные и звездоносные кавалеры обнимали дворцовых пейзажников...

Так делалась история революции... И так, самой гордой Алисе принадлежит большая заслуга в освободительном движении²⁰.

Апофеоз глумления над бывшей императрицей – карикатура в апрельском номере «Стрекозы», на которой пьяный Распутин нагло демонстрирует компании подгулявших придворных

дамское нижнее белье²¹. Не отстает от «Стрекозы» и «Пугач», публикуя скабресный рисунок, на котором полуобнаженная (но в короне!) императрица целует Распутину ноги. Вместо подписи к рисунку – стихи, повествующие о горе «Саны», потерявшей своего «друга» (*«Ах, кому-то Сана ноги // Нынче будет целовать?..»*)²².

Приписываемая «фрау Алисе» супружеская измена легко перерастает в обществе и печати в твердую убежденность в ее измене и России. Более того, в воспаленном революцией воображении сатириков бывшая императрица начинает восприниматься как изначально засланный Германией «агент». В своих стихах поэт Н. Агнивцев на частушечный манер напоминает читателю «историю» присутствия «немок» на вершинах российской власти:

**Как вначале, так и дале,
Между всяческих вещиц, –
Все нам немцы поставляли:
От подтяжек – до цариц!
Коль взглядеться в дело близко,
Этот экспорт – что бельмо!
На царице всероссийской
“Made in Germany” клеймо!!!²³.**

Образы «фрау Алисы» как синонима личной (супружеской) и государственной измены смыкаются в едином круге вражды. Фобийная энергия нового мифотворчества, разрушающего остатки старого монархического мифа, прочно импринтировала в общественное сознание образ распутной царицы-злодейки, заслуживавшей сурового наказания. Что могла ответить на это сама Александра Федоровна? Нелюбимая, непрощенная и неуслышанная ни обществом, ни народом, «Аликс» незадолго до расправы с семьей Романовых скажет фразу, положившую основание новым мифам вокруг своей личности: «Я предпочитаю умереть в России, чем быть спасенной немцами»²⁴.

События на революционных подмостках развивались с лихорадочной быстротой, но образы экс-правителей России не

торопились покинуть страницы сатирических изданий²⁵, а супруги Романовы все еще состояли в разряде главных «врагов России».

Излюбленный прием карикатуристов той эпохи – демонстрация малого роста и болезненной внешности Николая Романова как наглядной метафоры деградации старой власти. Убогая фигурка последнего императора – то в горностаевой мантии, то в офицерской форме – растерянно блуждает по страницам сатирических журналов революционной поры, убегает от восставших масс²⁶, пытается выбраться из-под придавившей ее шапки Мономаха²⁷, вином глушит свой страх потерять царскую корону²⁸, униженно предлагает свою супругу самодовольному Распутину²⁹...

«Будильник» открывает свой революционный мартовский номер обложкой, на которой Николай II (образ узнаваем, несмотря на нарочито партикулярную одежду) вместе с наследником возглавляет очередь «бывших» в кассу за «билетиком» – в Англию, «к немецким родственникам»³⁰. На рисунке Д. Моора в том же издании революционные матросы небрежно бросают вслед Николаю Романову, на цыпочках покидающему дворец: *«Гражданин, возьмите корону: она не нужна больше России»*³¹.

В отличие от гордой и надменной «Саны» Николай II – не субъект, а объект политических катаклизмов, но от этого не менее виновный (в глазах журналистов) и в военных поражениях, и во внутренней сумятице в стране. Ведь при его попустительстве внешний враг – немец – опасно приблизился к Петрограду...

«Пугач» публикует обложечную карикатуру, в которой воплощает многолетнюю мечту всей демократической общественности. На рисунке «отставной» император готовится отправиться в Петропавловскую крепость – усыпальницу членов российского императорского дома и главную политическую тюрьму империи (вскоре – место расстрела четырех великих князей и других жертв «красного террора»). В уста растерянного Николая Романова сатирики вкладывают фразу: *«До сих пор в Петропавловскую крепость возили только мертвых монар-*

хов, а меня, кажется, первого повезут живым»³². Журнал намекает на двойной смысл ухода царя в историческое небытие – и как правителя, при жизни заслужившего забвение, и как политического преступника, «царя-немца», врага собственного народа.

Характерно, что издание подчеркивает, прежде всего, аморальность поведения прежнего самодержца, не отличавшегося избытком супружеской верности, помещая на своих страницах целую стихотворную поэму, в которой Николай Романов бессонной ночью кается в своих грехах. Но обращается при этом не к Богу, а... к балерине Кшесинской, о романе царя с которой в обществе ходило столько пересудов:

**Перестрою я жизнь свою заново
И навстречу пойду гольтьбе!
Ах! Голштинское сердце Романова
В том порукою будет тебе³³.**

Летом 1917 г. послефевральские надежды на справедливость, свободу и закон сменяются тревожным упованием на твердую руку, способную и на фронтах, и внутри страны навести, наконец, порядок. Слухи о том, что, узнав о революции, «царь-немец» готов был открыть немцам Минский фронт, вызывают в сатирической печати (задним числом) очередной всплеск ненависти к прежнему режиму: на карикатуре Реми крошечный Николай II подползает к линии фронта, чтобы огромными ножницами перерезать колючую проволоку противопехотных заграждений. «Мы были на волосок от предательства и гибели!» – ужасается «Новый Сатирикон» летом 1917 г.³⁴, не ведая о том, что случится в октябре...

«Стрекоза», охотно острившая на тему «рухнувшего немецкого дома Лже-Романовых», в стихах под заголовком «О Николае Последнем» обыгрывала забавлявший журналистов парадокс – санкционированный самодержавной властью «сухой закон» на фоне приписывавшегося бывшему императору алкоголизма:

**Вниманье! К слову «государь»
Эпитет – вовсе не безделица:
Был царь «Тишайший», «Грозный» царь...
А Ника – «винная сиделица!»³⁵.**

Пьянство, аморальность, национальное предательство, бездарность и, главное, ничтожество личности перед лицом истории – вот тот набор обвинений, который бросают в лицо экс-монарху с «голштинским сердцем» практически все сатирические издания эпохи.

Впрочем, доставалось от журналистов не только Романовым. «Пугач» активно использует старый сатирический прием – сочиняет «Новые поговорки и пословицы» на тему преступлений в ближайшем окружении последнего российского императора: *«Развел Романов во дворце тараканов, да и крысе хорошо было при Алисе»*; *«Попал шпион в министерский павильон»: «Фредериксу³⁶ сам Вилли платил по прификсу»³⁷*.

Отметим: из всех царских сановников упорнее и чаще всех объектом критики становился граф Владимир Борисович Фредерикс³⁸. «Стрекоза» помещает его на верхние позиции списка обитателей «зоологического сада» прежней власти: *«Фредерикс – допотопный мамонт германского происхождения. Питается манной кашкой и птичьим молоком»³⁹*. А художники-сатирики изображали его с характерным бубновым тузом на мундире – знаком каторжанина. То он в стариковском маразме откровенно говорит о своих прогерманских симпатиях, то неуклюже пляшет «под гришкину дудку», то поощряет царя в его пагубном пристрастии к «зеленому змию»⁴⁰... Да и сам, по мнению сатириков, был не прочь выпить, потому и страдал, по слухам, от вынужденной «абстиненции» во время допросов Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства⁴¹.

Почему именно этот государственный деятель, не самый энергичный защитник самодержавного строя, не самый влиятельный царедворец, к тому же с диагнозом «прогрессирующий склероз», стал объектом столь многочисленных издевок? Возможно, потому, что вплоть до самого падения монархии он,

состоя министром Императорского двора, пользовался особым доверием государя, да еще и был обладателем иностранной (хуже того – немецкой!) фамилии. Весной 1917 г. в свои 79 лет он воспринимался гротескным символом не только безнадежно состарившейся власти, но и персонификацией «темных сил», подозреваемых в национальной измене⁴².

Среди прочих представителей прежней элиты немецкого происхождения выделяется частотой упоминаний еще один нелюбимый персонаж – Борис Владимирович Штюмер, успевший в предреволюционную пору министерской чехарды побывать и председателем Совета министров (с 10 января по 10 ноября 1916 г.), и министром внутренних дел, (с 3 марта по 7 июля 1916 г.), и министром иностранных дел (с 7 июля по 10 ноября 1916 г.). В февральские дни 1917 г. одним из первых государственных деятелей империи был арестован и помещен в ставший тюрьмой министерский павильон Государственной думы, а с 1 марта 1917 г. заточен в Петропавловку. Условия содержания и допросы Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства на фоне хронической болезни почек ускорили смерть Штюмера в тюремной больнице. Обрусевший немец, с началом войны пытавшийся даже сменить свою фамилию на «Панин», Штюмер, «мелочной и злой старик»⁴³, был убежденным монархистом, однако, по свидетельству осведомленных современников, не самым сильным и решительным защитником самодержавия⁴⁴.

В первые же революционные дни «Стрекоза» изображает «взяточных дел мастера Штюмера, немецкого жонглера», за его «главным занятием». При полном придворном параде, он на сцене цирка умело жонглирует увесистыми мешками с миллионными взятками⁴⁵. Другая карикатура журнала усугубляет обвинения против сановника. «Штюмер на почте» протягивает конверты (очевидно, что со шпионскими сведениями!) в окошечко «через Швецию в Берлин» и при этом предупреждает:

– Пожалуйста, не забудьте моей фамилии отправителя, а то в прошлый раз Сухомлинову по старой памяти деньги выслали⁴⁵.

Современникам была понятна едкая ирония сатириков: генерал от кавалерии Владимир Александрович Сухомлинов после военных провалов в июне 1915 г. был снят с должности, а в марте 1916 г. арестован по недоказанным обвинениям в злоупотреблениях и измене. Шесть месяцев заключения и перевод под домашний арест сменились после Февральской революции новым арестом и заключением – на этот раз по обвинению в «недостаточной подготовке армии к войне». В мае 1918 г. Сухомлинов по старости был освобожден по амнистии и эмигрировал в Финляндию, а затем в Германию. Для захваченного революционной стихией общества вина и русского Сухомлинова, и немца Штюрмера, при которых кризис в армии и стране стали несомненной реальностью, не требовала доказательств. Сама приобщенность к прежней власти уже свидетельствовала – в глазах масс – против них.

Общность вины за пережитые Россией беды прочитывается в журнальных способах визуализации «бывших» – сановников, министров, государственных деятелей немецкого происхождения. То они всей компанией шулеров сидят за карточным столом⁴⁷, то выступают с песней «Прошли веселые денечки»⁴⁸, то со страхом ждут приговора от новой власти⁴⁹, то убегают с воплями «Спасайся, кто может!» от революционного солдата, оставляя за собой целую гору улик – «шпионаж» и «взятки»⁵⁰. Набор обвинений в адрес правительственных чиновников и государственных деятелей недавнего прошлого у авторов разных сатирических изданий совпадает: бездарность и продажность; антипатриотичность политической позиции; и, как следствие, национальное предательство – работа на руку Германии.

События Октября 1917-го радикально меняют «оптику» взгляда сатириков на «внешнего» и «внутреннего» врага. Злой иронией истории воспринимают они тот факт, что в борьбе и с прежней «немецкой кликой», и со свергнувшим ее Временным правительством в итоге победили «немецкие наемники» большевики – в результате блестяще проведенной «германской интриги»⁵¹. Знакомство с материалами печати тех дней показывает, что большинству тогдашних наблюдателей из стана отечественных журналистов-сатириков картина происходяще-

го виделась однозначно. Ленин и его ближайшее окружение трактовались как платные «агенты кайзера» и главные виновники наихудшего сценария развития революции. Большевики-ленинцы обретают на страницах сатирических изданий устойчивое амплуа злодеев, взращенных кайзеровским режимом, но... из российского «материала». Показателен новосатириковский рисунок Реми, обнажающий политическую «наследственность» большевистского режима, способную ужаснуть русских демократов прежней эпохи. «Дед и бабка русской революции» – Кропоткин и Брешко-Брешковская – удивленно поглядывают на «Ленина-младенца»: «*А внучек-то оказался германской марки...*»⁵².

Авторы сатирических публикаций единодушно интерпретируют личность Ленина как симбиоз «внешнего» и «внутреннего врага», слившихся до неразличимости в своем антироссийском, разрушительном настрое⁵³. Весной 1918 г. страницы сатирических изданий будут полниться изображениями «России», распятой или прикованной к позорному столбу «брестлитовским предательством»⁵⁴. После заключения «похабного мира» российское общество почувствовало себя замкнутым в кольце измены, заложником политики как таковой – от «предательского» курса «царя-немца» до «немецкой интриги» большевиков.

На финальной стадии осмысления уроков войны и революции приходит горькое понимание того факта, что в апокалиптической катастрофе 1917–1918 гг. никакой «немец» – будь то «внешний» или «внутренний» – не смог бы причинить России такого зла, как собственные «две крайности», погубившие демократическую альтернативу трансформации России: властолюбивое самодержавие и левый радикализм. Пришествие «новых варягов» – большевиков – новой политической элиты, немецкой не по крови, но по духу и источнику финансирования, стало видеться закономерной расплатой за собственные слабости и недомыслие. В ситуации, когда от поддержки новой демократической власти общественным мнением напрямую зависело будущее страны⁵⁵, именно в России не нашлось умелых и преданных защитников новообретенной свободы. Вину за пере-

растание военной драмы в революционную трагедию журналисты не снимают и с себя, разделяя с наиболее ответственной частью российского общества эту горькую ответственность⁵⁶.

Признание этого факта требовало от отечественных сатириков значительной степени гражданского мужества и профессиональной честности. Образ же немецкой элиты как «внутреннего врага», созданный сатириками и ими же преодоленный под влиянием опыта большевистской революции, остается поучительным примером пропагандистских фобий, искажавших мировоззренческое пространство России на сломе эпох.

¹ Наиболее популярные профессиональные сатирические издания эпохи – «Стрекоза», «Новый Сатирикон», «Шут», «Будильник», «Бич», «Бомба», «Пугач», «Кривое зеркало» и др. – можно с известной долей условности отнести к журналам либеральной направленности. Разумеется, это был не «высокий», идейный либерализм партийно-политической борьбы, а, скорее, отражение повседневного свободомыслия интеллигентской массы, образованных горожан, читающей провинции. Существенно отличаясь от настроений как официальной плакатной пропаганды, так и правой, черносотенной прессы, менталитет создателей большинства перечисленных изданий более всего отвечал политической культуре отечественного либерализма (в значении умеренного свободомыслия), с поправкой на оттенки трактовок и перепад настроений, вполне объяснимых в условиях военно-революционного времени.

² Новый Сатирикон. 1913. № 25. С. 9.

³ Там же. № 16. С. 7.

⁴ Там же. 1914. № 34. С. 6.

⁵ Там же. 1915. № 23. Обложка.

⁶ См., например, заключение на этот счет шефа корпуса жандармов В.Ф. Джунковского (*Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 416). Подробнее о настроениях в Прибалтике в военное время см.: *Олейников Д.* От рыцарства до презрения: влияние Первой мировой войны на отношение к немцам // Россия и Германия в XX веке. Т. 1: Оболение властью: русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. М., 2010. С. 156–158.

⁷ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1990. С. 246.

⁸ См.: *Гатагова Л.С.* Хроника бесчинств: немецкие погромы в Москве в 1915 году // Родина. 2002. № 10.

- ⁹ См.: Новый Сатирикон. 1915. № 21, 23, 30, 32.
- ¹⁰ Там же. 1916. № 18–32.
- ¹¹ Там же. 1914. № 52.
- ¹² Занятный параллелизм этим настроениям находим в оценках политических качеств последнего российского императора высшим германским руководством того времени в материалах, приводимых в исследовании Г. Кённена, посвященном «российскому комплексу» в сознании немцев. (См.: *Кённен Г.* Между страхом и восхищением: «российский комплекс» в сознании немцев, 1900–1945. М., 2010. С. 7, 106–127, 195–207).
- ¹³ Имелась в виду императрица Александра Федоровна. Английская королева Виктория называла Алису Гессенскую, свою внучку и воспитанницу, «Солнышко» – “Sunny”.
- ¹⁴ Пугач. 1917. № 1. С. 6.
- ¹⁵ Новый Сатирикон. 1917. № 23. С. 16.
- ¹⁶ См.: *Каррик В.* Война и революция: записки, 1914–1917 гг. // Голос минувшего. 1918. № 4–6. С. 11.
- ¹⁷ Феномен политической эффективности слухов, порожденных неприязнью к императрице и ответно транслирующих ненависть к ней, был проанализирован Б.И. Колоницким как психоментальный алгоритм превращения массовых фобий в историческую «реальность» (*Колоницкий Б.И.* Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914–1917) // Вестник истории, литературы, искусства / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук. М., 2005. С. 372–374).
- ¹⁸ См.: Переписка Николая и Александры Романовых (1916–1917 гг.). Т. 5. М.; Л., 1927. С. 44.
- ¹⁹ См.: Пугач. 1917. № 1, 3, 7, 13, 14.
- ²⁰ Там же. № 1. С. 11–12.
- ²¹ Стрекоза. 1917. № 15. С. 2.
- ²² Пугач. 1917. № 3. С. 11.
- ²³ Стрекоза. 1917. № 18. С. 6.
- ²⁴ *Жильяр П.* Трагическая судьба русской императорской фамилии. Таллин, 1991. С. 93.
- ²⁵ Новый Сатирикон. 1917. № 14. С. 4.
- ²⁶ Пугач. 1917. № 1. С. 8.
- ²⁷ Стрекоза. 1917. № 14. Обложка.
- ²⁸ Там же. № 15. С. 2.
- ²⁹ Пугач. 1917. № 3. С. 15.
- ³⁰ Будильник. 1917. № 11–12. Обложка.
- ³¹ Там же. № 11–12. С. 4.
- ³² Пугач. 1917. № 1. Обложка.

- ³³ Там же. № 1. С. 7.
- ³⁴ Новый Сатирикон. 1917. № 24. С. 1.
- ³⁵ Стрекоза. 1917. № 14. С. 6.
- ³⁶ А. Мосолов отмечал причину доверительных отношений В.Б. Фредерикса (1838–1927) с монархом: «Моральное одиночество, наложенное на себя царем с юного возраста, было тем более опасным, что Николай II относился недоверчиво даже к лицам ближайшего окружения. Один граф Фредерикс являлся исключением» (*Мосолов А.* При дворе императора. Рига, [1938]. С. 23).
- ³⁷ Пугач. 1917. № 1. С. 3.
- ³⁸ См. шарж на графа Фредерикса в журнале «Пугач» (1917. № 1. С. 18).
- ³⁹ Стрекоза. 1917. № 24. С. 12.
- ⁴⁰ См., например: Пугач. 1917. № 1, 11, 13; Стрекоза. 1917. № 11–12, 14, 18.
- ⁴¹ Будильник. 1917. № 11–12. С. 5.
- ⁴² Символическим жестом истории воспринимается тот факт, что именно граф Фредерикс 2 марта 1917 г. в Пскове скрепил своей подписью машинописный лист с Актом об отречении Николая II от престола.
- ⁴³ *Глобачев К.И.* Правда о русской революции: воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 106.
- ⁴⁴ Бывший начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачев так оценивал реальный курс Штювермера на высших постах государственной власти в 1916 г.: «За все это время он не проявил ни инициативы, ни воли, ни желания даже облегчить те тяжелые условия, в которых очутилась страна в годину серьезных испытаний, а главное, не обнаружил даже попытки оградить верховную власть от осады не в меру зарвавшейся пресловутой ответственности. Одним словом, как министр внутренних дел Штювермер был буквально пустым местом» (Там же. С. 108.)
- ⁴⁵ Стрекоза. 1917. № 14. С. 2.
- ⁴⁶ Там же. № 18. С. 19.
- ⁴⁷ Будильник. 1917. № 11–12. С. 8–9.
- ⁴⁸ Стрекоза. 1917. № 14. С. 8.
- ⁴⁹ Бич. 1917. № 28. С. 11.
- ⁵⁰ Стрекоза. 1917. № 15. С. 4.
- ⁵¹ Тема «германского следа» в русской революции – и как комплекса реальных политических акций германских властей, и как одной из величайших мифологем XX в. – имеет свою колоссальную историю. Проблематика этого вопроса составила впечатляющий ком-

пендиум в мировой историографии, с трудом поддаваясь рациональной деконструкции. Для исследователей «германская диверсия» и «золото кайзера» в русской революции были и остаются остро-полемиической, многоплановой темой. Даже выборочные публикации на эту тему дают представление о многоплановости истории вопроса и длежащей по этому поводу дискуссии. См., например: *Мельгунов С.П.* «Золотой немецкий ключ» к большевицкой революции. Париж, 1940; *Бэзил Г.Л.-Г.* 1914. Правда о Первой мировой. М., 2009; *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914. М., 1974; *Хальвег В.* Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М., 1990; *Мальков В.Л.* Большевики и «германское золото»: находки в архивах США // Новая и новейшая история. 1993. № 5; *Фельштинский Ю.Г.* Как добывались деньги для революции // Вопросы истории. 1998. № 9; *Зданович А.А.* Как «реконструировали» контрразведку в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1998. № 3; *Чернявский Г.* Немецкие деньги Ленина: легенды и документы [Электронный ресурс] // Вестник. 2001. № 8 (267). URL: <http://www.vestnik.com/issues/2001/0410/win/cherniavsky.htm> (дата обращения: 05.02.2016); *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». СПб., 2002; *Колганов А.И.* Миф о «немецком золоте» // Альтернативы. 2006. № 2; *Шубин А.* 10 мифов Советской страны. М., 2006; *Земан З., Шарлау У.* Кредит на революцию. План Парвуса. М., 2007; *Фроянов И.Я.* Уроки Красного Октября. М., 2007; *Гужва Д.Г.* Информационное противоборство за влияние в русской армии: по материалам военной печати 1917–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 1; *Макаренко П.В.* Германский фактор в Октябрьской революции 1917 г. // Вопросы истории. 2008. № 5; *Бахурин Ю.* «Германский след» в октябрьской революции: анализ одной из главных исторических мифологем XX в. [Электронный ресурс] // Актуальная история. URL: http://actualhistory.ru/lenin_and_german_money

⁵² Новый Сатирикон. 1917. № 24. С. 5.

⁵³ Там же. № 25. С. 3.

⁵⁴ См., например: Там же. 1918. № 5. С. 6.

⁵⁵ Там же. № 5. С. 16.

⁵⁶ Там же. № 15. С. 2, 6; № 8. С. 3, 7.

Литература

Бич: сатирический еженедельник. 1914–1917.

Будильник: сатирический еженедельник. 1914–1917.

- Гатагова, Л.С.* Хроника бесчинств [Текст]: немецкие погромы в Москве в 1915 году // Родина. 2002. № 10. С. 18 – 23.
- Гарт, Б.Г.* 1914. Правда о Первой мировой [Текст]. М.: Эксмо, 2009. 480 с.
- Глобачев, К.И.* Правда о русской революции [Текст]: воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М.: РОССПЭН, 2009. 519 с.
- Джунковский, В.Ф.* Воспоминания [Текст]. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, [1997]. 685, [1] с. (Записки прошлого).
- Деникин, А.И.* Путь русского офицера [Текст]. М.: Эксмо, 1990. 300 с.
- Жильяр, П.* Трагическая судьба русской императорской фамилии [Текст]. Таллин: Александра, 1991. 96 с.
- Зданович, А.А.* Как «реконструировали» контрразведку в 1917 году [Текст] // Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 50–58.
- Зеeman, З.* Кредит на революцию. План Парвуса [Текст] / З. Зеeman, У. Шарлау. М.: Центрполиграф, 2007. 328 с.
- Каррик, В.* Война и революция, 1914–1917 гг. [Текст] // Голос минувшего. 1918. № 4–6. С. 5–47.
- Кёнен, Г.* Между страхом и восхищением [Текст]: «российский комплекс» в сознании немцев, 1900–1945. М.: РОССПЭН, 2010. 511 с.
- Колганов, А.И.* Миф о «немецком золоте» [Текст] // Альтернативы. 2006. № 2. С. 27–35.
- Колоницкий, Б.И.* Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914–1917) [Текст] // Вестник истории, литературы, искусства / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук. М.: Собрание: Наука, 2005. С. 362–378.
- Макаренко, П.В.* Германский фактор в Октябрьской революции 1917 г. [Текст] // Вопросы истории. 2008. № 5. С. 30–45.
- Мальков, В.Л.* Большевики и «германское золото»: находки в архивах США [Текст] // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 42–52.
- Мельгунов, С.П.* «Золотой немецкий ключ» к большевицкой революции [Электронный ресурс]. Париж: Б. и., [1940]. URL: http://bookz.ru/authors/mel_gunov-sergei/zolotoi-_765/page-12-zolotoi-_765.html (дата обращения: 05.03.2016).
- Мосолов, А.* При дворе императора [Текст]. Рига: Филин, [1938]. 232 с.
- Новый Сатирик: сатирический еженедельник. 1913–1918.
- Переписка Николая и Александры Романовых, 1916–1917 гг. [Текст]. Т. 5. М.; Л.: Госиздат, 1927. 303 с.
- Пугач: художественно-сатирический еженедельник. 1917–1918.

- Соболев, Г.Л.* Тайна «немецкого золота» [Текст]. СПб.: Нева, 2002. 514 с.
- Стрекоза: сатирический еженедельник. 1916–1917.
- Фельштинский, Ю.Г.* Как добывались деньги для революции [Текст] // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 34–51.
- Фроянов, И.Я.* Уроки Красного Октября [Текст]. М.: Алгоритм-Книга, 2007. 224 с.
- Хальвег, В.* Возвращение Ленина в Россию в 1917 году [Текст]. М.: Междунар. отношения, 1990. 244, [2] с.
- Чернявский, Г.* Немецкие деньги Ленина: легенды и документы [Электронный ресурс] // Вестник-online. 2001. № 8 (267). URL: <http://www.vestnik.com/issues/2001/0410/win/cherniavsky.htm> (дата обращения: 05.02.2016).
- Шубин, А.* 10 мифов Советской страны [Текст]. М.: Яуза: Эксмо, 2006. 416 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аманжолова Дина Ахметжановна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН.

Бекмаханова Науля Ермухановна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН.

Беляков Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философия, социология, история» Московского государственного университета путей сообщения, Рязанский филиал.

Ганич Анастасия Алексеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры стран Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Гатагова Людмила Султановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН.

Гросул Владислав Якимович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра История России в XIX – начале XX в. Института российской истории РАН.

Дроздов Константин Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН.

Локшин Александр Ефимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН, старший научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин Института Востоковедения РАН.

Марчуков Андрей Владиславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН.

Рахаев Джамал Якубович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН.

Трепавлов Вадим Винцерович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН.

Федосова Эльмира Петровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН.

Филиппова Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН, старший научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Д.А. Аманжолова.</i> Этносоциальные характеристики управленцев Казахстана в 1920–1930-е годы: динамика и контекст	4
<i>Н.Е. Бекмаханова.</i> Казахские ханы и султаны в системе управления Российской империи XVIII–XIX вв.	49
<i>А.В. Беляков.</i> Кучумовичи в России XVII в. Три поколения одной семьи	62
<i>А.А. Ганич., Дж.Я. Рахаев.</i> Первый печатный орган тергдалеулеби: «Вестник Грузии» И.Г. Чавчавадзе	90
<i>Л.С. Гатагова.</i> Этнические элиты Северного Кавказа в XIX в.: механизмы кооптации во власть	95
<i>В.Я. Гросул.</i> Либеральное и консервативное направления в общественной жизни Молдавии после 1861 г.	120
<i>К.С. Дроздов.</i> Формирование советской этнополитической элиты на Украине и в Белоруссии в 1920–1950-е годы: сравнительно-исторический анализ	153
<i>А.Е. Локшин.</i> Иудаизм и православие. К вопросу об их взаимовлиянии в России раннего Нового времени и поздней имперской России	182
<i>А.В. Марчуков.</i> Отзвуки «казацкого автономизма» в умонастроениях малороссийского дворянства: взгляд через призму личности Н.В. Гоголя (первые десятилетия XIX в.)	199
<i>Дж.Я. Рахаев.</i> Царства и княжества Грузии в восточной политике России в первой половине XIX в.	238
<i>В.В. Трепавлов.</i> «Чалмоносцы и язычники» в православной империи. Церемониальный аспект религиозной политики	277
<i>Э.П. Федосова.</i> Остзейцы в империи Романовых	297
<i>Т.А. Филиппова.</i> Образы немецкой элиты в русской журнальной сатире эпохи Великой войны и Великой революции (1914–1918 гг.)	327
Сведения об авторах	350

Научное издание

**ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ДОКУМЕНТАХ**

Выпуск 7

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

Выпускающий редактор О.А. Пруцкова
Редактор: Л.С. Новоселова-Чурсина
Компьютерная верстка Л.П. Андриановой

Подписано к печати 25.11.16. Заказ №
Формат 60×84/16. Гарнитура NewtonTT
22,00 п.л. 17,08 уч.-изд.л.
Тираж 300 экз.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-8055-0311-6

